

Морская летопись

**АДМИРАЛ
ОКтябрьский
ПРОТИВ
МУССОЛИНИ**

А.Б. Широкоград

Annotation

Как и почему немцы захватили Крым и Севастополь? Советская версия о многократном превосходстве противника в танках, авиации, артиллерии и живой силе сейчас явно не выдерживает критики. Работая с недавно рассекреченными материалами, автор обнаружил, что решающую роль в событиях июня 1941-го — июля 1942 года сыграли ложные донесения о вводе итальянского флота в Черное море. Эти донесения, поступавшие в штаб командующего Черноморским флотом, были восприняты со всей серьезностью, так как не противоречили основной доктрине советского ВМФ. Черноморский флот свыше полугода вел упорную борьбу с несуществующим противником. Лишь в конце 1942-го — начале 1943 года наши адмиралы узнали о своем просчете. Эта величайшая химера Второй мировой войны стала причиной гибели сотен тысяч советских солдат и моряков.

- [Широкорад А.Б.](#)
 - [ГЛАВА 1. В ОЖИДАНИИ ГРАНД-ФЛИТА](#)
 - [ГЛАВА 2. СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ](#)
 - [ГЛАВА 3. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ И ЕГО ПРОТИВНИКИ](#)
 - [ГЛАВА 4. ВЕЛИКАЯ ССОРА ТРЕХ «ГРОСС-АДМИРАЛОВ»](#)
 - [ГЛАВА 5. ПАРАШЮТИСТЫ НАД СЕВАСТОПОЛЕМ](#)
 - [ГЛАВА 6. ОТРАЖЕНИЕ НАПАДЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ФЛОТА](#)
 - [ГЛАВА 7. КАК РЕЙХСМАРШАЛ ГЕРИНГ И НАРКОМ КУЗНЕЦОВ ЗАМИНИРОВАЛИ ПОДХОДЫ К СЕВАСТОПОЛЮ](#)
 - [ГЛАВА 8. КАК МАНШТЕЙН ВЗЯЛ КРЫМ](#)
 - [ГЛАВА 9. СЕВАСТОПОЛЬ СТАНОВИТСЯ КРЕПОСТЬЮ](#)
 - [ГЛАВА 10. ЛЕГЕНДЫ О КРЫМСКИХ ТАНКАХ](#)
 - [ГЛАВА 11. КТО ВЫВЕЗ БОЕКОМПЛЕКТ И ЗЕНИТНУЮ АРТИЛЛЕРИЮ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ](#)
 - [ГЛАВА 12. ТАЙНЫ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ](#)
 - [ГЛАВА 13. ПОЧЕМУ В КРЫМУ НЕ НАЧАЛАСЬ ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА?](#)
 - [ГЛАВА 14. ИТАЛЬЯНЦЫ В ФОРОСЕ, И НА СЕЙ РАЗ НЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ](#)
 - [ГЛАВА 15. МОРТИРА — ОТ СЛОВА «СМЕРТЬ»](#)

- [ГЛАВА 16. АГОНИЯ](#)
- [ГЛАВА 17. КАТАСТРОФА](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЯ](#)
 - [1. Снабжение Севастополя](#)
 - [2. Авиация Черноморского флота](#)
 - [3. Группировка люфтваффе в Крыму в конце мая — начале июля 1942 г.\[207\]](#)
 - [4. Данные линкора и крейсеров Черноморского флота](#)
- [СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ](#)
- [СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
 - [192](#)
 - [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
-

Широкоград А.Б.

Адмирал Октябрьский против Муссолини

ГЛАВА 1. В ОЖИДАНИИ ГРАНД-ФЛИТА

Летом 1919 г. в белую ночь в Финском заливе произошел инцидент, сыгравший роковую роль в истории нашего флота. «17 июня вечером для наблюдения за морем был выдвинут к Тобухину маяку крейсер "Олег", при охране из двух эскадренных миноносцев и двух сторожевых судов. Крейсер, находясь в полной готовности, стоял на якоре на юго-восток от Тобухина маяка, на створе выходных маяков. В 4 часа крейсер был атакован, как выяснилось впоследствии, быстроходным моторным катером, который выпустил торпеду и быстро стал уходить. Торпеда попала в левый борт у первой кочегарки, приблизительно около 36 шпангоута. От взрыва крейсер начал довольно быстро крениться. После первого момента паники, которая была ликвидирована минуты через три, команда стала по боевому расписанию и был открыт огонь по удалявшемуся катеру из орудий левого носового плутонга»^[1].

Я процитировал описание Гражданской войны на морях, речных и озерных системах, изданное Штабом Рабоче-Крестьянского Красного флота в 1926 г., гриф с которого был снят лишь в 1991 г.

Добавлю от себя, что дело происходило в 7 км к северо-западу от Кронштадта, и через 10–12 минут крейсер затонул. Погибли 5 человек, а остальные были сняты эсминцами «Гайдамак» и «Всадник».

Успех был достигнут не столько из-за смелости командира отряда торпедных катеров командора Эгара, сколько за счет ротозейства революционных «клёшников». Как неслась служба у красных военморов, легко понять из того, что ни на крейсере, ни на охранявших его судах никто не заметил при дневном свете и отличной видимости подходящий катер. После взрыва был открыт беспорядочный огонь по «английской подводной лодке», которая привиделась военморам

В ночь с 17 на 18 августа английские торпедные катера атаковали корабли Балтийского флота в Кронштадтской гавани. Пять катеров вышли из Биоркэ и два катера — из Териоки. Они встретились в районе форта «Ино», а оттуда пошли Северным фарватером к Кронштадту. Чтобы отвлечь внимание большевиков, в 3 ч 45 мин 18 августа над Кронштадтом появились английские гидросамолеты, сбросившие 100-фунтовые бомбы и открывшие огонь из пулеметов.

Итогом нападения стало повреждение линкора «Андрей Первозванный» и потопление разоруженного старого крейсера «Память

Азова». В свою очередь три английских катера были потоплены огнем эсминца «Гавриил».

Гибель «Олега» и «кронштадтская побудка» произвели неизгладимое впечатление на руководство Красного флота, да и на большинство вождей. Во-первых, они были потрясены эффективностью действия нового вида оружия, а во-вторых, уверились, что в случае войны флоты империалистических держав первым делом атакуют главные военноморские базы СССР — Кронштадт, Севастополь и Владивосток.

Страшным воспоминанием для большевистских вождей был визит «тетушки Антанты» в 1918 г. Тогда десятки линкоров и крейсеров Англии, Франции, Японии, США и Италии пришли в Мурманск, Архангельск, Ригу, Либаву, Одессу, Севастополь, Батум и Владивосток, где высадили многочисленные десанты.

В результате и вожди, и военморы сами себя уверили, что империалистические флоты будут действовать в предстоящей войне по шаблонам 1918–1919 гг.

Между тем в годы Первой мировой войны германские линейные крейсера с предельной дистанции в течение нескольких минут обстреливали второстепенные британские порты и немедленно ретировались. Аналогично линейный крейсер «Гебен» выпустил несколько снарядов по Севастополю в 1914 г. Ущерб от них был минимальным, зато «Гебен» лишь из-за бестолковости наших начальников не взлетел на воздух на крепостном, управляемом с берега, минном заграждении. Пост управления был закрыт, а ключи потеряли, ломать же дверь не решились.

Кроме этих эпизодов крупные корабли ни разу за всю войну не обстреливали побережье Англии, Франции, Германии и России (до Февральской революции).

Надо ли говорить, что если бы Россия в 1916 г. вышла из войны и «тетушка Антанта» попыталась бы вести себя так же у Кронштадта, Одессы, Севастополя и Владивостока в 1916 г., то ни один бы десант не состоялся и, дай Бог, половина союзных судов сумела бы уйти.

Советские вожди и флотоводцы забыли или захотели забыть подробности событий 1918–1919 гг. Недаром Гёте сказал, что подробности — Бог. А история жестоко карает тех, кто не желает знать подробности

Дело в том, что в Риге, Либаве, Одессе, Севастополе, Батуме и Владивостоке о стрельбе береговых батарей не было и речи, а корабли союзников встречали цветами и оркестрами. По крайней мере, состоятельная часть населения считала их освободителями. А Мурманский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1918 г. даже организовал

несколько совместных с «интервентами» боевых операций против финнов, пытавшихся захватить Кольский полуостров.

В итоге до 22 июня 1941 г. командование советского флота патологически боялось нападения крупных надводных кораблей противника на свои военно-морские базы.

Примерно с 1922 г. в руководстве Морских Сил СССР начались споры и дискуссии о стратегии Красного флота и, соответственно, о том, какие требуются ему корабли. Возникли две группировки военно-морских теоретиков. В первой задавали тон профессора Военно-морской академии — бывшие офицеры царского флота. «В их видении суть малой войны на море сводилась к ослаблению превосходящей по мощи группировки сил противника при попытке ее прорваться к нашему побережью, посредством согласованных по месту и времени ударов разнородных сил флота на заранее подготовленной минно-артиллерийской позиции. В группировку наших разнородных сил флота предполагалось включить, кроме минных постановщиков и береговой артиллерии, подводные лодки, бомбардировочную авиацию, корабли с преимущественно торпедным вооружением — миноносцы и торпедные катера...

Они яростно критиковали старых "военспецов" за приверженность буржуазным идеям и доказывали, что главное предназначение Рабоче-крестьянского Красного Флота заключается в "защите завоеваний революции", то есть политических и экономических центров от ударов с морского направления. В их понимании "малая война на море" — это ведение военных действий "москитным" флотом. Основой такого флота им виделись торпедные катера, малые подводные лодки, авиация.

Новые теоретики отечественного флота свои взгляды аргументировали тем, что, во-первых, именно подводные лодки и авиация по опыту мировой войны привели к кризису классическую теорию владения морем. Во-вторых, предлагаемые средства являлись относительно дешевыми, а значит, наименее обременительными для слабой советской экономики. Все это было правильно и не вызывало возражения у "военспецов", но красные командиры хотели всю деятельность флота свести исключительно к решению задач по недопущению прорыва сил флота противника к советским политическим и экономическим центрам, а также высадки войск его морского десанта на свою территорию. При этом они чрезмерно увлекались идеей боя на минно-артиллерийской позиции и практически хотели отказаться от "чисто флотских" задач, таких как, например, борьба на коммуникациях. В конечном счете военно-морским теоретикам из "военспецов" инкриминировали идеологическую диверсию, сознательное

извращение положений марксистского учения о войне и армии. В результате "наследников царского флота" в конце 20-х годов в основном извели, в том числе физически, а вместе с ними — понятия "владение морем" и "господство на море".

Формально победила концепция "малой войны на море" в ее худшем толковании — без действий на коммуникациях и попыток нанесения ударов по группировкам противника вдали от своих берегов»^[2].

Профессор, капитан 1-го ранга Андрей Васильевич Платонов едко заметил: «По поводу отсутствия в отечественной теории военно-морского искусства такой категории как "господство на море" никто особого дискомфорта не ощущал, так как все флоты отрабатывали маневры типа "Оборона восточной части Финского залива" или "Отражение десанта одновременно в двух УРах", то есть исключительно оборонительной тематики. При этом как бы в априори считалось, что, во-первых, противник как стадо баранов будет ломиться невзирая ни на какие потери именно через наши минно-артиллерийские позиции и именно на наиболее обороняемые участки побережья. Во-вторых, никто не будет нам мешать сосредотачивать силы флота в нужном месте и совершать маневр сухопутными войсками вдоль побережья, то есть де-факто подразумевалось, что в прибрежных районах, во всяком случае за минно-артиллерийской позицией, господство все же будет за нами»^[3].

Итак, все наши планы войны на море свелись к тому, что флоты Англии и Франции войдут в Балтийское и Черное моря и в лоб атакуют Кронштадт и Севастополь. Соответственно, японский флот займется Владивостоком

Однако на подходах к нашим главным военно-морским базам противника встретит «москитный флот» — сотни торпедных катеров, большинство из которых будут управляться по радио с самолетов. Одновременно линкоры и крейсера супостата подвергнутся атаке сотен наших самолетов и десятков малых подводных лодок.

Уцелевшие корабли противника будут встречены огнем нашей береговой артиллерии на специально подготовленных «минно-артиллерийских позициях».

И лишь после того, как большинство вражеских кораблей будет потоплено, из базы вылетят наши надводные корабли и блестяще закончат разгром противника

Именно так, я вовсе не шучу, виделась нашим адмиралам будущая война на море. Заниматься всякими там глупостями, как-то: действия на

вражеских коммуникациях, десантные операции, огневая поддержка приморских флангов сухопутных войск — в большинстве случаев руки не доходили.

Самое печальное, что стратегия «москитного флота» начала реализовываться. При этом проектирование торпедных катеров поручили А.Н. Туполеву, который о кораблях и море имел весьма смутное представление. И вот наш великий авиационный конструктор в основу проекта положил поплавки гидросамолета. Верх этого поплавка, активно участвующий в прочности конструкции, перешел на катера Туполева. Вместо верхней палубы у них была круто изогнутая выпуклая поверхность, на которой человеку трудно удержаться, даже когда катер неподвижен. Когда же катер был на ходу, выйти из его боевой рубки было смертельно опасно — мокрая скользкая поверхность сбрасывала с себя решительно все, что на нее попадало (к сожалению, за исключением льда, в зимних условиях катера обмерзали в надводной части). Когда во время войны на торпедных катерах типа Г-5 приходилось перевозить десант, то людей сажали гуськом в желоба торпедных аппаратов, больше им негде было находиться. Обладая сравнительно большими запасами плавучести, эти катера практически ничего не могли перевозить, поскольку груз некуда было брать. (Сх. 1)

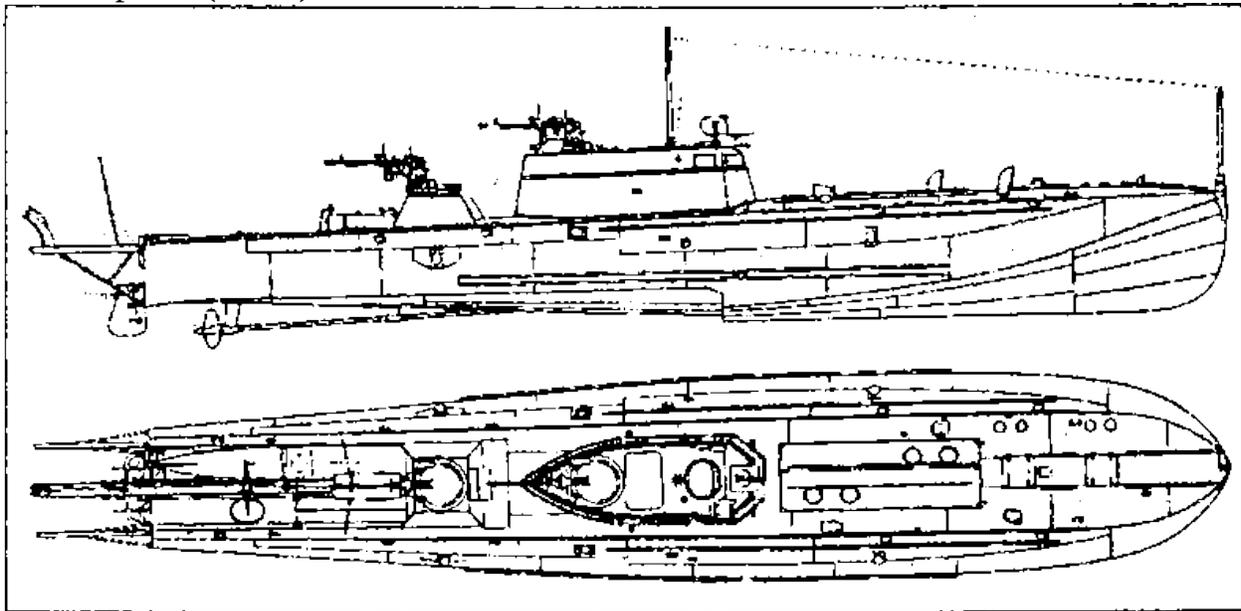

Схема 1. Советский торпедный катер типа Г-5

Неудачной оказалась и позаимствованная у английских торпедных

катеров конструкция торпедного аппарата. Минимальная скорость катера, при которой он мог выпустить свои торпеды, составляла 17 узлов. На меньшем ходу и на стопе катер не мог дать торпедный залп, так как это означало бы для него самоубийство — торпеда неминуемо попала бы в него.

Советские плоскодонные торпедные катера реданного типа били все мировые рекорды скорости, но только в абсолютный штиль. Причем рекордную скорость наш торпедный катер мог держать от силы час — полтора, а затем его мотор «скисал». Туполевские катера могли действовать торпедами при волнении до 2 баллов, а держаться в море — до 3 баллов. Плохая мореходность проявилась прежде всего в залипании мостика катера даже при самом незначительном волнении, и, в частности, сильном забрызгивании открытой сверху очень низкой ходовой рубки, затрудняющем работу команды катера. Производной от мореходности была и автономность туполевских катеров — их проектная дальность никогда не могла быть гарантирована, так как зависела не столько даже от запаса топлива, сколько от погоды. Штормовые условия в море бывают сравнительно редко, но свежий ветер, сопровождающийся волнением в 4 балла, явление, можно сказать, нормальное. Поэтому каждый выход туполевских торпедных катеров в море граничил со смертельным риском вне всякой связи с боевой деятельностью катеров.

Стало традицией, что на любую критику наши кораблестроители и адмиралы отвечают, мол, «легко писать задним числом», «да кто же мог предвидеть...».

Спорить о том, что любой командующий Черноморским флотом должен был предвидеть, что его кораблям и катерам придется воевать у Босфора, не говоря уж о Варне и Констанце, бесполезно. Но неужели нельзя было обратиться к иностранному опыту. Ведь ни одно государство мира, кроме Италии, к 1939 г. не строило торпедных катеров реданного типа. Все давно перешли на килевые.

Война в Испании подтвердила неэффективность реданных катеров. Кстати, еще раньше преимущества быстроходных килевых катеров проявились в многолетней войне, которую вело правительство США с господином Бахусом Бахус, естественно, победил, и правительство было вынуждено позорно отменить «сухой закон». Немалую роль в победе Бахуса сыграли быстроходные килевые катера фирмы «Элко», доставлявшие виски с Кубы и Багамских островов. Другой вопрос, что та же фирма строили катера и для береговой охраны.

О возможностях килевых катеров можно судить хотя бы по тому факту,

что катер фирмы «Скотт-Пейна» длиной в 70 футов (21,3 м), вооруженный четырьмя 53-см торпедными аппаратами и четырьмя 12,7-мм пулеметами, прошел из Англии в США своим ходом и 5 сентября 1939 г. был торжественно встречен в Нью-Йорке. По образу его фирма «Элко» начала массовое строительство торпедных катеров.

У немцев же печь пироги никогда не давали сапожнику. Постепенно водоизмещение германских торпедных катеров возросло с 46,5/58 т^[4] (1932 г., S-2 ÷ S-5) до 92,5/112 т (1938 г., S-18 ÷ S-25). Дальность плавания у немецких катеров колебалась от 600 до 800 миль. Катера типа «Люрсен» существенно превосходили катера Туполева по вооружению. Формально как немецкие, так и советские катера (Г-5) несли по две 533-мм торпеды. Но у немцев они пускались из трубчатых торпедных аппаратов вперед, а у нас — из желобковых торпедных аппаратов и назад. Соответственно, меткость стрельбы у немцев была гораздо выше, стрельба торпедами меньше зависела от волнения моря и совсем не зависела от скорости катера

С 1932 г. немецкие катера вооружались 20-мм автоматической пушкой, а затем двумя 20-мм пушками. С 1943 г. на вооружение катеров стали поступать 30-мм автоматические пушки Mk.103. По две пушки ставились на катера, начиная с S-171, а с S-219—по шесть 30-мм пушек. Часть катеров имела противопульную броню рубки и бортов. Дальность плавания их составляла 600–800 миль. За все, разумеется, надо платить, и максимальная скорость германских катеров менялась от 33,8 уз. у типа S-2 до 43,6 уз. у типа S-170. Но торпедные катера — не гоночные катера, и важна не та скорость, которую они выжимают в штиль на мерной миле, а та, которую они реально имеют в море, выходя на задание. И вот тут ситуация менялась не в пользу реданных катеров. Я уж не говорю, что на полном ходу наших реданных катеров их пулеметы стреляли «в белый свет как в копеечку».

Советские малые подводные лодки VI серии были практически небоеспособны. Чуть лучше были малые лодки серий VIбис и XII.

Попытки создания радиоуправляемых катеров и подводных лодок конструктора-авантюриста недоучки В.И. Бекаури с треском провалились.

Замнаркома по вооружению маршал Тухачевский и руководство Аргуправления ГАУ всячески тормозило работы над автоматическими зенитными пушками, считая, что для борьбы с воздушным врагом достаточно 7,62-мм пулеметов «Максим» и универсальных (дивизионно-зенитных) пушек. На флоте же для борьбы с авиацией были составлены таблицы зенитной стрельбы для всех орудия калибра 180 мм, 152 мм, 130 мм, 102 мм, 76 мм, 75 мм и тд., а также созданы осколочные снаряды с дистанционными взрывателями для всех этих калибров.

Кстати, за всю войну известен лишь один случай сбития самолета (из 130-мм пушки Б-13 с эсминца Северного флота) незенитными орудиями. В остальных случаях стрельба из 180-мм и 130-мм орудий производилась лишь для утешения экипажей.

Лишь после устранения Тухачевского и большей части руководства Артуправления в 1938–1939 гг. были созданы образцы 37-мм и 45-мм автоматов, «содранные» с 40-мм автомата Бофорс Эти автоматы отличались низкой скорострельностью, нерациональной схемой автоматики^[5]. Но, как гласит французская поговорка, «за неимением лучшего спят с женой».

37-мм автомат 61К с воздушным охлаждением более-менее устраивал руководство Красной армии. Но флоту нужен был его 45-мм аналог и с водяным охлаждением Но, увы, из-за экономии и стремления к унификации на вооружение был принят 37-мм автомат 70К^[6] с воздушным охлаждением Автоматы 70К начали поступать во флот лишь в начале 1940 г. и до 1945 г. были единственными корабельными зенитными автоматами, серийно выпускавшимися в СССР.

В июле 1936 г. генерал Франко поднял военный мятеж, положив тем начало гражданской войны в Испании. На помощь мятежникам пришли фашистские режимы Германии и Италии. Так, Италия поставила Франко 1000 самолетов, 950 танков и бронетранспортеров, около 2000 орудий, 7,5 млн снарядов, около 241 тыс винтовок, 325 млн патронов и много другого вооружения и военного снаряжения. Германия только за первые два года войны предоставила франкистам 650 самолетов, 200 танков, 700 артиллерийских орудий. На стороне мятежников воевало около 300 тысяч военнослужащих Италии и Германии.

В такой ситуации советское правительство приняло решение помочь Испанской республике в борьбе с мятежниками. Республиканцы получили от СССР 648 самолетов, 347 танков, 60 бронев автомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 20 тыс пулеметов, почти 500 тыс винтовок, боеприпасы, двигатели для самолетов и танков, горючее и различное военное снаряжение. Из морского оружия испанцы получили несколько торпедных катеров типа Г-5.

И тут вопреки всем статьям международного морского права корабли испанских мятежников начали топить и захватывать советские суда в нейтральных водах, зачастую за сотни миль от берегов Испании.

Так, 14 декабря 1936 г. у берегов Алжира тяжелый крейсер мятежников «Канариас» потопил огнем 203-мм пушек советский теплоход «Комсомол» водоизмещением 10 900 т. «Комсомол» ранее возил оружие в Испанию, но

на сей раз он шел с грузом марганцевой руды из Потти в бельгийский порт Гент.

Вечером 30 августа 1937 г. франкистский эсминец «Турбиния» потопил торпедой теплоход «Тимирязев» водоизмещением 3226 т, шедший из британского порта Кардиф в Порт-Саид.

1 сентября 1937 г. произошел уже совсем дикий акт пиратства. Итальянская подводная лодка «Луиджи Сеттембрини» у острова Скирос в Эгейском море (!) торпедировала советское судно «Благоев» водоизмещением 6000 т. Погиб один матрос «Благоев» вез не оружие, а 4480 тонн пёка асфальтовой смолы, и не в Испанию, а во Францию.

19 марта 1938 г. в Гибралтарском проливе сторожевой корабль франкистов захватил судно «Ленсовет» (местимостью 4718 брт^[7]). Через два месяца там же крейсер «Канариас» захватил пароход «Скворцов-Степанов» (2152 брт). Оба судна были включены в состав франкистского флота

17 октября 1938 г. близ Мальты франкистский минный заградитель «Вулкано» захватил пароход «Катаяма»^[8], принадлежавший Черноморскому морскому пароходству. Пароход местимостью 3209 брт шел с грузом пшеницы из Мариуполя в английский порт Ливерпуль.

23 октября 1938 г. теплоход «Цурюпа» (2081 брт) был захвачен в Средиземном море крейсером «Адмиральте Серверо» и вошел в состав франкистского флота. В 1939 г. захвачено судно «Академик Павлов» (бывший «Посташев», местимостью 3545 брт).

Этот список можно продолжить. Интересно, что почти все потопленные или захваченные советские суда везли не оружие, а мирные грузы, и большей частью направлялись в третьи страны, а не в Испанию. Судам же с оружием, как правило, удавалось пройти беспрепятственно.

Сталин был взбешен. Он потребовал от наших адмиралов послать корабли Черноморского флота в Средиземное море для конвоирования наших кораблей. Но те понуро отвечали, что посылать нечего, разве что пару легких крейсеров типа «Светлана», заложенных еще при царе-батюшке.

Между тем в середине 1930-х годов Советский Союз стал великой индустриальной державой, которая могла позволить себе иметь мощный океанский флот.

Развитие индустрии и Испанская война привели к тому, что в СССР Политбюро приняло решение о строительстве «большого флота» или, как его еще называли, океанского флота.

Сейчас многие упрекают Сталина за то, что в преддверии большой войны он занялся строительством океанского флота. Но заметим, что тем же занялся и единственный реальный потенциальный противник — Германия. В 1937 г. Гитлер утвердил план «Z», предусматривавший строительство океанского флота. В состав германского флота в 1943–1948 гг. должны были войти линкоры с 40,6-см и даже 53-см артиллерией, линейные крейсера с 40,6-см пушками, авианосцы и тд.

Вполне можно было предположить вариант, что после разгрома Польши в сентябре 1939 г. Англия и Франция под нажимом Германии и России откажутся от дальнейшего продолжения войны. Соответственно, Вторая мировая война отодвинулась бы на 3–5 лет и началась бы как раз в момент окончания Германией и Россией судостроительных программ

Гитлер вовсе не обязательно мог напасть на СССР в 1941 г., а занялся бы для начала той же Англией. В этом случае война откладывалась бы до 1942-го или даже до 1943 года. Возможны и иные варианты.

Капитан 1-го ранга А.В. Платонов писал: «В 1936 г. Совет Труда и Оборона принимает решение о строительстве "большого морского и океанского флота". Логично было ожидать, что этот факт в какой либо форме реанимирует идею завоевания господства на море. Однако этого не произошло. Причин здесь несколько. Например, к 1937 г. система советского бытия, когда думаем одно, говорим другое, а делаем третье — достигла своего совершенства, и многие процессы протекали как бы в параллельных мирах. Сегодня твое выступление по поводу необходимости завоевания господства хотя бы в отдельном районе и на время проведения операции могли одобрить на каком-то военном или ученом совете, а завтра тебя совсем другие люди за это же отправят на Колыму, поскольку никто с самой теории господства не снимал ярлыка атрибута "идеологии империализма". Но главное скорее не в этом, а в том, что руководителей и теоретиков советского ВМФ решение о создании "большого" и "океанского" флота застало врасплох — это была не их инициатива Просто политическое руководство Советского Союза увидело в военно-морском флоте одно из средств достижения внешнеполитических целей. Отсюда столько несуразностей в его создании. Это и изначальная несбалансированность по родам сил и классам кораблей, и упрямое алогичное нежелание строить авианосцы, и очевидная недостаточность зенитных огневых средств линкоров и тяжелых крейсеров... Политбюро ВКПб требовались представительские корабли, корабли для демонстрации советского военно-морского, а значит и внешнеполитического могущества Для этой цели прежде всего, подходили линкоры и тяжелые крейсера и

совсем были не нужны тральщики, охотники за подводными лодками и уж тем более танкера, буксиры, плавбазы или спасательные суда. Что касается авианосцев, то в середине 30-х годов они еще здорово напоминали плавающие сараи, а потому особого уважения у политиков не вызывали. Даже в существовавшей в то время классификации, в отличие от линкоров и крейсеров, авианосцы относились к кораблям "узко специального назначения" наравне с тральщиками и минными заградителями. Мощь флота виделась в орудиях главного калибра, которых и должно быть побольше, а вот зенитная артиллерия внешнего восприятия могущества не прибавляла, а постройку корабля заметно удорожала. А потому при обсуждении проектов линкоров в Кремле ее хронически урезали.

Следствием "политических" корней будущего советского большого флота стало то, что не он строился под разработанную концепцию применения военно-морской силы, а наоборот, теорию создавали под строящиеся корабли»^[9].

А.В. Платонов, будучи профессором Военно-морской академии, просто обязан быть политкорректным. Но и вышесказанного достаточно, чтобы понять, какая «каша» была в головах наших адмиралов в 1937–1941 гг.

На мой взгляд, в авианосцах на Балтике, Черном море и Севере не было никакой необходимости. А вот линкоры с 406-мм артиллерией на Черном море были крайне необходимы для высадки десантов и поддержки приморских флангов Красной армии.

Формально на бумаге все наши флоты имели достаточное истребительное прикрытие. Так, к 22 июня 1941 г. на Черном море в составе морской авиации имелось 624 самолета, из них 346 истребителей. Много это или мало? Для сравнения, во всей польской авиации к 1 августа 1939 г. состоял 771 самолет, из которых 280 — истребители, то есть в составе Черноморского флота было в 1,2 раза больше истребителей, чем в Польше.

Но, увы, подавляющее большинство самолетов Черноморского флота были устаревших типов — И-15, И-16 и И-153. Главное, все без исключения истребители нашей морской авиации были в состоянии только оборонять свои военно-морские базы и подступы к ним.

Действовать у Варны, Босфора и Синопа они физически не могли. Это означает, что на 80 % акватории Черного моря наши бомбардировщики, надводные корабли и подводные лодки оставались без прикрытия.

Вполне можно понять увлечение командования ВВС легкими скоростными и маневренными истребителями. Именно такие машины могли противостоять основному германскому истребителю Me-109.

Большой радиус действия не нужен фронтовым истребителям, а избыточный запас топлива ухудшает их летные характеристики. Наконец, легкие деревянные истребители крайне дешевы и достаточно просты в производстве.

А вот флоту нужны были дальние истребители. Причем самое интересное, что такие самолеты были созданы отечественным авиапромом.

Так, еще осенью 1938 г. Н.П. Поликарпов в инициативном (!) порядке приступил к работе по созданию двухмоторного тяжелого истребителя сопровождения ТИС-А. Однако командование ВВС отнеслось к этому проекту весьма прохладно, и опытный образец ТИС-А поднялся в первый полет лишь весной 1941 г., а затем работам стали уделять еще меньше внимания. В итоге в 1943 г. работы по ТИС-А и вовсе прекратились.

Между тем у ТИС-А скорость 515–535 км/ч, вооружение: 2—20-мм пушки ШВАК и 6–7,62-мм пулеметов ШКАС.

А сейчас я сделаю маленькое лирическое отступление. В нескольких местах книги автор вынужден останавливаться на чисто технических моментах. Но без них большинство утверждений автора покажутся читателям фантастикой, а то, еще хуже, злопыхательством и клеветой на советских военачальников.

А теперь продолжим рассказ о машинах, которые могли бы стать вполне нормальными морскими дальними истребителями. 11 мая 1938 г. совершил первый полет двухмоторный воздушный истребитель танков ВиТ-2, также конструкции Поликарпова. Он нес весьма мощное вооружение: 2—37-мм, 4—20-мм пушки и 2–7,62-мм пулемета ШКАС. Скорость истребителя была вполне терпимой — 513 км/ч, но планировалось ее увеличить до 600 км/ч. Однако в серию эта машина не пошла.

Зато одномоторный двухместный легкий бомбардировщик Су-2 запустили в серию в 1940 г., и к 1 января 1942 г. было выпущено свыше 500 машин. Взлетный вес самолета — 4150 кг, скорость — 512 км/ч, полезная нагрузка — 1180 кг. Замечу, что в первые месяцы войны Су-2 применялся на фронтах и как одноместный истребитель.

Небольшими сериями были выпущены и два двухмоторных легких бомбардировщика конструкции Яковлева: Як-2 и Як-4 (ББ-22). Всего в 1940–1941 гг. выпустили 111 самолетов Як-2 и 90 — Як-4.

Легкие бомбардировщики Су-2, Як-2 и Як-4 в частях использовались крайне бестолково и в основном не по назначению. Поскольку их силуэты и данные были засекречены, их довольно часто сбивали свои же летчики и зенитчики.

Между тем эти машины можно было легко переоборудовать в дальние истребители, а без бомб и устройств для их сбрасывания летные тактико-технические характеристики самолетов существенно возрастали. На Черном море их задачей было не драться с Me-109, а охранять наши боевые корабли и транспорты. Не надо забывать, что своевременное уничтожение разведчика — какого-нибудь тихоходного германского или румынского гидросамолета — обеспечивало безопасный проход наших кораблей.

При налете целью наших дальних истребителей были бомбардировщики He-111 и пикировщики Ю-87, прозванные «лаптежниками» за неубирающиеся шасси.

В 1939 г. в системе НКВД создали Особое техническое бюро (ОТБ). К осени 1939 г. в составе ОТБ было 4 отдельных конструкторских бюро, которыми руководили В.М. Петляков, В.М. Мясищев, А.Н. Туполев и Д.А. Томашевич. Все четверо были заключенными, арестованными в 1937–1938 гг. Каждое КБ проектировало и строило свой самолет под общим обозначением «СТО» (или «100» — Спецтехотдел) и далее по порядку номеров. Петляков строил самолет «100», Мясищев — «102», Туполев — «103», Томашевич — «110».

Первым заданием КБ Петлякова стал проект высотного скоростного двухместного истребителя-перехватчика с двумя двигателями М-105, с герметической кабиной, с новой конструкцией и новой технологией. Его сначала называли «Сто», а позже заменили буквы цифрами — «100».

Двухместный истребитель «100» должен был иметь взлетный вес 7260 кг, максимальную скорость на высоте 10 км — 630 км/ч, практический потолок 12,2 км и дальность полета 1500 км.

Первый полет самолета «100» состоялся в апреле 1940 г., пилотировал самолет П.М. Стефановский. Все последующие полеты прошли благополучно. На Первомайском параде над Красной площадью была сделана горка с выпущенным шасси.

Однако после визита советской делегации в Германию и ознакомления с немецкой техникой нашлись умники, доказывавшие руководству, что двухмоторный истребитель нам не нужен. И это когда во всех странах мира — в Германии, Англии и США — ученые работали над созданием двухмоторных дальних истребителей, незаменимых для сопровождения своих бомбардировщиков, для ночной ПВО, для обороны кораблей в море и тд.

У нас в последующие десятилетия выпускают десятки книг и тысячи статей, посвященных отечественной авиации 1930—1940-х годов. В них авторы даже спорят о числе заклепок, но почему-то никто до сих пор не

назвал поименно дураков или вредителей, лишивших нас тяжелых истребителей. Речь идет не только о машине Петлякова, в СССР было еще несколько проектов дальних истребителей.

В итоге руководство ВВС дало указание КБ Петлякова переделать самолет «100» в трехместный планирующий бомбардировщик. Срок был дан... полтора месяца. Петляков в течение нескольких дней сделал макет.

А 25 июля 1940 г. были освобождены из заключения сразу два КБ — В.М. Петлякова и В.М. Мясищева, Оба ОКБ были переданы из НКВД в Минавиапром

Новый пикирующий бомбардировщик получил название Пе-2. К испытаниям первых серийных Пе-2 приступили поздней осенью 1940 г. А в январе 1941 г. Петляков за Пе-2 был удостоен Сталинской премии 1-й степени. За годы войны наша промышленность выпустила 11 427 пикирующих бомбардировщиков Пе-2.

И только 2 августа 1941 г. вышло постановление ГКО о возобновлении работ над истребителем Петлякова. Переделка бомбардировщика Пе-2 в истребитель Пе-3 много времени не заняла, и уже к 25 августа 1941 г. завод № 30 собрал первую пятерку Пе-3. Всего за август и сентябрь завод изготовил 114 двухмоторных истребителей, а до конца 1941 г. всего было изготовлено 196 машин Пе-3 и в 1942 г. — еще 121 самолет. (Сх. 2)

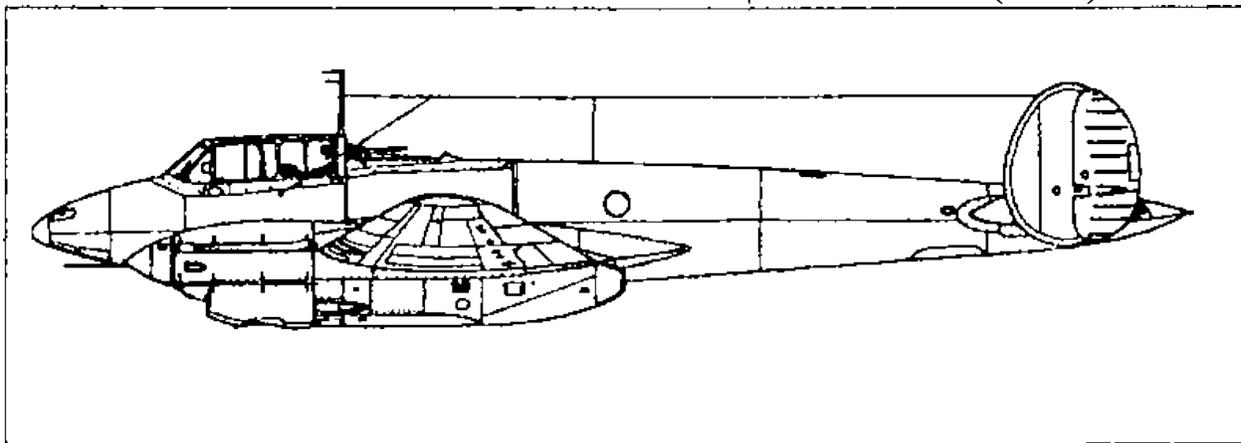

Схема 2. Дальний истребитель Пе-3

Однако сухопутные войска сразу забрали все истребители Пе-3 себе (Черноморский флот осенью 1941 г. их и не просил). Пе-3 использовались как обыкновенные фронтовые истребители, как штурмовики, для сопровождения пассажирских самолетов с VIP-персонами и тд. Короче, их использовали везде, кроме их основного назначения.

1 марта 1942 г. 95-й истребительный авиаполк, оснащенный Пе-3, наконец-то передали морякам. Но, увы, не Черноморскому, а Северному флоту.

Мудрые историки авиации пишут: «Сосредоточение Пе-3 на Северном флоте должно было усилить истребительное прикрытие проводки союзных конвоев»^[10].

Но почему на Север нельзя было пригласить для этой цели дальние истребители союзников? Ведь и истребители, и торпедоносцы, и даже стратегические бомбардировщики «Ланкастер» подолгу гостили на аэродромах Кольского полуострова.

Лишь несколько штук (!) Пе-3, переоборудованные в разведчики, летом 1942 г. попали на Черное море.

На 22 июля 1942 г. в составе 27-й разведывательной эскадрильи имелся один Пе-3, а к 22 декабря того же года — три Пе-3. И все в варианте разведчика В. Котельников пишет: «23 сентября 1942 г. два Пе-3 дрались над идущими в Крым транспортами с четырьмя Vf 109. Один Пе-3 с раненым летчиком сел на кавказском побережье, второй упал в море; его экипаж спасли. Один "мессершмитт" тоже сбили»^[11].

Возникает лишь один вопрос, зачем наши транспорты с Кавказа ходили в Крым в сентябре 1942 г.? Сдаваться немцам? Ну а насчет начала 1943 г. процитирую секретную «Хронику Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» за 1 января 1943 г: «Самолет Пе-3 (27 аэ) летал на разведку неприятельских судов в портах Керченского полуострова»^[12].

Итак, к 22 июня 1941 г. корабли, бомбардировщики и разведчики Черноморского флота должны были действовать без прикрытия истребителей, которые были способны лишь защищать свои военноморские базы. Но и тогда можно было найти выход из положения, закупив в Англии 100–150 дальних истребителей. Лучше всего для этого подходил двухмоторный истребитель «Бофайтер», вооруженный четырьмя 20-мм пушками и шестью 7,7-мм пулеметами. Он серийно производился с лета 1940 г., а в конце 1940 г. был оснащен РЛС.

На худой конец, мог сойти и двухмоторный истребитель «Блейнхейм IVF», имевший такое же вооружение и серийно выпускавшийся с 1938 г. Он тоже в конце 1940 г. был оснащен РЛС.

Сотни таких машин англичане поставили бы уже к концу 1941 г. Причем для этого не требовалось их везти в трюмах транспортов северных конвоев. Оба типа истребителей могли без проблем перелететь с

британских авиабаз в Сирии и Ираке на советские аэродромы в Закавказье, а оттуда — один перелет до Севастополя.

Как видим, причины отсутствия дальних истребителей на Черном море чисто субъективные, С 1960-х годов у нас вошло в моду охаивать политическое руководство страны и одновременно превозносить наших сухопутных и морских стратегов типа Жукова, Кузнецова, Октябрьского и др. Возникает риторический вопрос кто виноват в отсутствии дальних истребителей на Черном море? Сталин? Берия? Молотов? Или Кузнецов, Октябрьский, члены Военного совета Черноморского флота, командование авиацией Черноморского флота и тд.? Все они по долгу службы задолго до начала войны были обязаны бомбить донесениями и служебными записками наркома обороны и самого Сталина Увы, увы...

Вместе с флотским начальством вину за отсутствие дальних истребителей на Черноморском флоте разделяет и командование ВВС Любопытно, что в 1942 г. США и Англия доставили в СССР образцы новейших тяжелых истребителей «Мустанг Р-51», «Тандерболт» и «Москито». У нас их испытали в НИИ ВВС и выдали заключение, что машины такого класса советским вооруженным силам не нужны.

И в заключение маленькая деталь. Во Второй мировой войне, в отличие от германских и союзных истребителей, советские истребители не имели подвесных топливных баков. Особенно активно против подвесных баков выступало руководство НИИ ВВС и знаменитый авиаконструктор АС Яковлев. Исключение представляли некоторые истребители, полученные по ленд-лизу, как, например, «Аэрокобра».

Какие возможности давали истребителю сбрасываемые подвесные баки, можно проиллюстрировать на полете Рудольфа Гесса — заместителя Гитлера в национал-социалистической партии 10 мая 1941 г. его Me-110 стартовал в городе Аусберге недалеко от австрийской границы и долетел до Шотландии По прямой это около 1,4 тыс км, но Гесс летел по сложному маршруту, обходя зоны наиболее сильных ПВО как Германии, так и Англии.

ГЛАВА 2. СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ

В XIX — начале XX века было несколько случаев, когда русские адмиралы обращались к царю и в МИД с просьбой определить вероятных противников и предполагаемые районы боевых действий.

Вроде бы и советских адмиралов должны были интересовать подобные вопросы. И если в 1925–1932 гг. можно было пусть теоретически предположить нападение английского и французского флота на Балтике и Черном море, то после 1933 г. такая вероятность полностью отпала.

Советская пресса постоянно трубила о сговоре англофранцузских империалистов с Гитлером и Муссолини, но и политики, и адмиралы должны были понимать элементарные вещи. Так, Англия и Франция желали любой ценой сохранить «санитарный кордон» между Россией и Германией, состоявший из Финляндии, прибалтийских лимитрофов^[13], Польши, Чехословакии и Румынии. Не будем забывать, что все эти «кордонные гособразования» были созданы на землях, которые до 1914 г. веками принадлежали русским и немцам. В свою очередь Германия и СССР были жизненно заинтересованы в ликвидации «санитарного кордона».

Натравить Германию на СССР и помогать ей было самоубийством для Англии и Франции. Представим на секунду, что германским войскам в 1935–1939 гг. удалось разгромить Красную армию и заключить мир с СССР, подобный Брестскому. Тогда вся Центральная и Восточная Европа оказалась бы в составе рейха, вне зависимости от политических «вывесок» над этими территориями,

Уже в середине 1930-х годов стало ясно, что для СССР возможны два варианта участия в Европейской войне. Первый — с Англией и Францией против Германии, а второй — в союзе с Германией против Англии и Франции.

Во втором варианте «санитарный кордон» рухнул бы за месяц-два, затем капитулировала бы Франция, а капитуляция Англии стала бы вопросом времени. Описание дальнейшего хода событий я предоставлю авторам модных ныне фэнтези.

А мне интересно лишь Черное море, и тут во втором варианте главной задачей Черноморского флота было занятие Босфора, для чего требовалось истребительное авиационное прикрытие, большие килевые торпедные

катера, мониторы, малые быстроходные канонерские лодки, десантные суда и тд., то есть то, чего не было в составе Черноморского флота

Ну а в первом варианте на Черном море происходило бы то, что случилось в июне 1941 г., то есть Германия с Румынией или, возможно, с Болгарией выступили бы против СССР. И опять же Черноморскому флоту потребовалось все то, чего у него не было.

И ни в одном из этих вариантов не предвиделся ввод крупных надводных кораблей нечерноморских держав.

Казалось бы, следовало немедленно менять всю морскую доктрину, так как появление сильного противника на Черном море исключалось, а флоты Турции и Румынии ничего серьезного из себя не представляли. Но, увы, наши адмиралы придумали себе новую страшилку — итальянский флот.

Советское руководство ввела в заблуждение пропаганда итальянской военной мощи. К примеру, значительная часть мировых авиационных рекордов принадлежала Италии. Самые быстроходные в мире крейсера и эсминцы состояли в итальянском флоте.

К июню 1940 г. итальянский флот имел в своем составе два современных линкора «Литторио» и «Витторио Венето» (полное водоизмещение 45 тыс т, главный калибр — девять 380/50 мм/клб пушек); а также четыре линкора времен Первой мировой войны, прошедших модернизацию в 1930-х годах. Их полное водоизмещение составляло 29 тыс т, а вооружение: десять 320/43,8 мм/клб пушек

Кроме того, итальянские ВМС имели 8 тяжелых и 12 легких крейсеров, 70 подводных лодок и сотни других кораблей.

Другой стороной медали была навязчивая итальянская идея оккупации Крыма. Советские лидеры хорошо знали историю и вполне могли предположить, что король Виктор Эммануил III решит пойти по стопам своего деда.

Но существовали еще более весомые контраргументы, о которых не могло не знать советское руководство. Итальянцы действительно имели первоклассные боевые корабли и самолеты, но они... не умели воевать. В годы Первой мировой войны ходил анекдот: «Бог пожалел австро-венгерскую армию, которую били все, кому не лень, и, чтобы исправить несправедливость, создал итальянскую армию». В годы Второй мировой войны германские генералы тешились другим анекдотом, где инженеры представляют новый тип танка итальянскому генералу «Танк имеет пять скоростей назад и одну — вперед». Генерал: «А зачем вперед?» Инженер: «А вдруг враг зайдет с тыла?!»

12 ноября 1940 г. устаревшие английские бипланы «Суодфиш» торпедировали в порту Торонто итальянские линкоры «Литторио», «Андреа Дориа» и «Конте де Кавур», причем последний итальянцы не сумели ввести в строй до самого конца войны. А в марте 1941 г. в сражении у мыса Матапан англичане потопили новейшие крейсера «Заре», «Пола» и «Фиуме», а линкор «Витторио Венето» был серьезно поврежден и едва дотянул до берега. Модернизация же старого линкора «Андреа Дориа» еще не была закончена.

К 22 июня 1941 г. погибли тяжелый крейсер «Сан Джоржио», легкие крейсера «Армандо Диас» и «Бартоломео Колеони». Из 70 подводных лодок к 22 июня 1941 г. англичане потопили 19, а еще 15 действовали в Атлантике.

В итоге к июню 1941 г. итальянский флот с большим трудом удерживал свои коммуникации с Ливией. Бенито Муссолини страдал язвой желудка, но когда его жена Рашель спросила, почему он морщится и хлопает себя по животу, Муссолини ответил: «Я страдаю от нападений на наши африканские конвои»^[14].

Дело дошло до обстрелов британскими линкорами Генуи и других итальянских городов.

Оставшиеся в строю итальянские линкоры и крейсера боялись даже атаковать британские конвои, регулярно пересекавшие Средиземное море от Гибралтара до Александрии и Порт-Саида.

В такой ситуации посылка итальянского флота в Черное море стала бы катастрофой для Италии и лично для Бенито Муссолини. Для этого нужно было пожертвовать итальянской армией в Африке и оставить без защиты итальянское побережье. Я уж не говорю о катастрофической нехватке топлива у итальянского флота летом 1941 г.

Наконец, англичане вряд ли упустили бы шанс уничтожить итальянский флот на пути в Дарданеллы. В Черном море у турок не было мест базирования для большого флота, да и порты Стамбул и Измир не имели достаточно хорошей ПВО.

С другой стороны, турецкое правительство смертельно боялось вовлечения страны в войну. В Стамбуле хорошо помнили уроки Первой мировой войны и понимали, что вступление в войну раз и навсегда лишит страну контроля над Проливами, а то и вообще положит конец существованию турецкого государства.

Основатель Турецкой республики Кемаль Ататюрк сделал внешнеполитической доктриной Турции полный нейтралитет. Он хотел, чтобы Турцию называли «Швейцарией Ближнего Востока». После смерти

Кемаля в 1938 г. его ученик и наследник Исмет Иненю (президент Турции с 1938 по 1950 год) придерживался политики своего учителя. Другой вопрос, что турки были готовы и «невинность соблюсти, и капитал приобрести», то есть закрыть глаза на небольшие, по их мнению, нарушения нейтралитета.

Кстати, появления итальянского флота на Черном море не хотела... Германия. Да, да, именно Германия! Современные историки смотрят на события 1941 г. сквозь призму победы 1945 г. А тогда и Гитлер, и руководители других европейских государств мыслили совсем иными категориями. По их мнению, заключение общеевропейского мира должно было произойти если не в 1941 г., то, по крайней мере, в 1942 г. Причем Гитлер уже в июне 1941 г. всерьез был озабочен, как ограничить захватнические планы Муссолини. По этой причине немцы не дали Италии оккупационной зоны во Франции и категорически отказались передать ей хотя бы часть французского средиземноморского флота.

Дуче несколько раз затевал с фюрером разговор о Крыме и каждый раз получал резкий отказ. Гитлера приводила в бешенство сама мысль, что кто-то посягает на «зону отдыха арийцев». 24 июня 1941 г. фюрер истерично кричал собравшимся генералам: «Я никогда не допущу в Крым итальянцев!» Вечером начальник генштаба генерал Гальдер занес его слова в свой дневник

Возникает резонный вопрос — почему же эти факторы не были приняты во внимание советским руководством? Дело в том, что в 30—90-х годах XX века советская разведка, бесспорно, являлась лучшей в мире. В 1939–1941 гг. Берия и Сталин знали практически все секреты Гитлера и Муссолини. Тот же план «Барбаросса» за несколько недель до войны стал известен Берии во всех деталях. Но, увы, информация, добытая разведкой, не спускалась ниже членов Политбюро, начальника генштаба и других высших руководителей. Сложилась совершенно фантастическая по глупости ситуация. Гитлер и его окружение в плане «Барбаросса» почти не предусматривали участия германского ВМФ. Ни планом «Барбаросса», ни другими предвоенными документами не предполагалась даже посылка немецких военных судов в Черное море.

В нашем генштабе знали о плане «Барбаросса» и разрабатывали ответные планы по разгрому в течение 10–15 дней германских армий на территории Польши и Чехословакии. Причем в наших планах о Черноморском флоте говорилось вскользь.

Именно в апреле 1941 г. нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник генштаба генерал армии Г.К. Жуков направляют директиву командующему войсками Западного особого военного округа генерал-

полковнику Д.Г. Павлову. Так, к примеру, 5-й армии со штабом в Ковеле ставилась задача форсировать Буг и на третий день войны овладеть городом Люблин, а на десятый день выйти с главными силами к Висле. 4-я армия должна была на третий день войны взять Седлец, а на пятый день овладеть переправами через Вислу, и т.д., и т.п.

А вот Черноморскому флоту ставились весьма скромные задачи. Так, в августе 1940 г. маршал Тимошенко и тогдашний начальник генштаба Б.М. Шапошников направили Сталину и Молотову записку о развертывании вооруженных сил СССР. Там от Черноморского флота требовалось:

«а) постановкой минных полей, действиями подводных лодок и авиации затруднить проход неприятельскому флоту в Черное море;

б) активными действиями Черноморского флота уничтожить прорвавшийся в Черное море флот противника;

в) активно оборонять наши берега от прорвавшегося в Черное море надводного флота вероятных противников;

г) не допускать высадки десантов на берега Черноморского побережья в Крыму и на Кавказе;

д) активными действиями, и прежде всего авиации, постановкой мин с воздуха вести постоянную борьбу с морским флотом противника и особенно в Мраморном море;

е) прочно обеспечивать с моря фланг Юго-Западного фронта;

ж) в случае выступления Румынии уничтожить румынский флот и прервать ее морские сообщения;

з) в случае выступления Турции нанести поражения ее флоту, прервать здесь ее морские сообщения, разрушить гавань Трапезунд»^[15].

Еще ранее было сказано: «Итальянский флот свои основные действия будет иметь в Черном море».

Последняя фраза была ключевой. Сталин, Тимошенко, Шапошников и Жуков допустили серьезную стратегическую ошибку, переоценив возможности Италии.

Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, его окружение, а также командование Черноморского флота восприняли эту директиву как указание действовать по старому шаблону, только вместо действительно мощных противников — британского и французского флотов — супостатом был обозначен полуразбитый итальянский флот. Вот бы посмеялись дуче и его адмиралы, даже во сне не видевшие в 1941 г. ввода королевского флота в Черное море, как: они напугали наших адмиралов!

В мае 1941 г. наших стратегов не на шутку испугали германские парашютисты. К середине мая 1941 г. на острове Крит, занимавшем

стратегическое положение в Восточном Средиземноморье, англичане сосредоточили 32 тысячи солдат^[16], не считая нескольких тысяч греков.

В районе Крита крейсировала большая английская эскадра Военных кораблей на Средиземном море Германия не имела, если не считать нескольких подводных лодок А итальянские надводные корабли вообще за всю войну ни разу так далеко от родных берегов не хаживали. И тут командование люфтваффе принимает революционное решение — захватить Крит с воздуха

Утром 20 мая 1941 г. началась операция «Меркурий» — выброска германских парашютистов. Британскому флоту удалось вывезти лишь около 14,5 тыс. человек^[17].

Безусловно, операция «Меркурий» и на сегодняшний день является самой крупной операцией ВДВ, причем действовавших без участия других родов войск

Геббельс не отказал себе в удовольствии создать пропагандистский фильм, прославлявший люфтваффе и парашютистов. Его немедленно запустили в прокат как в Германии, так и в нейтральных странах. У нас, естественно, фильм народу не показывали, зато в Москве собрали генералов и адмиралов и прокрутили им ролик Геббельса, где небо закрывают десятки транспортных самолетов Ю-52, а затем бравые парашютисты берут в плен толпы англичан.

Я сам несколько раз просматривал сей фильм и не могу понять, как наши генералы не узрели, что конструкция германских парашютов не допускает управления ими, что приводит к многочисленным травмам. Парашютисты приземлялись безоружными, в лучшем случае с пистолетом и ножом Винтовки, автоматы и пулеметы, не говоря уж о тяжелом вооружении, сбрасывались на отдельных парашютах. А поскольку парашюты были неуправляемыми, то десантники часто оказывались в сотнях метров от своего личного оружия. На заднем плане за веселыми парашютистами видны обломки многочисленных самолетов, совсем не похожих на «гладиаторы» и «харрикейны», а весьма схожих с трехмоторными Ю-52.

На самом деле на Крите погибло более половины транспортных самолетов, которыми располагала Германия, а германские ВДВ на много месяцев стали небоеспособными.

Но наших генералов охватил ужас! Они решили, что злодеи-фашисты не сегодня завтра сделают то же с Крымом Срочно полетели указания готовить Крым к отражению воздушного десанта супостатов.

По военным планам 1939–1940 гг. противодесантная оборона Крыма должна была осуществляться силами 156-й стрелковой дивизии. Побережье от Одессы до поселка Каланчак, расположенного в 25 км северо-западнее Перекопа, обороняла 46-я стрелковая дивизия, а Кавказское побережье от Керчи до Сухуми защищала 157-я стрелковая дивизия. За оборону Севастопольского и Керченского укрепленных районов отвечало командование Черноморского флота.

Немедленно после Критской операции в Симферополь с Северного Кавказа было передислоцировано Управление отдельного 9-го стрелкового корпуса. Вместе с Управлением с Кавказа прибыли 106-я стрелковая дивизия, 32-я кавалерийская дивизия, 73-й отдельный батальон связи и 19-й отдельный саперный батальон. Эти части вместе со 156-й стрелковой дивизией вошли в состав корпуса, которым командовал участник Испанской войны П.И. Батов. 106-я стрелковая дивизия должна была оборонять район Евпатории, 156-я — район Феодосии и 32-я кавалерийская дивизия находилась в резерве в районе Симферополя. В 9-м корпусе начались учения по противодесантной обороне, но теперь основное внимание уделялось не морскому, а воздушному десанту.

Как уже говорилось, после Крита германские парашютно-десантные части и военная транспортная авиация лишь через много месяцев могли быть доведены до прежнего уровня, и ни о каком воздушном десанте в Крым не могло идти и речи. Да если и теоретически предположить, что к 22 июня 1941 г. немцам удалось бы восстановить мощь своих воздушно-десантных войск, то все равно любой десант в Крым был бы полностью уничтожен. Русский солдат, как показала война, не англичанин и просто так сдаваться не станет. А при необходимости в Крым в июне 1941 г. через Перекоп и морем из Одесского военного округа и Кавказа за считанные дни можно было перебросить 10, 20, 30, а то и больше стрелковых, моторизованных и танковых дивизий.

Так что боязнь воздушного десанта у нашего начальства граничила с умственным расстройством. Зато уж после войны нашлись борзописцы, вдоволь поиздевавшиеся над германскими парашютистами. У них инвалид старшина Васьков с пятью девицами будет уничтожать зараз сорок и более десантников.

Меня могут попрекнуть, что, мол, хорошо судить адмиралов и генералов задним числом, то есть зная, что произошло потом. Увы, все наоборот. Это мы, спустя 92 и 90 лет, можем не помнить, как брали Крым кайзеровские войска в 1918 г. и Красная армия в 1920 г. А адмиралы и генералы должны были помнить, что было, соответственно, 23 и 21 год

назад, то есть уже при их жизни.

Увы, уроки истории не пошли впрок нашим военным. Представим на секунду, если бы на Перекопе была создана линия бетонных укреплений, как мог бы измениться ход войны на Черном море. Но, увы, до 22 июня 1941 г. никаких укреплений на перешейке не делалось.

С 1929 г. по 1941 г. в СССР были приняты три системы артиллерийского вооружения. Все системы были разработаны достаточно грамотно. Но руководство Артуправления регулярно срывало все пункты создания систем навесного огня. Неоднократно включавшиеся в план 122-мм полевые мортиры, 152-мм дивизионные мортиры и 203-мм корпусные мортиры так и не были приняты на вооружение. Надо ли говорить о том, какую роль они могли сыграть в боях на пересеченной местности в районе Севастополя.

ГЛАВА 3. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ И ЕГО ПРОТИВНИКИ

В июне 1941 г. командование Черноморского флота предприняло ряд мероприятий по указанию наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова. Так, в начале июня дополнительно к дозорам, которые несли корабли у военно-морских баз, был установлен противолодочный дозор на подходах к Керченскому проливу. В поддержке дозора находились два торпедных катера и три гидросамолета. 9 июня в проливе были поставлены противолодочные сети. С учетом глубин Азовского моря и Керченского пролива с равным эффектом можно было ставить противолодочные сети в украинской степи. Для усиления обороны района Батуми туда перебазировались эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский».

14 июня 1941 г. начались большие общешлотские учения в северо-западном районе Черного моря совместно с войсками Одесского военного округа. Время их проведения было необычным. Много лет подряд такие большие учения проводились осенью. Они завершали собой летний период боевой подготовки кораблей Черноморского флота.

Заблаговременно с 11 июня в море были развернуты подводные лодки А-5, С-33, Щ-205, Щ-206, Щ-209, Щ-210. Для проведения учений Черноморского флота 10 июня в состав флота были мобилизованы шесть гражданских судов. В ходе учений войска Одесского военного округа, как ранее войска Северо-Кавказского и Закавказского военных округов, отрабатывали противодействие вражеским десантам.

Для участия в учениях на Черноморский флот из Москвы прибыл начальник Главного морского штаба адмирал И.С. Исаков.

Наряду с проведением артиллерийских и торпедных стрельб постановкой минных заграждений план учения предусматривал высадку десанта на западное побережье Крыма и поддержку его артиллерийским огнем. Флот «синих» (им командовал Л.А. Владимирский) перед высадкой должен был форсировать оборонительное минное заграждение у побережья «красных». В артиллерийской поддержке участвовали крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», которые, кроме того, перевозили десантные части. На второй день учения в одесском порту началась погрузка на транспорты и боевые корабли 150-й стрелковой дивизии. Десант был успешно высажен, учения продолжались по плану и закончились 18 июня.

за три дня до начала войны. Корабли возвратились в Севастополь. Начальник Главного морского штаба адмирал И.С. Исаков объявил руководству учением, что задерживаться дольше не может, и сразу же убыл в Москву, возложив разбор учения на Ф.С. Октябрьского.

К 22 июня 1941 г. корабли Черноморского флота дислоцировались следующим образом.

В Севастополе базировались:

эскадра в составе: линейного корабля «Парижская Коммуна», бригады крейсеров (крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Красный Крым») и Отряда легких сил (крейсера «Ворошилов», «Молотов», лидеры «Москва» и «Харьков», эсминцы «Бойкий», «Быстрый», «Безупречный», «Беспощадный», «Бодрый», «Смышленный», «Сообразительный», «Незаможник» и «Шаумян»);

1-я бригада подводных лодок (13 подводных лодок, находившихся в строю): Л-5, Д-5, С-31, С-32, С-33, С-34, Щ-204, Щ-205, Щ-206, Щ-208, Щ-209, Щ-210, Щ-211;

2-я бригада подводных лодок (8 подводных лодок, находившихся в строю): М-31, М-32, М-33, М-34, М-35, М-36, М-58, М-62; в ремонте М-59, М-60, А-1, А-2, А-3, А-5;

1-я бригада торпедных катеров (в числе которых имелось 10 катеров Г-5 «волнового управления», которые должны были наводиться на противника с самолетов МБР-2), бригада траления, сторожевые корабли и катера охраны водного района (ОВР) Главной базы. В текущем ремонте (на заводе № 201): крейсер «Красный Крым», эсминец «Железняков»; подводные лодки Л-4 и Щ-207.

В капитальном ремонте подводные лодки Л-6, Д-4 и Д-6. Проходили заводские испытания подводные лодки Л-24 и Щ-216. Достраивались эсминцы «Способный» и «Совершенный».

В Одессе базировались: дивизион канонерских лодок в составе: «Красный Аджаристан», «Красная Армения», «Красная Грузия», а также старый крейсер «Коминтерн» (бывший «Кагул»).

На порт Очаков базировалась 2-я бригада торпедных катеров.

На военно-морскую базу Новороссийск базировались:

Корабли ОВР, 10-й отдельный учебный дивизион подводных лодок (7 единиц, из которых в строю в Новороссийске подводные лодки Щ-201 и М-52; подводная лодка Щ-202 — в Феодосии на испытании торпед; подводные лодки Щ-203, М-51 и М-55 — в различных видах ремонта в Севастополе, и подводная лодка М-54 — в среднем ремонте в Херсоне).

В военно-морской базе Поти находились: подводная лодка А-4 из

состава 6-го дивизиона подводных лодок 2-й бригады подводных лодок, базировавшегося на Поти (остальные четыре подводные лодки находились на ремонте в Севастополе).

На военно-морскую базу Батуми базировались: эскадренные миноносцы «Фрунзе» и «Дзержинский», временно выведенные из состава эскадры и приданные ВМБ Батуми.

На ремонте в Николаеве находились: лидер «Ташкент» (на нем производилась замена вооружения: щитовые установки Б-13 заменяли на башенные Б-2ЛМ, а 45-мм пушки 21К — на автоматы 70К), эсминец «Бдительный», канонерская лодка «Красная Абхазия» и подводные лодки Щ-212, Щ-213, Щ-214 и Щ-215.

Там же, в Николаеве, на плаву достраивались: легкие крейсера проекта 68 «Фрунзе» (техническая готовность 33 %, плановый срок ввода в строй 1942 г.), «Куйбышев» (27 %, 1942 г.);

лидеры проекта 48 «Киев» (48,9 %, 1942 г.) и «Ереван» (25,4 %, 1942 г.);

эсминец проекта 7У «Свободный» (83,8 %, 1941 г.);

эсминцы проекта 30 «Огневой» (50,8 %, 1942 г.) и «Озорной» (21,2 %, 1942 г.);

подводные лодки проекта XIIIбис Л-23 (89,9 %, 1941 г.), Л-25 (63,2 %, 1941 г.);

подводная лодка проекта IXбис С-35 (40,4 %, 1941 г.).

Кроме того, на стапелях находились линкор «Советская Украина», тяжелый крейсер «Севастополь», легкие крейсера «Свердлов» и «Орджоникидзе», пять эсминцев проекта 30, четыре сторожевых корабля проекта 29, три подводные лодки проекта IXбис и три подводные лодки проекта XVI.

Итого к 22 июня 1941 г. Черноморский флот имел в строю и ремонте 1 линкор, 5 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 44 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 12 тральщиков, 78 торпедных катеров, 24 охотника за подводными лодками.

Командованию Черноморского флота подчинялась Дунайская речная флотилия, созданная летом 1940 г. в дельте Дуная после занятия советскими войсками Бессарабии.

К 22 июня 1941 г. в состав флотилии входили: 5 мониторов («Ударный», «Железняков», «Ростовцев», «Мартынов», «Жемчужин»), 2 канонерские лодки («Буг» и «Днестр»), 22 бронекатера проекта 1125,7 катеров-тральщиков, отряд глиссеров и несколько вспомогательных судов.

Следует заметить, что сразу же после начала Великой Отечественной

войны Черноморский флот стал пополняться катерами морпогранохраны НКВД. Всего к 18 июля от погранохраны было принято 105 катеров, а также учебный корабль «Комендор», вооруженный 1— 75 мм и 4—45 мм пушками.

В составе флотской авиации находилось 625 самолетов, из них 167 — гидросамолеты. (По другим данным, всего было 624 самолета, из них 138 бомбардировщиков, 346 истребителей, 140 разведчиков.)

В подавляющем большинстве истребители были представлены старыми машинами типа И-16. Лишь перед самой войной авиация Черноморского флота получила новые истребители: 16 МиГ-3 и 7 Як-1.

Суда вспомогательного флота недостаточно обеспечивали нужды боевых кораблей. К началу войны в составе Черноморского флота состояли три транспорта и танкера, 33 буксира, 74 баржи, 2 мотобота и 4 плавкрана, всего 116 вспомогательных судов.

Резервом Черноморского флота были суда транспортного флота. В его составе было 102 сухогруза и грузопассажирских судна (общей грузоподъемностью 191 тыс т) и 17 танкеров (общей грузоподъемностью 125,3 тыс т). Кроме того, имелось несколько десятков рыболовецких и различных служебных судов гражданских ведомств.

С началом войны в состав Черноморского флота было мобилизовано 147 судов.

Потенциальным противником Черноморского флота были румынский и болгарский флоты. Румынский флот состоял из четырех эсминцев, одной (!) подводной лодки «Дельфинул», трех торпедных катеров, а также нескольких малых сторожевых кораблей и минных заградителей.

На Дунае румыны имели довольно мощную речную флотилию, ядро которой составляли семь мониторов. Однако выход этих мониторов в Черное море был фактически исключен.

Береговая оборона Румынии к июню 1941 г. имела в своем составе десять 152-мм и четыре 120-мм пушки.

К сентябрю 1940 г. на вооружении ВВС Румынии состояло 276 боевых самолетов, в их числе 121 истребитель (польские P.11, немецкие He-112 и английские «Харрикейн» Mk1); 55 бомбардировщиков (итальянские SM-79, германские «Блох» M.B.210, французские «Потез-63», английские «Бристоль» и «Блейнхем»); 82 разведчика румынского производства IAR-37, 38 и 39 и 18 итальянских летающих лодок «Савойя».

Кроме того, 440 самолетов имелось в летных школах и учебных частях.

Осенью 1940 г. Антонеску обратился к Германии с просьбой помочь в

реорганизации румынских ВВС. С конца 1940 г. немцы начали отправку в Румынию более современных боевых самолетов: Me-109E и He-111E.

Наконец, следует учесть, что кроме авиации Черноморского флота румынам противостояла многочисленная авиация Одесского военного округа.

Флот Болгарии был более чем анекдотичен. Самыми мощными его кораблями являлись сторожевики водоизмещением в 100 т, вооруженные двумя 47-мм пушками и двумя 450-мм торпедными аппаратами. Скорость хода их составляла 17 узлов. Построены эти суда были в 1906–1908 гг. и числились миноносцами. Было еще несколько катеров-тральщиков и катеров ПЛО. Единственной боевой силой были два торпедных катера германской постройки фирмы «Люрсен».

14 января 1941 г. было опубликовано Заявление ТАСС со ссылкой на сообщения в иностранной печати о переброске некой части немецких войск в Болгарию. 15 января Болгария опровергла заявление о нахождении иностранных войск на ее территории. Однако уже в феврале в Бургас прибыли немецкие морские офицеры-артиллеристы для установки дальнобойных орудий, а в Варну — военные инструкторы для строящихся зенитных батарей. К концу 1941 г. немцам удалось ввести в строй в Бургасе береговую батарею из двух пушек 24 см SKL/40 с дальностью стрельбы 26,7 км.

1 марта представитель МИД Болгарии Алтынов заявил полпреду СССР А. А. Лаврищеву о согласии болгарского правительства о вводе германских войск в Болгарию. Представители СССР заявили, что не разделяют решения болгарского правительства и что это ведет Болгарию к втягиванию в войну. 2 марта Болгария присоединилась к пакту Оси (Германия, Италия, Япония). 5 марта Англия разорвала отношения с Болгарией.

Главным союзником Германии на Черном море стала Румыния. 12 февраля 1941 г. Румыния разорвала отношения с Англией, и дипломаты покинули страну. В марте в Румынию и Болгарию доставили из Германии орудия береговой обороны, а в Румынию, кроме того, две тысячи морских мин.

Немцы разместили в Румынии тяжелые береговые батареи «Тирпиц» и «Бреслау». Батарея «Тирпиц» ранее защищала побережье Северного моря в районе Киля. В ее составе имелись три пушки 28 см SKL/45. В Румынии ее установили южнее Констанцы. Там же поставили и три 17-см пушки SKC/40 батареи «Бреслау». Севернее Констанцы дислоцировались три железнодорожных орудия 28 см lg.Br.K(E) — «Длинный Бруно».

В марте 1941 г. в Румынию прибыла военно-морская миссия во главе с контр-адмиралом Флейшером и морская учебная команда во главе с капитаном 1-го ранга Гадовым. Развертывание немецких частей происходило на фоне многочисленных сообщений иностранных информационных агентств о давлении, которое оказывал советский Черноморский флот на Румынию. Советские представители активно опровергали эти слухи. 11 января было опубликовано опровержение ТАСС об информации американского агентства «Юнайтед Пресс» о том, что 9 советских боевых кораблей приблизились к румынским территориальным водам в районе Сулины. А 8 марта опубликовано опровержение ТАСС о том, что, по данным иностранной печати, СССР потребовал от Румынии уступки ее военно-морских баз на Черном море.

И чем ближе был срок начала войны, тем активнее действовали немцы и их союзники. В мае Румыния эвакуировала учреждения из Сулины, Тульчи, Галаца. Тогда же заместитель начальника Главного морского штаба доложил в Генеральный штаб РККА, что за последнее время в районе Севастополя имели место случаи появления неизвестных подводных лодок. Из этого нарком ВМФ сделал вывод, что за районом главной базы Черноморского флота установлено наблюдение подводных лодок румынского флота.

26 мая 1941 г. командующий Черноморским флотом отдал следующую директиву: «В связи с появлением у наших баз и нашего побережья подводных лодок наших соседей, появлением неизвестных самолетов, нарушающих наши границы, учитывая всё возрастающую напряженность международной обстановки, не исключена возможность всяких провокаций.

Приказываю:

1. При нахождении в море всем кораблям особо бдительно и надежно нести службу наблюдения, всегда иметь в немедленной готовности к отражению огня положенное оружие.

2. О всякой обнаруженной подводной лодке, надводном корабле и самолете, если в этом районе по оповещению или по ходу учения наших кораблей и самолётов не должно быть, немедленно доносить мне по радио с грифом "фактически"».

После 14 июня торговым немецким судам было запрещено заходить в черноморские советские порты, а находящимся там судам предписывалось срочно возвращаться в порты приписки. Так, из Одессы, не закончив разгрузочно-погрузочные работы, ушли немецкие, румынские и турецкие суда. Между 15 и 20 июня в Килию (Румыния) прибыл батальон морской

пехоты, а из Галаца, не закончив ремонта, был выведен эсминец «Реджина Мария».

Итак, подведем некоторые итоги. К 22 июня 1941 г. немцы не имели ни одного боевого корабля или катера на Черном море и даже не готовили переброску их туда. Италия также не планировала ввод своих кораблей в Черное море. Наконец, Турция и до 22 июня 1941 г., и после твердо и последовательно проводила политику нейтралитета. Турецкие власти прекрасно понимали, что можно чуть-чуть нарушить конвенцию Монтрё, пропуская через Проливы транспорты со снятыми с палубы и перемещенными в трюм орудиями, но пропустить итальянские крейсера или линкоры однозначно означает войну, притом не только с СССР, но и с западными союзниками.

Так что пропуск военных кораблей (даже эсминцев) Турцией никогда не планировался и никогда ее правительством не рассматривался. Понятно, что речь идет о 1939–1944 гг.

Немцы планировали захватить Северное Причерноморье и Кавказ еще до зимы 1941/1942 г. исключительно силами вермахта и люфтваффе. При этом никаких воздушных десантов ни в Причерноморье, ни в других местах СССР не планировалось. Главной и фактически единственной задачей кригсмарине была защита архиважной коммуникации: порты Румынии — Босфор.

Наши историки пишут только о транспортировке румынской нефти по этому маршруту. Из их поля зрения почему-то выпадал огромный тоннаж перевозок по Дунаю. По этой великой реке, связанной, кстати, каналами с Рейном, можно было доставлять из стран Центральной Европы и из самого рейха любые товары и оружие на десятки островов Эгейского и Средиземного морей, занятых немцами и итальянцами, в Грецию, Италию и Северную Африку. Защищать эту чрезвычайно важную коммуникацию немцы собирались с помощью минных заграждений и береговых батарей.

ГЛАВА 4. ВЕЛИКАЯ ССОРА ТРЕХ «ГРОСС-АДМИРАЛОВ»

Ну, рассказав о кораблях, следует рассказать и о наших флотоводцах. Чтобы не утомлять читателя, я ограничусь наркомом ВМФ и Главнокомандующим ВМС Николаем Герасимовичем Кузнецовым, командующим Черноморским флотом Филиппом Сергеевичем Октябрьским и командующим бригадой крейсеров Черноморского флота Сергеем Георгиевичем Горшковым

Самым старшим из них был Октябрьский (до 1924 г. Иванов). Он родился в 1899 г. Кузнецов родился в 1902 г., а Горшков — в 1910 г. Октябрьский и Кузнецов из крестьянских семей и, соответственно, окончили по 4 и 3 класса церковноприходской школы. Отец Горшкова — учитель, и Сергею Георгиевичу удалось окончить среднюю школу.

В 1928 г. Октябрьский окончил Параллельные курсы при Военно-морском училище им М.В. Фрунзе. Курсы эти создали для положительно зарекомендовавших себя матросов и старшин, желающих стать офицерами, но которых по разным причинам нельзя было зачислить на основной курс. Такими причинами чаще всего являлись отсутствие требуемой общеобразовательной базы или возраст. Время обучения и программа Параллельных курсов соответствовали основному курсу, но материал преподавался упрощенно с учетом уровня школьной подготовки слушателей. Больше Филиппу Октябрьскому учиться нигде не довелось.

Кузнецов и Горшков окончили Ленинградское Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Кузнецов учился там в 1923–1926 гг., а Горшков — в 1927–1931 гг.

Об уровне подготовки в этом училище существуют разные мнения. Я лишь замечу, что там, как и во многих других вузах того времени, практиковалась сдача экзамена одним курсантом за всю группу.

За 10 с небольшим лет после окончания училища все трое сделали головокружительную карьеру. Стала ли она следствием их гениальных способностей или систематических «чисток» и арестов среди комсостава ВМФ, пусть судят досужие историки, а я лишь ограничусь небольшим эпизодом их биографии.

8 ноября 1938 г. погиб в шторм в Татарском проливе недалеко от Советской гавани недостроенный эсминец «Решительный». Казалось, какое

отношение к одному печальному событию имел Октябрьский, который тогда жил в Хабаровске, командуя речной флотилией? Но судьбе было угодно, чтобы именно тут пересеклись судьбы трех самых знаменитых наших адмиралов — Н.Г. Кузнецова, С.Г. Горшкова и Ф.С. Октябрьского. В ноябре 1938 г. первый командовал Тихоокеанским флотом, второй руководил буксировкой, а Филипп Сергеевич стал председателем комиссии по расследованию гибели эсминца.

Дело было так. Осенью 1938 г. руководство флота приняло решение перевести строившиеся в Комсомольске-на-Амуре лидер «Орджоникидзе» (с 25 сентября 1940 г. «Баку») и эсминец проекта 7 во Владивосток, где они должны были достраиваться на «Дальзаводе». Эсминец, как говорилось выше, погиб 8 ноября. А уже 17 ноября была создана особая комиссия по расследованию. Председателем комиссии был назначен командующий Амурской флотилией флагман 2-го ранга Октябрьский^[18].

С 17 по 24 ноября комиссия осмотрела место катастрофы, ознакомилась с документами в штабе Тихоокеанского флота, опросила лиц, имевших отношение к делу, и 24 ноября отправила докладную записку в Москву наркому ВМФ командарму 1-го ранга М.П. Фриновскому.

Далее я, дабы не быть обвиненным в предвзятости в столь деликатном деле, приведу текст записки без купюр.

«По имеющимся предварительным данным о предполагаемом переводе из Комсомольска во Владивосток двух кораблей "Серго Орджоникидзе" и "Решительный", Военсовет Тихоокеанского флота 13 сентября с г. [1938 г.] приказом № 0082 назначил отряд по переводу кораблей во главе с командиром 7 морской бригады капитаном 3-го ранга Горшковым и военкомом отряда старшим политруком Мещеряковым Тем же приказом был объявлен план перевода кораблей, предусматривающий одновременный перевод обоих кораблей по двум вариантам: перевод кораблей своим ходом или же перевод последних под буксирами с соответствующим обеспечением в обоих случаях: в случае перевода кораблей под буксирами, при следовании последних от Де-Кастри до Владивостока буксирующими средствами были помечены: ледокол "Казак Хабаров" для эсминца, а буксир "Посьет" для лидера Этим же планом предусматривался заход отряда в Совгавань для осмотра механизмов переводимых кораблей. Связь на переходе должна была быть обеспечена разработанным в июне месяце с г. планом отдела связи Тихоокеанского флота. Каких-либо планов политического обеспечения перевода кораблей для военкома отряда разработано не было.

26 сентября с г., получив Вашу телеграмму № 557 с решением

правительства о переводе кораблей и с Вашим требованием о необходимости обратить серьезное внимание на подготовку кораблей к морскому переходу, на организацию связи, организованность и бдительность всего личного состава при выполнении ответственного задания правительства, Военсовет Тихоокеанского флота никаких изменений в ранее утвержденный план перевода кораблей не вносил, никаких дополнительных указаний Горшкову, имевшему у себя этот план, не дал, работникам штаба флота никаких задач по корректировке плана не поставил, и этот план действовал до прибытия кораблей 9 октября с. г. в Совгавань.

Несмотря на телеграфное приказание Вашего заместителя флагмана флота 2-го ранга т. Смирнова от 1 октября с г. № 578, запрещающего задерживать корабли в Совгавани для приведения в порядок механизмов с целью следования кораблей во Владивосток своим ходом, Военсовет Тихоокеанского флота категорически не запретил Горшкову приводить в порядок механизмы переводимых кораблей, а наоборот, 6 октября с г. запрашивает Горшкова, "какое время нужно для того, чтобы корабли могли идти во Владивосток своим ходом", и 8 октября с г. дает указание коменданту СГУР8 обеспечить стоянку кораблей у завода Совгавани,

Об игнорировании Военсоветом Тихоокеанского флота приказания Вашего заместителя, а также о задержке кораблей в Совгавани по причине приведения в порядок механизмов на последних и в связи с выбором буксирующих кораблей, — нами установлены следующие факты:

а) 9 октября с г. Военсовет намечает ориентировочный срок выхода кораблей из Совгавани 20 октября 1938 года и требует от Горшкова план его работы;

б) 10 октября с г. Горшков доносит Военсовету о том, что по одной машине будет готово: на лидере к 15 октября 1938 г. и на эсминце к 18 октября 1938 г.; что "вторые машины сомнительны, завод в помощи отказал";

в) 11 октября с г. Военсовет предлагает Горшкову "приготовиться к выходу на 18 октября 1938 г." и одновременно штаблот Тихоокеанского флота доносит в Главморштаб о выходе кораблей ориентировочно 15–18 октября с. г.;

г) 18 октября с г. Горшков донес комфлотом о том, что по одной турбине на обоих кораблях окончен монтаж и идут испытания. В это же время Военсовет принял решение о переводе кораблей из Совгавани двумя эшелонами. И 22 октября 1938 г. лидер под руководством Горшкова был выведен из Совгавани.

После получения Вашей телеграммы от 23 октября 1938 г. № 0026, с категорическим запрещением приводить в порядок механизмы на кораблях, комфлота, через начштаба, 23 октября 1938 г. ограничился передачей обезличенного распоряжения на имя коменданта СГУР (майора В.Н. Моложаева) следующего содержания: "Комфлот запретил всякого рода испытания машин эсминце до прибытия Владивосток Проследите исполнение", не дав прямого указания оставшемуся в Совгавани на эсминце капитану 2-го ранга т. Капустину и строителям.

25 октября 1938 г. во время личного доклада Горшкова командующему флотом т. Кузнецову о приводе лидера во Владивосток, Горшков вновь докладывал т. Кузнецову о целесообразности испытания механизмов на эсминце, против чего Кузнецов не возражал и молчаливо соглашался с Горшковым, на основе чего последний, то есть Горшков, потребовал от Капустина доклада о ходе проворота турбин на эсминце.

В связи с таким, на первый взгляд непонятным, а по существу преступным отношением комфлота к выполнению Ваших и Вашего заместителя прямых и четких приказаний, 28 октября 1938 г. комендант СГУР запрашивает комфлотом следующее: "Вами запрещены испытания машин на эсминце. Комбриг требует доклада проворота турбин, на имя строителей распоряжений нет".

Ни комфлот, ни Военный совет на этот запрос коменданта СГУР не ответили и никаких указаний последнему не дали Горшков же, узнав о том, что работа по опробованию машин на эсминце прекращена, самовольно и без ведома комфлота приказал Капустину продолжать производство испытания машин на эсминце

Таким образом, мы констатируем, с чем согласен и Военсовет, о том, что Военсовет Тихоокеанского флота Ваших и Вашего заместителя прямых указаний и категорических запрещений об испытании механизмов на кораблях не выполнял и их игнорировал, что, несомненно, имело отражение на своевременном выводе кораблей, в особенности эсминца "Решительный" из Совгавани. Мы считаем, что у комфлота, до последних дней вывода эсминца из Совгавани, была тенденция на осуществление возможности привода эсминца во Владивосток своим ходом

15 октября начальник Главморштаба Галлер в адрес штабфлота телеграммой № 632 снова подтверждает Ваше приказание о скорейшей выводке кораблей из Совгавани с расчетом использования благоприятной погоды.

Однако в связи с отсутствием твердого плана перевода кораблей и это приказание не выполняется. Подтверждением этому может служить то

обстоятельство, что Военсоветом еще не было выделено определенных кораблей в качестве буксировщиков. Так, например, наштафлот 12 октября сообщает Горшкову, что для буксировки в Совгавань направляются "Партизан" и "Полярный".

Горшков 18 октября, в свою очередь, доносит комфлоту о подготовке к буксировке "Кулу" и вторым буксиром просит разрешить использовать минный заградитель "Астрахань", на что получает отказ за непригодностью "Астрахани".

17 октября Военсоветом неожиданно принимается решение выводить корабли по одному, о чем даются указания Горшкову с предложением выводить лидер с помощью "Кулу" и одного тральщика, а для эсминца, в отмену прежних буксиров, намечается уже "Казак Хабаров".

Военсовет объясняет, что решение о раздельном выводе кораблей было основано на меньшем риске.

22 октября лидер на буксире "Кулу" был выведен из Совгавани и доставлен во Владивосток

Несмотря на то что, казалось бы, после перевода лидера можно было твердо определить и сроки, и наметить корабли для буксировки эсминца, этого не делается и на всем протяжении подготовки к переводу эсминца продолжается возмутительная свистопляска с подбором буксирующих кораблей и сроков готовности к выходу.

26 октября комендант СГУРа доносит комфлоту, что в Совгавани находится гидрографическое судно "Океан", и запрашивает о возможности отправки с ним "Решительного".

Военсовет, приняв решение, что переводом "Решительного" также будет руководить Горшков, прибывший к этому времени во Владивосток с лидером, запрещает отправку эсминца до возвращения в Совгавань Горшкова, но не дает никаких указаний об использовании "Океана".

28 октября комендант СГУРа снова запрашивает комфлота, когда и каким буксиром будет отправлен "Решительный", на что получает ответ Военсовета, что 2 ноября в Совгавань прибудет Горшков, который будет руководить буксировкой.

В отношении же буксиров опять-таки неопределенно указывается, что будут буксировать гидрографические суда "Охотск" или "Океан"^[19].

Эта неразбериха с буксирующими кораблями, помимо отсутствия у Военсовета твердого плана перевода "Решительного", объясняется еще тем, что перевод не рассматривался как целевая задача, а совмещался, или, вернее, был подчинен, другим перевозкам Тихоокеанского флота. Отсюда и сроки перевода не были установлены, и когда начальник Главморштаба

Галлер телеграммой № 072 от 1 ноября запросил о сроке перевода эсминца, заместитель комфлота Арапов донес, что "Решительный" будет отправлен ориентировочно 7 или 8 ноября.

Из предыдущего изложения видно, что даже для такого "ориентировочного" ответа у Арапова оснований не было.

Это подтверждается теми безобразиями в части подбора буксиров, которые имели место и после определения сроков выхода по запросу Главморштаба. Отсутствие плана и твердого руководства со стороны Военсовета широко используется Горшковым, который берет инициативу в свои руки и, по существу, самостоятельно решает вопросы и плана, и срока буксировки. Так, телеграммой от 2 ноября Горшков, сообщая комфлоту о том, что "Охотск" задерживается под выгрузкой, выдвигает предложение выводить эсминец буксиром "Самоед" и назначает срок выхода 3 ноября, на что получает разрешение комфлота. При этом ни в телеграмме Горшкова, ни в телеграмме комфлота нет никаких указаний о средствах обеспечения перехода.

Как оказалось в последующем, "Самоед" не был готов к буксировке, в связи с чем Горшков, опять-таки сам, переносит выход на 12 часов 4 ноября, о чем доносит комфлоту и здесь же просит выделить в качестве обеспечения одну подлодку.

В связи с ожидающимся штормом комфлот 4 ноября запрещает выход Горшкову до особого распоряжения и одновременно доносит в Главморштаб о задержке эсминца в связи со свежей погодой.

Казалось бы, что к этому времени вопрос с буксирующими кораблями разрешен окончательно, что подтверждается телеграммой Горшкова 4 ноября, когда он доносит: "К переходу готов, ожидаю разрешения".

Задержка в переводе уже может быть отнесена исключительно за счет неблагоприятной метеобстановки, что также подтверждается телеграммой наштафлота от 4 ноября, в которой Горшков ориентируется, что "ближайшие три дня ожидается сильный тайфун", и в связи с этим выход запрещается до особого приказанья комфлота.

В той же телеграмме, несмотря на донесения Горшкова о готовности к переходу под буксиром "Самоеда", наштафлот снова поднимает вопрос о буксирах и запрашивает Горшкова, чем лучше буксировать, "Самоедом" или "Охотском". На этом факте мы останавливаемся потому, что вместо проверки пригодности буксира установленным порядком, то есть по судовым документам или через бюро регистра, вопрос решается усмотрением Горшкова.

То же и в части метеобстановки, вместо того, чтобы, имея прогноз об

ожидающемся в ближайшие три дня тайфуне, твердо решить вопрос о запрещении выхода эсминца до 7 ноября, делается другое. На запрос штафлота, чем лучше буксировать, Горшков выдвигает совершенно новый план буксировки одновременно двумя судами, который без всякой проверки и изучения утверждается комфлотом Одновременно и Горшков, и комендант СГУРа запрашивают, когда выходить, на что комендант СГУРа от начштафлота, а Горшков от комфлота получают разрешение отправлять эсминец 5 ноября, фактически отменяя отданное ими же накануне запрещение и тем самым грубо игнорируя неблагоприятную метеобстановку.

Это особенно важно, имея в виду Ваши неоднократные указания Военсовету Тихоокеанского флота об учете метеобстановки при организации перехода. Разрешение на выход 5 ноября становится еще более непонятным, если учесть, что в этот день комфлоту докладывалась специально по его вызову метеобстановка и снова был подтвержден неблагоприятный прогноз погоды

Игнорирование метеобстановки имело место и со стороны Горшкова, который в телеграмме от 4 ноября, донося о плане буксировки, одновременно сообщает. "Завел три буксира, штормы не опасны". На это лихачество и зазнайство Горшкова Военсовет никак не реагирует.

В последующие дни, вплоть до выхода миноносца из Совгавани 7 ноября, безобразно-преступное отношение к выполнению важнейшего задания правительства достигает своего предела

Горшков, донося 4 ноября о готовности к переходу двойной тягой и получив разрешение на выход 5 ноября, в тот же день, т. е. 5 ноября доносит, что: "Распоряжением коменданта СГУР «Самоед» отдает буксир и готовится уйти, «Охотск» без угля и имеет задание в ряде бухт по побережью брать демобилизованных".

На подготовке к буксировке "Охотска" и его готовности следует остановиться особо.

4 ноября в 18 ч 30 мин Горшков донес, что ждет приказание о выходе под буксиром "Охотска" и "Самоеда", в то время как командир "Охотска" в 16 ч 50 мин того же 4 ноября, донося о прибытии в Совгавань, одновременно сообщает, что "имеет угля только 10 тонн, в Совгавани угля нет, дальше работать без щелочения котлов не могу, прошу за счет неприкосновенного запаса угля следовать во Владивосток".

Не менее характерна и вторая телеграмма командира "Охотска" от 5 ноября 00 ч 12 мин в адрес зам комфлота; "Комбриг эсминца передал задание Военсовета Тихоокеанского флота буксировать эсминец Помощник

начальника штаба флота предлагает собрать демобилизованных. Угля нет, запросил разрешения расходовать непзапас, ответа нет. При имеемом условии немедленного выхода могу прийти Владивосток Что выполнять? "

Затем командир "Охотска" в течение всего дня 5 ноября до 20 часов 20 мин трижды доносит в штафлот, что стоит на якоре и ждет разгрузки, и лишь в 20 часов 23 мин доносит, что вышел для буксировки эсминца. Если учесть, что в ночь на 6 ноября Горшков выходил из Совгавани, можно судить, в какой готовности был буксир "Охотск".

Не лучше обстояло дело и со вторым буксиром "Самоед", который, стоя под буксиром, имел в неотопливаемых трюмах демобилизованных красноармейцев, направляемых во Владивосток. Это свидетельствует не только о безответственном отношении Горшкова к порученному заданию правительства, но не в меньшей мере характеризует и стиль руководства, контроль и продуманность действий со стороны Военсовета

Естественно, что при таком положении с буксирами Горшков, наспех их подготовив и выйдя в ночь на 6 ноября из Совгавани, сразу же по выходе в связи с обрывом одного буксира возвращается, о чем доносит комфлоту.

Комфлот, одоббив возвращение в Совгавань и не требуя никаких объяснений о причинах обрыва буксира, ограничивается лишь запросом Горшкова, удобно ли буксировать двумя судами, а через наштафлота телеграммой 6 ноября запрещает Горшкову выход из Совгавани без его особого приказанья.

Горшков, не отвечая по существу этого запроса комфлота, своей телеграммой 6 ноября доносит, что отпускает "Самоед" и 7 ноября выходит с одним "Охотском", то есть опять-таки самостоятельно изменяет план буксировки и назначает срок выхода. Не получив ответа на эту телеграмму, Горшков 7 ноября утром пытается выйти из Совгавани, но по семафору задерживается комендантом СГуРа в связи с отсутствием разрешения комфлота

Комфлота 6 ноября, запретив Горшкову выход, созывает у себя специальное совещание по анализу метеообстановки и, еще раз получив подтверждение о неблагоприятном прогнозе на ближайшие дни, 7 ноября в 9 ч 50 мин передает Горшкову, что 7 и 8 ноября на побережье ожидается неблагоприятная погода И вновь подтверждает запрещение выхода до особого распоряжения.

Еще до получения этой телеграммы Горшков, после задержания его комендантом при первой попытке выйти, в 8 ч 50 мин того же 7 ноября просит у комфлота разрешения на выход, сообщая о том, что погода благоприятная.

Получив эту телеграмму, комфлот, не считаясь с только что им же переданным Горшкову прогнозом и запрещением выхода, находясь на трибуне в связи с проходящим в то время парадом, требует снова дать ему метеообстановку, которая и передается ему на трибуну через начштаба

Несмотря на то что и на этот раз прогноз дается неблагоприятный, комфлота здесь же на трибуне без участия члена Военсовета (находившегося также на трибуне) отдает распоряжение передать Горшкову разрешение на выход, что и было исполнено.

Надо сказать, что не только это решение было принято комфлотом без участия члена Военсовета. Расследованием установлено, что если при переводе лидера все вопросы решались Военсоветом, то при переводе эсминца член Военсовета корпусной комиссар т. Лаухин никакого участия в решении принципиальных вопросов не принимал, и они решались комфлотом единолично. По мнению комиссии, т. Лаухин самоустранился и не проявил должной заинтересованности в обеспечении выполнения важнейшего задания правительства, а комфлот флагман 2-го ранга Кузнецов, в свою очередь, игнорировал члена Военсовета.

7 ноября 1938 г. в 15.00 эсминец "Решительный" на буксире гидрографического судна "Охотск" вышел из Советской Гавани во Владивосток, не имея никаких кораблей в обеспечении, так как предназначенный в обеспечение ледокол "Казак Хабаров" грузил уголь в Советской Гавани и не был готов к совместному выходу с караваном, а тральщик № 12 был оставлен в Советской Гавани с целью торопить ледокол "Казак Хабаров" в погрузке угля и выходе в море на присоединение к каравану. Несмотря на явное неблагополучие с обеспечивающими данную операцию кораблями, командир отряда Горшков вышел в море, считая, что обеспечивающие корабли догонят его в море. Впоследствии тральщик № 12 через три часа действительно догнал шедший караван в море, присоединился к нему и продолжал движение в обеспечении, ледокол же "Казак Хабаров" настолько запоздал с выходом, что присоединиться к каравану так и не присоединился, а выйдя в море и попав в шторм, проболтался в море далеко в стороне от терпевшего бедствие гидрографического судна "Охотска" и эсминца "Решительного", не оказав никакой помощи ни тому, ни другому до самой гибели эсминца "Решительного".

Руководитель перехода капитан 3-го ранга Горшков, его помощник капитан 2-го ранга Капустин, оба находились на эсминце "Решительный". С момента выхода гидрографического судна "Охотска" и эсминца "Решительного" и до 4 часов 8 ноября движение каравана шло нормально.

Сила ветра и волны была незначительная, до 2–3 баллов остовой четверти, к часу ночи 8 ноября ветер начинает усиливаться и особо заметно начало свежеть, начиная с 4 часов 8 ноября. Ни усиление ветра, особо зюйд-остовой четверти, ни получение сведений о поднятом штормовом сигнале № 9, ни после получения предупреждения от оперативного дежурного штаба Тихоокеанского флота около 2 часов 8 ноября о том, что ожидается сильный шторм, никакого изменения в решении продолжать движение командир отряда Горшков не принимает, ограничиваясь лишь отданным приказанием командиру "Охотска" держаться не ближе 10 миль от берега, а когда шторм усилился до 8–9 баллов, отдал приказание "Охотску" больше повернуть на ветер, то есть влево.

Командир отряда Горшков, имея явно неблагоприятный прогноз погоды перед выходом, начиная с 4 ноября, видя усиление ветра зюйд-остовой четверти после 8—9-часового движения в море, получив сведения о штормовом сигнале № 9 и особо получив предупреждение от оперативного дежурного штаба Тихоокеанского флота около 2 часов 8 ноября, что ожидается снежный шторм (Горшкову это предупреждение было передано в 00 ч 50 мин 8 ноября), не принял решения возвращаться в Советскую Гавань, хотя все данные метеобстановки наталкивали на принятие должного решения и к тому была полная возможность и необходимость, а продолжал движение вперед до того момента, пока совершенно стало очевидно, что море настолько разбушевалось, что каравану грозит быть выброшенному на берег, так как "Охотск" руля не слушает, на ветер не идет, и его бортовая волна кладет на 50°. Только с этого момента (около 8 ч 30 мин 8 ноября) у командира отряда Горшкова возникает мысль повернуть на обратный курс.

Попав в столь тяжелое положение, командир гидрографического судна "Охотск" капитан-лейтенант Горбунов испугался, что вверенный ему корабль может волной перевернуть и, не имея возможности идти влево на волну, принял решение сделать поворот на обратный курс через правый борт. При повороте вправо крутой волной, килевой качкой у "Охотска" стал оголяться винт. Вместе с тем, поворотом "Охотск" уменьшил поступательное движение вперед, тогда как эсминец "Решительный" продолжал по инерции движение, чем был ослаблен буксир, который около 9 часов 8 ноября намотался на оголяющийся винт "Охотска". Потеряв ход, гидрографическое судно "Охотск" отдал якорь, задержался на якоре, эсминец "Решительный", продолжая движение по инерции, приблизился своей кормовой частью к форштевню гидрографического судна "Охотска" вплотную, в результате чего получил три подводных пробоины в левый

борт (это произошло между 9—10 ч 8 ноября). Дальнейшие удары "Охотска" об эсминец "Решительный" были прекращены путем отклепывания якорного каната на "Охотск", отдачи буксира и пуском одной машины на эсминце "Решительный".

Отойдя от "Охотска" (отнесло волной), а затем освободившись от буксира, эсминец "Решительный" задержался на отданном якоре, но ввиду большой волны эсминец продержался на одном якоре при подрабатывании малым ходом одной машины не больше двух часов, после чего якорь-цепь лопнула, и эсминец "Решительный", дав ход, лег на курс 90°, пошел в море. В данном случае особо ярко сказалась преступность капитана 3-го ранга Горшкова в отношении наличия якорей. На эсминце "Решительный" было 4 якоря, из которых в критический момент мог быть использованным только один носовой якорь, так как у второго носового якоря была взята якорь-цепь в качестве буксира, а два кормовых якоря были приварены на корме к палубе без заранее заведенных концов.

Наблюдая за происходящим, командир тральщика № 12 лейтенант Ципник несколько раз запрашивал капитана 3-го ранга Горшкова "Чем могу помочь?", на что получил ответ не подходить к эсминцу. Горшков объясняет это решение боязнью утопить тральщик, а при даче хода эсминцем лейтенант Ципник получил приказание следовать за эсминцем "Решительный", что выполнено не было ввиду большого хода эсминца, который быстро оторвался от тральщика № 12 и скрылся в нашедшей мгле.

Не имея радиосвязи с гидрографическим судном "Охотск", который не знал даже позывных эсминца "Решительного", работая на общей радиоволне на данный день, эсминец "Решительный", продержавшись своим ходом до 16 ч 12 мин, оказался без хода, без якорей, совершенно беспомощным. К тому же рация к этому времени, так же как и главная машина, вышла из строя, что лишило возможности эсминцу "Решительный" хотя бы сообщить о своем местонахождении. Тральщик № 12 найти эсминец не мог ввиду большой мглы, большой волны, при наличии одного узла скорости. В результате создавшейся обстановки эсминец "Решительный", дрейфуя со скоростью 3 мили "по воле волн", как выразился руководитель перехода капитан 3-го ранга Горшков, в 18 ч 50 мин 8 ноября 1938 года был выброшен на берег и разбит о каменные гряды. При катастрофе погиб один рабочий завода т. Есауленко. Часть краснофлотцев, командиров и рабочих завода получили ушибы.

Эсминец "Решительный" после катастрофы оказался разломан на три части, имеет разбитой подводную часть, совершенно выведен из строя. Подробности и состояние эсминца изложены в техническом акте и

прилагаемых при этом фотоснимках.

Необходимо отметить, что, попав в исключительно тяжелое положение, личный состав эсминца "Решительного", за исключением небольшого числа рабочих завода, проявил достаточную выдержку, дисциплинированность и организованность. Благодаря выдержке, настойчивости и распорядительности капитана 3-го ранга Горшкова в самые критические минуты после того, когда эсминец "Решительный", выброшенный на камни, начал разламываться на части от удара волн о корпус корабля, весь личный состав эсминца был спасен и благополучно высажен на берег.

Выводы:

Исходя из вышеизложенного, комиссия считает, что основными причинами гибели эсминца "Решительный" являются:

1) Недооценка Военсоветом Тихоокеанского флота правительственного задания о переводе кораблей из Комсомольска во Владивосток и невыполнение Ваших указаний, предупреждающих об особой ответственности при выполнении данного правительственного задания: вести корабли под буксирами, не задерживаться в Советской Гавани для подготовки механизмов кораблей, не упустить период хороших погод

2) Отсутствие плана перевода кораблей из Советской Гавани во Владивосток, отсутствие всякой организации в подготовке к переводу кораблей, отсутствие всякого политического обеспечения перевода кораблей.

3) Исключительная неорганизованность, бесплановость и бестолковщина в подборе кораблей для буксировки эсминца из Советской Гавани во Владивосток, а также отсутствие достаточно надежных обеспечивающих средств на данный переход.

4) Грубое игнорирование метеобстановки и прогноза погоды при выходе эсминца "Решительный" из Советской Гавани во Владивосток как со стороны Горшкова, так и в особенности со стороны командующего флотом Кузнецова

5) Отсутствие настоящего конкретного руководства подготовкой, а также переходом эсминца "Решительного" со стороны командующего флотом Кузнецова, самоустранение от руководства члена Военсовета Лаухина и полная бездеятельность штаба флота, его работников и начальника штаба Богденко.

6) Зазнайством, высокомерием "нам все нипочем", а также военно-морской неграмотностью Горшкова, который преступно игнорировал

элементарные военно-морские правила крепление буксиров намертво, лишение эсминца якорей, нахождение всех руководителей на эсминце, движение близко к берегу, игнорирование прогнозов состояния погоды.

7) Неудачный корабль-буксировщик "Охотск", не приспособленный для буксировки, не имевший глаголь-гаков, имевший неопытного командира по буксировкам, не получивший никакого инструктажа перед выполнением

Исходя из указанных причин гибели эсминца "Решительный", считаем прямыми и главными виновниками являются командующий флотом флагман 2-го ранга Кузнецов и командир 7 морбригады капитан 3-го ранга Горшков.

Виновны также в гибели эсминца член Военсовета Тихоокеанского флота корпусной комиссар Лаухин и в меньшей степени начальник штаба Тихоокеанского флота капитан 3-го ранга Богденко (изложено в настоящих выводах). Также виновны: командир дивизиона капитан 2-го ранга Капустин, выполнявший обязанности помощника командира отряда по переводу кораблей, командир гидрографического судна "Охотск" капитан-лейтенант Горбунов, комиссар "Охотска" старший политрук Лопатников, командир эсминца "Решительный" старший лейтенант Беляев и комиссар эсминца "Решительный" Отрубянников, которые халатно относились к выполнению возложенных на каждого из них служебных обязанностей и безответственно выполняли неправильные, а порой и явно преступные распоряжения капитана 3-го ранга Горшкова»^[20].

На мой взгляд, обвинять Октябрьского в необъективности и сгущении красок в записке особых оснований нет. Он даже не упоминает о том, что еще до выхода корабля в море в правительство поступил письменный доклад от представителя главного управления судостроительной промышленности Наркомата оборонной промышленности А.М. Редькина о невозможности перевода кораблей во Владивосток в таком техническом состоянии.

Нарком ВМФ Михаил Петрович Фриновский полностью согласился с выводами комиссии и решил судить Горшкова и Кузнецова Тут несколько слов нужно сказать о самом наркome. Фриновский родился в 1898 г. в семье учителя, в 1914 г. окончил духовное училище, затем связался с анархистами. С 1919 г. в органах ВЧК. В 1928–1930 гг. командир дивизиона особого назначения им Дзержинского. С 1 сентября 1930 г. председатель ГПУ Азербайджана. Позже стал выдвигенцем Н.И. Ежова. С 16 октября 1936 г. заместитель, а с 15 апреля 1937 г. первый заместитель наркома внутренних дел СССР. Одновременно с 15 апреля 1937 г. по 9 июня 1938 г.

Фриновский возглавлял Главное управление безопасности НКВД СССР.

Летом 1938 г. Сталин решил избавиться от наркома внутренних дел Ежова и выдвинул ему в противовес Л.П. Берия. 22 августа 1938 г. Берия назначается первым замом к Ежову и сразу приступает к зачистке руководства НКВД от протезе Ежова В результате всего через 17 дней после прихода Берии, 8 сентября 1938 г., Фриновский назначается наркомом ВМФ.

Какие познания имел новый нарком в морских делах — вопрос риторический. Но сам Михаил Петрович воспринял свое назначение как необходимость усиления борьбы с врагами народа в ВМФ.

Но делу Кузнецова — Горшкова помешало продолжение кремлевской интриги. Подписывая докладную записку, Октябрьский не знал, что за неделю до этого, 17 ноября 1938 г., Сталин подписал постановление Совнаркома и ЦК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», где отмечались извращения в работе НКВД. 23 ноября Ежов отправил на имя Сталина письмо с просьбой освободить его от обязанностей наркома внутренних дел в связи с допущенными им ошибками. 25 ноября его просьба была удовлетворена

В такой ситуации Сталину было не до Кузнецова с Горшковым, и дело не дошло не только до суда, но даже до оргвыводов и снятия с должностей.

6 апреля 1939 г. был арестован Фриновский, а 10 апреля — Ежов. Что же касается Кузнецова, то в декабре он был вызван в Москву на заседание Реввоенсовета ВМФ, состоявшееся в Кремле с участием членов Политбюро. 19 декабря Кузнецов выступил на Главвоенсовете ВМФ и доказал невиновность Горшкова и свою собственную. С этого момента карьера Николая Герасимовича круто пошла вверх. В марте 1939 г. он стал членом ЦК ВКП(б), 28 марта назначен замнаркома ВМФ, а ровно через месяц — наркомом ВМФ.

С.Г. Горшков в июне 1939 г. был отправлен на Черноморский флот командовать бригадой эсминцев, через год он стал командиром бригады крейсеров Черноморского флота.

Ни Кузнецов, ни Горшков никогда не простили Октябрьскому злополучной докладной записки. У Октябрьского появилось два злейших врага: один — непосредственный подчиненный, другой — непосредственный начальник.

Нетрудно догадаться, как это сказалось на их самостоятельности и грамотности принимаемых решений. Забегая вперед, скажу, что в ходе войны Кузнецов лез буквально во все мелочи на Черноморском флоте. Так, в октябре 1941 г. Октябрьский захотел переместить 8 устаревших пушек

системы Кане (4—152-мм и 4—75-мм) с крымского берега Керченского пролива на кавказский (примерно на 20 км). И, кстати, правильно сделал, а иначе пушки были бы захвачены немцами. Интересно другое: в армии командир дивизии мог передислоцировать две батареи личным приказом, ну, в крайнем случае, проинформировать командира корпуса. А если бы комдив стал докладывать по сему поводу наркому, то немедленно встал бы вопрос о его психическом здоровье.

Но во флоте Николай Герасимович завел другой порядок Докладывать пришлось ему лично. Он подумал-подумал и разрешил

ГЛАВА 5. ПАРАШЮТИСТЫ НАД СЕВАСТОПОЛЕМ

С середины 1960-х годов наши историки, мемуаристы и писатели с большим рвением стали описывать события первых часов Великой Отечественной войны. Сталин-де спал, Берия тоже. Только вот один нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов вовремя приказал перейти флоту в полную боевую готовность, а командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский блестяще отбил первую атаку германской авиации, сбив два, три, четыре и более бомбардировщиков противника

Что же произошло на самом деле? Недавно были рассекречены выписки из журналов записей лиц, принятых И.В. Сталиным^[21]. Согласно им 21 июня Сталин принял 12 человек с 18 ч 27 мин до 23 часов, в том числе Берия с 19 ч 05 мин до 23 часов. Утром 22 июня Сталин принял в 5 ч 45 мин Молотова, Берия, Тимошенко, Мехлиса и Жукова

Зато в Севастополе до самой ночи шел большой концерт в театре им Луначарского, на котором присутствовало все флотское начальство во главе с командующим А потом у Октябрьского началось застолье, затянувшееся до налета германской авиации.

22 июня в 0 ч 55 мин телеграмма наркома Кузнецова о переходе на оперативную готовность № 1 ушла из Москвы во флоты и флотилии,

В штабе Черноморского флота в ночь с 21 на 22 июня дежурил начальник штаба контр-адмирал Н.Д. Елисеев. Но, как позже писал оперативный дежурный по Черноморскому флоту Н.Т. Рыбалко, Елисеев заглянул к нему около 23-х часов и сказал «Я на несколько минут отлучусь домой». Появился он только во втором часу ночи уже с телеграммой от наркома.

В штабе Черноморского флота телеграмму получили в 1 ч 03 мин 22 июня. В 1 ч 15 мин командующий Черноморским флотом объявил готовность № 1. Причем вначале на всякий случай было решено сделать это тихо, через так называемых оповестителей. Большая часть командного состава Черноморского флота находилась поздно вечером в Доме флота на севастопольской набережной недалеко от Памятника затопленным кораблям Но многие командиры были дома или в других местах. Поэтому в 1 ч 55 мин по главной базе Черноморского флота был объявлен «большой сбор». Завыли сирены, постепенно стали гаснуть огни на улицах и в домах.

Но достичь полного затемнения не удалось, тогда командование флота решило отключить все электропитание города Севастополь погрузился во тьму. Горели лишь огни Херсонесского маяка и Инкерманские створные огни.

— Почему горят маяки?! — возмутился Рыбалко.

Его помощник капитан-лейтенант Левинталь растерянно ответил

— Не знаю, не работает связь.

Рыбалко схватил трубку и связался с начальником гарнизона генерал-майором ПА. Моргуновым. Выяснилось, что у Моргунова уже был по этому поводу неприятный разговор с командующим флотом адмиралом Ф.С. Октябрьским. Командиру 35-й батареи и начальнику караула Сухарной балки начальник гарнизона приказал срочно выслать мотоциклиста и передать, чтобы створные огни и маяки были немедленно выключены.

Наконец ориентиры на подходах к Севастополю с моря — Херсонесский маяк и Инкерманские створные огни — погасли.

Около трех часов ночи дежурному в штабе флота сообщили, что посты СНИС и ВНОС^[22], оснащенные звукоуловителями, слышат шум авиационных моторов. Рыбалко доложил об этом Елисееву.

Позвонил начальник ПВО полковник Жилин, спросил:

— Открывать ли огонь по неизвестным самолетам?

— Доложите командующему, — ответил начальник штаба Рыбалко доложил командующему флотом И тут между ними произошел разговор, записанный дежурным. Октябрьский: «Есть ли наши самолеты в воздухе?» Рыбалко: «Наших самолетов нет».

Октябрьский: «Имейте в виду, если в воздухе есть хоть один наш самолет, вы завтра будете расстреляны».

Рыбалко: «Товарищ командующий, как быть с открытием огня?»

Октябрьский: «Действуйте по инструкции».

Подстраховавшись с подчиненными, Октябрьский решил подстраховаться и у начальства, напрямую обратившись не к своему непосредственному начальству наркому ВМФ Кузнецову, а сразу в Генштаб к Жукову. Адмирал доложил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Георгий Константинович спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с Тимошенко, Жуков ответил Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

А пока Октябрьский, Жуков и Тимошенко обсуждали традиционный русский вопрос «Что делать?», в штабе флота Рыбалко и Елисеев конкретно решали, что ответить начальнику ПВО полковнику Жилину. В конце концов, Елисеев отважился:

— Передайте приказание открыть огонь.

— Открыть огонь! — скомандовал Рыбалко начальнику ПВО.

Но Жилин также хорошо понимал весь риск, связанный с этим, и вместо того, чтобы произнести краткое «Есть!», он ответил:

— Имейте в виду, вы несете полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий.

А тем временем германские самолеты уже были над городом. Внезапно включились прожекторы, и открыли огонь зенитные батареи Севастополя. Всего город защищали сорок четыре 76-мм зенитные пушки, подчинявшиеся флоту. Постепенно к огню береговых зениток стали подключаться и зенитные орудия на некоторых кораблях. Задержка в стрельбе на кораблях была связана с тем, что к трем часам ночи еще ни один корабль не перешел на боевую готовность № 1. Сделано это было гораздо позже. Так, к примеру, флагманский корабль линкор «Парижская Коммуна» перешел на боевую готовность № 1 лишь в 4 ч 49 мин, то есть уже после вражеского налета,

В 3 ч 48 мин на Приморском бульваре взорвалась первая бомба, через 4 минуты на берегу напротив Памятника затопленным кораблям взорвалась еще одна бомба. Но это полбеды. В штаб флота оперативному дежурному с постов связи, с батареей и кораблей доносили, что в лучах прожекторов видны сбрасываемые парашютисты. Генерал-майор Моргунов доложил, что недалеко от 12-й батареи береговой обороны сброшено четыре парашютиста.

— Усилить охрану штаба! — последовала реакция Н.Т. Рыбалко.

Сработал «критский синдром». В городе началась паника. Поднятые по тревоге моряки и сотрудники НКВД бросились искать парашютистов. Поднялась беспорядочная стрельба.

Наутро выяснилось, что никаких парашютистов нет, а на улицах только среди мирных жителей подобрали 30 человек убитыми и свыше 200 ранеными. Понятно, что это дело не двух бомб.

Тем не менее «критский синдром» продолжал действовать. Рано утром 22 июня Крымский обком партии (секретарь обкома Булатов) телеграфировал горкомам и райкомам партии о введении военного положения в Крыму «...приведите в боевую готовность партаппарат, все

средства воздушной обороны. Поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютными десантами, усильте охрану предприятий, важнейших объектов...»

Но вернемся в Севастополь. К четырем часам утра вражеский авианалет кончился, а еще через 13 минут над городом появились наши истребители. Налет производили пять самолетов Хе-111 из 6-го отряда эскадрильи KG4, базировавшейся на аэродроме Цицистрия в Румынии. Они сбросили 8 магнитных мин, две из которых попали на сушу, и сработали самоликвидаторы. По советским данным зенитчики сбили два «хенкеля», но на самом деле все германские самолеты вернулись на свой аэродром

В начале пятого часа Октябрьский позвонил Жукову и бодро отрапортовал:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

С большим трудом подчиненным удалось убедить Октябрьского, что никакой попытки удара по кораблям не было, равно как и не было мифических парашютистов. Адмирал все еще сомневался, но в 4 ч 35 мин разрешил на всякий случай протралить фарватеры Северной^[23] и Южной бухты, а также входной фарватер к бонам

Бригада траления немедленно приступила к работе, но ни одной мины обнаружено не было. А в тот же день вечером, в половине девятого, у входа в Северную бухту прогремел мощный взрыв — взорвался буксир «СП-12». К месту гибели буксира немедленно рванулись катера, но подобрать из воды удалось лишь пятерых из 31 члена экипажа.

В 1962 г. в своих мемуарах вице-адмирал И.И. Азаров написал о «СП-12»: «Это были первые жертвы войны от магнитно-донных мин, тогда еще нам неизвестных. Их ставила немецкая авиация при налете на Севастополь»^[24].

После войны в печати появились и другие легенды о германских магнитных минах, и как наши герои-моряки сумели распознать их действие и научились с ними бороться. Увы, на самом деле с первыми донными магнитными минами красные военморы познакомились еще в 1919 г. в боях на Северной Двине с английской речной флотилией. В СССР впервые магнитными минами занялось «Остехбюро» в 1923 г. Первая отечественная магнитная мина «Мираб» была принята на вооружение в 1939 г. Другой вопрос, что к началу войны наш ВМФ располагал всего лишь 95 минами «Мираб».

Самое же интересное, что немцы в 1940 г. продали СССР образцы своих магнитных мин. Но из-за системы советской тотальной секретности о минах «Мираб», равно как и о покупке германских магнитных мин, руководство флота не соизволило известить даже командующих Балтийским и Черноморским флотами, я уж не говорю о простых минерах. В результате секреты закупленных еще в 1940 г. германских мин нашим морякам приходилось раскрывать уже в ходе войны, зачастую платя за них собственными жизнями.

Вновь вернемся в штаб Черноморского флота Пока по всему Крыму ловили парашютистов, отрабатывая «критский вариант», в штабе флота царил «итальянский синдром». Из неизвестных источников постоянно появлялись слухи о проходе итальянского флота через Дарданеллы и выходе его в Черное море.

Действительно, в 12 часов дня 22 июня министр иностранных дел Италии Чиано ди Кортеделаццо вызвал советского посла Н.В. Горелкина и сделал ему официальное заявление от имени итальянского правительства «Ввиду сложившейся ситуации, в связи с тем, что Германия объявила войну СССР, Италия, как союзница Германии и как член Тройственного пакта, также объявляет войну Советскому Союзу с момента вступления германских войск на советскую территорию, т. е. с 5.30 22 июня»^[25].

На этом все и ограничилось. Ни один итальянский боевой корабль даже не собирался идти в Проливы.

25 июня турецкий посол Хайдор Актай посетил МИД и передал Молотову вербальную ноту, где говорилось: «Турецкий посол имеет честь довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, Правительство Республики решило провозгласить нейтралитет Турции»^[26].

ГЛАВА 6. ОТРАЖЕНИЕ НАПАДЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ФЛОТА

Как видим, ни до 22 июня 1941 г., ни после у советских политиков и адмиралов не было никаких оснований предполагать, что итальянский флот войдет в Черное море. Но, увы, наши флотоводцы 20 лет свято верили во вторжение иностранных флотов через Проливы и 20 лет к нему готовились, и физически ничего не могли представить иного. Тут самый наглядный пример — это события Средневековья, когда инквизиторы были уверены, что в подозреваемую женщину вселился дьявол, да зачастую и сами обвиняемые верили в это.

Итак, на Черном море появился дьявол по имени Бенито Муссолини. Еще в начале июня 1941 г. адмирал Октябрьский, ссылаясь на разведку флота, доложил наркомку Кузнецову, что в Черное море вошли 10–12 вражеских подводных лодок.

Сразу же после окончания налета на Севастополь германских самолетов командование Черноморского флота энергично приступило к выполнению заранее разработанных планов. К 15 часам командование флотом перешло в бетонный бункер (флагманский командный пункт Черноморского флота, оборудованный в подземных помещениях у Каменной пристани Южной бухты).

Немедленно был организован поиск вражеских подводных лодок. В районе главной базы три пары гидросамолетов МБР-2 во взаимодействии с тремя ударно-поисковыми группами сторожевых катеров осуществляли его ежедневно. При входе на внутренний рейд базы четыре сторожевых катера вели круглосуточное визуальное наблюдение за перископами подводных лодок. Они же прослушивали район шумопеленгаторами. Кроме того, на внешнем рейде были выставлены противолодочные сигнальные сети. Вход на рейд в Севастопольскую бухту был защищен тремя линиями бонового ограждения, а для индивидуальной защиты линкора и крейсеров к утру 23 июня непосредственно в Севастопольской бухте были поставлены противоторпедные сети. Воздушную разведку в районе главной базы осуществляли самолеты МБР-2. Над городом барражировали наши истребители.

Приказом адмирала Октябрьского командир Новороссийской военно-морской базы обязан был производить два раза в сутки ближнюю

воздушную разведку радиусом в 70 миль от базы и один раз в сутки дальнюю воздушную разведку до Синопа и Чива, однако не нарушая территориальных вод Турции. На командира Батумской ВМБ возлагалась организация двукратной воздушной разведки до меридиана Трабзон, также без нарушения территориальных вод Турции.

На командование ВВС Черноморского флота было возложено осуществление дальней воздушной разведки: утром по маршруту Сулина — Констанца — Босфор — Зунгулдак, вечером — по маршруту Зунгулдак — Босфор. Воздушная разведка турецких и болгарских портов производилась скрытно, без залета в территориальные воды этих государств.

Вечером 12 подводных лодок вышли в море. Командование флотом выделило им 12 участков по всему побережью Черного моря. Но лишь три лодки Щ-205, Щ-206 и Щ-209, отправленные к берегам Румынии и Болгарии, могли принести хоть какую-то пользу в войне с Германией и Румынией. Еще одна лодка была послана к турецкому порту Самсун, а остальные прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску и Батуми.

В дозоры у крымского и кавказского побережья высылались не только подводные лодки, но и сторожевые катера, и корабли, а в отдельных случаях даже эсминцы.

Транспортные суда стали сопровождаться сторожевыми катерами, тральщиками, а особо ценные суда — эсминцами и даже крейсерами.

В труде А.В. Платонова «Господство на Черном море. 1941–1944» рассказано о разведданных, полученных в Севастополе из Москвы: «...в сводке от 27 июня обращает на себя внимание следующая фраза "Имеются сведения, что итальянский флот следует через Дарданеллы в Черное море для высадки десантов в направлении Одесса — Севастополь"^[27]. В тексте рукой начальника штаба флота слово "следует" исправлено на "проследует". Источник: данной информации не указан, и в последующих разведсводках больше о ней не упоминалось. Вновь итальянские корабли попали в сводку от 1 июля. Там говорилось, что в ближайшее время через проливы в Черное море под болгарским флагом ожидается проход шести итальянских миноносцев. 2 июля сообщалось о выходе из Босфора эсминца в сторону Бургаса, при этом национальность корабля не указывалась. 4 июля радиоразведкой отмечена работа итальянской радиостанции в Варне, из чего сделан вывод, что вышедший из Босфора эсминец "по-видимому, итальянский". 7 июля в сводке указывалось, что по уточненным данным в Варне итальянских эсминцев нет. Но 8 июля сводка утверждает, что 3 июля

в Бургас прибыли "два итальянских военных корабля с оружием, предназначенным для итальянского экспедиционного корпуса, действующего на советском фронте". Здесь вообще какая-то несуразица. Во-первых, что это за корабли и откуда они вдруг взялись в Черном море, их что, наша разведка проспала в Босфоре? Во-вторых, зачем везти оружие на боевых кораблях, нарушая статус Черноморских проливов, если гораздо удобнее сделать это на гражданских судах. В-третьих, никакого итальянского экспедиционного корпуса в то время на советско-германском фронте не было^[28]. Последний раз итальянские корабли появляются в разведсводках в середине сентября, когда уже все оборонительные заграждения были выставлены»^[29].

Правда, тут Андрей Васильевич немного заблуждается — сведения об итальянских надводных кораблях появляются и после середины сентября 1941 г., а последний раз «большие итальянские подводные лодки» упоминаются в донесениях в первой половине 1943 г.

Не забыли начальники разведотделов и германские подводные лодки. «По данным разведывательного отдела флота на 29 июня на Черном море действовало 7–8 германских подлодок. Из них три якобы базировались на Созопол (Болгария). Но еще раньше, 26 июня, Ф.С. Октябрьский в телеграмме командирам военно-морских баз, к числу "главных и сильных врагов", кроме авиации, причислил и подводные лодки, которых, как указывалось в телеграмме, "немцы притащили в Черное море, видимо, не один десяток". 2 июля в донесении наркому ВМФ командующий флотом докладывал: "Сейчас точно установлено, что на Черноморском театре у наших военно-морских баз работает минимум 10–12 подводных лодок". Видимо, на основании этого донесения на следующий день адмирал Н.Г. Кузнецов докладывал Государственному Комитету Обороны о том, что "порт Варна используется для базирования 10–12 немецких подводных лодок, действующих у наших берегов..."

Далее динамика донесений разведывательного отдела флота по германским подлодкам выглядела следующим образом. 2 июля разведчики доложили о двух германских подлодках в Варне. 10 июля — на порты Болгарии как нейтрального государства базируются немецкие подлодки, укрывающиеся от наших вооруженных сил. 12 июля — по достоверным данным в судоремонтных мастерских в Варне собираются четыре германских подлодки. 15 июля эта информация подтверждается. 14 июля — в Бургасе отмечено две итальянские подводные лодки. Периодически сообщается о выходе германских подлодок из Бургаса в море и даже

указываются курсы. 17 июля — из Италии в речной румынский порт Джурджуу прибыли две подлодки. 17 июля вновь подтверждаются сведения о наличии в Варне трех германских подлодок. 22 июля — вверх по Дунаю на буксире проследовали две поврежденные германские подлодки. 4 августа — в Румынию прибыли 2000 немецких моряков с подводными лодками в разобранном виде. 10 августа — подтверждается сборка в судоремонтных мастерских Варны трех германских подлодок. 6 сентября — согласно записи болгарского погранпоста № 38 зарегистрировано с начала войны движение вниз по Дунаю 7 подлодок, 22 торпедных катеров... 14 сентября — в Бургас прибыли немецкие подлодки в разобранном виде»^[30].

8 начале июля самолеты-разведчики доложили, что в Черном море обнаружено от 10 до 20 неприятельских подводных лодок. Узнав об этом, нарком Кузнецов 7 июля приказал Военному совету Черноморского флота выставить противолодочные сети в Керченском проливе для недопущения прохода подводных лодок в Азовское море. Замечу, что в Азовском море максимальная глубина всего 13 м.

9 июня Кузнецов доложил Сталину о том, что в Керченском проливе установлен противолодочный дозор из двух малых охотников, в поддержку дозора выделены 2 торпедных катера и 3 самолета МБР-2, а также выслан тральщик для установки в Керченском проливе противолодочных сетей^[31].

Между тем вражеские лодки начали действовать. Уже 24 июня в 11 ч 30 мин и в 13 ч 20 мин канонерская лодка «Красная Армения» у Тендровской косы была дважды «атакована» подводной лодкой противника.

24 июня командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г.В. Жуков доносил адмиралу Октябрьскому, что на Одесском рейде трижды бомбили обнаруженную вражескую подводную лодку, наблюдали на воде даже масляное пятно.

25 июня в 11 ч 15 мин у мыса Сарыч близ Севастополя заметили перископ подводной лодки. Почти одновременно пограничный малый охотник в районе реки Шохе (между Туапсе и Сочи) обнаружил и атаковал подводную лодку. В нескольких километрах другую подводную лодку заметили с наземного пограничного поста.

Из дневника адмирала Октябрьского^[32]: «28 июня. В.Г. Фадеев докладывает, что якобы вчера между 8—10 часами его катера-охотники уничтожили одну подводную лодку противника в районе главной базы. Признаки: подводные взрывы на месте бомбежки, масляные пятна, сильное травление воздуха

А сегодня вечером, около 20.30, наблюдали на восток от Херсонесского маяка большой столб воды, фонтан (травился воздух), и слышен был сильный взрыв, по-видимому, мины на нашем минном поле. Что-то много подводных лодок противника в районе главной базы...

.. Доложили, что ночью с 28 на 29.06 подводная лодка М-33, возвращаясь с позиции, в 40 милях на северо-запад от Херсонесского маяка, в 5 кабельтовых от себя обнаружила подводную лодку противника. Командир заметил искрение, по-видимому, выхлоп из дизеля, а когда развернулся для атаки, лодка погрузилась. Долго думал, и упустил время. Говорит, думал — своя»^[33].

На самом деле командир М-33 капитан-лейтенант Дмитрий Суров принял за итальянскую субмарину М-35, шедшую на позицию № 1, чтобы сменить там М-33. В свою очередь командир М-35 капитан-лейтенант Михаил Грешилов тоже решил атаковать встреченную лодку — какая еще лодка могла быть у входа в главную базу, кроме итальянской. Разве что немецкая!

Как говорится в официальном издании «Подводные силы Черноморского флота»: «Попытка обоих командиров лодок маневрировать для атаки взаимно не удалась: они быстро потеряли друг друга в темноте»^[34].

Но вернемся к воспоминаниям Филиппа Сергеевича «Начальник штаба с разведотделом (Елисеев И.Д., Намгаладзе Д.Б.) доложили (часть этих данных дает наша военная разведка):

1 — Идет сосредоточение транспортов на Анатолийском побережье, до 40 единиц,

2 — В Болгарии в Варне насчитывается до 2000 немецких матросов.

3 — В Варну якобы скоро прибывает более 30 немецких торпедных катеров.

4 — В Констанце сосредоточиваются десантные понтоны.

5 — Босфор прошло большое количество подводных лодок (вошли в Черное море).

6 — В Констанцу доставлено из Германии большое количество морских мин.

7 — Немцы организовали свою ВМБ, помимо Констанцы, и в Варне.

8 — Турки продолжают пропускать через проливы немецкие военные корабли, идущие в Черное море».

6 июля «в 12 ч 15 м в трех милях на север от Константиновского равелина находился наш МО-4, якобы по нему была выпущена торпеда с

подводной лодки противника. Командир и его акустик (акустика "Посейдон") ничего не видели и не слышали. Торпеда прошла мимо катера. Один другого стоит: командир МО-4 и командир вражеской подводной лодки».

Вот что писал генерал-лейтенант П.И. Батов: «Поскольку Ставка Верховного Главнокомандования и Южный фронт тогда не интересовались положением в сухопутных войсках Крыма — им было не до нас — нам приходилось получать ориентировку преимущественно через штаб флота. У меня сохранились выписки из разведывательных и других штабных документов того времени. Чего тут только нет! 22 июня: в Констанце готовится десант... авиаразведкой обнаружены 10 транспортов противника... направление на Крым 24 июня: на траверзе Шохе обнаружена подводная лодка... концентрация судов в районе Констанцы свидетельствует о подготовке десанта... на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов. 27 июня: итальянский флот проследовал через Дарданеллы в Черное море для высадки десанта в Одессе и Севастополе. 28 июня: подтверждается наличие в Констанце 150 десантных катеров. В первой половине июля то же самое — из района Констанца, Тульча, с аэродромов Румынии можно со дня на день ждать десантов, как морских, так и воздушных. 7 июля штаб Дунайской флотилии сообщил, что из портов Болгарии и Румынии в неизвестном направлении вышли 37 транспортов с войсками...»^[35]

Но в Москве в Генштабе и командование Черноморского флота разгадали подлый замысел неприятеля — высадить в Крыму крупный морской и воздушный десант.

12 июля выходит приказ начальника гарнизона города Севастополя «Об организации обороны Главной базы и отражении нападения десанта противника с суши и с воздуха», в котором говорится:

«1. Командирам I, II и III секторов:

Всеми наличными огневыми средствами и с приданной артиллерией не допустить высаживающегося десанта противника с моря и воздуха в районе ГБ, а в случае высадки задержать на рубежах обороны и решительными контрударами — уничтожить его живую силу.

2. Командиру Городского участка:

При выброске парашютного десанта в черте города быстрыми и решительными действиями ударных групп уничтожить противника, не допустив захвата объектов экономического и военного значения.

3. Командиру особого Балаклавского участка:

Не допустить высадки и закрепления десанта в районе Балаклавы и на подступах к городу и всеми имеющимися силами — уничтожить.

4. Начальнику Крымского участка ПВО:

Огнем зенитной артиллерии и истребительной авиации активно участвовать в отражении воздушного десанта в воздухе и после его приземления. В тесном взаимодействии с командирами секторов и участков оказать поддержку путем посылки ударных групп для уничтожения десанта противника.

5. Командирам 1,2 и 3 ОАД БО:

Не ослабляя наблюдения за морским сектором, содействовать в отражении воздушного десанта противника ружейно-пулеметным и шрапнельным огнем»^[36].

Маршал Б.М. Шапошников срочно позвонил командующему сухопутными войсками Крыма генерал-лейтенанту П.И. Батову.

— Вы понимаете, голубчик мой, что успех немецкого десанта в Крыму до крайности обострил бы положение не только на Южном, фронте. Из Крыма один шаг на Тамань и к кавказской нефти. Принимайте все меры противодесантной защиты как на берегу, так и внутри Крыма Как у вас отношения с Октябрьским?

— Борис Михайлович, — ответил Батов, — лучших отношений желать не нужно. Обе стрелковые дивизии укрепляют оборону побережья, 156-я несет охрану его юго-восточной части, от Керчи до Севастополя, а 106-я — на юго-западе, включая Евпаторийское побережье. Против воздушных десантов мы выставили 33 истребительных батальона, созданных с активной помощью пограничных войск В основном они из местных жителей, ядро составилось из коммунистов и комсомольцев. Эти батальоны контролируют железную дорогу Армянск — Феодосия и районы, удобные для посадки самолетов.

Через пару дней в штабе Батова телефоны раскалились докрасна Один за другим сыпались доклады:

— Получены данные о высадке воздушных десантов на перевале дороги Симферополь — Алушта и близ дороги Бахчисарай — Севастополь.

— Тысячи десантников высаживаются с кораблей в районах Судака и Керчи.

Началось! В воздух поднялись истребители, штурмовики и бомбардировщики. Леса и горы прочесывали десятки тысяч солдат, пограничников и местных жителей из истребительных батальонов.

В штабе ждали донесений. Но вот раздаются сконфуженные голоса командиров, прочесавших просторы Крыма:

— Противник не обнаружен!

— На пляжах Судака и Керчи никто и слыхом не слыхивал о десантниках.

Увы, никаких немецких или иных воздушных десантов летом 1941 г. не было и не планировалось не только в Крыму, но и на всем Восточном фронте. Лишь несколько групп германских парашютистов было выброшено в зоне действий групп армий Север и Центр. Но это были не ВДВ, а рота специального назначения из диверсионного полка «Бранденбург».

19 июля 1941 г. в Растенбурге Адольф Гитлер вручал награды парашютистам, отличившимся при захвате Крита. Фюрер подошел к генералу Штуденту, командующему ВДВ Германии, и заявил: «Крит показал, что прошло время, когда удар должны наносить парашютисты. Их вмешательство предполагает полную неожиданность для противника, а это уже невозможно... Мне известна фантастическая смелость ваших парашютистов на Крите, — продолжал Гитлер. — Они сделали невозможное. Но это обошлось нам слишком дорого»^[37].

Поэтому участие германских ВДВ даже не планировалось в начале войны с СССР. Впервые в боях на Восточном фронте германские парашютисты появятся в конце сентября 1941 г. И это случится под Ленинградом, но и там они не будут прыгать с парашютом, а будут использоваться в качестве обычной пехоты. В ходе всей Великой Отечественной войны подразделения германских ВДВ ни разу не оказывались ближе к Черному морю, чем на тысячу километров.

Но, увы, десантобоязнь наших адмиралов не ослабла, а лишь увеличилась.

2 июля Октябрьский доложил наркому Кузнецову «свою оценку положения в болгарских портах на Черноморском театре. Многими источниками подтверждено, что немцы организовали в порту Варна базу для своего флота. В городе, домах отдыха и санаториях размещено много немецких матросов. В городе создана сильная система ПВО. Залив заминирован. Организована мощная береговая оборона.

Ожидалось прибытие из Германии большого количества торпедных катеров, а итальянцы собирались провести в Черное море свои эскадренные миноносцы под болгарским флагом. Кроме того, было точно установлено, что на Черноморском театре у наших ВМБ действовало 11–12 немецких подводных лодок, и все они, видимо, базировались на болгарские порты Варна и Бургас. Имелись сведения о том, что подводные лодки противника базировались также и на Сизополь»^[38].

5 июля Октябрьский получил от разведки сведения о сосредоточении большою числа транспортов противника в районе Браилов — Галац, наличие транспортов и сосредоточение большого количества десантных боиндеров в портах от Варны до Констанцы. В результате у адмирала появилось предположение о готовившейся противником десантной операции. Октябрьский срочно связался с командиром Одесской ВМБ контр-адмиралом Г.В. Жуковым и предупредил его:

— Гавриил Васильевич, противник может предпринять десантные операции в районе Одесской ВМБ, особенно на участке от Жебриян до Одессы, во фланг и тыл частям Красной армии, находившимся в Бессарабии.

— Спасибо за предупреждение, Филипп Сергеевич! Мы организуем противодесантную оборону. Но в основном надеемся на вас, на флот.

— Для организации противодействия возможным десантным операциям противника приказываю вам немедленно отозвать торпедные катера из Жебриян в Очаков и постоянно держать отряд торпедных катеров в Днестровском лимане с полным количеством торпед. Срочно приступайте к постановке минного заграждения в районе Бугаза и подготовьте минирование остальных мест возможной высадки десанта по вашему усмотрению, — приказал Октябрьский.

Затем командующий связался с командиром Новороссийской ВМБ, предупредил об угрозе морского десанта и «предложил ему беречь торпедные катера для нанесения ударов по надводному противнику и десантным транспортам в случае их появления, и иметь на каждом катере полный запас торпед. Использование торпедных катеров для целей ПЛО допускалось лишь в исключительных случаях. Было предложено немедленно приступить по ранее разработанным планам к постановке минного заграждения эсминцами типа "Н" и тральщиками в районе Керчи, Новороссийска и Туапсе»^[39].

Далее я, избегая обвинений в предвзятости, вновь процитирую «Хронику...»: «Исходя из того, что, по агентурным данным, из портов Болгарии и Румынии в течение 5 и 6 июля в неизвестном направлении вышли 37 транспортов с войсками, а из-за плохой погоды 6 и 7 июля воздушная разведка просматривала море недостаточно, командующий Черноморским флотом [Октябрьский] потребовал от всех командиров военно-морских баз и соединений флота усилить бдительность и наблюдение. Командующий указал также на то, что имелись сведения о подготовке противника к морскому десанту и, возможно, одновременно к

воздушному десанту»^[40]. Срочно «в дозор» были направлены еще пять подводных лодок.

На пути вражеского десанта, направлявшегося в Одессу, были поставлены подводные лодки М-33 и М-34.

8 июля в 21 ч 36 мин на перехват транспортов с десантом из Севастополя вышли эсминцы «Бойкий», «Бодрый» и «Беспощадный». Однако ночной поиск кораблей противника в районе острова Фидониси результатов не дал. И 9 июля в 12 ч 23 мин три эсминца вернулись в родной Севастополь. Как говорится, тяжело искать черную кошку в темной комнате, особенно когда ее там нет.

13 июля нарком Кузнецов «предупредил Военный совет Черноморского флота, что... на Черном море возможны активные действия противника, поэтому оборона побережья на ближайшие дни должна считаться основной задачей Черноморского флота»^[41].

Какие тут могут быть претензии к Октябрьскому? Московское начальство требует, чтобы Черноморский флот защищал берега от десантов, наши самолеты и корабли доносят о вражеских «шестимоторных самолетах», многочисленных вражеских кораблях и подводных лодках... Думаю, что 95 % наших, британских и германских адмиралов поступили бы так же, как Филипп Сергеевич. Другой вопрос, что 5 % адмиралов (Нельсон, Поль Джонс, Макаров и т. д.) поступили бы иначе.

Замечу, что приказы из Москвы о борьбе с вражеским десантом поступали и позже. Так, 17 августа начальник Главного Морского штаба ВМФ адмирал И.С. Исаков передал Октябрьскому директиву, где говорилось, что «по агентурным данным немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов и что десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева»^[42].

А 13 сентября 1941 г, «заместитель начальника ГМШ сообщил Военному совету ЧФ, что в Бургасе (Болгария) находились шесть транспортов, 20 000 немецких солдат и значительное количество артиллерии. В Варне строилось 16 самоходных барж, предназначенных для перевозки танков в намеченном на 1 октября немецком десанте в районе г. Батуми (Зеленый Мыс); четыре баржи были уже готовы. Расстояние Варна — Батуми противник рассчитывал покрыть в двое суток.

Начальник штаба Черноморского флота приказал начальнику Разведывательного отдела тщательно следить за подготовкой немецкого десанта.

Военный совет Закавказского фронта считал целесообразным

отработать план взаимодействия сухопутных частей с Черноморским флотом на случай их совместных действий по обороне Кавказского побережья в границах фронта

Для отработки этого плана в штаб фронта был командирован начальник штаба Потийской ВМБ. Для усиления этой базы предполагалось придать ей один-два крейсера типа ЧУ ^[43], три подводных лодки, два эскадренных миноносца»^[44].

Честно скажу, если бы это не было написано в совершенно секретной «Хронике...», я бы решил, что это писал ребенок или весьма нетрезвый человек. Представим себе флотилию десантных барж, идущих из Бургаса (кстати, нейтрального порта) к Батуми. Им понадобилось бы не два, а минимум три-четыре дня на оный круиз. Но и за два дня вся эта тихоходная флотилия, лишенная истребительского прикрытия, могла быть легко уничтожена тремя-четырьмя эсминцами, не говоря уж о крейсерах и линкоре. Ну, предположим, что каким-то чудом немцам удалось бы высадиться в Батуми. Так через пару дней командование Закавказского фронта подтянуло бы туда два десятка дивизий, а Черноморский флот пресек бы подвоз подкреплений и боеприпасов. Да десант бы с голоду сдох на Зеленом Мысу!

Прошло две недели. Немцы прорвались в Крым через Перекоп, идут бои за город Армянск, а наш Главный Морской штаб не унимается. 27 сентября «заместитель начальника ГМШ сообщил начальнику штаба ЧФ, что, по данным разведывательного управления Генерального штаба РККА, немцы готовят воздушный десант в Крым. В Болгарии сосредоточены три немецких авиадивизии и парашютные войска, в Варне и Бургасе — тяжелые бомбардировщики и транспортные самолеты»^[45].

Любопытно, что понимали наши штабисты под немецкими тяжелыми бомбардировщиками — двухмоторные Хе-111 или Ю-88? Других-то серийных бомбардировщиков у немцев не было.

Сколько боевых выходов в море в 1941 г. совершили наши крейсера, эсминцы, сторожевые корабли и катера на поиски виртуального противника у берегов Крыма и Кавказа, посчитать невозможно. Только подводные лодки в 1941 г. для несения дозоров у своих военно-морских баз совершили 84 боевых похода, длившихся в общей сложности свыше 730 суток^[46]. Надо ли говорить, как за это время изнашивались механизмы надводных кораблей, катеров и подводных лодок?! А ведь в 1941 г. Черноморский флот лишился судоремонтных баз в Одессе, Херсоне, Николаеве, Севастополе и Керчи. В кавказских же портах судоремонтная база к началу войны почти

отсутствовала. В результате в ходе решающих боев 1942 г. значительная часть наших кораблей и подводных лодок оказалась в небоеспособном состоянии.

Между тем атмосфера ожидания вражеских надводных и подводных армад, постоянно накаляемая московским и севастопольским начальством, давала о себе знать. Так, днем 8 июля 1941 г. гидросамолет МБР-2, осуществлявший поиск итальянских подводных лодок, атаковал подводную лодку М-52, стоящую в дозоре у Новороссийска в ожидании итальянской эскадры.

Всего через неделю у Новороссийска произошло подобное боестолкновение. Утром 14 июля в районе мыса Утриш транспорт «Кубань» пытался протаранить итальянскую подводную лодку. Итальянкой оказалась наша М-51, сменившая на позиции № 10 подводную лодку М-52.

А 23 сентября в 20 ч 44 мин стоявшая на позиции № 1 в 20 милях от Севастополя подводная лодка М-111 выпустила торпеду по итальянскому крейсеру, идущему громить главную базу Черноморского флота. Вернувшись на следующий день в Севастополь, командир лодки старший лейтенант А.А. Николаев узнал сразу две новости: плохую — торпеда прошла мимо, и хорошую — итальянский крейсер оказался нашим тихоходным (скорость менее 9 узлов) транспортом «Восток»^[47].

Как видим, потерь в этих трех инцидентах не было исключительно из-за безграмотных действий личного состава. Но сами инциденты хорошо иллюстрируют бестолковость и нервозность командиров наших судов, задержанных начальством

Что же произошло? Куда делся противник? После войны наши моряки захватили румынские архивы, адмиралов и офицеров морского штаба, и тогда выяснилось, что румынский флот всю войну находился под защитой своих минных заграждений и береговых батарей. Румынские военные суда лишь сопровождали свои торговые суда, шедшие вдоль береговой черты, а с конца 1941 г. стали сопровождать свои конвои и до захваченных советских портов, опять же вдоль берега. Восточнее захваченного немцами Севастополя румынские корабли никогда не ходили.

За всю войну не было ни одного боя наших и румынских надводных кораблей. Румынские эсминцы и другие надводные корабли не только не предпринимали набеговых операций с целью нарушения нашего судоходства или обстрела береговых объектов, но даже не ставили активных минных заграждений.

Румыны не хотели рисковать ни кораблями, ни собственными шкурами. В результате весь небольшой румынский флот в полном составе

оказался у причалов своей главной базы Констанца к моменту прихода туда Красной армии.

Увы, полная пассивность румынского флота была признана Министерством обороны РФ лишь в 1996 г., в официальном издании «Три века Российского флота»: «Флот Румынии не был готов к войне, доснабжать и обучать его немцам пришлось в ходе военных действий. Действия флота Румынии в 1941 г. сводились к непосредственной охране баз и прибрежных водных коммуникаций»^[48]. А немцы и итальянцы в 1941 г. не имели на Черном море ни одного боевого корабля или даже катера.

Итак, опереточный румынский флот не представлял серьезной опасности для Черноморского флота. В крайнем случае, его легко можно было блокировать в главной базе Констанце. Выход в набеговую операцию одного или всех четырех румынских эсминцев неизбежно стал бы катастрофой для Королевского флота. Весь 1941 год советская авиация господствовала над центральной частью Черного моря, а ни люфтваффе, ни тем более королевские ВВС не располагали в Румынии дальними истребителями для прибытия кораблей в море. Новые советские крейсера проектов 26 и 26бис и эсминцы проектов 7 и 7У обладали преимуществом не только в артиллерии, но и в скорости. Тем более что уйти румыны могли только в Констанцу.

Но весь «сыр-бор» как раз в том, что Октябрьский воевал не с румынами, а с немцами и итальянцами. Во всех директивах из Москвы и в разведданных о Королевском флоте почти ничего не говорится, а всё — о немецких десантах и итальянских кораблях и подводных лодках.

Стоит добавить, что окна советского консульства в Стамбуле выходят на Босфор. Мало того, в Босфоре с 22 июня 1941 г. стоял советский лайнер «Сванетия», игравший роль плавбазы для наших разведчиков. Надо ли говорить, что не только итальянский линкор, но даже и торпедный катер не мог проскочить в Черное море мимо бдительного ока НКВД.

Сразу после начала войны британская разведка проинформировала СССР о том, что итальянский флот не может в настоящее время выделить какие-либо значительные силы для действий на других театрах; Турция заинтересована в сохранении своего нейтралитета, а значит, правового статуса Черноморских проливов; в случае направления в Черное море каких либо боевых кораблей, британская сторона проинформирует советскую еще до того как корабли войдут в Дарданеллы.

Мне меньше всего не хочется, чтобы кто-нибудь из читателей сказал: вот, мол, какой плохой адмирал Октябрьский, выдумал себе виртуального

противника и играл с ним в «морской бой». Октябрьский был одним из лучших советских адмиралов, но, увы, у него не хватило ни ума, ни здравого смысла понять всю нелепость этих германо-итальянских страшилок. Повторяю еще раз, не Филипп Сергеевич придумал миф о вторжении флота супостата в Черное море. Это московские военморы выдумывали идиотские планы войны за британских, германских и итальянских адмиралов. И если искать виновников этой виртуальной войны, то это прежде всего нарком Кузнецов, начальник Главного Морского штаба Исаков, наша славная разведка и лишь потом идет командующий Черноморским флотом

А как же Ставка, Сталин, Берия? Куда они смотрели? Да, они, несомненно, виноваты, что недоглядели за Кузнецовым и Исаковым, живших мифами 1930-х годов. Но с 22 июня, как правильно сказал Павел Иванович Батов, Ставке было не до Черноморского флота. Немцы взяли Минск и Киев, подступали к Ленинграду и Москве, а Ставка должна была разбираться, на кой черт наши адмиралы выставляют корабельные дозоры у Поти и Батуми?!

Думаю, что рано или поздно какой-нибудь любитель сенсаций придумает версию о том, что злодеи адмирал Канарис и папаша Мюллер подбросили Берии дезинформацию о вторжении итальянского флота и десяти тысячах крылатой пехоты генерала Штудента на «шестимоторных самолетах», готовых вот-вот выброситься в долины Крыма. Заранее предупреждаю, это полнейшая чушь. Германская разведка готовила только высококачественную дезинформацию, и им в голову не пришел бы подобный бред. За пятьдесят послевоенных лет вышли многочисленные мемуары германских генералов и разведчиков, «за бугром» были раскрыты десятки тысяч военных документов, но, увы, нигде нет и намек на подобную дезинформацию. Германский генштаб, готовя нападение на СССР, фактически игнорировал наш флот, считая, что вермахт самостоятельно может до зимы 1941 г. взять Москву, Ленинград и дойти если не до Урала, то до рубежа Петрозаводск — Горький — Астрахань с занятием Кавказа,

К сожалению, и сейчас находятся большие военные специалисты, которые считают реальным прорыв итальянского и германского флотов в Черное море в июне 1941 г.

Светлой июльской ночью 1941 года из французского порта Брест, крадучись, вышли линкоры «Шарнхост», «Гнейзенау» и крейсер «Принц Евгений» и двинулись в далекий африканский порт Дакар, где взяли на буксир поврежденный англичанами французский линкор «Ришелье», а

затем пошли обратно на север. Без потерь прошли под дулами гигантских пушек британской крепости Гибралтар в теплое Средиземное море. Весь личный состав британского флота по такому поводу взял месячный отпуск. На соединение с эскадрой из Тулона вышел линейный крейсер «Страсбург». При встрече с германскими кораблями французские моряки выстроились на палубе и дружно запели: «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес». Затем вся дружная компания, приветствуемая турецкими властями, прошла Дарданеллы и Босфор и двинулась к Севастополю.

Однако наш мудрый адмирал Октябрьский предвидел оное действие и выставил у Севастополя 1265 мин и минных защитников, оставив для прохода своих кораблей три узких фарватера. Узнав об этом, адмиралы Редер и Дарлан заплакали от горя и отменили свой злодейский план нападения на наш «город-герой».

«Что за чушь!» — воскликнет читатель. Извините, я лишь популярно изложил часть статьи подполковника А.В. Лобанова из «Военно-исторического журнала» № 10 за 2007 г.: «Да, вблизи Севастопольской бухты вражеских кораблей не наблюдалось, но в Бресте (Франция) находились немецкие линкоры "Шарнхост", "Гнейзенау" и крейсер "Принц Ойген", прорыв которых через Гибралтар в Средиземное море и далее через Дарданеллы и Босфор в Черное был отнюдь не фантастическим вариантом. Поддержку этим кораблям могли оказать линейный крейсер "Страсбург", линкор "Ришелье" и тяжелые крейсера, имевшиеся в распоряжении французского вишистского правительства».

Хорошо, что сей журнал не читают во Франции. Там команда «Страсбурга» считается национальными героями. Они затопили свой корабль в ноябре 1942 г., когда немцы захватили южную часть Франции. А то нашим дипломатам пришлось бы извиняться за сей пассаж.

ГЛАВА 7. КАК РЕЙХСМАРШАЛ ГЕРИНГ И НАРКОМ КУЗНЕЦОВ ЗАМИНИРОВАЛИ ПОДХОДЫ К СЕВАСТОПОЛЮ

Как мы уже знаем, в первые дни войны единственным враждебным действием немцев была попытка минирования подступов к главной базе Черноморского флота. Для минных постановок немцы использовали бомбардировщики Ю-88 и Хе-111. Каждый самолет брал по две мины и сбрасывал их на парашютах с высоты 800—1000 м, а также и без парашютов — с высоты от 30 до 100 м. Было замечено, что мины, падавшие в море на глубинах менее 8 м, взрывались.

Германские неконтактные мины ставились на глубинах от 12 до 40 м. Правда, по некоторым данным отдельные мины ставились на глубину 50 м. То есть можно было спокойно ходить на глубинах более 40–50 м.

Всего с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1942 г. немцы поставили на подходах к Севастополю и в его бухтах 131 магнитную и акустическую мину. Все мины были поставлены с самолетов.

За весь период обороны Севастополя не было обнаружено ни одной якорной мины противника.

На германских минах в первые дни войны подорвался эсминец «Быстрый» (1 июля затонул, а 13 июля поднят и отбуксирован на понтонах в Западный док), а также два вспомогательных судна. В числе последних был буксир СП-12 (22 июня) и 25-тонный плавучий кран (24 июня).

Подходы к Севастополю охранялись силами Охраны водного района (ОВР). В первые дни войны в составе сил ОВР находились: 1-й и 2-й дивизионы больших тральщиков типа «Трал» — 13 единиц; 3-й дивизион мобилизованных тральщиков типа «Земляк» — 5; отряд минных заградителей «Островский» и «Дроб», 1-й и 2-й дивизионы сторожевых катеров типа МО-4—25, 3-й дивизион сторожевых катеров разного типа — 14; 9-й и 12-й дивизионы катерных тральщиков — 25 единиц.

Охрана рейда главной базы включала 3 буксира, 4 рейдовых катера, 2 бронекатера, сетевую баржу, плавбатарею № 3 и гидроакустическую станцию.

В оперативном подчинении ОВРу находились 2-й отдельный

артиллерийский дивизион с четырьмя противокатерными батареями, дивизион торпедных катеров (12 единиц) и три летающие лодки МБР-2.

С ноября 1941 г. на постоянное базирование в Севастополе были оставлены один большой тральщик, а из трех дивизионов сторожевых катеров — 18–20 катеров, и состав их постоянно менялся, поскольку они все время участвовали в конвоировании транспортов.

Таким образом, к началу обороны Севастополя на него базировалось около 60 плавсредств ОВРа, База ОВРа находилась в Стрелецкой бухте, где стояли сторожевые катера и катера-тральщики, в Южной бухте стояли большие тральщики, а в Карантинной бухте — торпедные катера.

Поскольку тогда у нас активные средства борьбы с донными магнитными минами отсутствовали, штаб ОВР предложил использовать для траления железную баржу. Чтобы увеличить магнитное поле, ее загрузили металлом, а для буксировки использовали катерные тральщики 12-го дивизиона с деревянными корпусами.

Борьба с итальянскими подводными лодками подсказала новые средства борьбы с германскими минами. 26 июля три сторожевых катера атаковали глубинными бомбами очередную вражескую субмарину. «За кормой раздались глухие взрывы, над поверхностью воды поднимались высокие фонтаны. А когда сбросили последнюю серию бомб, за обычными тремя фонтанами неожиданно взметнулся над морем четвертый, значительно большей силы.

Место четвертого взрыва достаточно точно определил и зафиксировал на кальке помощник командира катера лейтенант В.С. Чаленко. Уже в базе капитан-лейтенант Дзевялтовский, наложив кальку на карту минной обстановки, увидел, что четвертый взрыв совпал с местом, где ранее был запеленгован спуск немецкой мины. Стало ясно, что эта мина сдетонировала от глубинных бомб и взорвалась.

О подрыве мин глубинными бомбами позже докладывали командир МО-072 лейтенант В.А. Чешов и командир МО-052 лейтенант В.В. Селифанов....

Убедившись в эффективности такого способа борьбы с минной опасностью, командование Черноморского флота стало активно использовать глубинные бомбы для уничтожения донных мин. За всю оборону Севастополя на эти цели было израсходовано более полутора тысяч больших и малых глубинных бомб. Этот способ широко применяли и в других наших ВМБ»^[49].

Вскоре наши минеры разгадали секрет германских магнитных мин. «На основании полученных данных инженер Б.Т. Лишнеvский

сконструировал баржевый электромагнитный трал (БЭМТ), который построили в короткий срок. Была выработана методика траления.

Оно осуществлялось путем буксировки БЭМТ катерным тральщиком с деревянным корпусом на пеньковом тросе длиной 200–250 метров. По корме трала на расстоянии 180–200 метров от него буксировалась деревянная шхуна с питающим обмотку трала агрегатом. Траление проводилось на глубинах от 15 до 50 метров. На глубинах менее 15 метров применялся плотиковый трал, действовавший по тому же принципу, что и баржевый. Его буксировал катерный тральщик, который одновременно служил и питательной станцией. Скорость траления не превышала 2–3 узлов.

Впервые трал-баржа вышла на боевое траление 7 июля 1941 года. На ее борту находился конструктор Лишневский. Уже 9 июля была подорвана германская донная неконтактная мина»^[50].

Итак, активная противоминная оборона подходов к главной базе проводилась тралением магнитно-акустическим тралом, контрвзрывами, маневрированием малых охотников с переменной скоростью с целью подрыва акустических и магнитно-акустических мин.

Кораблями ОРВа из 130 сброшенных противником мин было уничтожено трал-баржей — 17, глубинными бомбами — 11, от шумов гребных винтов малых охотников — 8, от подрывов фугасов на грунте — 8, поднято и разоружено — 3 мины. Таким образом, всего было уничтожено 69 мин.

Как видим, затея немцев с минированием подступов к главной базе Черноморского флота полностью провалилась. Тем не менее напуганный германскими минами Октябрьский 22 июня отдал приказ, согласно которому «все находившиеся в строю подводные лодки 2-й бригады и штаб 7-го дивизиона перешли из Севастополя в Балаклаву. До этого она не рассматривалась как возможная база, даже в порядке изучения своего побережья не посещалась подводными лодками с 1935 г.

В начале июля 3-й и 4-й дивизионы "щук" были перебазированы в Феодосию. Была попытка базировать лодки в бухте Ак-Мечеть, но, не обеспеченная прикрытием от ударов авиации противника, она оказалась неудачной: выведенные туда из Севастополя 12 августа боевые подводные лодки М-3 5, М-3 6 и достраиваемые М-111, М-112 и М-113 с плавбазой "Эльбрус" в первый же день стоянки подверглись налету самолетов противника и были возвращены в Севастополь»^[51].

Увы, что не удалось Герингу и его асам, сделал нарком Кузнецов.

Утром 22 июня он приказал Военному совету Черноморского флота произвести постановку оборонительных минных заграждений. Через несколько минут корабли Черноморского флота получили приказ начать минные постановки у всех наших военно-морских баз. Причем мины ставились по плану, утвержденному в первой половине 1941 г.

Утром 23 июня крейсера «Коминтерн», «Красный Кавказ» и «Червона Украина», минный заградитель «Островский», лидер «Харьков» и 4 новых эсминца — «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и «Смышленный» — начали ставить минные заграждения у берегов Севастополя. Всего было поставлено 609 мин и 185 минных защитников. Минные постановки в районе главной базы Черноморского флота продолжались и в дальнейшем. На следующий день крейсера «Красный Кавказ» и «Червона Украина», лидер «Харьков» и два эсминца продолжили постановку минного заграждения. Было выставлено 330 мин и 141 минный защитник.

Как писал А.В. Платонов: «Выполняя распоряжения командования ВМФ, Черноморский флот в период с 23 июня по 21 июля 1941 г. поставил в районе Севастополя, Одессы, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе, Батуми и озера Устричное 7300 мин и 1378 минных защитников, что составило, соответственно, 61 % и 50 % всего наличного минного запаса,

Минные заграждения ставились как в дневное, так и в ночное время боевыми кораблями и переоборудованным под минный заградитель транспортом "Островский". Боевое обеспечение минных постановок включало ведение воздушной разведки, несение дозоров надводными кораблями и подводными лодками, поиск подводных лодок противника в районах минных постановок самолетами-разведчиками и сторожевыми катерами. Оперативное прикрытие возлагалось на корабли эскадры, находившиеся в Севастополе в трехчасовой готовности к выходу в море, и дежурившую на аэродромах авиацию»^[52].

То есть все делалось по планам, которые разрабатывались в течение 20 лет! Разница была лишь в одном — итальянский флот, которого ждала наша эскадра «в трехчасовой готовности», оказался виртуальным

Следует заметить, что директива наркома предписывала выставить минные заграждения в районе Севастополя немедленно, а в районах Одессы, Керчи, Новороссийска, Туапсе, Поти и Батуми — по усмотрению командующего флотом^[53].

И еще, по утверждению Платонова, «минные заграждения ставились как в дневное, так и в ночное время», что противоречит данным К.И.

Воронина: «Все минные постановки производились скрытно, в ночное время, и противник их не обнаружил»^[54].

Надо ли говорить, что точность постановки мин днем и ночью в условиях светомаскировки, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Ниже мы узнаем, во что обошлась нашим кораблям подобная неточность.

Понятно, что уже в ближайшие недели начались подрывы наших кораблей на собственных минах. Так, 30 июня паровая шаланда «Днепр» вышла из Севастополя и взорвалась на mine. Шаланда направлялась в Николаев для переоборудования в сторожевой корабль. (Сх. 3)

С х е м а
Подходные военные фарватеры
через минные заграждения
в период обороны Севастополя
1941-1942 гг.

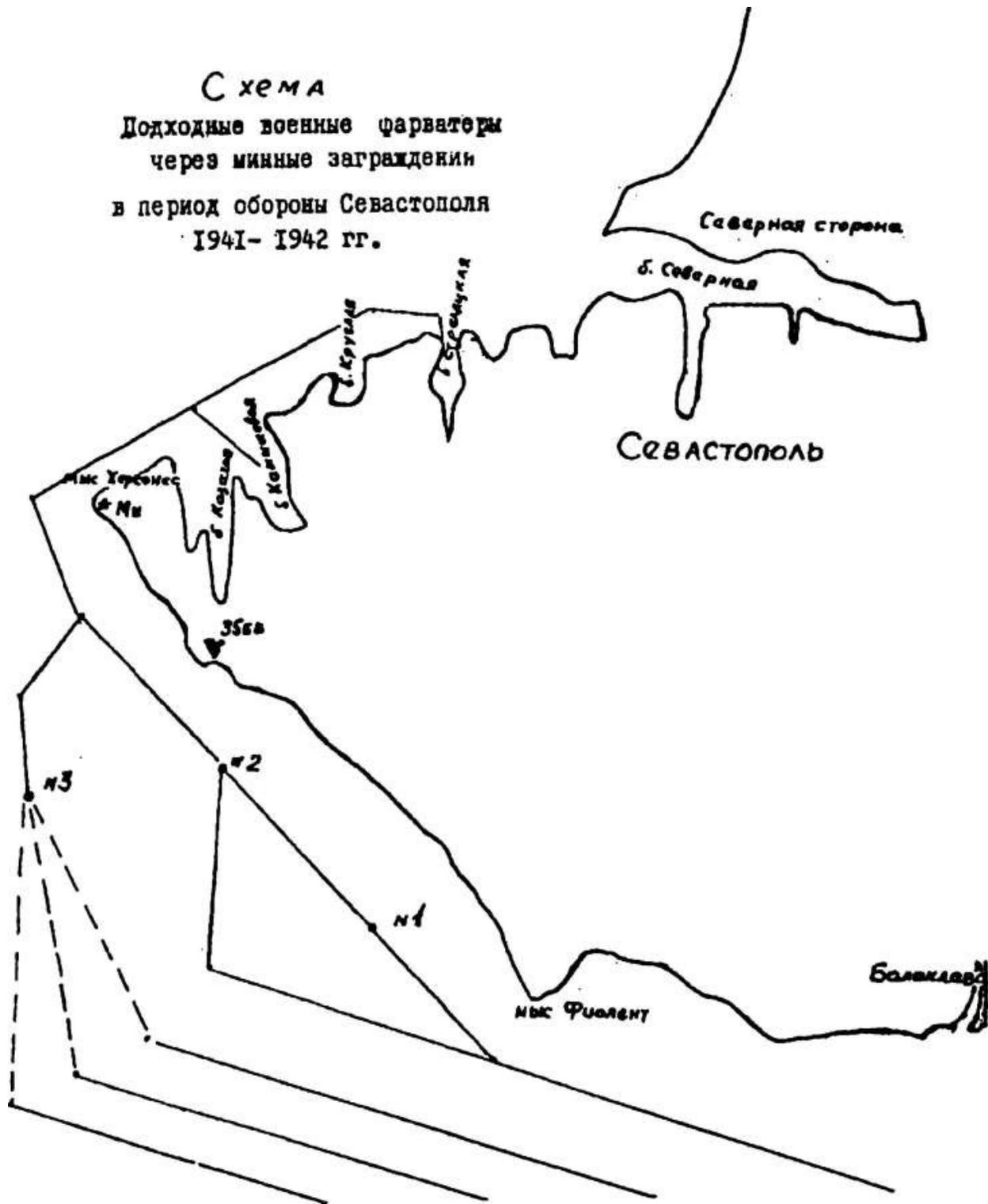

Схема 3. Подходные военные фарватеры через минные заграждения в период обороны Севастополя 1941-1942 гг.

19 июля в 7 ч 47 мин в 14,5 км южнее Керчи у мыса Панагия на минном поле подорвался и затонул транспорт «Кола» вместимостью 2654 брт. Транспорт «Кола» вышел из Новороссийска в Феодосию вместе с транспортом «Новороссийск», шедшим головным с лоцманом на борту. «Кола» в темноте отстал, потерял из виду «Новороссийск» и, опасаясь подводных лодок, на рассвете стал прижиматься к берегу, вышел на наше минное заграждение и подорвался.

На следующий день примерно в том же районе, у мыса Кыз-Аул в 9 милях от берега в 5 ч 57 мин транспорт «Десна» водоизмещением 6160 т (грузоподъемностью 2926 брт) подорвался на нашей mine. При спасении людей с «Десны» погиб на mine морской охотник СКА-043.

Еще через день, 21 июля в 12 ч 10 мин недалеко от Железного порта (район Николаева) «взорвалась и затонула на нашем минном поле шедшая с грузом зерна парусномоторная шхуна "Ленин". Погибло три и спасено два человека. Самолет МБР-2, прилетевший спасать людей, при посадке разбился. Экипаж был подобран»^[55]. Позже шхуна «Ленин» была поднята немцами и введена в состав их транспортной флотилии.

Через два дня, 23 июля, шхуна «Дзыпша», следовавшая без лоцмана в Керченском проливе, сошла с фарватера, подорвалась на нашем минном заграждении и затонула.

27 июля в 19 ч 09 мин из Севастополя вышел конвой в составе транспортов «Ленин», «Ворошилов» и «Грузия». Охранял их всего лишь один сторожевой катер СКА-026.

Магнитные компасы, забортный лаг и электролаг на «Ленине» не были выверены. Свежий ветер вызывал дрейф судна, течение за мысом Фиолент из-за своей переменчивости затрудняло определение курса, В результате судно оказалось на краю фарватера у нашего минного заграждения. В 23 ч 20 мин пароход потряс сильный взрыв в районе между трюмами № 1 и № 2. Через 10 минут все было кончено. Судно затонуло на глубине 94 м

На грузопассажирском пароходе «Ленин» (бывший «Симбирск») вместимостью 2713 брт по официальным данным находилось 700 призывников, 458 эвакуированных и 92 члена команды. Кроме того, на борту было около 400 тонн цветного металла в слитках и активы одесского госбанка. Однако на самом деле на «Ленине» находилось гораздо больше людей. По официальным данным погибло 650 человек, по неофициальным — от 2000 до 2500 человек.

Из дневника адмирала Октябрьского: «Принял у себя на БФКП [флагманский командный пункт] капитана парохода "Ленин" тов. Борисенко и нашего военного лоцмана тов. Свистуна. Оба остались живы

после этой ужасной катастрофы. Очень много погибло женщин, стариков и детей. А сколько? Капитан не знал, сколько у него на борту было людей. Это непостижимо, но это так. Будут уточнять в Одессе...

31 июля

Наконец, кое-что уточнили в связи с походом из Одессы на Кавказ парохода "Ленин". Все шло по линии гражданской и Морфлота. Пароход "Ленин" взял на борт около (точно никто не знает) 1250 пассажиров и 350 тонн груза (цветные металлы в слитках). На борт прибыл наш военноморской лоцман тов. Свистун, и пароход "Ленин" вышел из Одессы».

15 августа в открытом море в 150 км к югу от Тендры погиб на собственной мине буксир «Снег».

22 сентября в 5 ч 55 мин на нашем минном заграждении у Новороссийска подрывался транспорт «Крым» вместимостью 4867 брт. Погибли два человека. В 14 часов транспорт был отбуксирован в Новороссийский порт.

30 сентября эсминец «Совершенный», проходивший ходовые испытания на Херсонесской мерной миле, подрывался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. Были затоплены 1-е и 2-е котельные и 1-е машинное отделения. Эсминец отбуксировали в Севастополь, где позже он был добит германской авиацией.

27 октября на переходе Керчь — Новороссийск погиб на своей мине катер-тральщик № 536 «Серов».

9 ноября в 18 ч 20 мин транспорт «Десна» вместимостью 2920 брт, следуя по фарватеру, подрывался на своей мине и затонул.

17 ноября ледокол «Макаров» погиб на собственной мине недалеко от мыса Фиолент.

11 декабря в 14 ч 20 мин танкер «Апшерон», шедший из Туапсе в Севастополь с 5000 т мазута по фарватеру № 3, подрывался на советской плавающей мине (немцы ставили лишь донные мины) и в 16 часов затонул.

Новый, 1942 год начался с новых потерь на своих минах. 8 января 1942 г. при перевозке войск из Новороссийска в Феодосию на своей мине в районе Мысхако подрывался эсминец «Способный». Носовая часть корабля по 41-й шпангоут была оторвана. Погибли 84 десантника и 20 человек команды. Эсминец «Железняков» с трудом отбуксировал «Способный» в Новороссийск. Ремонт эсминца затянулся почти на полтора года. В строй «Способный» вошел лишь в середине мая 1943 г.

Транспорт «Коммунист» вместимостью 1940 брт вышел из Новороссийска 19 февраля и должен был прийти в Севастополь 23

февраля, но бесследно исчез. Через несколько дней транспорт «Восток», следуя в Севастополь, встретил шлюпку с двумя обледеневшими трупами членов экипажа транспорта «Коммунист».

Еще более страшная трагедия произошла 1 марта — транспорт «Чапаев» водоизмещением 5000 т в 7 ч 13 мин налетел на минное заграждение и затонул. Погибли 120 бойцов пополнения, десять 37-мм зенитных автоматов, 1000 т боеприпасов и 240 лошадей.

Нарком Кузнецов пришел в ярость и 3 марта указал Военному совету Черноморского флота на гибель большого количества транспортов по причине плохой организации их переходов. «Последняя гибель транспортов "Коммунист" и " Чапаев", — указывал нарком, — свидетельствует о том, что Военный совет флота не обеспечил должного порядка и безопасности перевозок на своих коммуникациях при господстве нашего флота на Черном море. Народный Комиссар обратил внимание Военного совета на то, что плохая организация защиты своих коммуникаций продолжает оставаться неизменной, и приказал в кратчайший срок навести порядок. Предлагалось обратить особое внимание на проверку кадров военных лоцманов»^[56].

Как всегда, у нас виноват стрелочник. И опять расстреляли несколько лоцманов, а боевые корабли и транспорты продолжали гибнуть на своих же минах.

Уже через три дня после грозного приказа наркома Кузнецова, 6 марта, эсминец «Смышленный» подорвался на нашем минном заграждении (ш = 45°01'5"; д = 36°46') — В результате взрыва было затоплено 1-е машинное отделение, и командир приказал стать на якорь. После прибытия в район стоянки эсминца лидеров «Ташкент» и «Харьков» он снялся с якоря и в сопровождении лидеров своим ходом пошел в Новороссийск. Во время перехода на корабле затопило 2-е и 3-е котельные отделения. Эсминец потерял ход. Сильные волны не позволили взять его буксир, и эсминец начало заливать. 7 марта в 8 ч 07 мин в точке с координатами ш = 44°43' и д = 36°45' он затонул. Когда корпус эсминца погрузился в воду, взорвались глубинные бомбы. От динамического удара погибли почти все члены команды, покинувшей корабль. «Ташкент» и «Харьков» подняли из воды лишь двоих человек.

Список потерь от собственных оборонительных заграждений может занять не одну страницу. На них гибли корабли и спустя несколько лет после окончания войны. Но зато на этих заграждениях не подорвался ни один корабль противника, по крайней мере, до занятия соответствующих портов германскими войсками.

Наши оборонительные минные заграждения под Севастополем приводили к напрасным потерям наших боевых кораблей и транспортных судов от авиации и артиллерии противника. Не только быстроходные эсминцы и крейсера, но и тихоходные транспорты осенью 1941 г. — весной 1942 г. могли в темное время суток пройти большую часть пути от Новороссийска и войти затемно в Севастопольскую бухту. Замечу, что германская авиация в то время на Черном море ночью не могла вести атаки наших кораблей. Но, увы, из-за мин нашим кораблям приходилось вставать на подходах к севастопольским минным заграждениям на якорь и ждать рассвета, а затем идти за тральщиками, высланными из Севастополя, с черепашьей скоростью по узкому фарватеру под огнем германской дальнобойной артиллерии и под вой германских пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Надо ли говорить, что все фарватеры были хорошо известны вражеским летчикам и артиллеристам

28 ноября 1941 г. в 22 ч 00 мин крейсер «Красный Кавказ», шедший в Севастополь с грузом боеприпасов и маршевым пополнением, «из-за плохой видимости и штормовой погоды не мог пройти фарватером через минное заграждение в районе Севастополя и вследствие ограниченного запаса топлива был возвращен в Новороссийск»^[57].

Крейсер «Коминтерн» 2 января 1942 г. в 6 ч 25 мин закончил выгрузку десанта в Феодосийском порту и немедленно отправился в Новороссийск. Однако из-за боязни плавающих мин (своих) в районе Феодосии, а затем у Новороссийска он дошел до пункта назначения лишь в 3 января в 13 ч 40 мин, то есть двигался с черепашьей скоростью 3,5 узла.

23 января в 12 ч 25 мин крейсер «Коминтерн» вышел из порта Новороссийск в Севастополь, «приняв на борт полк морской пехоты, 132 тонны авиационных бомб и реактивных снарядов... Боезапас был размещен в демонтированном котельном отделении и в жилых помещениях под верхней палубой. Начиненный таким большим количеством боеприпасов корабль представлял собой пороховую бочку. При попадании авиационной бомбы, торпеды или подрыва на mine ему грозила смертельная опасность...

В районе Севастополя шел снег, видимость измерялась десятками метров. В таких условиях ограждение единственного входного фарватера в Севастополь через выставленное в начале войны оборонительное минное заграждение не обеспечивало безопасного плавания. Вот почему штаб оборонительного района высылал навстречу кораблям и транспортам тральщики или сторожевые катера.

Для встречи и обеспечения перехода "Коминтерна" было выделено два

базовых тральщика — БТЩ-22 и БТЩ-27.

В установленное время крейсер подошел к точке встречи у входного фарватера, но тральщиков не обнаружил. Командир донес в штаб Севастопольского оборонительного района об их отсутствии и стал маневрировать в шести-восемь милях от внешней кромки минного заграждения.

С момента выхода из Новороссийска "Коминтерн" прошел около 250 миль, и за это время ему ни разу не представилась возможность произвести точное определение своего местонахождения по береговым ориентирам или хотя бы по небесным светилам. К месту встречи он шел по счислению. Радиолокационные средства, с помощью которых корабли могли бы обнаружить друг друга, на крейсере и встречающих его тральщиках отсутствовали. Малая видимость исключала всякую возможность уточнить свое местоположение по береговым ориентирам. Идти же без уточнения означало подвергнуть корабль риску вероятного подрыва на минном поле.

Стрелки часов отсчитывали минуты, часы. Время было за полночь, а видимость не улучшалась. С командного пункта командующего флотом крейсер получил указание: принять все меры к встрече с тральщиками и обеспечению входа в базу...

Приближалось утро. Крейсер и тральщики продолжали кружиться в районе намеченного места встречи. В 7 часов 30 минут видимость улучшилась, и "Коминтерн" после семичасового маневрирования наконец встретился с кораблями обеспечения. Крейсер лег в кильватер тральщикам»^[58].

В Севастопольскую бухту крейсер вошел лишь в 10 ч 37 мин.

13 января 1942 г. эсминец «Бойкий» вышел из Новороссийска в Потю. «На военном фарватере Новороссийской военно-морской базы он столкнулся с транспортом и, получив повреждения, вернулся в Новороссийск»^[59].

Из-за мин были существенно ограничены возможности обстрела вражеских береговых объектов. Вот характерный пример. 3 декабря 1941 г. в 20 ч 07 мин крейсер «Красный Кавказ» в сопровождении тральщиков ТЩ-25 и ТЩ-26 вышел из Северной бухты в район Балаклавы и, «маневрируя между берегом и внутренней кромкой минного заграждения, с 21 ч 33 мин до 21 ч 43 мин обстреливал дер. Черкез-Кермен. Выпущено 20 снарядов. ТЩ-25 обстрелял высоту 471,7, выпустив 30 снарядов, и ТЩ-21 выпустил 60 снарядов по высоте 566,2. Стрельбы велись по площадям»^[60]. Не позавидуешь командиру крейсера, маневрирующему ночью между

Сциллой и Харибдой.

Невозможно перечислить все бедствия из-за преступного приказа Кузнецова о постановке минных заграждений у черноморских портов.

Будучи опытным моряком, Филипп Сергеевич прекрасно понимал, какой вред наносят эти минные поля. Вытралить свои мины полностью в ходе боевых действий Черноморский флот физически не мог, я уж не говорю о том, какой вой подняли бы в Москве Кузнецовы и Исаковы. Тогда Октябрьский пошел на тактическую хитрость и обозвал траление собственных мин «расширением фарватера». Вроде бы чисто техническое мероприятие, можно и в Москву не докладывать.

В течение многих недель суда ОВР главной базы тралили собственные минные заграждения. Цитирую «Хронику...»: «Минный заградитель "Дооб", шесть тральщиков-катеров, четыре сторожевых катера и шхуна "Курортник" (ОВР ГБ) в течение дня производили тральные работы по очистке и расширению ФВК № 3 ГБ. На кромках фарватера затралено и уничтожено восемь наших мин»^[61].

Замечу, тральные работы шли под воздействием германской артиллерии и авиации, и серьезно расширить фарватер у Севастополя не удалось. Собственные минные заграждения удалось окончательно вытралить лишь в начале 1950-х годов.

В книге Р.Ф. Октябрьской «Штормовые годы» говорится: «Адмирал Ф.С. Октябрьский писал позднее: "Мне казалось — и в те дни, и впоследствии — что это тоже давление прошлого, как и постановка оборонительных минных заграждений в районе главной базы"».

Да, взгляды на постановку оборонительных минных полей командующего флотом и наркома ВМФ Кузнецова расходились. Ф.С. Октябрьский впоследствии писал "Зачем нужно было с первых дней войны ставить минные заграждения? Против кого их ставили? Ведь противник-то сухопутный, он на море имеет главным образом авиацию да торпедные катера, которым мины — не помеха. Вот, несмотря на то что мины будут больше мешать нам, чем противнику, заставили нас ставить мины, на которых больше погибло своих кораблей, чем противника, У нас одних эсминцев погибло на своих минах три: "Дзержинский", "Смышленный", "Совершенный"»^[62].

Я не думаю, что эти высказывания являются «остроумием на лестнице». Нелепость минных постановок очевидна. Но тут возникает естественный вопрос: почему Филипп Сергеевич, получив приказ Кузнецова, не обратился лично к Сталину: «Кузнецов говорит о вторжении

итальянского флота и германских подводных лодок в Черное море, но никаких конкретных фактов не приводит. По имеющимся в штабе Черноморского флота данным никаких итальянских и германских судов нет ни в Черном море, ни в Проливах. Прохождение вражеских судов через Проливы к нашим военно-морским базам займет несколько дней. За это время можно десять раз поставить любые минных заграждения. Считаю постановку заграждений преждевременной».

Спору нет, у вождя хватало головной боли с положением сухопутных войск, но уверен, что телеграмма от Октябрьского была бы им рассмотрена

Обращаясь к Сталину, Октябрьский мог бы достичь сразу трех целей — изменить ход войны на Черном море, свалить своего недруга и, возможно, уменьшить потери от своих мин на Балтике и в Тихом океане. На Балтике немцы и финны неоднократно использовали советские минные заграждения против нас же. А непродуманная постановка с 12 по 30 июля 1941 г. 9105 мин и минных защитников у Владивостока и еще трех военно-морских баз Приморья привела к гибели подводных лодок М-49 и М-63 и не менее десяти других судов. И это у невоевавшего флота.

ГЛАВА 8. КАК МАНШТЕЙН ВЗЯЛ КРЫМ

21 августа 1941 г., на 61-й день войны, Адольф Гитлер подписал директиву № 441412/41, которая фактически должна была стать для верховного командования сухопутных войск планом ведения русской кампании. Там говорилось: «Предложение главного командования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операции на Востоке расходится с моими планами. Я приказываю следующее:

Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа...

Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы»^[63].

17 августа Военный совет Черноморского флота получил из Москвы от наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова сообщение: «По агентурным данным, немцы готовят десант в Крым из румынских и болгарских портов, и десант будет поддержан авиацией, действующей из района Николаева»^[64].

А вот последующие разведсводки: «18 августа — десант противника в составе 12 транспортов направляется для высадки в районе Одессы или Скадовска. 21 августа — в дельте Дуная противник пытается концентрировать транспорта для высадки десанта. 22 августа — корабли противника, по-видимому, готовятся к десантной операции на северо-западном побережье Черного моря. 29 августа — десантную операцию на Батуми планируется провести в первых числах октября. 3 сентября — усилено форсируется строительство в Варне десантных барж. Десантная операция на Батуми планируется на первые числа октября. 5 сентября — предполагается десант на Одессу. 7 сентября — подготовка к десанту в Варне продолжается. Немцы и болгары попытаются предпринять наступление с моря и воздуха против Одессы или Крыма. 9 сентября — подтверждаются данные о возможной высадке десанта на северо-западный берег Черного моря из Варны или устья Дуная. 9 сентября — в Болгарии находятся четыре пехотных и две моторизованные немецкие дивизии, из

них две пехотных предназначены для десантной операции. На побережье от Бургаса до Дуная для десанта сосредоточено до 150 различных судов и барж. Предполагается десантная операция против Одессы или Турции. 12 сентября — в ближайшие несколько дней предполагается высадка десанта в районе Одессы. 14 сентября — готовится удар по Батуми. 27 сентября — по данным англичан в Болгарии и Румынии сосредоточены крупные воздушно-десантные силы. Сосредоточение крупных сил германских войск на Перекопском направлении призваны отвлечь силы Крымской армии к перешейку и обеспечить высадку воздушных десантов в центральной и южной частях Крыма (!). 9 октября (утренняя) — в портах Болгарии и устье Дуная сосредоточено большое количество транспортов, предположительно предназначенных для высадки десанта в северо-западном районе Черного моря. 9 октября (вечерняя) — главный удар будет нанесен через Перекоп. 14 октября — по сведениям, требующим уточнения, известно, что готовящийся десант должен высадиться восточнее Крымского полуострова. 23 октября — в Варне стоят восемнадцать судов, готовые к десанту»^[65].

Ну, допустим, малограмотная «агентура» клюнула на фальшивку, так неужели Николай Герасимович со товарищами из Наркомата могли всерьез предположить, что четыре румынских эсминца смогут прикрыть от пяти крейсеров, десяти эсминцев, подводных лодок и торпедных катеров армаду транспортов, перевозящих большой немецкий десант. А ведь для занятия Крыма требовались войска, по меньшей мере корпус! И после этого у нас Кузнецов считается великим флотоводцем!

В результате большая часть сил 51-й армии была сосредоточена вдоль побережья, а не у Перекопа и Чонгара.

В первых числах сентября началось формирование дивизий народного ополчения. 1-я, 2-я и 3-я Крымские стрелковые дивизии создавались в Феодосии, Евпатории и Симферополе соответственно. 4-я Крымская дивизия формировалась на южном берегу Крыма в районе Судак — Балаклава. В ее составе кроме трех тысяч ополченцев имелось некоторое количество пограничников. Позже эти дивизии народного ополчения были переформированы в стрелковые дивизии и получили номера 320, 321, 172 и 184-я соответственно.

Работы по созданию укреплений на Крымском перешейке начались лишь в августе 1941 г. 18 августа Октябрьский доложил Кузнецову, что, «несмотря на то что еще 14 июля и 2 августа им ставился вопрос перед командиром 9-го стрелкового корпуса об усиленном строительстве оборонительных сооружений на севере Крыма, в настоящее время ведутся оборонительные работы только на Перекопе и в районе Чонгарского моста.

Сиваш для пехоты и танковходим, местами совершенно осыхает, но никаких оборонительных сооружений на побережье Сиваша не велось. Качество работ очень низкое.

На Перекопе окопы вырыты в одну линию, без необходимой глубины обороны. Проволочные заграждения в ряде мест проведены в один кол Начата постройка пяти-шести дотов. Работал лишь один саперный батальон. Местное население привлечено недостаточно. Руководство работами осуществлялось второстепенными исполнителями»^[66].

В заключение командующий Черноморским флотом сделал вывод, что существующее положение со строительством оборонительных рубежей Перекоп — Сиваш — Чонгар недопустимо. Такой оборонительный рубеж для противника серьезной преградой не будет. Октябрьский попросил Кузнецова срочно доложить Сталину о состоянии дел на Перешейке.

Черноморский флот располагал несколькими десятками «свободных» пушек среднего калибра (100—152-мм). Под «свободными» я подразумеваю орудия, находившиеся на складах, а также на тех береговых батареях, которые не могли быть использованы в этой войне. К августу 1941 г. немцы захватили Прибалтику, бои шли на Лужском рубеже, немцы форсировали в нескольких местах Днепр и шли к Перекопу. Что нужно было делать с этими пушками? Ответ очевиден даже для хорошиста-старшеклассника — отправить их на Перекоп и побережье Сиваша или на укрепление сухопутной обороны Севастополя.

Но нарком Кузнецов и адмирал Октябрьский и в августе продолжали игру в виртуальный флот дуче. В августе 1941 г. формируется Каркинитский сектор береговой обороны Главной базы (КСБО), в состав сектора вошли:

- управление КСБО;
- стационарная батарея № 17 (три 130-мм орудия) на Бакальской косе (ныне село Стерегущее);
- подвижная батарея № 725 (четыре 152-мм МЛ-20 на мехтяге) в городе Армянске;
- стационарная батарея № 27 (три 152/45-мм орудия) в Ярылгаче;
- стационарная батарея № 28 (четыре 152/45-мм орудия) в Ак-Мечети (ныне поселок Черноморское);
- подвижная батарея № 727 (четыре 152-мм МЛ-20) в Ишунни;
- стационарная батарея № 124 (три 152/45-мм орудия) в п/о Литовском;
- стационарная батарея № 121 (четыре 152/45-мм орудия) в деревне Брулевке.

Командиром Каркинитского сектора был назначен полковник Е.Т. Просянов.

Обратим внимание: часть батарей могла действовать на Перекопе, а стационарные батареи № 717, 27 и 28 предназначались исключительно для действий против кораблей виртуального противника. Благо, раз супостат виртуальный, то его линкоры и крейсера запросто могли плавать по мелководному Каркинитскому заливу.

Но этого нашим адмиралам показалось мало. По всему крымскому побережью были поставлены береговые батареи:

— стационарная батарея № 26 (три 130-мм пушки) на мысе Чауда в Феодосийском заливе;

— стационарная батарея № 32 (три 130-мм пушки) на мысе Киик-Атлама у поселка Орджоникидзе в 6 км восточнее Коктебеля;

— стационарная батарея № 735 (четыре 100-мм пушки) в Судаке;

— стационарная батарея № 478 (четыре 100-мм пушки) в Судаке;

— стационарная батарея № 4 (три 102-мм пушки) в Евпатории.

10 октября Военный совет Черноморского флота доложил наркому Кузнецову, что в связи с прорывом противника на нашем Южном фронте и захватом почти всего северо-западного побережья Азовского моря, а также в связи с подготовкой противника к захвату Крыма для Черноморского флота необходимо утвердить следующие мероприятия:

1. Организовать сектор береговой обороны Азовской военной флотилии в пунктах:

а) на косе Очаковской, где поставить три 130-мм орудия, сняв для этой цели два орудия с плавбатарей № 3 и одну пушку с батареи № 242;

б) на косе Сазальникской, куда перевести батарею № 717 с косы Бакальской (130-мм орудия);

в) на косе Долгой, куда перевести батарею № 718 с Тендры (130-мм орудия);

г) в городе Ейске, куда перевести батарею № 232 из района главной базы (100-мм орудия);

д) в порту Ахтари, куда перевести батарею № 242 из района главной базы (130-мм орудия)^[67].

«Народный Комиссар ВМФ 11 октября одобрил эти мероприятия, за исключением одного, — он не дал согласия на снятие батареи в Каркинитском заливе; кроме того, он предложил для укрепления ПВО у побережья Азовского моря и базы Туапсе использовать зенитные части СОР^[68]»^[69].

Таким образом, Октябрьский попросил, а Кузнецов разрешил снять 130-мм пушки Б-13 с плавбатареи № 3, стоявшей в Севастополе, и вывести из Севастополя 130-мм батарею № 242 и 100-мм батарею № 243. Зачем? Оборонять побережье Азовского моря от того же злодея Муссолини.

Мне совестно утомлять читателя дислокацией отдельных батарей, но как иначе избежать многочисленных обвинений в очернительстве деятельности наших героических адмиралов? Хотя, честно говоря, со мной лампасники в основном предпочитают спорить не цифрами и фактами, а исключительно на эмоциональном уровне. И что самое забавное, делать это в казенных кабинетах и в казенное время, то есть за счет налогоплательщиков, включая меня и моих читателей.

Все же часть стационарных батарей в августе — начале сентября 1941 г. была размещена на Крымском перешейке. Среди них были:

— батарея № 121 (четыре 152/45-мм пушки Кане) на берегу Сиваша у села Брулевка (в 15–16 км к юго-востоку от железнодорожной станции Армянск);

— батарея № 122 (четыре 120/50-мм пушки) в 8 км на северо-запад от железнодорожной станции Таганаш (Соленое Озеро);

— батарея № 123 (четыре 130-мм пушки) у деревни Тюп-Джанкой (ныне Предместное) в восточной части Сиваша;

— батарея № 124 (четыре 130-мм пушки) на полуострове Литовский в 6 км западнее железнодорожной станции Армянск;

— батарея № 125 (три 130-мм пушки) на Чонгарском полуострове;

— батарея № 126 (три 120/50-мм пушки) у деревни Средний Сарай;

— батарея № 127 (четыре 100-мм пушки) у деревни Гениченская Горка (урочище Гениченское) на Арабатской стрелке.

Между Ишунью и Армянском находилась и подвижная батарея № 724 (четыре 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20).

Все стационарные батареи, за исключением 126-й, были сведены в 120-й отдельный Чонгарский артиллерийский дивизион береговой обороны под командованием капитана В.Ф. Моздалевского. В распоряжение 51-й армии был передан флотский бронепоезд «Орджоникидзе» под командованием капитана С.Ф. Булыгина.

Понятно, что этих орудий было недостаточно для прикрытия перешейка. Еще хуже было то, что пушки ставились без инженерной подготовки позиций. Высота орудия на временном бетонном или деревянном основании составляла около двух метров без щита и около 3,5 метра со щитом. Установленные на равнинной местности, почти не замаскированные от наземного и воздушного наблюдения, орудия хорошо

просматривались с суши и воздуха и представляли прекрасную мишень для неприятельской артиллерии и авиации.

На строительство укреплений на Перешейке было согнано несколько тысяч местных жителей. Крымский обком из ресурсов народного хозяйства выделил 3886 кубометров лесоматериалов, 108 т цемента и много других стройматериалов.

Ко времени подхода немцев командующий 51-й армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов предельно рассредоточил свои силы, ориентируясь в первую очередь на морские и воздушные десанты супостата, в итоге с севера Крым защищали примерно 30 тысяч солдат, из них 7 тысяч на Перекопе. Около 40 тысяч были разбросаны по всему побережью, и до 25 тысяч находились в центральной части полуострова.

По приказанию Ф.И. Кузнецова, изданному после выхода немецких войск на западный берег Днепра в район Каховки, три дивизии 9-го корпуса были выдвинуты на север: 276-я дивизия на Чонгарский полуостров и Арабатскую стрелку, 106-я дивизия растянулась на 70 км по южному берегу Сиваша на Перекопские позиции. Три кавалерийские дивизии — 48-я, 42-я и 40-я — имели противодесантные задачи; 271 — я дивизия находилась на противодесантной обороне в районе Симферополя; четыре сформированные в Крыму дивизии — 172-я моторизованная, 184-я, 320-я, 321-я — ставились на оборону побережья.

Все танки 51-й армии имелись только в 172-й моторизованной дивизии в 5-м танковом полку. Там было 10 танков Т-34 и 56 плавающих танков Т-37 и Т-38, ранее принадлежавших 4-му воздушно-десантному корпусу и вывезенных в Крым на ремонт.

В Крыму базировалось около 82 самолетов ВВС Черноморского флота (53-я авиабригада и 9-й истребительный авиаполк), а также группа бомбардировщиков Краснодарских курсов усовершенствования ВВС (39 самолетов СБ, 9 самолетов ДБ-3). ВВС собственно 51-й армии состояли из 82-го и 247-го истребительных авиаполков.

Командующего 11-й армией генерал-полковника Манштейна мало интересовали Арабатская стрелка и Сиваш, бросать своих солдат в «гнилое море» он не собирался. По плану Манштейна 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать оборону противника на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения этой непростой цели Хансен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пехотным дивизиям — 73-й и 46-й — в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь

значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего в 7 км

24 сентября в 5 часов утра германская артиллерия и минометы открыли ураганный огонь по советским позициям на Перекопе. Одновременно самолеты люфтваффе наносили удары как по переднему краю обороны, так и на десятки километров вглубь. В 7 часов утра 46-я и 73-я пехотные дивизии перешли в наступление по всему фронту обороны 156-й стрелковой дивизии.

Все советские источники говорят о десятках или даже сотнях германских танков 11-й армии В свою очередь Манштейн утверждает, что у него вообще не было танков, за исключением 190-го легкого дивизиона штурмовых орудий. В его составе было 18 StuG III Ausf C/D, то есть 7,5-см самоходных установок на шасси танка Т-Ш. И лишь 3 ноября 1941 г. в состав немецкой группировки в Крыму вошел 197-й дивизион штурмовых орудий в составе 22-х StuG III Ausf C/D. Наши генералы любили преувеличивать силы противника, но и немцы столь же любили преуменьшать свои силы. Так что, истина лежит где-то посередине.

Но вернемся к наступлению немцев на Перекоп. Наступление на правом фланге вдоль Сиваша быстро захлебнулось. Там заранее были размещены фугасы — морские мины типа КБ, управляемые по проводам. Взрыв фугасов нанес большой урон противнику. Много немцев погибло от огня морских батарей № 124 и № 725.

В ночь на 25 сентября передовые части 156-й стрелковой дивизии были отведены на основной рубеж обороны: дамба, в 4 км юго-восточнее деревни Перво-Константиновка — отдельный дом, расположенный в 1,2 км юго-восточнее отметки 22. С рассветом немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировки.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

По приказу Манштейна к Перекопу подошла 50-я пехотная дивизия, прибывшая из района Одессы.

Бестолковое командование Ф.И. Кузнецова и К° должен был признать и советский историк Басов. Правда, сделал это он весьма деликатно: «Сложилась редкая в военной практике обстановка. Обороняющиеся в Крыму войска имели 8 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии. Противник активно действовал только против одной из них (156-й на Перекопе), где он создал превосходящие силы по пехоте — более чем в 3 раза, по артиллерии — в 5–6 раз и абсолютное господство в воздухе. Две другие советские дивизии (106-я и 276-я) были скованы 22-й немецкой пехотной дивизией, которая демонстрировала готовность наступать по Чонгарскому перешейку и через Сиваш. Еще пять стрелковых и три кавалерийские дивизии были в глубине Крыма в готовности к отражению возможной высадки морских и воздушных десантов. И хотя эти дивизии были недостаточно вооружены и обучены, они могли успешно обороняться на заранее оборудованных рубежах»^[70].

Стоит заметить, что в эти отчаянные дни, когда решалась судьба Крыма, наших адмиралов по-прежнему лихорадил «итальянский синдром». Так, 17 сентября нарком ВМФ сообщил Военному совету Черноморского флота «для сведения, что в Софии 15–16 сентября ожидалось решение турецкого правительства о пропуске в Черное море 10 военных кораблей, купленных Болгарией у Италии»^[71].

То есть Болгария должна была фиктивно купить итальянские линкоры, крейсера и эсминцы, и те под болгарским флагом должны были выйти в Черное море. Недаром говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс В 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» были фиктивно куплены Турцией, и это стало трагедией для русского флота, но в 1941 г. дуче не хотел и физически не мог продать свои корабли Болгарии. Любопытно, кто был автором нового фарса — сам нарком, или его кто надоумил?

До весны 1942 г. в Черном море не было ни одного немецкого или итальянского военного корабля или даже торпедного катера, а румынские четыре эсминца ни разу не выходили на советские коммуникации. Единственная румынская лодка «Дельфинум» четыре раза выходила в море в 1941 г., но исключительно в те районы, где не было советских кораблей. Соответственно, никаких контактов с ней не было. Так что конвоирование транспортов, которым занималась большая часть Черноморского флота от торпедных и сторожевых катеров до крейсеров включительно, было, как говорится, в пользу бедных. Зато адмирал Октябрьский постоянно ссылался в Москву и командованию фронта на занятость кораблей

конвоированием транспортов, мол, некогда и нечем помогать сухопутным войскам

Что же касается воздушного противника, то зенитное вооружение кораблей конвоев было довольно слабым, и чем гонять их, проще было поставить в дополнение к 45-мм пушкам по четыре-шесть 37-мм автоматов 7К и дюжину 12,7-мм пулеметов на каждый ценный транспорт. А при необходимости можно было за пару часов переставить 37-мм и 12,7-мм установки с пришедшего в порт транспорта на другой, уходящий в море.

Десантобоязнь дошла до маразма. Так, 8 июля командование 157-й стрелковой дивизии, которая обороняла берега Кавказа от вражеского десанта, приказало артиллеристам обстрелять транспорт «Громов», совершавший обычный рейс по маршруту Туапсе — Новороссийск^[72].

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками (о танках упоминают только советские источники), начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк из 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело.

К вечеру Армянск остался за немцами. Но в ночь на 27 сентября в Армянск ворвалась 42-я кавалерийская дивизия. В ходе ночного боя из 2 тысяч кавалеристов было убито 500. Рано утром конницу поддержал 442-й стрелковый полк и 5-й танковый полк 172-й дивизии под командованием майора СП. Баранова. Неприятель был выбит из Армянска. 28 сентября 5-й танковый полк, преследуя врага, перешел Турецкий вал

Успех контрудара советских войск на Перекопе в значительной степени был обусловлен изменением ситуации в Северной Таврии, где 26 сентября войска 9-й и 18-й армий Южного фронта перешли в наступление севернее Мелитополя.

Манштейн бросил на Перекоп лучшие части своей армии. 30-й немецкий корпус еще кое-как держался, а вот 4-я горная дивизия (немцы иногда именовали ее горной бригадой) румын бросилась бежать. В германском фронте образовалась 15-километровая ничем не прикрытая брешь. Несколько позже побежала и 6-я горная дивизия румын.

Манштейн срочно приказал повернуть назад германский 49-й горный

корпус и «Лейбштандарт», двигавшиеся к Перекопу. Кроме того, из района Днепропетровска по 18-й и 9-й армиям был нанесен сильный удар 1-й танковой группой фон Клейста.

7—8 октября немецкие танки вышли к побережью Азовского моря в районе Мариуполя. В окружении оказалась большая часть войск 9-й и 18-й советских армий. Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов был убит 6 октября, немцы нашли его труп. По германским данным, в результате окружения 9-й и 18-й армий их трофеями стали 212 танков и 672 артиллерийских орудия, было взято 65 тысяч пленных. Советские данные об этой операции до сих пор засекречены.

Одним из результатов операции стал запрет командования вермахта на использование в Крыму единственной моторизованной части Манштейна — «Лейбштандарт Адольф Гитлер». «Лейбштандарт» был включен в состав 1-й танковой группы, которая двинулась на Ростов.

А теперь вернемся к событиям в Крыму. 26 сентября Военный совет Черноморского флота доложил наркому ВМФ, что «командование 51-й армии и местные власти проявляют нервозность, непрерывно требуя помощи... Если противник прорвется через Перекоп или Чонгар, то наши наличные силы с их вооружением не смогут задерживать его дальнейшее продвижение, а все отойдут на Севастополь и Керчь. Военный совет считал целесообразным положить, если потребуется, 50 000 человек, но с Перекопа и Чонгара не отходить»^[73].

Писать о боях за Перекоп очень трудно. Немецкие источники, а также закрытые советские армейские источники и «Хроника...» дают три различные версии одних и тех же событий.

Вот, например, советская армейская версия. «С утра 28 сентября войска оперативной группы снова атаковали противника в районе Щемиловки и севернее Армянска. 5-й танковый полк своими боевыми порядками перевалил за Перекопский вал, перехватил дорогу Чаплинка — Армянск, имея задачей преследовать противника в направлении совхоза «Червоний чабан». Он вел там бой с тридцатью танками противника, препятствуя переходу вражеских резервов через Перекопский вал. Наши стрелковые части и подразделения захватили часть Перекопского вала к западу от старой крепости, но вынуждены были покинуть его. В ходе боев были зафиксированы свежие части немцев: пленные оказались из 65-го и 47-го полков 22-й пехотной дивизии, а также из 170-й дивизии 30-го армейского корпуса. В контратаках участвовали подошедшие средние танки противника. Войска оперативной группы (кавалеристы, части Торопцева) отходили опять к Армянску. Несколько часов шел бой в районе

кирпичного завода и кладбища. Эти пункты переходили из рук в руки. В кавалерийской дивизии остались исправными всего два орудия»^[74].

Вариант морской: 28 сентября «в 17 ч 30 м немецкая авиация произвела массовый налет на наступающие части 172-й стрелковой дивизии и причинила им большой урон. В 18 ч 00 м противник контратаковал наши части свежими силами (до шести батальонов с танками) в направлении Деде и вынудил их отходить. Командующий Оперативной группой приказал отвести 271-ю и 172-ю стрелковые и 42-ю кавалерийскую дивизии в район Пятиозерья и перейти там к обороне»^[75].

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени «Лейбштандарт Адольф Гитлер» был переброшен на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой)..

Утром 26 октября немцы вновь перешли в наступление.

28 октября советские войска начали повсеместно отступать. Уже утром Манштейну доложили, что на некоторых участках «противник исчез». Как писал А.В. Басов: «В это время командный пункт оперативной группы П.И. Батова находился в Воронцовке. Связь опергруппы со штабом армии в Симферополе часто нарушалась. С подходом Приморской армии (эвакуированной из Одессы) оперативная группа Батова перестала существовать. 172-я стрелковая дивизия перешла в подчинение генерала Петрова, а остальные дивизии — в подчинение командира 9-го корпуса генерала Дашичева Какой-либо передачи командования от Батова Петрову не было. К тому же связь с дивизиями была нарушена...

Бывший командир 106-й дивизии генерал А.Н. Первушин восклицает в своих мемуарах: "Если бы в этот критический момент нам хотя бы одну свежую дивизию, хотя бы один танковый полк!., тогда бы наступление немцев сорвалось"^[76]. У командующего войсками Крыма были, хотя и недостаточно боеспособные, 184, 320, 321, 421-я стрелковые дивизии. На правом фланге располагалась 276-я дивизия генерала И.С. Савина, по существу неатакованная и не связанная боями»^[77].

Вечером 30 октября Манштейн приказал 30-му армейскому корпусу в составе 72-й и 22-й дивизий как можно скорее захватить Симферополь и затем прорваться к Алуште, чтобы лишить советские войска возможности занять оборону по северным отрогам гор. 54-й корпус (50-я, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада Циглера) направлялся по западной части

полуострова через район Евпатория — Саки, чтобы затем с ходу захватить Севастополь. 42-му армейскому корпусу в составе 46-й, 73-й и 170-й пехотных дивизий было приказано стремительно продвинуться на Керченский полуостров с тем, чтобы упредить советские войска и не дать им возможность создать оборону на Ак-Манайских позициях и в конечном счете захватить порты Феодосия и Керчь. Горнострелковый румынский корпус в составе двух бригад двигался во втором эшелоне.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство.

Возникает естественный вопрос, а чем был занят Черноморский флот во время вторжения немцев в Крым?

4 октября в 15 ч 08 мин в Ялтинский порт вошел сторожевой корабль «Петраш», имея на буксире минный заградитель «Гидрограф» (бывшее гидрографическое судно водоизмещением 1380 т). Вообще-то они, согласно «Хронике...» (Выпуск 1. С. 213), шли в Туапсе, но зачем-то зашли в Ялту. Через 10 минут туда же пришел и транспорт «Черноморец». В тот же день «Петраш» вывел на буксире «Гидрограф», но вскоре суда были атакованы германской авиацией. «Гидрограф» получил пробоину и через некоторое время затонул в 19 милях на восток от Ялты.

К вечеру 6 ноября в Ялту вошли 1330-й полк 421-й стрелковой дивизии, 7-я бригада морской пехоты и батальон 172-й стрелковой дивизии. Генерал Петров приказал командиру Ялтинского боевого участка комбригу Киселеву немедленно отправить на автомашинах в Севастополь один батальон 7-й бригады морской пехоты, а остальной ее личный состав подготовить для переброски туда же морем. Людей иметь на причале в готовности к погрузке к 20 часам. В Ялту были направлены эсминцы «Бойкий» и «Безупречный».

25-я стрелковая дивизия (без 31-го и 54-го полков), 95-я и 172-я стрелковые дивизии частью сил сдерживали противника в районе села Коккозы, обеспечивая вывоз материальной части армии в Алупку, и частью сил продолжали движение на Южный берег Крыма. 40-я и 42-я кавалерийские дивизии находились на марше, чтобы занять в соответствии с приказанием Петрова оборону на рубеже деревня Саватка — высота 302,8 — гора Самналых и перекрыть все дороги, идущие в район Байдар.

54-й стрелковый полк 25-й дивизии оборонял высоту 1472,6 в 8 км северо-восточнее Ялты, не допуская прорыва противника к городу.

7 ноября в 3 часа ночи в Ялте была закончена погрузка войск 7-й бригады морской пехоты на эсминцы «Бойкий» и «Безупречный». Корабли приняли на борт около 1800 человек и в 3 ч 40 мин вышли из Ялты. На

рассвете они прибыли в Севастополь.

421-я стрелковая дивизия, сформированная из погранвойск НКВД, трое суток удерживала Алушту и отступила лишь 4 ноября. К этому времени 48-я кавалерийская дивизия была вынуждена отойти из района Карасубазара на побережье в районе Куру-Узень — Алушта. Ее командир решил выбить немцев из Алушты и приморской дорогой прорваться в Севастополь. Однако предпринятая 5 ноября внезапная атака на Алушту не удалась.

Командование Черноморского флота упустило возможность если не остановить, то нанести большой урон продвигавшимся немецким частям

Сравнительно слабые немецкие части с ходу занимают Евпаторию, а затем движутся вдоль побережья Каламитского залива к Севастополю — вот уж лакомый кусочек для нашего флота! Колонны немцев могли быть стерты с лица земли огнем линкора, шести крейсеров, десятков эсминцев и канонерских лодок! Но увы, увы...

Как уже говорилось, несколько советских дивизий отошли к Южному берегу Крыма. С моря весь Южный берег как на ладони, все дороги расположены на расстоянии 1–5 км от береговой черты и прекрасно видны с моря. Немцы же практически не имели артиллерии, способной вести огонь по морским целям на дистанции свыше 4 км. Численное превосходство в истребителях было на нашей стороне, а немцы имели всего лишь одну авиагруппу торпедоносцев Хе-111.

Посмотрим на карту Крыма и в Таблицы стрельбы корабельных орудий. Вот дальность стрельбы фугасным снарядом обр. 1928 г.: 305-мм пушек линкора «Парижская Коммуна» — 44 км; 180-мм пушек крейсеров проекта 26–38,6 км; 130-мм пушек старых крейсеров и эсминцев — 25,7 км. Таким образом, линкор «Парижская Коммуна» (с 31 мая 1943 г. «Севастополь») мог обстреливать Симферополь как со стороны Каламитского залива, так и со стороны Алушты. Любая точка Крыма южнее Симферополя была в зоне досягаемости советской корабельной артиллерии. Наконец, боевые и транспортные суда и катера Черноморского флота позволяли осуществлять за несколько часов переброску наших частей как из Севастополя на Южный берег Крыма, так и в обратном направлении.

Десятки торпедных и сторожевых катеров, буксиров, рыболовных сейнеров и тд. могли без особых проблем брать людей прямо с необорудованного побережья Южного берега Крыма. Да и температура воды позволяла даже вплавь добраться до судов. Вспомним эвакуацию британской армии в Дюнкерке, когда англичане бросили к

необорудованному побережью все, что могло плавать — от эсминцев до частных яхт. Пусть погибло несколько эсминцев, но армия была спасена. А у нас с 1 октября по 11 ноября 1941 г. вражеской авиацией не был потоплен ни один боевой корабль.

Другой вопрос, что 3 октября в районе Цемесской бухты на минах погиб транспорт «Сербия», а буксир «Черномор» получил тяжелые повреждения и едва дошел до Новороссийска 24 октября вблизи Севастополя подорвался на mine минный заградитель «Сызрань» и был посажен на мель у крымского берега. А 3 ноября в том же районе подорвался на mine танкер «Кремль», но был отбуксирован в Севастополь. 27 октября при переходе из Керчи в Новороссийск погиб на mine тральщик «Серв». 9 ноября в районе Новороссийска погиб на mine транспорт «Десна». Надо ли объяснять, кто поставил эти мины — Геринг или Октябрьский?

Неужели нашим титулованным военным историкам непонятно, что уставшим солдатам куда труднее через горы пробиваться к Севастополю и побережью Южного берега Крыма, нежели быть принятыми на борт кораблей и катеров и через несколько часов прибыть в Севастополь. Почему же их бросили?

Сразу после прорыва немцев на Перекопе адмирал Октябрьский принимает важное решение. В 17 часов 28 октября он садится на эсминец «Бойкий», и через 10 минут эсминец под адмиральским флагом выходит в открытое море. Как не вспомнить адмирала Макарова, который поднял свой флаг на самом легком и быстроходном крейсере «Новик» (ненамного больше «Бойкого») и отправился на перехват японских крейсеров.

А куда же направился наш адмирал? В Потю! Для обхода портов Кавказского побережья с целью их подготовки к приему кораблей на базирование.

Вернулся адмирал в Севастополь лишь 2 ноября. Риторический вопрос, а не могли ли это сделать несколько штабных офицеров. Сели бы на гидросамолеты ГСТ или на сторожевые катера МО-4 и провели спокойно подготовку. Я уж не говорю о том, что это можно было сделать на несколько недель раньше.

И вот прямо из рубки «Бойкого» у берегов Кавказа Октябрьский шлет телеграмму начальнику штаба флота «вывести из Севастополя: линкор "Парижская Коммуна", крейсер "Ворошилов", учебный корабль "Волга" и дивизион подводных лодок — в Потю; крейсер "Молотов" — в Туапсе; лидер "Ташкент" и один-два эскадренных миноносца типа "Бодрый", эсминец "Свободный" и два сторожевых корабля с группой работников

штаба Черноморского флота отправить на Кавказ.

В Севастополе приказано оставить охрану водного района главной базы, два эскадренных миноносца типа "Незаможник", два-три эскадренных миноносца типа "Бодрый", два старых крейсера и дивизион подводных лодок 1-й бригады; в Балаклаве оставить дивизион подводных лодок 2-й бригады»^[78].

И уже в 23 ч 32 мин 31 октября линкор «Парижская Коммуна» в охране крейсера «Молотов», лидера «Ташкент» и эсминца «Сообразительный» вышли из Севастополя и направились в... Батуми.

Итак, старый линкор, не сделав ни одного выстрела для защиты Одессы и Крыма, отправился в самый дальний угол Черного моря. Зачем? Может, для защиты столь важного порта?

3 ноября из Севастополя в Туапсе ушли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бодрый» и «Безупречный».

4 ноября начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что побережье от Ялты до мыса Чауда занято противником Ну, казалось бы, настало время для расстрела корабельной артиллерией немцев и румын, зажатых на 2—5-километровой полосе между морем и горами от Ялты до мыса Чауда? Вовсе нет, В объявлении об обстреле немцев ни слова Далее следовало: «Ввиду этого всем судам запрещалось плавание между этими пунктами севернее широты 44°00'. Крупным кораблям и транспортам при плавании между портами Кавказского побережья и Севастополем надлежало отходить от берега вплоть до параллели 43°»^[79].

Напомню, что до 12 ноября 1941 г., когда наши войска уже были выбиты с Южного берега Крыма, потерь от вражеской авиации наши корабли в Севастополе и у берегов Крыма не имели. В Севастополе к этому времени авиацией были потоплены 21 августа несамоходная баржа СП-81 (1021 брт) и 1 октября моторная шхуна «Декабрист» (100 брт). Так что нахождение кораблей в главной базе флота было вполне возможно.

Другой вопрос, что адмирала Октябрьского напугали события 27 октября в Керчи. Местное начальство собрало у мола Широкого 50 вагонов с боеприпасами для 51-й армии, с 1430 выстрелами корабельных 130-мм пушек, а также с имуществом ВВС (2000 бомб ФАБ-100, 3200 бомб ФАБ-50 и 2000 реактивных снарядов). Рядом еще поставили баржу с боеприпасами.

С 14 ч 22 мин до 15 ч 05 мин 13 германских самолетов бомбили Керчь. Одна из бомб попала в баржу с боеприпасами. От ее взрыва сдетонировали эти 50 злополучных вагонов. Широкий мол и рядом стоявшие суда были

уничтожены. Помимо боеприпасов погибло 3000 т зерна, большое количество угля и разных товаров. Погибло 30 гражданских лиц и ранено 65. Без вести пропали 13 краснофлотцев. Затонули тральщик ТЩ-507 «Делегат» (2010 т, 2 — 45-мм пушки, 3 — 12,7-мм пулемета), буксир «Володарский», болиндер «Енисей» (450 т), баржи «Туапсе», Б-37 и Б-52.

Надо ли говорить, что керченская трагедия стала результатом не столько действий люфтваффе, сколько следствием преступной халатности керченских властей.

Несколько слов стоит сказать о дальнейшей судьбе Керченского плацдарма.

15 ноября 1941 г. линия фронта проходила между пунктами: Булканак и Катерлез, до железной дороги на Керчь и по южной окраине Керчи до горы Митридат. Пристань Широкого мола в Керчи находилась под обстрелом немецких пулеметчиков. Противник установил полевую батарею в районе крепости Керчь и обстреливал проходившие в проливе суда. На мониторе «Железняков» и транспорте «Шахтер» были раненые. Но монитор продолжал вести огонь. Получившие же повреждения канонерские лодки Азовской флотилии ушли, а кораблей Черноморского флота попросту не было видно. Лишь монитор «Железняков» поддерживал огнем левый фланг наших войск.

Стоит заметить, что в ходе боев шла непрерывно переброска свежих сил с материка. Так, 10 ноября на полуостров был переброшен 825-й полк 302-й стрелковой дивизии

14 ноября началась эвакуация Керчи, которая продолжалась до 5 ч 30 мин 17 ноября. Переправа осуществлялась на нескольких десятках пароходов, сейнерах и различных гражданских плавсредствах.

Как писал А.В. Басов: «В документах Азовской флотилии имеется указание, что ее корабли снимали войска 51-й армии с северного берега полуострова с 17 по 23 ноября 1941 г. Архивные документы пока не раскрыли общее число эвакуированных войск. По нашим подсчетам, с Керченского берега было вывезено около 50 тыс. человек. В составе 106-й дивизии был 5481 человек, в 156-й дивизии—2733 человека. Сохранили свою боеспособность 157, 271, 276, 320-я дивизии, а также 9-я бригада морской пехоты, которые развернулись для обороны Таманского полуострова».

В ходе эвакуации 15 ноября авиацией у косы Тузла был потоплен транспорт «Горняк» (965 брт), а 18 ноября там же — спасательный буксир «Силин».

В боях за Керченский полуостров и при эвакуации наши войска

понесли огромные и в основном неоправданные потери. Полуостров можно было удержать, вовремя доставив свежие части с Кавказа и обеспечив огневую поддержку со стороны Черноморского флота. Сделано это не было. А вместо виновников — наркома Кузнецова, командующего Черноморским флотом Октябрьского и др. — Ставка нашла козлов отпущения помельче. За оставление Керчи вице-адмирал Левченко был отдан под суд разжалован до капитана 1-го ранга и назначен комендантом Кронштадта. Комкор Дашичев отдан под суд Маршал Кулик по совокупности сдачи Керчи и Ростова разжалован в генерал-майоры и отправлен в распоряжение наркома обороны СССР.

ГЛАВА 9. СЕВАСТОПОЛЬ СТАНОВИТСЯ КРЕПОСТЬЮ

С 1854 г. по 1921 г. все наши военно-морские базы брались только с суши. Но, увы, в 1930-е годы ни сухопутное, ни морское начальство не интересовалось обороной военно-морских баз с суши. 16 декабря 1940 г. нарком ВМФ Кузнецов приказал организовать сухопутную оборону главных баз флота. Однако командующий Черноморским флотом Октябрьский вместо того, чтобы немедленно начать строить укрепления вокруг Севастополя, благо, уже полтора года шла Вторая мировая война, лишь 3 февраля 1941 г. удосужился назначить комиссию для рекогносцировки рубежа сухопутной обороны.

Комиссия эта под председательством ПА Моргунова наметила рубеж обороны от побережья восточнее Балаклавы через Сапун-гору, гору Сахарная Головка до реки Кача (высота 145,1 — отметка 74,0 — Сапун-гора — Сахарная Головка — высота 120,1 — Камышловский овраг — отметка 71,9 — овраг Барак — по реке Кача до горы Тюльку-Оба). Фронт обороны, проходивший в 5–8 км от города, был разделен на три сектора и два самостоятельных боевых участка — Балаклавский и Городской (Севастопольский).

Фактически работы по сооружению укреплений у Севастополя начались 3 июля 1941 г., то есть уже после начала войны. К началу ноября система обороны Севастополя включала в себя три рубежа — передовой, главный и рубеж прикрытия эвакуации.

Передовой рубеж обороны Севастополя проходил в 16–17 км от города. Протяженность рубежа по фронту достигала 40 км, а полоса обороны на нем имела глубину в 1,5–2,5 км. Командные высоты перед этим рубежом находились в руках противника, незначительная же удаленность рубежа от города позволяла противнику вести обстрел города и аэродромов дальним артиллерийским огнем (Сх. 4)

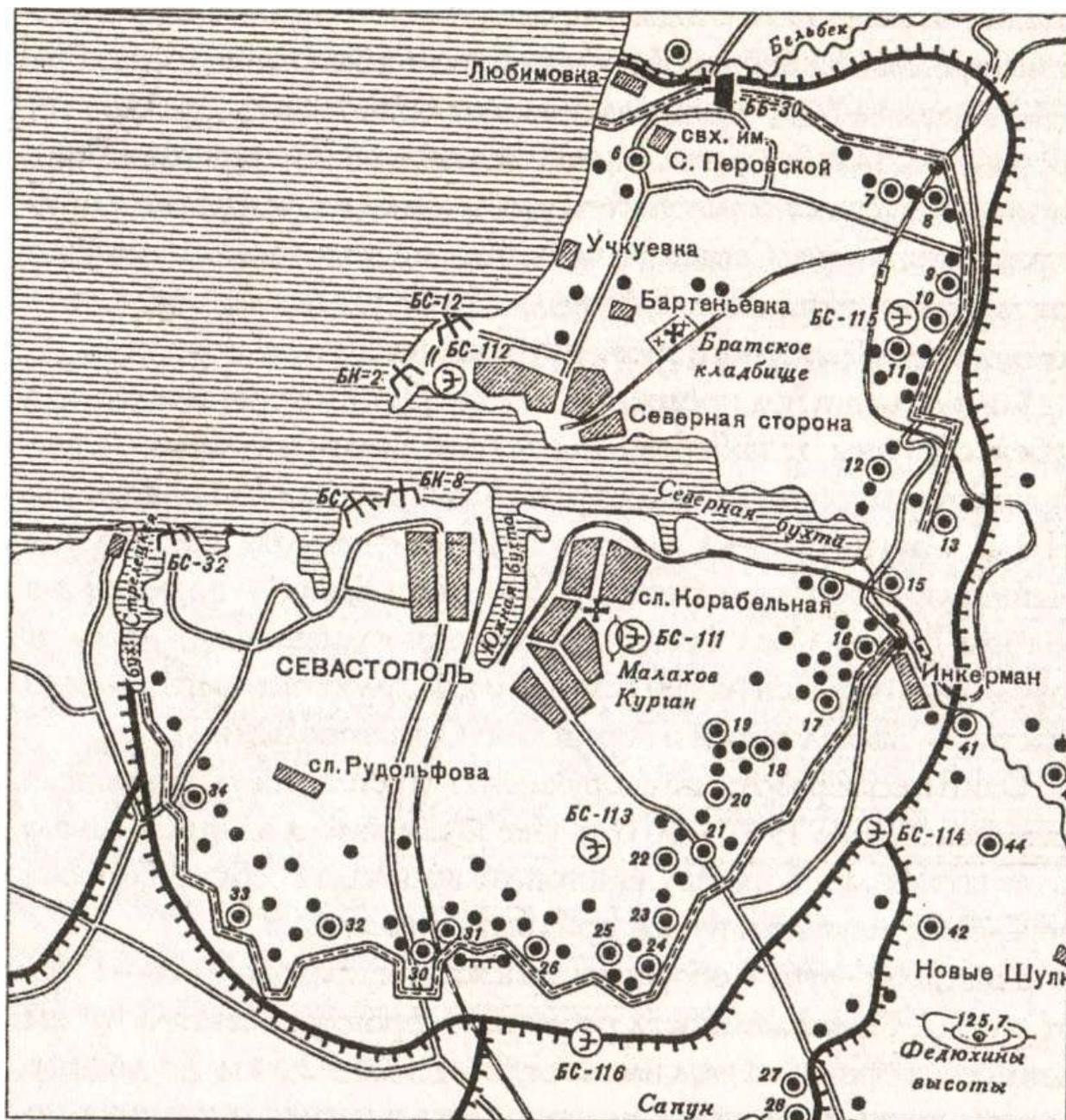

Схема 4. Центральная часть СОРА на 30 ноября 1941 г.

Главный рубеж обороны проходил в 12–14 км от города Его протяженность равнялась примерно 30 км, глубина обороны — от 1,5 до 3 км В случае отхода наших войск на этот рубеж основные командующие над местностью высоты находились бы в руках противника

Рубеж прикрытия эвакуации командовал над лежащей впереди его

местностью, но из-за отсутствия растительности хорошо просматривался противником. Это облегчало авиации и артиллерии противника наносить удары по рубежу, протяженность которого равнялась 27 км, а глубина обороны на нем — от 1 до 5 км. В рубеж прикрытия эвакуации включался и рубеж, непосредственно прикрывавший Севастополь (Стрелецкая бухта, хутор Дергачи, Инкерман). (Сх. 5)

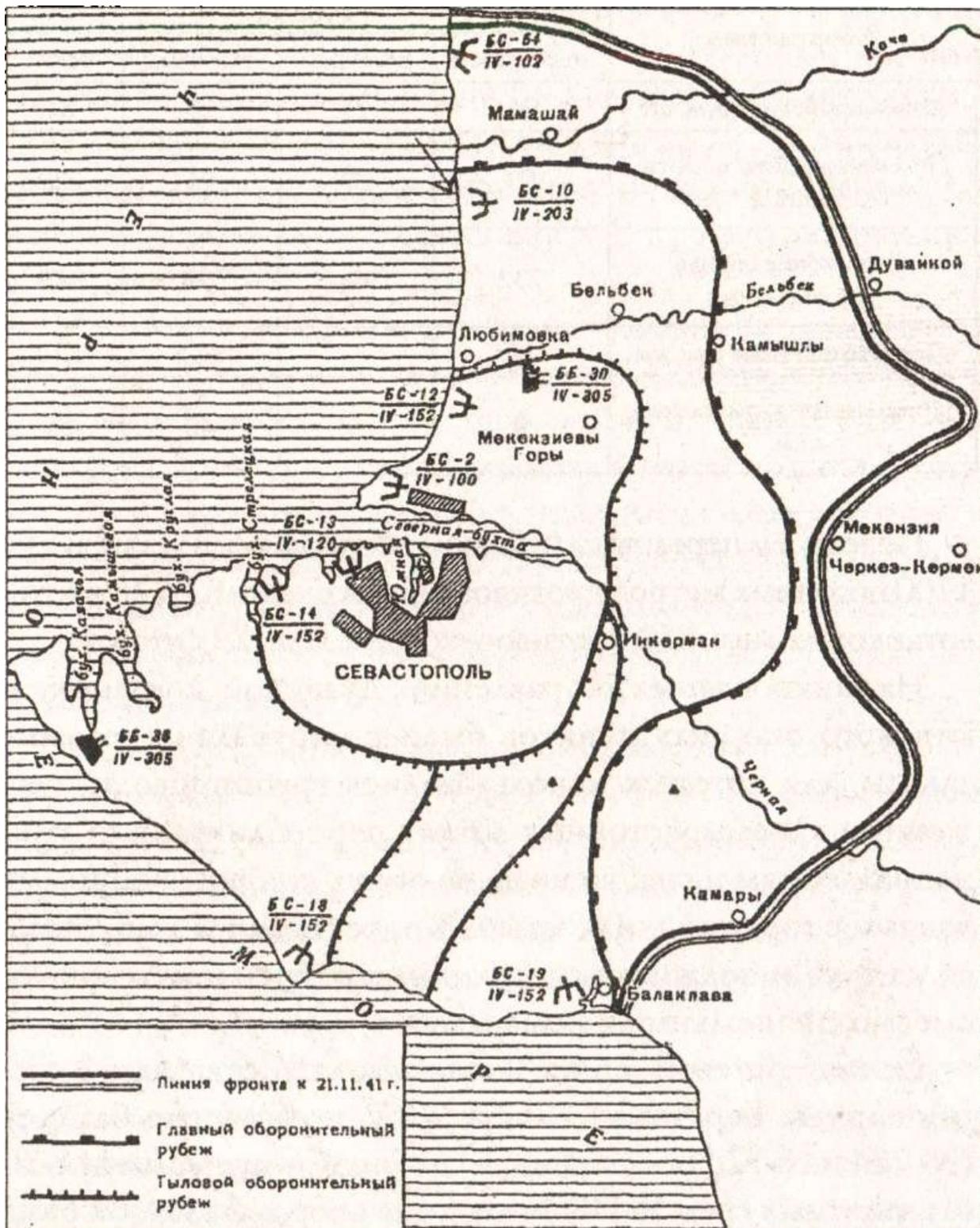

Схема 5. Схема расположения береговой артиллерии Севастопольской ВМБ к 30 октября 1941 г.

Ни один из рубежей к началу боевых действий не был завершён строительством.

Таблица 1

Положение к 1 ноября 1941 г. на трех рубежах обороны Севастополя

Сооружения	Рубежи			
	передовой	главный	тыловой	всего
Артиллерийские доты, шт.	29	25	28	82
Пулеметные доты и дзоты, шт.	92	57	71	220
Стрелковые окопы, для отделения	232	66	91	389
Противотанковые рвы, км	1,7	—	31,5	33,2
Проволочные заграждения, км	8	8	40	56

Перед всем передовым рубежом обороны было установлено 1700 погонных метров противотанковых надолб, 8726 противотанковых мин, 850 противопехотных мин, 29 фугасов.

На танкоопасных направлениях Дуванкойского и Аранчинского опорных пунктов были подготовлены огневые завесы, для которых использовались трубопроводы, уложенные в железобетонных лотках перпендикулярно этим направлениям и снабженные на обоих концах напорными баками с горючей жидкостью. Жидкость могла выпускаться из труб и поджигаться при помощи бутылок с горючей смесью специальными командами.

Основу огневой мощи Севастополя составляли 8 стационарных береговых батарей и 2 подвижные батареи (№ 724 и № 725), оснащенные гаубицами-пушками МЛ-20. Из зенитных средств ПВО флота для обороны главной базы, кроме 61-го зенитно-артиллерийского полка, были вновь сформированы 62-й полк, 71-й и 92-й отдельные зенитные артдивизионы. Кроме того, из района Евпатория — Саки — Сарабуз отошли к Севастополю 25-й, 26-й и 114-й отдельные зенитные артдивизионы, а несколько позднее из района села Фрайдорф, села Ишунь — 122-й зенитно-артиллерийский полк. Таким образом, к началу обороны главной базы ее

ПВО насчитывало 40 зенитных батарей (160—76-мм зенитных пушек обр. 1915 г., 1928 г., 1931 г. и 1938 г.), 7 батарей малого калибра (45-45-мм пушки 21К и 37-мм автоматы), пулеметный и прожекторный батальоны, 215-й отдельный воздухоплавательный дивизион аэростатов заграждения, дымомаскировочный отряд, посты ВНОС и радиолокационные установки Руч-2.

После захвата Крыма немцами авиация Черноморского флота перебазировалась на аэродромы Северного Кавказа и Кавказского побережья Черного моря. В главной базе дислоцировалась специально созданная Севастопольская авиагруппа, на которую возлагалось прикрытие базы с воздуха и авиационная поддержка войск гарнизона. На 1 ноября 1941 г. в этой авиагруппе насчитывалось 82 самолета (51 колесный и 31 летающая лодка), в том числе 41 истребитель, 31 разведчик и 10 штурмовиков.

До подхода Приморской армии севастопольский гарнизон состоял из 7-й и 8-й бригад, 2-го и 3-го отдельных полков морской пехоты, одного стрелкового полка, батальона Дунайской военной флотилии, батальона военно-морского училища береговой обороны, школы НКВД и школы связи, батальона авиазенитной обороны. Общая численность гарнизона составляла 20 606 человек.

4 ноября 1941 г. был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), подчиненный командующему войсками Крыма. Во главе СОРа был поставлен командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, а затем — командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский.

После оставления войсками 51-й армии Керченского полуострова и ликвидации командования войск Крыма Севастопольский оборонительный район был подчинен непосредственно Ставке Главнокомандования.

Сколько солдат и боевой техники дошло до Севастополя из Приморской армии, установить невозможно. Командование СОРа в донесениях в Ставку намеренно занижало свои силы. Вышедшие к Севастополю части сразу же подвергались реформированию. Так, на базе 184-й стрелковой дивизии был сформирован сводный полк НКВД; из 421-й стрелковой дивизии — 1330-й стрелковый полк численностью 1200 человек. Вышедшие 40-я и 42-я кавалерийские дивизии были слиты в одну 40-ю кавдивизию.

8 донесении Приморской армии от 16 ноября приводится следующий боевой и численный состав: 1-й сектор — 1700 штыков, 18 орудий; 2-й сектор — 3939 штыков, 41 орудие, из них 4 зенитных; 3-й сектор — 5730

штыков, 43 орудия, из них 9 зенитных; 4-й сектор — 2789 штыков, 38 орудий, из них 9 зенитных. Резерв — 1200 штыков (1330-й стрелковый полк:) и 743 сабли (40-я кавалерийская дивизия).

9 сентября командующий Приморской армией объявил боевой приказ № 002, согласно которому вся территория СОРа во всю глубину обороны, от центра Севастополя до передних рубежей сухопутного фронта, была разделена на четыре сектора.

Первый сектор справа опирался на южное побережье Крымского полуострова и слева граничил со вторым сектором по разграничительной линии, проходившей через высоты 253,9; 202,1 и 206,6, развилку дорог в 1 км севернее совхоза «Благодать», через высоты 113,2; 73,0 и хутор Деллагарди.

Второй сектор граничил с третьим по линии, проходившей через высоты 193,2; 125,0; 79,4 и гору Суздальская.

Третий сектор граничил с четвертым по линии деревня Биюк-Отаркой, высоты 96,0; 82,4; деревня Камышлы и Трензина балка.

На 15 ноября 1941 г. первый сектор обороны был расположен на юге СОРа у Балаклавы и имел ширину 4 км. Сектор защищали 383-й^[80] и 1330-й стрелковые полки, 35-я башенная береговая батарея, а также 19-я и 8-я открытые батареи (всего 8—152/45-мм пушек Кане). В составе полковой артиллерии были одна 76-мм полковая пушка обр. 1927 г., две 45-мм противотанковые пушки, один 120-мм миномет и три 82-мм пушки. Кроме того, в дотах и дзотах было 14 морских орудий (1 — 100-мм, 6 — 75/50-мм и 7 — 45-мм 21 К).

Далее к северу шел 2-й сектор обороны шириной 12 км. Сектор защищали 172-я стрелковая дивизия, 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии^[81]. Кроме полковой артиллерии в секторе находился отдельный минный дивизион 52-го артиллерийского полка, 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубичного артиллерийского полка, по одной батарее 57-го и 340-го артполков и 725-я (мобильная) береговая батарея. Всего имелось 13 — 155-мм французских гаубиц^[82], 8 — 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, 14 — 122-мм дивизионных гаубиц, 4 — 76-мм дивизионные пушки, 6 — 76-мм полковых пушек, 11 — 45-мм противотанковых пушек, один 120-мм миномет, 8 — 107-мм горных минометов и 33 — 82-мм миномета. Кроме того, в дотах и дзотах второго сектора было установлено 76-мм пушек: 4 полковые, 7 дивизионных и 5 зенитных, а также 7 — 45-мм пушек 21 К.

В третьем секторе находились 25-я стрелковая дивизия в составе 278-го стрелкового полка и 3-го полка морской пехоты, а также 7-я бригада

морской пехоты^[83]. Третьему сектору были приданы 69-й артиллерийский полк с шестью 76-мм орудиями, 99-й гаубичный артиллерийский полк с одиннадцатью 122-мм гаубицами, 724-я береговая мобильная батарея с четырьмя гаубицами-пушками МЛ-20, батарея 134-го гаубичного артиллерийского полка, 164-й отдельный противотанковый артдивизион, 26-й и 323-й отдельные зенитные дивизионы. Всего: 4 — гаубицы-пушки МЛ-20, 4 — 152-мм гаубицы, 11—122-мм гаубиц, 12—76-мм зенитных орудий, 10 — 76-мм дивизионных пушек, 8 — 76-мм полковых пушек, 16 — 45-мм противотанковых пушек, 11 — 120-мм минометов, 6 — 107-мм горных минометов и 56 — 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находились: одна 100-мм морская пушка^[84], одна 76-мм дивизионная пушка и три 45-мм пушки 21 К.

В четвертом секторе обороны находилась 95-я стрелковая дивизия в составе трех полков — 161-го, 241-го^[85] и «местного стрелкового полка». Кроме того, в четвертый сектор была включена 8-я бригада морской пехоты в составе пяти батальонов, из которых первые четыре были батальоны бригады и пятый — батальон Учебного отряда Черноморского флота.

Четвертому сектору были приданы 57-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 397-й артиллерийский полк с двенадцатью 76-мм пушками, 97-й отдельный противотанковый артдивизион, 928-я, 227-я и 271-я зенитные батареи, 30-я, 10-я и 12-я батареи береговой обороны (4 — 305/52-мм, 4 — 203/50-мм и 4 — 152/45-мм орудий). Итого без орудий береговой обороны имелось 11 — 122-мм гаубиц, 9 — 76-мм зенитных орудий, 13 — 76-мм дивизионных орудий, 9 — 45-мм противотанковых пушек, 2—120-мм миномета, 17 — 82-мм минометов. Кроме того, в дотах и дзотах находилось 6 — 100-мм морских пушек, 4 — 76-мм дивизионные пушки, 2 — 75/50-мм пушки Кане и 8 — 45-мм пушек 21 К.

Наконец, в резерве командования СОРа находился 265-й корпусный артиллерийский полк и 51-й артиллерийский полк. Всего 4—152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и 23—107-мм корпусные пушки.

Официально первым днем обороны Севастополя считается 30 октября 1941 г. В этот день в 16 ч 25 мин самая северная береговая батарея Севастополя № 54 открыла огонь по немецкой мотоколонне бригады Циглера, двигавшейся по прибрежной дороге из деревни Ивановка на село Булганак. Батарея № 54 была расположена в 40 км к северу от Севастополя.

Замечу, что эта одиноко стоящая батарея стала одним из детищ «виртуальной» войны с флотом дуче. Решение о ее строительстве было принято в первые дни войны. Назначение батареи — защита Каламитского

залива от десанта итальянского флота. Она была удалена от Севастополя на 40 км и никак не была связана с сухопутной обороной главной базы. Командиру батареи лейтенанту Ивану Заике удалось с помощью местного населения построить батарею и ввести ее в строй за 10 недель. Батарея № 54 была вооружена четырьмя 102/60-мм корабельными пушками обр. 1912 г. Обуховского завода, помещенными в бетонированные дворики. Рядом построили ложную батарею.

Батарея выпустила 62 снаряда и рассеяла мотоколонну. Командир батареи лейтенант И.И. Заика, как полагается, донес начальству, что уничтожил «колонну танков».

В 18 ч 25 мин с той же батареи донесли, что по той же дороге двигались до 90 вражеских танков и бронемашин, которые повернули в сторону села Булганак

На следующий день, 31 октября, в 7 ч 25 мин из Севастополя вышел эсминец «Бодрый» (проекта 7). В районе Замрук — Николаевка он обстрелял немецкие колонны, приближавшиеся к Севастополю. Уже возвращаясь в базу, «Бодрый» подвергся нападению вражеской авиации. Далее процитирую С.А. Балакина: «В 16.25 на дистанции 60 кбт были обнаружены вражеские самолеты — 9 "юнкерсов" и 6 "мессершмиттов". "Бодрый" увеличил ход и через минуту открыл огонь. Пилоты люфтваффе (явно имевшие немалый опыт) действовали грамотно, заходя на цель выше облаков, а затем пикируя со стороны солнца. Всего немцы сбросили на советский эсминец 26 бомб и выпустили огромное количество пуль и снарядов. Причем если бомбардировщики, сбросив свой груз, ушли, то истребители продолжали обстреливать корабль в течение часа — вплоть до его входа в Севастополь.

Прямых попаданий бомб не было, но некоторые из них взорвались в опасной близости от корабля, на расстоянии 7—10 м от корпуса. Осколки буквально изрешетили эсминец: по возвращении в Севастополь в надстройках и надводном борту насчитали около двух тысяч пробоин! Еще 19 пробоин оказалось в подводной части — по левому борту в районе ватерлинии. Из топливных цистерн начала вытекать нефть — как за борт, так и внутрь корабля. Давление в котельных отделениях резко упало, что вызвало снижение скорости. Вышли из строя дальнометры, различные приборы, загорелись дымовые шашки и 37-37-мм снаряды в кранцах. Потери экипажа составили 4 человека убитыми и 49 ранеными (в числе последних был и командир эсминца капитан 3-го ранга В.М. Митин)»^[86].

Любопытно, что ни в «Хронике...», ни в «Потерях...» об этом инциденте даже не упомянуто. Там попросту сказано, что 31 октября в 17 ч

37 мин «Бодрый» прибыл в Севастополь. Видимо, дело свелось к атаке нескольких истребителей, расстрелявших моряков на палубе эсминца. А повреждения были столь незначительными, что эсминец даже не попал в списки поврежденных кораблей.

В ночь на 1 ноября немцы заняли деревню Мангуш в 8 км восточнее Бахчисарая, а в 11 ч 20 мин, выбив разведывательные части Севастопольского гарнизона, заняли Бахчисарай. Действуя вдоль побережья и обойдя батарею № 54, немцы заняли населенные пункты Альма-Тамак и Кача.

В районе деревни Николаевка батарея № 54 продолжала обстреливать противника. С 11 ч 20 мин до 11 ч 30 мин она обстреляла большое скопление моторизованных частей в районе деревни Джавджурек, в 14 ч 23 мин — немецкую батарею в районе деревни Дорт-Куль, с 14 ч 55 мин до 15 ч 10 мин — моторизованную колонну, двигавшуюся по дороге из Николаевки в Дорт-Куль. В течение дня батарея выпустила свыше 130 снарядов.

В 17 ч 10 мин батарею № 54 атаковали 8 немецких пикирующих бомбардировщиков. Потерь и повреждений в материальной части не было, и батарея полностью сохранила свою боеспособность.

В тот же день в 12 ч 40 мин впервые заговорили огромные 12-дюймовые пушки 30-й башенной батареи. Чтобы представить эффект действия этих орудий, достаточно сказать, что в винсовхозе им Софьи Перовской в 400 м от батареи при первом же залпе вылетали все стекла, и в мирное время при учебных стрельбах население совхоза эвакуировалось.

Поскольку башенные батареи № 30 и № 35 представляли собой основные узлы обороны Севастополя, о них следует рассказать поподробнее.

В феврале 1911 г. Петербургский металлический завод представил проекты одно- и двухорудийной башенных установок ГАУ предпочло проект двухорудийной установки, имевшей лучший критерий «эффективность/стоимость». Кроме того, двухорудийная установка по многим частям и механизмам была унифицирована с трехорудийными 305/52-52-мм башенными установками, изготавливавшимися Металлическим заводом для линкоров типа «Севастополь».

Две башенные установки образовывали батарею, представлявшую собой подземный городок, укрытый толстым слоем бетона. По проекту расстояние между осями башен было 53,4 м, а фактически имелось небольшое отклонение для каждой батареи. Вокруг каждой башни в виде ромба располагались погреба: два снарядных длиной 18,3 м и два зарядных

длиной 17,4 м Высота погребов составляла 3048 м, а толщина бетонного свода 2895 м В каждом снаряжном погребе размещалось 201–204 снаряда, а в зарядном погребе 402–410 полузарядов.

В подбашенном помещении была рельсовая железная дорога с ручными вагонетками, в которых боеприпасы доставлялись из погребов к заряднику. Подъем боеприпаса зарядником осуществлялся с помощью электропривода. Высота подъема зарядника 4650 мм, время подъема 5 секунд,

В 1913 г. ГАУ выдало Металлическому заводу заказ на 14 двухорудийных башенных установок. Первые 4 предназначались для Кронштадтской крепости (фортов «Ино» и «Красная Горка», названных в угоду царю «Николаевским» и «Алексеевским» фортами). Следующие четыре башни изготавливались для Севастопольской крепости, две — для Усть-Двинска и четыре — для Владивостока.

В начале 1914 г. в Севастопольской крепости приступили к строительству двух батарей: № 25 в районе бухты Казачья (у мыса Херсонес) и № 26 в районе реки Бельбек в 1 км от моря. Расстояние между башнями на обеих батареях было 64 м Строительство шло довольно быстро. К августу 1914 г. на позицию батареи № 25 было доставлено 2 ствола 305/52-мм пушек.

Интересно, что даже недостроенные башенные батареи оказывали сдерживающее воздействие на противника. Так, линейному крейсеру «Гебен», обстрелявшему Севастополь 29 октября 1914 г., было приказано «держаться возможно дальше от 305-мм двухорудийных башен». Немцы и турки были уверены, что, по крайней мере, одна из батарей введена в строй.

Однако к 1917 г. закончить строительство батареи не удалось. В годы войн строительство батарей, естественно, не велось, и к достройке приступили лишь в 1924 г. Батарея № 35 вступила в строй в 1928 г., а батарея № 30 — в 1934 г.

Чтобы дать представить читателю об объеме работ, скажу, что для постройки батареи № 25 был выкопан котлован объемом 32,5 тыс кубометров, и это в скальном грунте. Объем бетонных работ только на одной батарее приблизительно равнялся объему работ при строительстве Днепрогэса. По расчетам бетонный блок должен был выдерживать прямые попадания 406-мм снарядов и 1000-кг бомб.

В конце 1930-х годов в боекомплект линкоров и береговых батарей был введен фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. Существенный прирост дальности стрельбы снарядом обр. 1928 г. по сравнению со

снарядами обр. 1919 г. объяснялся меньшим весом снаряда и лучшей аэродинамической формой. Если снаряд обр. 1911 г. весом 470,9 кг при начальной скорости 762 м/с имел дальность стрельбы 28,7 км, то фугасный дальнобойный снаряд обр. 1928 г. весом 314 кг при начальной скорости 950 м/с имел дальность 44 км.

2 ноября 1941 г. с утра передовые части противника, скопившиеся в лесу у высот 204,6 и 259,5 и в районе Качи, курганов Маяк-Оба и Кара-Оба, перешли в наступление в направлении деревень Дуванкой и Аранчи. Весь день шли упорные бои. На северном участке атаки немцев были отбиты, и местный стрелковый полк к вечеру занимал прежние позиции. Лишь к ночи противник, предприняв новую атаку, потеснил правый фланг этого полка и занял село Эфендикой.

Ожесточенные бои завязались в районе Дуванкоя. 8-я бригада, 17-й батальон морской пехоты и батальон ВМАУ упорно сдерживали наступление врага. Бригада сохранила свои позиции, а батальоны отошли на рубеж хутор Кефели — деревня Дуванкой. К вечеру противник занял станцию Сюрень и отдельными мелкими группами в районе Дуванкоя просочился в расположение нашей обороны.

Эффективную поддержку нашим войскам оказали артиллеристы 203-мм четырехорудийной береговой батареи № 10, расположенной на берегу обрыва у устья реки Кача, а также 724-й подвижной батареи. Только огнем 10-й батареи было уничтожено 20 повозок, 20 автомашин и около 200 гитлеровцев^[87].

В 10 часов немцы с тыла (с юга) атаковали 102-мм батарею № 54. Атака была поддержана огнем трех тяжелых полевых орудий, установленных на высотах в 9–9,5 км юго-восточнее батареи № 54.

В 9 ч 57 мин все немецкие батареи открыли огонь, и до батальона вражеской пехоты на автомашинах и до 300 кавалеристов двинулись с рубежа село Новые Байдары — село Земрук на деревню Николаевка. Вскоре после обстрела противник нанес по нашей батарее бомбовый удар авиацией, затем вновь произвел продолжительный артобстрел. В результате батарея № 54 была подавлена. К 13 ч 20 мин на ней вышло из строя три орудия из четырех, но ее команда продолжала отражать атаки врага пулеметным и ружейным огнем и гранатами. В 16 ч 40 мин командир батареи № 54 донес «Противник находится на позициях батареи. Связь кончаю. Батарея атакована». Это было последнее его донесение.

Для спасения команды батареи № 54 в ночь на 3 ноября из Севастополя были высланы тральщик «Искатель», сторожевые катера № 031 и № 061. Подойти к берегу они не смогли и спустили две шлюпки.

На них были приняты и доставлены на корабли 28 человек личного состава батареи, которые спустились с обрыва по скрученному телефонному проводу.

Возникает естественный вопрос, а не могло ли командование флота послать на помощь батарее № 54 еще утром пару эсминцев с 130-мм пушками? Замечу, что из полевых пушек, я уж не говорю о минометах, попасть в маневрирующий эсминец на дальности свыше 8 км шансов практически не было, за отсутствием соответствующих систем ПУС. А вот эсминцы могли разнести в клочья и полевые батареи, и пехоту противника.

Двоим краснофлотцам с батареи № 54 удалось пробиться в Севастополь. Командир батареи И.И. Заика позже попал к партизанам, а затем вновь служил на Черноморском флоте. Судьба остальных неизвестна.

Согласно «Хронике...», всего огнем батареи было уничтожено 15 немецких средних танков, тяжелый танк с 76-мм орудием, 7 автомашин с пехотой, трактор с орудием, автоцистерна и радиостанция^[88]. По традиции сие оставляю без комментариев, замечу лишь, что тяжелые танки впервые появились в вермахте в конце 1942 г. («Тигры»).

В течение дня 2 ноября 305-мм батарея № 30 периодически обстреливала немцев в Бахчисарае и в селе Альма-Тархан.

3 ноября немцы наступали на Севастополь вдоль долины реки Кача. В 20 часов, обойдя огневые точки Дуванкойского узла сопротивления, они заняли деревню Заланкой. В связи с усилившейся угрозой полного окружения, наши батальоны, действовавшие в долине реки Кача, в районе железной и шоссейной дорог, были отведены за линию обороны.

Батареи № 10 и № 30 продолжали обстреливать скопления вражеских частей на подступах к Севастополю и уничтожили «до 25 танков», до эскадрона конницы и до 300 человек пехоты. Все данные взяты исключительно из донесений наших войск, поскольку аналогичных немецких документов я не видел, и если они где-то и есть, то в наших архивах в секретной части. Танков, как уже говорилось, у немцев не было, поэтому число подбитых танков я беру в кавычки.

Приморская армия после боев 1 и 2 ноября с наступавшим противником оставила рубеж высота Кизил-Коба — село Мамак — Кукурековка и стала отходить по дорогам через деревни Мангуш, Бия-Сала, Ени-Сала, Кокковы и через хребет Яйла на южный берег Крыма, в Ялту и Алушту.

Утром 3 ноября штаб Приморской армии вышел в район Балаклавы. К этому моменту 95-я стрелковая дивизия подходила к селу Бия-Сала, за ней следовали 25-я и 172-я стрелковые дивизии. Тяжелая артиллерия — 265-й

корпусный арtpолк, 51-й и 52-й арtpолки — были на марше из района Ялты в Севастополь.

С 1 по 4 ноября батарея № 30 выпустила 142 12-дюймовых снаряда, а батарея № 10 — 276 10-дюймовых снарядов. Огнем этих батарей было уничтожено 30 танков, 60 автомашин и до 650 человек пехоты противника.

5 ноября Октябрьский отправил телеграмму Сталину, где говорилось, что «.. до сих пор Севастополь ни от кого не получил помощи. Крымская армия была рассеяна, а остатки Приморской армии бродили по горам Для обороны главной базы флот бросил все, что имел, и больше нечего было дать. Единственная надежда оставалась на то, что через день-два подойдут свежие армейские части. Если этого не будет, противник прорвется к Севастополю»^[89].

Октябрьский доложил также, что, несмотря на тяжелое положение, он не получил руководящих указаний по новой дислокации кораблей и частей, эвакуации и размещению тылов, мастерских и по ряду других неотложных вопросов.

Тогда же командующий доложил, что руководство сухопутной обороной он передал согласно приказу командующего войсками Крыма генерал-майору Петрову и предполагал по окончании эвакуации имущества главной базы на Кавказ перевести свой фронтовой командный пункт в Туапсе и оттуда руководить боевыми действиями флота на Азовском и Черноморском театрах.

Сталин не ответил Октябрьскому, а нарком Кузнецов приказал Октябрьскому остаться в Севастополе.

В ходе боев к 18 часам 5 ноября части сухопутной обороны главной базы заняли рубеж от берега моря на высоту 64,2 (курган Маяк-Оба), высота 79,4, деревня Аранчи, гора Азис-Оба, станция Бельбек, высота 158,1, высота 278,4, деревня Черкез-Кермен. Дальше на юг изменений не произошло.

Ночью и в первую половину дня 7 ноября противник продолжал накапливать силы восточнее деревни Черкез-Кермен и вплотную подошел к верховью долины Кара-Кобя, а значительные части его прошли дальше на юг и скопились в районе деревень Уппа, Узенбаш и Айтодор.

В 14 ч 30 мин немцы перешли в наступление в направлении хутора Мекензия и по долине Кара-Кобя. Два батальона немецкой пехоты при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня в 14 ч 50 мин овладели хутором Мекензия.

Дальнейшее продвижение противника было остановлено упорными боями частей 2-го и 3-го полков морской пехоты при огневой поддержке

артиллерии береговой обороны главной базы.

Новый рубеж нашей обороны прошел в 0,5 км западнее хутора Мекензия. Наступление немцев по долине Кара-Кобя успеха не имело.

7 ноября в боях впервые принял участие бронепоезд «Железняков», построенный работникам Севморзавода в октябре 1941 г. Бронепоезд состоял из бронепаровоза типа «Э», двух бронеплощадок на базе 60-тонных платформ и двух контрольных платформ с балластом. На каждой бронеплощадке было установлено по одной 76-мм пушке ЗК и по одной 76-мм пушке Лендера. Таким образом, все четыре орудия бронепоезда могли вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям. Эффективность огня обеспечивалась морским зенитным дальномером ДМ-1,5. В течение последующих 8 месяцев осады города бронепоезд «Железняков» сделал 140 боевых рейсов.

8 ноября огонь по противнику вели уже обе башенные батареи — № 30 и № 35.

Внимательный читатель уже заметил, что первые две недели боев за Севастополь я даю по советским материалам. Пора дать слово и противнику. Манштейн писал об этих боях: «54-му армейскому корпусу, следовавшему вплотную за бригадой, была поставлена задача — прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь частям противника, находящимся в горах. Однако корпус после активного преследования на подступах к крепости между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к реке Черная натолкнулся на упорное сопротивление. Противник имел в крепости еще четыре боеспособные бригады морской пехоты, которые составили ядро группирующейся здесь армии обороны. Начала действовать крепостная артиллерия. Из оттесненных в горы частей Приморской армии довольно значительные силы добрались по горным дорогам до Севастополя, правда без орудий и транспорта. Они сразу же получили пополнение по морю. Многочисленные рабочие батальоны, составленные из рабочих этой крупной военно-морской базы и вооруженные оружием из крепостных складов, также усиливали ряды обороняющихся. Благодаря энергичным мерам советского командующего противник сумел остановить продвижение 54-го армейского корпуса на подступах к крепости. В связи с наличием морских коммуникаций противник считал себя далее достаточно сильным для того, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя против правого фланга 54-го армейского корпуса. Потребовалось перебросить сюда для поддержки 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса. В этих условиях

командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с хода — с востока и юго-востока. К тому же обеспечить наступление с востока не было никакой возможности ввиду отсутствия дорог. Шоссейная дорога, обозначенная на захваченных нами картах, на самом деле не существовала. Ее начало обрывалось в труднодоступной скалисто-лесистой местности»^[90].

Отдел тыла 11-й армии расположился в Симферополе, а сам Манштейн с «первым эшелоном штаба» разместился в большом селе Сарабуз в 18 км севернее Симферополя. Как писал Манштейн: «Мы удобно расположили там наши штабные службы в большой школе-новостройке; такие школы были выстроены Советами почти во всех крупных селах. Я сам с начальником штаба и несколькими офицерами жил в небольшом здании правления плодового колхоза... На этой скромной квартире мы оставались до августа 1942 года, лишь дважды, в июне 1942 года, когда наш штаб находился под Севастополем, отлучаясь на КП на Керченском участке»^[91].

Почему Манштейн выбрал Сарабуз, а не, скажем, Бахчисарай, генерал-полковник нам не объясняет. Рискну высказать предположение, что немцы рассчитали, что Бахчисарай находится в радиусе действия батарей № 30 и № 35. Да и до окраины Симферополя «тридцатка» могла вполне достать, так что в Сарабузе было поспокойнее.

11 ноября немецкие войска нанесли удар в районе сел Варнутка — Кучук — Мускомья, где находилась 40-я кавалерийская дивизия. К исходу дня оба села были заняты противником.

Вместе с береговыми батареями интенсивный обстрел по скоплениям немецких войск вели крейсера «Красный Крым» и «Червона Украина»^[92], стоявшие в бухте Севастополя. За 10 и 11 ноября «Красный Крым» выпустил 105 снарядов, а «Червона Украина» — 148 снарядов.

12 ноября 23 бомбардировщика Ю-88 произвели налет на Севастополь. Бомбежка длилась с 11 ч 45 мин до 12 ч 24 мин Главным объектом налета стал крейсер «Червона Украина», стоявший у Совторгфлотской пристани. В 12 ч 08 мин фугасная бомба взорвалась на расстоянии 5–7 м от правого борта корабля на траверзе 92—100 шпангоутов. Через несколько секунд вторая фугасная бомба взорвалась в районе 4-го торпедного аппарата на шкафуте левого борта (83 шпангоут). Взрывом торпедный аппарат сорвало с фундамента и сбросило за борт. На палубе возник пожар.

Через 3 минуты 500-кг бронебойная бомба замедленного действия взорвалась на грунте в непосредственной близости от правого борта

корабля, в районе 9—12 шпангоутов. Взрывом перебило якорь-цепь правого якоря и перлинь, заведенный на бочку. Крейсер носом прижало к пристани. Лопнул кормовой швартовый конец с левого борта.

В 12 ч 12 мин взрыв такой же бомбы был зафиксирован под днищем корабля с левого борта, в районе 48–54 шпангоутов. От взрывов корпус корабля завибрировал. Крейсер кренился на левый борт, и возник дифферент на нос.

Борьба за живучесть крейсера длилась 16 часов, но в 4 ч 10 мин 13 ноября корабль затонул.

В ходе налета кроме крейсера пострадали два эсминца (проектов 7 и 7У), ремонтировавшихся в Севастополе. Эсминец «Беспощадный» 22 сентября под Одессой в результате попадания авиабомбы потерял носовую часть по 44-й шпангоут и был отбуксирован в Севастополь. И вот 12 ноября «Беспощадный», стоявший у Миной пристани, получил прямое попадание в районе 3-го котельного отделения. 2-е и 3-е котельные отделения были затоплены, машины исправны. Корабль остался на плаву, но требовал капитального ремонта.

Поздним вечером 17 ноября «Беспощадный» был взят на буксир эсминцев «Шаумян» и отведен в порт Потти.

Другой эсминец, «Совершенный», к началу войны достраивался у стенки Севморзавода. 30 сентября 1941 г. во время ходовых испытаний на Херсонесской мерной миле в 16 ч 42 мин он подорвался на нашем минном заграждении и получил пробоину в правом борту площадью 30 кв. м. В результате оказались затопленными 1-е и 2-е котельные отделения и 1-е машинное отделение. Корабль отбуксировали в Севастополь и поставили в док. А теперь «юнkersы» достали его в сухом доке Севморзавода. Бомба попала в 4-е машинное отделение.

В ходе этого налета было сбито два Ю-88, один из которых таранил истребитель МиГ-3, а другой сбит зенитным огнем.

Забегаю вперед, скажу, что Октябрьский приказал к 20 ноября снять с крейсера «Червона Украина» артиллерию и установить ее на береговые батареи.

Позже 4 пушки Б-13 были сняты с «Современного».

Таблица 2

130/55-мм пушки и 100-мм спаренные установки Минизини, снятые с крейсера «Червона Украина» и установленные в декабре 1941 г. на сухопутных рубежах

№ батареи	Калибр	Количество орудий	Место батареи
701 (111) *	130	2	Малахов курган
702 (112)	130	2	Лагерь училища береговой обороны
703 (113)	130	2	Английское кладбище
704 (114)	130	2	Хутор Дергачи
705 (115)	130	2	У поста Мекензиева городка
-	100	2	У поста Мекензиева городка
706 (116)	130	2	Дача Максимова
2	100	2	Константиновский рavelин

* В скобках даны первоначальные номера батарей.

К исходу 12 ноября немцы заняли мыс Сарыч. Личный состав маяка и поста СНИС был вывезен, маяк Сарыч разрушен. При отходе огнем противника была потоплена шхуна. Потерь не было.

Как гласит «Хроника...», повторенная позже Г.И. Ваневым и другими нашими историками: «Противник, подтянув свежие силы, с утра 13 ноября возобновил атаки против подразделений 40-й кавалерийской дивизии и передовых подразделений первого сектора обороны. Два батальона немцев с 35 танками наступали от высоты 198,4 вдоль Ялтинского шоссе и далее на высоту 440,8 и один батальон с танками — вдоль горной дороги от деревни Кучук-Мусколля на деревню Кадыковка»^[93].

К исходу дня немцы овладели высотой 417,7, лесничеством, высотами 386,6 и 440,8, а часть сил 40-й кавалерийской дивизии, удерживавшая высоту 508,1, оказалась обойденной с флангов и окруженной.

С целью дезориентации противника и отвлечения части его сил от направления главного удара наше командование решило силами второго и третьего секторов нанести охватывающий удар и овладеть важным опорным пунктом — хутором Мекензия.

Опасаясь окружения своих частей в районе хутора Мекензия, а также считая, что советские войска переходят из северных секторов в общее наступление, командование 11-й немецкой армии срочно завершило переброску сюда 22-й пехотной дивизии. Это облегчило положение защитников южных секторов.

Из-за больших потерь 13 ноября 42-я кавалерийская дивизия была расформирована, и ее остатки влиты в 40-ю кав-дивизию. Также была расформирована 421-я стрелковая дивизия, остатки которой были обращены на пополнение 1330-го стрелкового полка.

Бои за Севастополь 14 ноября и общее положение дел хорошо

изложено в «Хронике...»: «Утром 14 ноября с целью восстановления утраченных позиций на правом фланге части первого сектора обороны перешли в наступление. Весь день шли бои с противником, упорно отстаивавшим захваченные рубежи. К 17 ч 00 мин после упорных боев части 40-й кавалерийской дивизии и батальон школы НКВД вышли на линию высот: 386,6—482,2—198,4 и 555,3. Но в 18 ч 00 мин батальон школы НКВД, будучи контратакован немецкими автоматчиками, вновь беспорядочно отошел, обнажив правый фланг 40-я кавалерийской дивизии...

В районе черкез-керменского плацдарма части третьего сектора перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, 3-й полк морской пехоты, наступавший с севера, к 15 ч 00 мин перерезал дорогу, овладел безымянной высотой в 1,5 км западнее дер. Черкез-Кермен и почти окружил группировку немецких войск в районе хутора Мекензия, но вследствие недостаточной настойчивости частей 7-й бригады морской пехоты полностью окружить и уничтожить эту группировку не удалось. Противник, сосредоточив свыше пехотного полка, контратаками из хутора Мекензия и дер. Черкез-Кермен приостановил наше дальнейшее наступление и отеснил части 3-го полка морской пехоты к югу от дороги, связывающей дер. Черкез-Кермен с хутором Мекензия...

Командующий Черноморским флотом доложил Сталину, что состояние обороны Севастополя продолжало оставаться исключительно напряженным. Противник имел на фронте 50-ю, 72-ю и 132-ю пехотные дивизии немцев, 32-ю егерскую дивизию, 36-й мотополк, 118-й мотоотряд и кавалерийскую бригаду румын.

14 ноября вновь подошедшая 72-я пехотная дивизия врага начала наступать на г. Балаклава. Для восстановления положения на фронт были брошены все резервы. Но не все наши части оказались достаточно устойчивыми в бою. 13 ноября разбежался батальон войск НКВД, открыв тем самым противнику путь на Балаклаву»^[94].

За весь период боев у Севастополя потери наших частей достигли 5000 человек, то есть до 20 % всего состава войск.

ГЛАВА 10. ЛЕГЕНДЫ О КРЫМСКИХ ТАНКАХ

Все советские историки, рассказывая о вторжении 11-й армии генерал-полковника Манштейна в Крым, о боях за Севастополь и Керченский полуостров, постоянно оперируют огромными цифрами германских танков — в 100, 200 и 300 машин. Соответственно, наши артиллеристы и моряки запросто подбивают за один бой по 10–40 тяжелых немецких танков. Сейчас им вторят и самодеятельные историки, к примеру, авторы той же «Военной летописи». Немцы же утверждают, что у них не было танков вообще.

Командование советских войск в Крыму прекрасно понимало значение танков в обороне полуострова от... германских парашютистов. Еще 14 августа 1941 г. генерал-полковник Кузнецов отправил Сталину записку.

«НКО.Т. Сталину.

В дополнение предназначенных сил и средств в состав 51-й отдельной армии прошу Вашего решения о выделении 25 танков (5 КВ и 20 Т-34), 20 бронемашин, 45 тракторов и 150 грузовых автомашин. Эти средства обеспечат формирование мототанкового полка, который необходимо иметь на территории Крымского полуострова для уничтожения авиадесантов врага».

На эту записку была наложена резолюция: «Можно дать: 20 бронемашин, 12 Т-34, 10 Т-38, 20 тракторов, 100 грузовиков. И. Сталин».

Почему вождь отказал в танках КВ, неизвестно.

В любом случае танки КВ, как и Т-34, не нужны для борьбы с воздушными десантниками, тем более что они как воздух требовались на других фронтах.

Один из наших видных военно-морских историков сказал мне в частной беседе, что наши адмиралы не знали, как перевозить 50-тонные КВ морем. Понятно, что через узкий Керченский пролив их можно было перебросить на баржах.

Замечу, что на Каспии, где шторма не уступают черноморским, наскоро переоборудовали шаланды, перевозившие поначалу по 34, а затем по 59 танков за рейс. Это были американские танки типа «Грант» и «Шерман» весом от 28 до 32 т. Их доставляли из иранского порта Пехлеви (Энзели) до Астрахани и других советских портов.

Ну а что касается немцев, то их транспорты типа F (MFP) водоизмещением 280 т без труда перевозили трофейные танки KB.

В июле — августе в Крыму была сформирована 3-я Крымская моторизованная дивизия, переименованная 19 сентября 1941 г. в 172-ю стрелковую дивизию (2-го формирования). В ее составе имелся 5-й танковый полк с 66 танками, из которых 10 средних Т-34 и 56 легких плавающих типа Т-37 и Т-38. Экипажи танков Т-34 были кадровыми, а экипажи плавающих танков укомплектовывались добровольцами с заводов Симферополя.

К сожалению, до сих пор нет данных о том, сколько бронетехники перевезли в Крым в ходе эвакуации Одессы. Так, в отчете «Оборона Одессы», выпущенном Генштабом РККА в 1943 г., говорится, что из Одессы с 1 по 15 октября 1941 г. были эвакуированы 34 танка и бронемшины^[95]. В «Отчете о работе отдела автобронетанковых войск в период обороны Одессы с 01 января по 15 октября 1941 г.», составленном начальником автобронетанковых войск Одесского оборонительного района подполковником Максимовым 11 марта 1942 г., на 1 октября 1941 г. в составе Приморской армии имелось 31 бронеавтомобиль (из них 13 пушечных бронемашин БА-10), 13 танков БТ, 4 танка Т-26, 9 химических танков ХТ-26 и один танк Т-37.

Несколько слов стоит сказать о применении танков в боях за Перекоп. С рассветом 25 сентября 1941 г. немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировка.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками, начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк из 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк

из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело. К вечеру Армянск остался за немцами.

В воспоминаниях П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о 100 танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка»^[96].

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» и тд. То есть немецкие танки, как бизоны, ходят по Крыму сами по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» была переброшена на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

Первоначально у Манштейна в Крыму был лишь один дивизион штурмовых орудий. В составе 190-го дивизиона имелось восемнадцать 75-мм самоходных установок StuG III, созданных на базе танка Т-III. В каждом взводе, состоявшем из двух орудий, имелся один бронированный транспортер боеприпасов Sd.Kfz.253 и одна машина передовых артиллерийских наблюдателей Sd.Kfz.252.

Еще 22 установки StuG III из состава 197-го дивизиона были переданы 11-й армии 3 октября 1941 г. Однако штурмовым установкам пришлось добираться своим ходом, и участие в боях они приняли лишь в декабре 1941 г.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике...»: «По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было известно, что в 11 ч 40 м 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек

этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч 10 м по дороге вдоль западного побережья Крыма между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч 30 м по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч 10 м немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бурлюк по дороге на восток показались бронемшины противника. В 16 ч 15 м из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м км»^[97].

Советские мемуаристы и историки уже полвека ссылаются на танки так называемой «группы Циглера». Современный германский историк Пауль Карель так описывает создание пресловутой «Группы Циглера»: «... 28 октября в штабе Манштейна в 30 км от Перекопа шло совещание. Начальник штаба 11-й армии полковник Вёлер указал на карту:

— Русские намерены удержать Севастополь, Феодосию и Керчь. Они спасут свои разбитые части, поместив их в эти укрепленные районы, затем пришлют пополнения, переформируют и вновь бросят в бой. Такая возможность будет у них до тех пор, пока в руках у них останется морская крепость Севастополь.

— Вот как раз этому-то мы и должны помешать, — уточнил Манштейн.

Начальник оперативного отдела Буссе кивнул.

— Но как мы превратим нашу пехоту в подвижные войска? Нам бы танков или хотя бы моторизованную дивизию! Тогда бы все получилось гораздо проще.

Полковник Вёлер решил, что настало время объявить:

— Мы соединим воедино все механизированные части из состава пехотных дивизий, начиная от разведывательных подразделений и кончая зенитными и противотанковыми батареями, и пошлем их вперед как мобильную боевую группу!

Буссе всецело поддержал предложенную идею,

— Отлично, — подытожил Манштейн. — Вы, Буссе, проследите за формированием этой боевой группы. Возглавит ее полковник Циглер. Первой целью его станет овладение Симферополем — главным городом и транспортным узлом полуострова. Через него лежит дорога к Севастополю и к южному берегу. Ее необходимо блокировать»^[98].

Итак, ни одного танка в «группе Циглера» не было. Фактически это была пехота на грузовых автомобилях с несколькими бронированными

разведывательными машинами и артиллерийскими тягачами.

По-человечески можно понять наших историков, всячески пытавшихся доказать наличие танков у супостата в 1941 г. Но, увы, утверждения: «можно предположить использование немцами трофейных советских танков в Крыму» или «нельзя исключить участия в боях румынской бронетехники» и т. д. всерьез принимать нельзя.

Никаких достоверных сведений об участии в боях в Крыму до 1 января 1942 г. трофейных советских или румынских танков не было и нет.

Севастопольский историк В. Савилов писал: «На 22 июня 1941 г. 5, 6 и 8 румынские кавалерийские бригады, входившие в состав румынского кавалерийского корпуса, имели в своих разведэскадронах каждый по 6 легких танков R-1, На 1 октября 1941 г. румынский кавалерийский корпус, подчиненный командованию 11-й немецкой армией, не имел ни одной готовой к бою танкетки R-1. Все 18 были неисправны или повреждены. На середину октября 1941 г. в 5-м эскадроне 8-й кавалерийской бригады имелось 6 исправных R-1»^[99].

Добавлю от себя, что даже если бы шесть легких танков типа «Рено» и приняли участие в боях, то проку от них было бы немного, учитывая их низкие тактико-технические характеристики и подготовку румынских экипажей.

Ранним утром 26 декабря 1941 г. началась высадка частей 44-й армии на Керченском полуострове. В составе армии находилось пять стрелковых и горных дивизий, пять горнострелковых полков и 126-й отдельный танковый батальон.

26—31 декабря на Керченский полуостров в районе мысов Зюк и Хрони было высажено девять танков Т-26. К 31 декабря в районе Феодосии высажено 43 танка.

28 января 1942 г. Сталин приказал реорганизовать Кавказский фронт, разделив его на Крымский фронт и Закавказский военный округ.

В состав Крымского фронта были включены войска бывшего Кавказского фронта, расположенные на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Краснодара (44-я, 51-я и 47-я армии). Кроме того, командующему Крымским фронтом были подчинены войска Севастопольского оборонительного района, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская военно-морская база. Командующему Крымским фронтом генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову был подчинен также Северо-Кавказский военный округ с правом использования его войск и формирований лишь с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования.

Наступление советских войск началось 27 февраля. Группировку из четырех дивизий 51-й армии поддерживало всего 170 орудий, а три дивизии 44-й армии — 62 орудия. Главный удар наносили войска 51-й армии в районе селения Кой-Асан.

Для прорыва немецкой обороны были использованы танки 39-й, 40-й и 55-й танковых бригад и 229-го отдельного танкового батальона. Фронт атаки этих соединений не превышал

5 км, то есть плотность достигала 34 танка на 1 км. Наши танковые соединения и части двигались тремя эшелонами. Каждой танковой бригаде и отдельному батальону было придано по саперной роте. Личный состав рот предполагалось везти за танками на специальных волокушах, но из-за размокания грунта от этой идеи пришлось отказаться и посадить саперов на танки первого эшелона. В задачу саперов входило разминирование проходов для техники и пехоты. Но, несмотря на все предпринятые меры, все же 7 танков подорвались на минах.

Немецкие пехотные дивизии сражались насмерть, а вот румыны традиционно побежали. Румынскую 18-ю пехотную дивизию поддерживали два германских артдивизиона, расчеты которых бросили орудия и подались вслед за союзниками.

Командование Крымского фронта доложило в Москву, что к 13 часам 28 февраля 1942 г. части 51-й армии захватили до 50 орудий, много минометов и свыше 100 пленных. А вот 44-я армия не продвинулась ни на шаг с начала наступления.

Румыны добежали до Киета, но там советские войска были остановлены германским 213-м пехотным полком, а также собранными «сбору по сосенке» солдатами тыловых резервных подразделений, включая штабы. А румынскую 18-ю пехотную дивизию отправили в тыл на переформирование. Советские источники сообщают о появлении на фронте 73-й германской пехотной дивизии.

2 марта немцам удалось закрепиться по всей линии фронта, а советские войска понесли большие потери в личном составе и потеряли 93 танка. Поэтому командарм Козлов приказал: «В связи с плохим состоянием грунта на Керченском полуострове и невозможностью вследствие этого вести наступательные действия... прочно закрепиться на выгодных рубежах и до особого распоряжения наступление прекратить»^[100].

Новое советское наступление было назначено на 13 марта. К этому времени Крымский фронт располагал 8 танками КВ, 13 танками Т-34, 32 танками Т-60 и 172 танками Т-26.

Л.З. Мехлис вместо того чтобы применить танки массированно на

направлении главного удара, расплыл их между стрелковыми частями. Так, 229-й отдельный танковый батальон (4 танка КВ) был придан 77-й стрелковой дивизии, 39-я танковая бригада (2 КВ, 6 Т-34, 11 Т-60) — 236-й стрелковой дивизии, 56-я танковая бригада (90 Т-26) — 12-й стрелковой бригаде, а 40-я танковая бригада (2 КВ, 7 Т-34, 21 Т-60) — 398-й стрелковой дивизии. Командиры танковых бригад были подчинены командирам стрелковых дивизий и бригад.

На Керченском полуострове в 9 часов утра 13 марта пошел мокрый снег. Командование испугалось потерять последние 8 тяжелых танков на размокшем грунте (из-за поломок коробок передач) и приказало не вводить их в бой. Но сей приказ до 229-го отдельного танкового батальона не дошел, и его четыре танка КВ все-таки пошли в атаку.

В ходе многочисленных атак с 13 по 19 марта советские войска понесли большие потери, но прорвать немецкую оборону не смогли. Хотя и силы противника были на исходе.

Манштейн писал: «18 марта штаб 42-го корпуса вынужден был доложить, что корпус не в состоянии выдержать еще одно крупное наступление противника»^[101].

Тут же Манштейн пишет, что в течение первых трех дней наступления немцам удалось подбить 136 танков. На самом же деле с 13 по 19 марта 56-я танковая бригада потеряла 88 танков (56 подбито, 26 сгорело и 6 подорвались на минах), 55-я танковая бригада потеряла 8 танков, 39-я танковая бригада потеряла 23 танка, 40-я танковая бригада — 18 танков, 24-й танковый полк — 17 танков, 229-й отдельный танковый батальон — 3 танка. Всего 157 танков.

В итоге Крымский фронт к 25 марта располагал 54 танками. Из них в 39-й танковой бригаде было 4 танка (2 КВ и 2 Т-60), в 40-й бригаде — 13 танков (все Т-26), в 56-й бригаде — 31 танк (все Т-26), в 24-м танковом полку — 4 танка Т-26 и в 229-м отдельном батальоне — 2 танка КВ.

Зато германская 11-я армия впервые получила танковую дивизию. В конце марта в Крым начали прибывать подразделения 22-й танковой дивизии^[102]. В апреле в Крым прибыла 28-я легкая пехотная дивизия, а также 7-й румынский армейский корпус в составе 19-й пехотной дивизии и 8-й кавалерийской бригады.

20 марта немцы предприняли контратаку из района поселка Ново-Михайловка в район поселка Кормечь (Керченский полуостров). Пехоту поддерживали 50 танков 22-й танковой дивизии. Бой шел до вечера. Нашу пехоту поддерживали 39-я и 40-я танковые бригады. По советским данным,

немцы потеряли до 35 танков, из которых 17 остались на поле боя. Причем 8 танков после осмотра нашими танкистами оказались в полной исправности.

В апреле 1942 г. Крым посетил маршал Антонеску. Диктатор вел себя очень важно. Как писал Манштейн: «Высшие румынские офицеры, казалось, боялись его как самого Господа Бога»^[103]. Антонеску пообещал прислать в Крым еще две румынские дивизии.

Штаб Манштейна составил план операции по уничтожению советских войск на Керченском полуострове, получивший кодовое название «Охота на дроф». Согласно этому плану, войска Севастопольского оборонительного района должны были сдерживать 54-й германский корпус и вновь прибывшая румынская 19-я пехотная дивизия. Весь Южный берег Крыма должна была защищать одна румынская 4-я горная бригада.

На Керченском же перешейке должны были наступать пять германских пехотных дивизий (170,182,186,46 и 50-я), 26-я легкая пехотная дивизия, 22-я танковая дивизия, а также румынские 19-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада. На сей раз у немцев было до двухсот танков и самоходных установок К 20 апреля на Крымском фронте у немцев имелось: 123 миномета, 15 — 7,5-см, 132—10,5-см и 62—15-см орудия, а также 16—21-см мортир.

Советские войска располагались уступом, вытянутым на севере. Численно они превосходили противника в полтора раза. К 8 мая в частях Крымского фронта имелось: 41 танк КВ, 7 — Т-34, 111 — Т-26, 79 — Т-60. Итого 238 танков, не считая 79-го учебного танкового батальона, имевшего 5 танков Т-26, один ХТ-133 и один трофейный Т-IV.

К 4 мая 1942 г. в составе артиллерии Крымского фронта имелось: минометов 50-мм — 1340, 82-мм — 817, 107-мм — 41 и 120-мм — 168; 45-мм противотанковых пушек — 175; 76-мм полковых пушек — 70; 6-мм дивизионных и корпусных пушек — 330; 122-мм гаубиц — 191; 152-мм гаубиц — 5; 107-мм пушек — 21; 122-мм пушек А-19 — 24; 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 — 109; пусковых установок реактивных снарядов М-8 — 24; пусковых установок реактивных снарядов М-13 — 29.

В 1987 г. А.В. Басов писал «6 мая Буденный предупредил о возможном переходе противника в наступление против войск Крымского фронта.

Однако требование об усилении обороны оказалось невыполненным. Оборонительной группировки войск для отражения ожидаемого наступления врага не было создано. Все три армии (47-я, 51-я и 44-я, всего 21 дивизия) находились в одном эшелоне фронта. Дивизии и бригады, входившие в состав армий, были вытянуты в одну линию, а их боевые

порядки до предела уплотнены. Стрелковые дивизии действовали в чрезвычайно узких полосах (в среднем по 2 км). Небольшие резервы, так же как и пункты управления, располагались близко к переднему краю, что ставило их под угрозу ударов вражеской артиллерии. Главная полоса протяженностью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге. Левый, приморский фланг не обеспечивался со стороны моря. Там не было кораблей, которые поддерживали бы фланг сухопутных войск. Артиллерийские противотанковые резервы во фронте и в армиях не были созданы, противовоздушная оборона войск также не была организована должным образом. Фронтной тыловой рубеж — позиции Турецкого вала и керченского оборонительного обвода — в инженерном отношении не были завершены и войсками не занимались»^[104].

Таким образом, Басов все валит на командование Крымского фронта. Попробуем разложить все по полочкам Директивой № 2/оп от 6 мая 1942 г. Буденный не предупредил, а дезинформировал командование Крымского фронта. Там говорилось: «...неприятель сосредоточил переправочные средства по азовскому побережью на участках Таганрога, Мариуполя и транспортную авиацию в Днепропетровске, Запорожье, Кировограде и Николаеве.

По данным разведки Южного фронта и Азовской военной флотилии, в районе Мариуполя и Таганрога противник имел транспорты, мотоботы и другие мелкие суда, позволявшие ему поднять одновременно до 7000 человек с личным вооружением В порт Мариуполь прибыло до 2000 и ожидается прибытие еще до 300 немецких моряков. На участке Мариуполь — Таганрог было сосредоточено до двух пехотных дивизий немцев и до бригады румын.

По данным опроса пленного офицера германской армии, немцы сосредоточили транспортную авиацию в районах Николаева и Запорожья»^[105].

Таким образом, Буденный подыграл немцам. И командование Крымского фронта по приказу маршала сосредоточило свои основные силы на севере, а не на юге, где Манштейн планировал нанести свой главный удар.

А вот командование флота почему-то проигнорировало директиву Буденного и попросту занималось охраной транспортов (от кого?), выставив охранение из кораблей и подводных лодок у кавказских баз, а также занималось иными весьма полезными делами.

Риторический вопрос: как могло командование Крымского фронта ждать вражеские десанты со стороны Черного моря, когда там у немцев еще не было боевых кораблей, а боевая мощь Черноморского флота за счет поступления новых кораблей почти не уменьшилась по сравнению с 22 июня 1941 г.?

А рано утром 8 мая немцы погрузили в Феодосии батальон пехоты на штурмовые лодки и высадили десант у горы Ас-Чалуле в тылу у наших войск. Батальон перешел в наступление и вызвал панику среди наших войск. Представим на секунду, если в Феодосийском заливе дежурили... нет, не крейсера, а хотя бы звено торпедных катеров или пара сторожевых катеров или бронекатеров? (Их-то у нас было с избытком.) Ведь ни одна бы немецкая лодка не ушла бы. Но Манштейн за 1941 г. хорошо изучил манеры наших адмиралов.

Одновременно с десантом 30-й корпус, поддержанный 150 танками и САУ, прорвал позиции 63-й горнострелковой и 276-й стрелковой дивизий на южном участке фронта. На остальных же участках фронта 42-й германский корпус поначалу лишь проводил демонстрацию наступления.

К исходу 8 мая 404-я стрелковая дивизия была разгромлена. Немцы прорвали фронт на южном участке шириной в 5 км и на глубину 8 км. На остальных участках фронта советские войска отбили все атаки и удержали занимаемые позиции.

9 мая Манштейн ввел в дело 22-ю танковую дивизию, атаковавшую 56-ю танковую бригаду и 229-й отдельный танковый батальон (11 танков КВ, 15 Т-26 и 11 Т-60). В ходе упорного боя наши части потеряли 5 танков КВ и 9 танков Т-26. По советским данным, немцы потеряли 50 танков. Понятно, это преувеличенные данные, хотя, вообще говоря, немецкие танкисты не особенно любили встречаться с танками КВ.

К исходу 9 мая в полосе 44-й армии уже не имелось сплошного фронта. Остатки занимавших оборону стрелковых дивизий мелкими группами отходили на восток. 72-й кавалерийской дивизии была поставлена задача остановить отступление, но безрезультатно.

На левом крыле 51-й армии из-за отступления 236-й стрелковой дивизии с ночи на 10 мая также образовался не занятый нашими войсками прорыв от селения Пять Курганов до города Кайман. Глубина прорыва немцев на некоторых участках Крымского фронта достигала 30 км.

По словам Манштейна: «Начиная с 11 мая операция протекала уже без существенных задержек, 22-я танковая дивизия броском вышла на северное побережье. Примерно восемь дивизий противника оказалось в созданном ею котле. Командование армии могло теперь отдать приказ преследовать

противника»^[106].

К тому времени в составе Крымского фронта имелся 81 танк, включая 7 танков KB, из которых 4 было неисправно.

Советские войска пытались закрепиться на Турецком валу. Но 13 мая немцы овладели большей частью вала. На правом фланге Крымского фронта противник к исходу дня занял селения Султановка и Аджиели. На левом фланге днем части Крымского фронта отходили на Сараймин.

В 23 ч 30 мин 13 мая с юго-западного направления немцы начали артобстрел Керчи, крепости и Керченской бухты. Немецкая авиация непрерывно бомбила город и порт. 13 мая было сброшено около 1780 бомб. В городе произведены большие разрушения, и начались пожары.

15 мая немцы объявили о падении Керчи. На самом же деле в этот день шли ожесточенные бои на рубеже Тархан — железнодорожная станция Керчь 2-я — Горком Лишь к вечеру немцам удалось ворваться в город

По данным Центрального Военно-морского архива (Ф. 10. Д. 17716):

Таблица 3

Перевозки на Керченский полуостров с 29 декабря 1941 г. по 22 мая 1942 г.

Объект перевозки	Ввезено	Вывезено
Бойцов и комсостава	261 506	175 434*
Орудий и минометов	1596	99
Танков	629	108
Тракторов	1022	9
Бронемашин	217	нет
Автомашин	6035	158

* — Включая гражданское население плюс еще 72 789 раненых.

Согласно изданию «Гриф секретности снят»^[107] за 111 суток существования Крымского фронта было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 31 051 человек. Пропало без вести 161 890 человек. Небоевые безвозвратные потери составили 1866 человек Итого 194 807 человек.

В свою очередь Манштейн писал «18 мая сражение на Керченском полуострове было закончено. Только небольшие отряды противника под давлением нескольких фанатичных комиссаров еще несколько недель

держались в подземных пещерах в скалах вблизи Керчи. По имеющимся данным, мы захватили около 170 000 пленных, 1133 орудия и 258 танков; 5 немецких пехотных дивизий и 1 танковая дивизия, а также 2 румынские пехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада уничтожили две армии, в состав которых входило 26 крупных соединений»^[108].

После эвакуации остатков трех советских армий на Таманский полуостров у 11-й германской армии были развязаны руки, и Манштейн смог приступить к решению своей главной задачи — взятию Севастополя, которая получила кодовое название «Лов осетра». Вопрос об использовании танков в третьем и последнем штурме Севастополя является крайне болезненной темой для наших историков, поскольку десятилетиями создавались мифы о сотнях германских тяжелых танков, штурмовавших город. Авторы 1980-х годов писали о 450 германских танках, штурмовавших город-герой.

Что же было на самом деле? Начну с отечественных танков. В первой половине ноября 1941 г. из Степного Крыма в Севастополь удалось войти лишь 10 танкам К 5 декабря в Севастополе имелось всего 9 танков, которые к тому времени состояли в отдельном танковом батальоне (ОТБ). Номера тот батальон не имел В нем было 213 человек, 9 танков, 6 автомобилей и 2 пушки.

22 декабря 1941 г. транспорт «Жан-Жорес» вышел из Новороссийска в Севастополь в охранении эсминца «Бойкий». На его борту находился 81-й отдельный танковый батальон в составе 180 человек и 26 танков Т-26. Уже через 3 дня батальон занял позицию на кордоне Мекензия № 1.

Позже в Севастополь был доставлен 125-й отдельный танковый батальон. На 10 мая 1942 г. 125-й ОТБ располагался в засаде в 4 км западнее хутора Мекензия и в 1,5 км северо-западнее маяка Восточный Инкерманский, а 81-й ОТБ был расположен в селении Голиково.

В начале июня 1942 г., по данным Г.И. Ванеева, «в 81-ми 125-м отдельных танковых батальонах Приморской армии насчитывалось 47 танков разных типов (БТ-7, Т-37, Т-27, Т-26, Т-34) и 7 броневых автомобилей (БА-10 и БА-20)»^[109]. По данным же Мощанского И., Савина А. («Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г.»), в 81-м ОТБ имелся один танк Т-34, один танк БТ-7 и 12 танков Т-26^[110].

Применение легких танков под Севастополем не могло быть эффективным из-за сложного рельефа местности и насыщенности позиций противника противотанковыми средствами. Но, как мы знаем, за всю оборону города у защитников был всего один (!) средний танк Т-34 и ни

одного тяжелого танка.

Самое интересное, что свободные КВ имелись, но доставить их в Севастополь было не на чем. Наши адмиралы и мэтры судостроения не догадались перед войной построить ни одного танкодезантированного судна или, по крайней мере, судна двойного назначения, которое в мирное время могло перевозить народнохозяйственные грузы, а в военное — танки.

Это подтверждается и отчаянной просьбой Октябрьского в Ставку от 17 мая 1942 г. о посылке в Севастополь в числе других вооружений 25 танков КВ и 50 танков других типов. Причем перебросить их предполагалось на линкоре «Парижская Коммуна».

Сделать это было вполне реально. Но, увы, Ставка отказала. Конечно, тут проще всего все свалить на Сталина. Но он, в отличие от наших последующих вождей от Хрущева до Ельцина, не допускал волюнтаристских решений и в данном случае поступил в соответствии с рекомендациями Кузнецова и К°, который во многом разделяет ответственность за сдачу Севастополя.

Говоря о применении советских танков под Севастополем, нельзя не упомянуть о любопытном эпизоде. 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях. Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3-го ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено шесть таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч 30 мин танкетки выпустили на немецкие позиции. Две танкетки взорвались на вражеских позициях, еще две взорваны до подхода к цели и две уничтожены артиллерийским огнем немцев.

С началом гласности рассказывать байки о 400–500 германских танках у Севастополя стало уже неудобно, и туда приплели уже упомянутую 22-ю танковую дивизию.

По данным «Борьбы за Крым», к 30 июня 1942 г., то есть к началу штурма Севастополя, в составе 22-й отдельной^[111] танковой дивизии имелось:

28 танков Т-2 с 20-мм пушкой;

114 танков 38(t) чехословацкого производства с 37-мм пушкой;

12 танков Т-3 с 37-мм пушкой;

И танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 24 калибра;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 40 калибров.

Итого 176 танков^[112].

Я не буду говорить, что эти цифры превышены даже для свежей дивизии, а 22-я танковая дивизия понесла существенные потери на Керченском полуострове. Беда для всех наших историков в том, что дивизии этой вообще не было в Крыму. На самом деле 22-я танковая дивизия с 21 по 24 мая 1942 г. прямо из-под Керчи была отправлена в 17-ю армию, которая наступала на Кавказ.

Для наших историков обороны Севастополя это страшный удар. Вот, возьмем для примера книгу А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945», выпущенную Академией наук СССР под редакцией академика А.М. Самсонова, автора исторических трудов о Великой Отечественной войне. На странице 169 в таблице «Соотношение сил и средств сторон к началу июня 1942 г.» в графе танки видим, что у немцев было 450 танков, и соотношение сил по танкам было 1:12 в пользу немцев. А на странице 319 в таблице «Сухопутные войска немецко-фашистского блока, действовавшие в Крыму в 1941–1944 гг.», составленной на основании секретного «Сборника материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за 1941–1954 гг.» (М., 1955–1956. Вып. 1–4), Басов пишет, что 22-я танковая дивизия отправлена с 21 по 24 мая в 17-ю армию.

Какие же настоящие германские танки были под Севастополем? Манштейн прекрасно понимал, что для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки с толстой броней, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах советских командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10... 20... 100 тяжелых танков противника...» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее 8 танков КВ, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 32 т, вооружение: одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/ч. В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40–45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса — 60 мм, башня — 56 мм).

Броню танков В-2 и КВ (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полевые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили КВ «севастопольским танком».

Кроме того, в боях за Севастополь участвовали два дивизиона (№ 190 и № 197) штурмовых орудий, то есть 75-мм самоходных пушек на шасси танка Т-III.

Несколько слов стоит сказать и о радиоуправляемых германских танках. В апреле 1942 г. под Севастополь была доставлена легкая рота радиоуправляемого оружия из 300-го отдельного танкового батальона. Рота была оснащена танками В-IV (Sd.Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5–6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/ч, доставить 450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию. Кроме того, в составе роты был 1 танк радиуправления, созданный на базе танка Т-3. (Танк пушки не имел)

Таким образом, если считать за полноценные боевые танки и штурмовые орудия, и радиоуправляемые танкетки, то у немцев не набралось бы под Севастополем и 100 машин.

ГЛАВА 11. КТО ВЫВЕЗ БОЕКОМПЛЕКТ И ЗЕНИТНУЮ АРТИЛЛЕРИЮ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

20 июня 1942 г. в 5 ч 10 мин адмирал Октябрьский вышел из бункера, Севастополь весь в дыму, сплошные пожарища. Вернувшись, он записал в дневнике: «Тяжело, больно, жаль город-красавец. Получил от Буденного телеграмму. Он недоволен, что противник прорвался к Северной бухте, требует восстановить положение. А чем? Где войска? Где боезапас?»

И адмирал продиктовал дежурному телеграмму: «Елисееву, копия Исакову. Положение с людьми и особенно боезапасом на грани катастрофы... Бои продолжаются жестокие. Надо еще раз пойти на риск направить мне крейсер "Молотов", который доставит хотя бы 3000 человек маршевого пополнения; прошу вооружения и максимум комплектов боезапаса, что я уже просил в своих телеграммах. Срочно шлите. Жду. Октябрьский».

Но, увы, севастопольские батареи из-за нехватки снарядов вскоре замолчали. И после падения главной базы, давая отчет, командующий Северо-Западным фронтом С.М. Буденный писал: «Помимо преимущества противника в танках и господства его в авиации причиной преждевременного падения Севастополя явилось отсутствие значительных запасов боевого снабжения и, в частности, боезапаса, что было основной ошибкой командования Крымским фронтом. Не числовое соотношение сил решило борьбу в конечном итоге к 3.07.42 г., а ослабление мощности огня защитников. При наличии боезапаса СОР мог продержаться значительно дольше».

В отчете также отмечалось, что «к началу 3-го штурма Севастополя СОР имел меньше 2,5 боекомплекта снарядов крупного калибра, меньше 3-х боекомплектов снарядов среднего калибра, меньше 6 боекомплектов мелкого калибра и около 1 боекомплекта мин, что совершенно недопустимо. В то же время период длинных ночей не был использован для подвоза при еще слабой блокаде Севастополя»^[113].

Боюсь, что эрудированный читатель поморщится от столь длинной цитаты, мол, о нехватке снарядов в Севастополе указано во всех изданиях, посвященных обороне города-героя. Зачем толочь воду в ступе еще раз.

Совершенно верно. Писали все, тяжело вздыхали и ставили точку. Я же не адмирал и не академик. Им все ясно, а мне не ясно, например, куда делся боекомплект Черноморского флота?

Я беру в руки книгу «История Севастопольского арсенала Черноморского флота Российской Федерации», выпущенную в 1999 г. в Севастополе ветеранами арсенала, и на странице 133 читаю: «Основные запасы артиллерийско-стрелкового боезапаса Черноморского флота находились в Севастополе на артбоескладе № 7, в других базах флота боезапас имелся только для береговых батарей». И это было вполне разумно — главная база флота располагала достаточным числом подземных хранилищ боеприпасов. Так, еще перед войной флоту были предоставлены огромные хранилища в инкерманских штольнях, недоступных для действия авиабомб. К августу 1941 г. весь боезапас главной базы Черноморского флота был укрыт в подземных хранилищах.

А теперь я беру ветхий отчет «Итоги работы артотдела Черноморского флота за два года Отечественной войны», отпечатанный в 1943 г. в Потти в четырех экземплярах с грифом «совершенно секретно» (примечание для детей и внуков Павлика Морозова: гриф снят 20 октября 1992 г.).

Там говорится, что командование Черноморского флота в середине октября 1941 г. решает вывезти значительную часть боезапаса Черноморского флота из Севастополя на Кавказ. В отчете не говорится, «кто велел», но ясно, что не обошлось без командующего Черноморским флотом А вот была ли директива на сей счет от наркома, это, как говорится, «вопрос на засыпку».

Видимо, командование Черноморского флота уже тогда считало, что Севастополь падет в ближайшие недели, а то и дни, и решило эвакуировать на Кавказ боекомплект, зенитную артиллерию, медицинский персонал и тд. Прямо говорить о сдаче города, по понятным причинам, никто не решался, и все делалось под соусом создания на Кавказе новых баз для флота Нужен в новых базах боекомплект для морских пушек? Нужен! Нужны зенитные орудия? Нужны! Но это же логика мирного времени, а тут десятки тысяч солдат и матросов грудью защищают Севастополь, а у них тайно вывозят самое необходимое.

А, кстати, в тылу боекомплекта для морских орудий было пруд пруди. При царе-батюшке боекомплект хранился в базах флота, а также в Петербурге и Николаеве. То же было и в первые годы советской власти. И лишь в 1930-х годах началось строительство больших центральных складов. Основными были склады: № 145 на станции Бурллакино Ярославской железной дороги; № 142 в городе Горький и № 2004 на

станции Часовня Верхняя близ Ульяновска. Там хранились снаряды, заряды, мины, торпеды и тд.

И вот оттуда-то и начал поступать флотский боекомплект на Кавказ. Посмотрим в «Итоги...»: «...начавшие поступать с октября месяца 1941 г. из центральных складов транспорты с боезапасом в Новороссийск в короткий срок забили склады, и большое количество боезапаса оставалось под открытым небом. Доходило до того, что по неделям прибывшие вагоны оставались неразгруженными. Это положение легко объяснить, если вспомнить указанное в 1-м разделе, что военно-морские базы имели крайне ограниченные складские площади, которые еле обеспечивали нужды самой базы»^[114].

Всего, согласно тем же «Итогам...», за первые 24 месяца войны на Черноморский флот от промышленности и с центральных складов поступило 305/52-мм выстрелов — 1920, 203/50-мм выстрелов — 781, 180-мм выстрелов — 17 648, 152-мм — 6951, 130-мм — 137 196 выстрелов и т. д. Причем речь идет только о морских пушках. Боекомплект для сухопутных орудий, принадлежавших флоту, считался отдельно. Так, только для 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 было поставлено 44 282 выстрела.

Итак, в Новороссийске все склады забиты флотским боезапасом, а в середине октября 1941 г. по приказу командования Черноморского флота в Потти выехала «оперативная группа Артотдела». Мест для складирования боеприпасов там не было. Насилу подыскали:

«1. Рабочий поселок законсервированного строительства Азотно-Тукового комбината в районе станции Бродцеули.

2. Часть помещений винзавода в совхозе Варцихе, находящихся в 4 км от станции Риони.

3. Хоз. город местного полка в г. Махарадзе (станция Озургети).

4. Несколько складов в районе г. Сухуми (селение Михайловка).

5. Часть складских помещений Батумского Укрепленного сектора в г. Батуми...

...В средних числах октября месяца 1941 г. была составлена ведомость вывоза боезапаса из Главной базы. В складах

Севастополя оставались только готовые выстрелы из расчета на три месяца расхода для нужд береговой артиллерии и кораблей поддержки.

Согласно этой ведомости, подлежало вывозу из Севастополя:

Таблица 4

Наименование калибра боезапаса	Количество (шт.)		Вес (т)
	Готовые выстрелы	Элементы	
305/52-мм/клб	969	1404	1652
203/50-мм/клб	697	—	160
100-мм	2643	—	581
152-мм	704	—	70
130/50, 130/55-мм/клб	6779	5808	994
122-мм	990	—	44
120/50-мм/клб	1505	6542	314
100/47, 100/51, 100/56-мм/клб	9812	12 444	780
76-мм (обр. 31г, 15/28г, 14/15г, 02/30г.)	26 970	72 518	1241
75/50-мм/клб	—	5458	66
45/46-мм/клб	46 660	41 247	264
7,62-мм винтовочные патроны	24 000 000	—	750
Всего подлежало вывозу тонн:			6916

Кроме готовых выстрелов в Севастополе была оставлена часть элементов для сборки их в выстрелы, но обстановка вынудила и эти элементы отправить на Кавказ. Таким образом, дополнительно подлежало вывозу:

Таблица 5

Наименование калибра	Элементы (шт.)	Вес (т)
305/52-мм/клб	120	60
203/50-мм/клб	410	60
152/45-мм/клб	3905	390
130/55, 130/50-мм/клб	2378	170
100-мм	4089	120
85-мм	4462	80
76-мм обр. 31г, 15/38 г.	25 290	250
45/46-мм/клб	3566	10
Всего в тоннах:		1120

Таким образом, всего было намечено к вывозу 8036 тонн. Но фактически обстановка заставила вывезти гораздо больше. Всего было вывезено около 15,0 тысяч тонн»^[115].

Довольно забавная картина получилась: в конце 1941 г. корабли Черноморского флота вывезли из Севастополя боезапас весом 15 тыс. т, а в первой половине 1942 г. ввезли 17 тыс. т.

Зачем все это делалось? Ведь формально никто не собирался сдавать Севастополь в конце 1941 г. На батареях Севастополя стояли орудия всех представленных к вывозу калибров. Наконец, рассмотрим даже самый худший и маловероятный случай — падение Севастополя в ноябре — декабре 1941 г. Так, извините, тыловые склады были завалены морскими снарядами всех основных калибров.

Согласно отчету Артуправления ВМФ СССР, за всю войну было расстреляно и утеряно 18–25 % имевшихся снарядов морских орудий крупного и среднего калибра.

А ведь brave адмиралы помимо боекомплекта для морских пушек вывезли из Севастополя 1241 тонну 76-мм выстрелов и 750 тонн 7,62-мм винтовочных патронов. Этих-то на складах ГАУ было навалом. Так, еще в 1950-х годах на складах оставались сотни тысяч 76-мм снарядов, изготовленных в 1914–1917 гг.^[116]. А вот у защитников Севастополя к началу июня их почти не осталось!

Далее опять процитирую «Итоги...»: «Вследствие того, что транспорты из Севастополя уходили один за другим, то к концу ноября месяца 41 г. и началу декабря 41 г. причалы Поти и Батуми оказались забитыми боеприпасами»^[117]. Убирать снаряды было некому. «Работу в основном выполняли краснофлотцы кораблей. Все же к концу декабря месяца 41 г. причалы в Поти были очищены, а с причалов Батуми боезапас был убран только к маю месяцу 1942 г.»^[118]. Долетел бы до Батуми один Хе-111, сбросил бы пару бомб на огромные штабеля боеприпасов, и что бы осталось от порта и города?

Возможно, найдутся оппоненты в лампасах, которые заявят, что, мол, часть боеприпасов, вывезенных из Севастополя, не годилась для использования в имевшихся артсистемах. Враки! На войне годится все! Если малограмотные чеченцы переделывали артиллерийские снаряды в дистанционно управляемые фугасы, то почему этого не могли сделать защитники СОРа?

В Севастополе был мощный Морской завод и другие предприятия. Наконец, был специальный морской «Артремонтный завод», имевший 116

станков. Там можно было переделать любые снаряды, комплектовать любые выстрелы. К примеру, все снаряды от 76-мм полковых, дивизионных и горных пушек взаимозаменяемы, а снарядами от 6-дюймовых пушек Кане можно стрелять из 152-мм гаубиц и 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20, и тд.

Рассмотрим, к примеру, самые мощные севастопольские 305-мм башенные батареи № 30 и № 35, которых так боялись немцы. Почему они замолчали? Батарея № 30 с 1 ноября 1941 г. по 17 июня 1942 г. выпустила по врагу 1243 снаряда. Около 1000 снарядов выпустила батарея № 35. Наконец, 853—305-мм снаряда выпустил единственный черноморский линкор. А где были остальные снаряды? Ведь перед войной на кораблях, береговых батареях и складах имелось 305/52-мм снарядов: 9670 фугасных, 4108 бронебойных, 1440 дальнобойных обр. 1928 г. и 441 шрапнель. В ходе войны от промышленности поступило 305/52-мм снарядов: в 1941 г. — 1020 шт., в 1942 г. — 1674 шт., а всего до конца войны — 6186 шт. Итого, имелось и было произведено 21 845 снарядов, а всего за войну израсходовано только 4511 снарядов, то есть 20,6%! Таким образом, снаряды были, но кто-то не отпускал их фронту.

Кроме того, для десяти устаревших 305/40-мм береговых орудий на Дальнем Востоке к 22 июня 1941 г. имелось 4283 снаряда, которые вполне подходили к 305/52-мм орудиям батарей № 30, № 35 и линкора «Парижская Коммуна». Из них, кстати, 464 дальнобойных снаряда образца 1928 г. хранились рядом на центральных складах.

Я уж не говорю 8,5 тысячи 305-мм гаубичных снарядов, хранившихся на складах РККА. Единственные же тридцать 305-мм гаубиц обр. 1915 г., состоявшие на вооружении РККА с начала 1941 г. до июня 1944 г., хранились в Орловском военном округе. Замечу, что еще в конце 20-х годов в ходе опытных стрельб была доказана полная взаимозаменяемость 305-мм морских и гаубичных снарядов.

Наши мудрые начальники решили вернуть 305-мм снаряды в Севастополь лишь 26 июня 1942 г. В этот день в 17 ч 30 мин эсминец «Сообразительный» вышел из Поти с грузом 305-мм снарядов. Полутонные снаряды пытались разместить в нижних помещениях, но они там не помещались. Пришлось класть их прямо на палубу, поперек, на правом и левом шкафутах. Но эсминец отправили зачем-то не прямо в Севастополь, а в Новороссийск, куда он прибыл в 4 часа утра 27 июня. Но уже в 6 ч 45 мин «Сообразительный» вышел из гавани для спасения лидера «Ташкент». Через три часа «Сообразительный» доставил в Новороссийск 1900 человек, снятых с лидера. В последующие четыре дня, с 28 июня по 2 июля,

«Сообразительный» зачем-то пять раз гоняли по маршруту Новороссийск — Потти и обратно, и ночью 2 июля эсминец был поврежден в ходе налета германской авиации. Куда делись 305-мм снаряды, установить не удалось.

Прошу извинения у читателя — много цифр, но, увы, о том, что из Севастополя в начале осады была вывезена основная часть боеприпасов и что морских снарядов на центральных складах и на Кавказе было с избытком, никто до меня не писал, и без цифр и цитат меня просто объявят клеветником

Но вернемся к отчету СМ. Буденного от 12 июля 1942 г. Первой причиной падения Севастополя он считал «преимущество противника в танках», второй — господство авиации противника, и лишь третьей — отсутствие боезапаса. На самом деле главной причиной была последняя. С танками Семен Михайлович фантазировал, о чем мы уже говорили. А вот на счет господства авиации... Кто в этом виноват? Только ли Геринг?

12 октября 1941 г. в Северной бухте германской авиацией потоплен крейсер «Червона Украина». А теперь процитирую «Штормовые годы» Риммы Октябрьской: «Вражеские самолеты все чаще избирательно подвергали бомбардировкам места стоянок кораблей, заводы, доки. 11 ноября они нанесли удар по докам, где стояли на ремонте поврежденные эсминцы. После жестокой бомбежки в районе бухты Голландия вспыхнул пожар на Килен-площадке в районе учебного отряда.

"Какое это варварство по отношению к гражданскому населению, детям, старикам! — записал 18 ноября командующий в своей тетради. — Еще раз осмотрел город. Нигде никого не видно. Думаю, к 25 ноября в основном эвакуацию закончим. Сегодня уходит большой теплоход «Украина». Она, помимо раненых, увозит на Кавказ училище БО, ПВО ЧФ для кавказских ВМБ, гражданское население, всего более 4000 человек"»^[119].

Извините, я что-то не пойму: немцы отчаянно бомбят Севастополь, а артиллерийские установки и другое вооружение ПВО Севастополя теплоход «Украина» увозит в Батуми (куда он благополучно прибыл 20 ноября 1941 г.). Да ведь Батуми никто не бомбил и не будет бомбить до конца войны!

А пароходы с зенитными пушками всё уходили из Севастополя на Кавказ. 5 декабря в 18 ч 30 мин из Севастополя вышел транспорт «Жан Жорес». Он вез в Потти четыре зенитные пушки, «1500 т боезапаса артиллерийского отдела Черноморского флота»^[120]. В тот же день транспорт «Белосток» вывез из Севастополя (!!!) 180 тонн боезапаса, а

транспорт «Львов» — 250 тонн.

После оставления Крыма в СОР сосредоточились три зенитных артиллерийских полка (61-й, 62-й и 122-й) и пять отдельных зенитных артиллерийских дивизионов. Итого, около 40 зенитных батарей (160 пушек калибра 76 мм и 85 мм и 36 пушек калибра 45 мм и 37 мм).

И вот адмирал Октябрьский с 12 по 20 ноября отправляет из Севастополя в порты Кавказа две трети зенитной артиллерии — два полка и три отдельных дивизиона. После этого в Севастополе остались лишь 61-й полк, 92-й и 114-й дивизионы. Замечу, что 92-й дивизион был не кадровым, а наспех сформированным из курсантов Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМ. Матчасть — восемь 76-мм и четыре 85-мм пушки — тоже были учебными, причем 76-мм орудия крайне изношены.

Мало того, Октябрьский 25 декабря вывез из Севастополя одну из двух радиолокационных станций РУС-2.

И сейчас находятся у нас «морские стратеги», оправдывающие вывоз большей части зенитной артиллерии на Кавказ. Мол, надо было прикрывать с воздуха корабли Черноморского флота в бухтах Кавказского побережья.

Увы, в 1941 г. германская авиация бомбила лишь объекты, на которые непосредственно наступали части вермахта. Не стали исключением и порты Кавказа, До весны 1942 г. никаких налетов на Туапсе, Сочи, Поти и Батуми не было! Лишь эпизодически пролетали самолеты-разведчики.

У немцев не так много было бомбардировщиков, чтобы расплыть силы, и они сосредоточили их против Севастополя. А что Октябрьский увел флот в порты Кавказа, немцы знали и были этому очень рады. Пусть стоят там и не мешаются.

Ну а если бы в люфтваффе нашелся бы свой Октябрьский и велел бы в декабре 1941 г. или январе 1942 г. вместо Крыма бомбить порты Кавказа? Так там еще до войны была сравнительно неплохая система ПВО, правда, не флотская, а сухопутная.

В Новороссийске дислоцировался 434-й зенитный артиллерийский дивизион, в Туапсе — 485-й зенитный артиллерийский полк, в Сочи — 371-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в Поти — 365-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, а в Батуми — 8-я бригада ПВО.

Много это или мало? Вот штаты отдельных частей ПВО на 1941 г.:

Таблица 6

Отдельные части ПВО	Дивизион	Полк	Бригада
76—85-мм пушки	12	36	60
37-мм автоматы	4	12	12
12,7-мм пулеметы	6	27	57
Прожектора сопроводителей	8	24	64

Добавим сюда зенитную артиллерию кораблей Черноморского флота, будет не так уж мало. А вдруг мало? Так можно было попросить еще зенитных пушек, и было у кого. В конце 1941 г. — начале 1942 г. их еще хватало на центральных складах. Кстати, в 1941 г. было произведено 85-мм зенитных пушек: в первом полугодии — 1670, во втором полугодии — еще 1701, а в 1942 г. их изготовили 2761 штуку.

Можно было попросить и командование 3-го корпуса ПВО в Баку, благо ни город, ни нефтепромыслы никто ни в 1941 г., ни в 1942 г. не бомбил. Нечего было делать и отдельным дивизионам ПВО Кутаиси, Ленинкан, Тбилиси и Еревана, на которые также не упала ни одна бомба.

Наконец, через Кавказ и Каспий шел огромный поток военной техники союзников. Молено было и оттуда получить несколько батарей.

Да и вообще, в обороне портов Кавказа решающую роль должны были играть истребители, а не зенитная артиллерия. Там было достаточно и флотских, а главное, сухопутных истребителей. Уже 2 ноября 1941 г. истребительные эскадрильи 62-го смешанного авиаполка перелетели из Крыма в Анапу. А 16 ноября в Новороссийск из Крыма перелетели 93-я и 101-я отдельные истребительные эскадрильи. В случае необходимости оставшиеся в СОР истребители могли перелететь на Кавказ за пару часов.

Самое же интересное, что еще до войны Черноморский флот отвечал за оборону района Севастополя, в том числе и зенитную, а от Адлера и до турецкой границы за оборону побережья Кавказа, включая ПВО, отвечал Закавказский военный округ.

Замечу, что Кузнецов и Октябрьский вывезли из Севастополя не только боеприпасы и зенитную артиллерию, но и многое другое, крайне необходимое защитникам города. Так, например, осенью 1941 г. из Севастополя была вывезена значительная часть медперсонала Черноморского флота, причем не гинекологи и дантисты, а хирурги, анестезиологи, рентгенологи и тд.

Я далек от мысли, что Кузнецов и Октябрьский были вредителями. Чем в действительности они руководствовались, доподлинно мы никогда не узнаем. Скорей всего, они действовали по-купчески, или, как теперь говорят, «крепкие хозяйственники». Севастополь, мол, все равно сдадут, и посему свой хозяйство — корабли, боеприпасы, зенитную артиллерию, медперсонал и тд. — хорошо бы увезти куда подальше и спрятать, как спрятали в Потти линкор «Парижская Коммуна». До конца войны супостат так и не узнал, где спрятался наш линкор. Как жаль, что дальше не было канала, а то увел бы его Филипп Сергеевич в Красноводск, а то и во Владивосток.

ГЛАВА 12. ТАЙНЫ ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

Поскольку в 1941–1942 гг. у противника был исключительно виртуальный флот, а роль линкора, крейсеров и эсминцев ЧФ свелась к эпизодическим обстрелам занятого врагом побережья, то главными «героями» войны стали транспорты, обеспечивавшие оборону Одессы и Севастополя. Замечу, что и надводные боевые корабли, и даже подводные лодки также привлекались к перевозке войск и грузов.

Поэтому стоит рассказать здесь о судьбах нескольких крупных транспортных судов.

По вине как армейского, так и флотского начальства эвакуация войск и населения с Южного берега Крыма осенью 1941 г. проходила безобразно. В результате 7 ноября 1941 г. произошла одна из самых страшных в истории человечества катастроф на море — гибель санитарного транспорта «Армения». На нем погибло вдвое больше людей, чем на «Титанике» и «Лузитании», вместе взятых. Между тем судно было и не столь велико (водоизмещением 6700 т) и рассчитано на 518 каютных и 462 палубных пассажиров. Но в тот день людей набилось на судне буквально как сельдей в бочке. Очевидцы показывают, что пассажиры стояли на палубе, тесно прижавшись друг к другу. (Сх. 6)

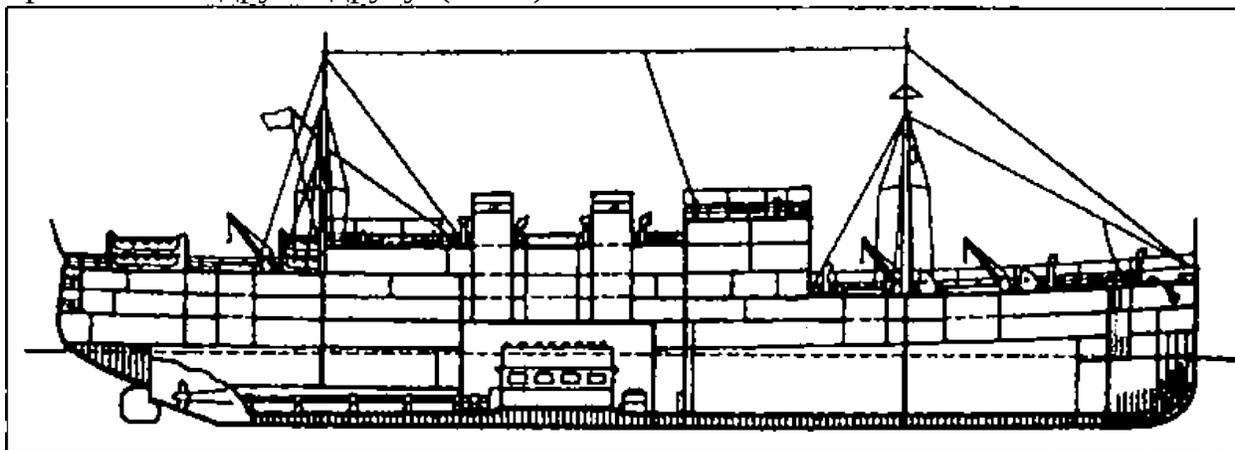

Схема 6. Теплоход «Армения». Продольный разрез

Свыше полувека документы «Армении» хранились под грифом

«совершенно секретно», и причин для этого было немало. Но начну по порядку.

Утром 6 ноября в Севастополе началась посадка на теплоход «Армения». На него погрузили несколько сотен раненых бойцов,

а также эвакуируемых граждан. Погрузка шла в полном беспорядке, никто не только по фамилиям не переписывал садившихся на теплоход, не было даже точно известно их число. На «Армению» был посажен персонал главного госпиталя Черноморского флота, военно-морского госпиталя, развернутого на базе санатория «Максимова дача», санитарно-эпидемиологической лаборатории, 5-го медсанотряда, базовой флотской поликлиники и ряда гражданских лечебных учреждений.

Вечером того же дня «Армения» уходит из Севастополя и берет курс на Туапсе. Любопытно, что позже время выхода «Армении» было засекречено даже в секретной «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре», где с точностью до минуты указано время выхода и входа в порт даже самых малых судов.

Уже в море теплоходу приказали подойти к Балаклаве, где у берега к ней причалили катера НКВД, с которых были перегружены деревянные ящики. На борт поднялись и «сопровождающие». Существует предположение, что там было золото и ценности из Крымских музеев.

А затем какой-то начальник велел теплоходу идти в Ялту, к которой уже подходили германские войска. Фамилия и имя-отчество «умника» у нас, как всегда, совершенно секретны. Нам уже 60 лет твердят о Великой Отечественной войне: «Никто не забыт, и ничто не забыто», и одновременно прячут концы в воду, чтобы никто не узнал, фамилии тех, по чьей конкретно вине погибли тысячи людей.

Но кто бы ни отдал преступный приказ о походе в Ялту, вместе с ним должен нести ответственность и командующий флотом Теплоход и так был забит людьми сверх положенной нормы. Рисковать столь ценным транспортом было попросту идиотизмом. В Севастополе стояли без дела десятки малых боевых и вспомогательных судов Черноморского флота, а также буксиры, шхуны и иные малые суда, принадлежавшие гражданским ведомствам, которые должны были вести эвакуацию войск и населения с Южною берега Крыма. А вот, повторяю, ценный транспорт «Армения» мог выйти из Севастополя на закате и утром быть у берегов Кавказа.

В этом случае у «Армении» была 100-процентная гарантия дойти целой и невредимой. (Если, конечно, не считать собственных мин.) Германская авиация не имела тогда радиолокационных прицелов для ночной атаки кораблей в море. Напомню, что в 1941 г. ни один наш

надводный корабль на Черном море не только не был потоплен, но даже не был атакован неприятельскими надводными кораблями или подводными лодками.

Сколько человек погрузилось на «Армению», сказать трудно. Согласно «Хронике...» и «Справочнику потерь...», там погибло около 5000 человек. Очевидцы же утверждают, что на борту было в полтора или два раза больше народу. От нижних отсеков до капитанского мостика люди стояли плотной массой. Носилки с тяжелоранеными поднимали вертикально, чтобы освободить место.

Во время стоянки в Ялте был получен приказ командующего флотом, что в связи с отсутствием авиационного прикрытия выход судна из порта запрещается до 19 часов, то есть до наступления темноты. Командир В Я. Плаушевский приказ получил, но в 8 ч 00 мин 7 ноября вышел из Ялты.

Замечу, что винить капитана, не выполнившего идиотский приказ Октябрьского, нелепо. Филипп Сергеевич явно перепутал Ялту с Севастополем. В ноябре 1941 г. Севастопольская бухта была защищена многими десятками стволов зенитных береговых и корабельных орудий. Имелись средства маскировки кораблей, а при налете авиации производили задымление бухты. В Ялте же большой транспорт был как на ладони и представлял идеальную цель для вражеской авиации. Береговой зенитной артиллерии и средств маскировки там отродясь не бывало. В море «Армения» хоть могла маневрировать. Наконец, никто не знал, где находятся германские войска (очевидцы утверждают, что шестого немцы были в Гурзуфе), и в любой момент на шоссе Алушта — Ялта могли показаться германские самоходки и моторизованная артиллерия. А далее следовал бы расстрел «Армении» с Массандровских высот. Любопытно, что 8 ноября, то есть на следующий день после трагедии, «начальник штаба Черноморского флота объявил по флоту, что предположительно Ялта занята противником»^[121]. Так наши славные адмиралы и воевали — «предположительно».

В море «Армению» прикрывали два сторожевых катера (всего четыре 45-мм пушки), а в воздухе барражировали на высоте 500 м два истребителя И-153 «Чайка».

В 11 ч 25 мин в точке с координатами ш. = 44°15'5" и д. = 34°17' теплоход был атакован одиночным торпедоносцем Хе-111, принадлежавшим 1-й эскадрильи авиагруппы I/KG28. Самолет зашел со стороны берега и с дистанции 600 м сбросил две торпеды. Одна прошла мимо, а вторая попала в носовую часть теплохода. Через 4 минуты «Армения» затонула. Погибли от 7 до 10 тысяч человек, катера спасли

только восьмерых.

После сброса торпеды Хе-111 ушел в облака и скрылся. Истребители прикрытия даже не успели среагировать на происходящее.

Г.И. Ванеев и другие историки и литераторы хором возмущаются, мол, теплоход «был атакован самолетом-торпедоносцем, несмотря на то что транспорт имел отличительные знаки санитарного судна»^[122].

Какие бы знаки не были написаны на теплоходе «Армения», он шел в конвое двух вооруженных катеров, а на борту теплохода были установлены четыре 45-мм пушки 21К. Так что германские летчики действовали в данном случае в полном соответствии с международным правом, хотя, вообще-то говоря, на него в 1941–1945 гг. плевать хотели обе стороны.

Интересный момент, координаты гибели «Армении» я привел из секретного «Справочника потерь...», но они оказались неточными. Сделано же сие было умышленно — не дай Бог кто полезет за золотом «Армении».

А 17 ноября произошел еще более загадочный случай. Согласно «Хронике...» в этот день в 20 ч 35 мин транспорт «Ногин», ледокол «Макаров», тральщик «Щит» и сторожевой катер вышли из Севастополя в Туапсе^[123].

А вот в «Справочнике потерь...» говорится, что ледокол «Макаров» 17 ноября вышел из Туапсе в Севастополь. Другие авторы, пишущие об обороне Севастополя, также путаются. Но интересно другое — ледокол бесследно исчез.

Несколько слов стоит сказать об этом ледоколе. Он был построен для России в Англии. Полное водоизмещение 4600 т. Три паровые машины тройного расширения общей мощностью в 6400 (6500) л. с и шесть цилиндрических паровых котлов располагались в двух машинных отделениях и работали на три вала. Ледокол развивал скорость полного хода 14 узлов, экономичного хода—8 узлов. Запас топлива в 700 т угля обеспечивал дальность плавания экономичным ходом 3300 миль. Штатная численность экипажа 149 человек.

1 января 1917 г. ледокол введен в состав флотилии Северного Ледовитого океана под названием «Князь Пожарский». 7 февраля 1920 г. его переименовали в «Лейтенант Шмидт», а 12 июля 1921 г. — в «Степан Макаров».

В конце 1925 г. ледокол перешел на Черное море. До 22 июня 1941 г. «С Макаров» обеспечивал продление навигации на Азовском море. С началом боевых действий на Черном море ледокол был мобилизован и вооружен как вспомогательный крейсер. На корабле установили 5

одноорудийных 130-мм артустановок (3 в носовой части и 2 на корме), а также два 12,7-мм пулемета ДШК.

24 июля 1941 г. ледокол «С. Макаров», имея в охранении пять кораблей Черноморского флота, успешно отбуксировал из Николаева в Севастополь плавучий док грузоподъемностью 5000 т. В период с 7 по 9 августа 1941 г. «С. Макаров» совместно с буксиром «Силин» (капитан П.М. Бондаренко) под охраной канонерской лодки «Красная Армения» провел успешную буксировку железного плавучего дока «Марта» (4000–6000 т). На палубе дока находилось 26 паровозов, 10 тендеров и 52 локомотивные бригады. При завершении эвакуации из Николаева ледокол «С. Макаров» под обстрелом немецкой артиллерии вывел из порта корпус недостроенного крейсера «Куйбышев». При прохождении Днепро-Бугского и Очаковского каналов караван трижды подвергался налетам авиации, но умелое маневрирование и зенитный огонь эскорта помогли благополучно завершить переход 22 октября 1941 г. ледокол участвует в буксировке крупного плавдока из Ейска в Керчь. Последний заход в Мариупольский порт «С. Макаров» совершил 25 сентября 1941 г. Тогда он вывел в море корпус недостроенного теплохода «Пролетарий».

Германский автор Ю. Мейснер в книге «Советские корабли в Великой Отечественной войне» (Лондон, 1977) пишет: «Судьба ледокола "С. Макаров" неизвестна, почти наверняка — погиб. Согласно сообщениям, полученным от военнопленных, потоплен советскими самолетами западнее мыса Тарханкут в январе 1942 года при попытке уйти».

В газете «Флоту України» севастопольский историк Виталий Костриченко писал «Откуда появились слухи о предательстве экипажа исчезнувшего ледокола? Возможно, что эти утверждения — плод фантазии "особистов", состряпавших в свое время не одно подобное дело об "измене". Интерпретации о судьбе исчезнувшего "С. Макарова" можно было услышать самые разнообразные: дескать, на ледоколе был бунт и часть экипажа хотела сдаться немцам. Капитан, комиссар и особо рьяные коммунисты были выброшены за борт. Однако радист ледокола успел открытым текстом выйти в эфир и сообщить командованию Черноморского флота о происшедшем. Затем то ли советская авиация, то ли наша подводная лодка перехватили и утопили мятежный ледокол... По другой версии — ледокол ушел к немцам и какое-то время служил у противника, курсируя между Констанцей и Одессой. После войны кто-то якобы видел "макаровские" краны в румынском порту Констанца. Клеймо предателей не обошло и семьи пропавших без вести моряков. Вплоть до середины пятидесятых годов им не выплачивались пенсии. В извещениях о гибели

членов экипажа (подписанных заместителем начальника Черноморского пароходства А. Поликарповым) в качестве места гибели судна фигурировало Соленое озеро (Таманский полуостров). Датой гибели "С. Макарова" называлось 26 сентября 1941 года (хотя в последний поход судно ушло 17 ноября). Бои в районе Соленого озера действительно проходили, но 26 сентября 1943(!) года... Долгие годы ледокол числился без вести пропавшим судном»^[124].

На самом же деле ледокол вышел из Севастополя. А наши «секретчики» в очередной раз довели дело до маразма и присвоили «С. Макарову» на время перехода название ледокол «Керчь». Зачем это сделано — психически здоровому человеку не понять. А главное, никто кроме «особистов» и командира ледокола об этом не знал

И вот утром 18 ноября 1941 г. радисты Севастопольской охраны водного района приняли радиограмму, повергшую командование в недоумение: «Ледокол "Керчь". Подорвался на mine. Тону. Вышлите катера». Больше таинственный ледокол «Керчь» на связь не выходил. Поскольку о кодовом переименовании «С. Макарова» командованию Севастопольского оборонительного района радистам никто не сообщил, то эту радиограмму приняли за очередную хитрость супостата, каким-то образом захватившего советские коды. Никаких катеров в условиях густого тумана, низкой облачности и интенсивного парения никто, естественно, посылать не стал

Ледокол «Макаров» пошел ночью по фарватеру № 3 между минными полями, поставленными нашими мудрыми адмиралами в начале войны, хотя и был приказ торговым судам проходить фарватер лишь в светлое время суток. В итоге ледокол погиб на собственной mine недалеко от мыса Фиолент. (Сх. 7)

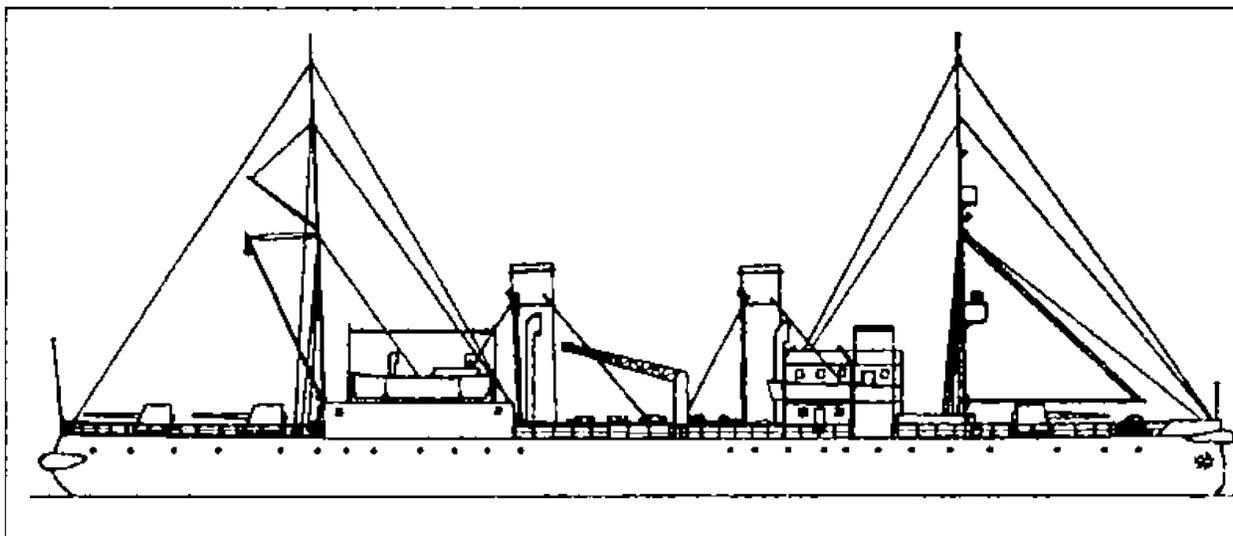

Схема 7. Ледокол «Макаров»

В адмиральских мемуарах и трудах наших историков рассказывается буквально о полчищах германских торпедоносцев, нападавших чуть ли не на каждый корабль на Черном море.

Что же было на самом деле? Первым успехом германских торпедоносцев стало потопление 29 августа 1941 г. транспорта «Каменецк-Подольск». Пароход был спущен на воду в 1911 г. Вместимость его 5117 брт, скорость хода 9 узлов. Он шел без груза из Керчи в Новороссийск под командованием капитана В.А. Рогового. В 15 милях к югу от Керченского полуострова (ш = 44°49'; д = 36°06') в 20 ч 45 мин пароход был атакован двумя торпедоносцами. Одна из торпед попала в середину борта, и «Каменецк-Подольск» начал тонуть. Сторожевой катер подобрал 44 члена экипажа, а еще 9 человек утонули. Катеру сопровождения МО-33 удалось сбить один торпедоносец, а второй зацепился за мачту тонущего судна и упал в воду.

Крупным успехом германских торпедоносцев стала атака большого по меркам Черного моря конвоя. 3 октября в 15 ч 35 мин учебный корабль «Днепр», транспорты «Чехов» и «Абхазия» вышли из Новороссийска в Севастополь под охраной эсминца «Смышленный» и базового тральщика «Якорь»^[125]. Транспорты шли пустыми, так как одни должны были участвовать в эвакуации Одессы.

Почти сразу после выхода из Новороссийска конвой был обнаружен германским самолетом-разведчиком, который навел на него торпедоносцы.

В 18 ч 35 мин на конвое заметили три торпедоносца Хе-111. В этот момент торпедоносцы атаковали «Смышленного», но торпеды прошли мимо. Через 5 минут два Хе-111 сбросили по одной торпедой, целясь по «Днепру», но промазали. В 18 ч 55 мин два самолета с дистанции 4 каб^[126] сбросили еще две торпеды по «Днепру». Одна из них прошла мимо, а вторая попала в среднюю часть корпуса ближе к корме, с левого борта. В 19 ч 15 мин учебный корабль встал вертикально носовой частью и через пять минут затонул. Погибло 40 человек, включая командира корабля капитана 2-го ранга А.Л. Моргунова. 163 человека было спасено кораблями охранения.

Ни один из торпедоносцев не был сбит, несмотря на то что даже транспорты имели по четыре — шесть 45-мм пушек 21 К. Этот эпизод показал слабость германской авиации на Черноморском театре. Имея возможность послать хотя бы дюжину торпедоносцев и столько же бомбардировщиков, немцы могли полностью разгромить конвой, что имело бы важное военное, политическое и психологическое значение.

«Днепр» стал самым большим советским кораблем, потопленным германскими торпедоносцами в годы Великой Отечественной войны. Мало того, он стал самым большим кораблем, вообще потопленным немцами на Черном море. Но, увы, о потоплении «Днепра» кратко упоминается даже в секретных советских справочниках. Причем «Днепр» именуется то транспортом, то учебным кораблем. А вот я беру «открытый» официальный справочник, составленный капитаном 1-го ранга С.С. Бережным^[127] и изданным в 1988 г., то есть в «перестроечное» время. Так там вообще нет учебного корабля «Днепр». Ну, так может, он есть в списках торговых судов Черноморского бассейна? И там нет. С большим трудом я выяснил, что «Днепр» был не военным и не торговым, а... ворованным судном.

А дело было так. В некотором царстве, а конкретно в Испанском королевстве, был построен огромный пассажирский лайнер — двухтрубный красавец «Кабо Сан Аугустин» стандартным водоизмещением 16 000 т и вместимостью 12 589 брт. В конце гражданской войны в Испании он привез в СССР эвакуируемых коммунистов и их родственников. Возвращать «красавца» злодею Франко, на что тот имел законное право, наши власти не захотели. Посему «Кабо Сан Аугустин» был срочно перекрашен, сделали кой-какие косметические изменения и на борту написали новое название — «Днепр». На корабле был поднят военно-морской флаг, и он в качестве учебного корабля был введен в состав Черноморского флота.

В начале октября 1941 г. на аэродроме Бузюу (в 80 км от Бухареста) прибыло подкрепление в виде 6-й эскадрильи авиагруппы KG26.

Следующей жертвой германских торпедоносцев стал транспорт «Большевик». 16 октября в 14 ч 00 мин три торпедоносца Хе-111 атаковали советский конвой, шедший из Одессы. Конвой сопровождали два крейсера, четыре эскадренных миноносца и десять сторожевых катеров. Пароход «Большевик» имел вместимость 1419 брт, но сейчас он шел порожняком, на его борту находились лишь 20 солдат Приморской армии. Вел пароход капитан Э.И. Фрейман. После попадания торпеды транспорт быстро затонул, но при этом погибло только два человека. Официальные координаты гибели «Большевика» ш. = 45°44'5"; д = 32°58'. Однако по сведениям дайверов на том месте останков судна нет. Лишь в 11 км на глубине 32 м находится объект, по своим размерам близкий к «Большевику». Однако некоторые специалисты считают, что этот подводный объект — германский лихтер CNR-2091, погибший в этом районе 23 декабря 1943 г.

23 октября в 6 ч 58 мин одиночный торпедоносец Хе-111 атаковал советский конвой в Феодосийском заливе в районе села Киик-Атпама. В составе конвоя были танкер «Советская нефть»^[128], пароходы «В. Кутюрье», «В. Аванесов», а также несколько тральщиков и сторожевых катеров. Торпеда попала в левый борт головного суда «Советская нефть» между средней надстройкой и кормой. В пробоину поступило 2160 т воды. Однако танкер сохранил ход и в 8 ч 15 мин самостоятельно прибыл в Феодосийский порт. Через короткое время отремонтированный танкер был введен в строй.

Первый в 1942 г. вылет торпедоносцев Хе-111, зафиксированный советской стороной, состоялся лишь 25 февраля. В этот день три Хе-111 летали к фарватеру у Севастополя и атаковали конвой в составе танкера «Москва», ведшего на буксире транспорт «Г. Димитров». Суда шли из Новороссийска в Севастополь. Прикрытие конвоя состояло из тральщиков «Щит» и № 27. В 19 ч 15 мин торпедоносцы сбросили 4 торпеды, но все они прошли мимо. Наши корабли, уклоняясь от торпед, маневрировали, в результате чего оборвался буксир, и «Москва» с базовым тральщиком № 27 прошли в главную базу, а транспорт «Г. Димитров» (2484 брт) и тральщик «Щит» остались на фарватере.

В нашем случае базовый тральщик № 27 встретил конвой 25 февраля в 12 ч 50 мин и начал проводку судов по фарватеру.

26 февраля в 1 час ночи танкер «Москва», имея на борту маршевые роты, нефтепродукты и другие грузы, прибыл в Севастополь в

сопровождении тральщика № 27. А за транспортом «Г. Димитров», груженным цементом и стройматериалами, из Севастополя выслали спасательное судно «Меркурий». Спасатель взял на буксир «Димитрова» и черепашью ходом в 22 ч 35 мин привел его в Большую Севастопольскую бухту. Я умышленно подробно описываю сей рутинный инцидент, дабы показать слабость и малочисленность германской авиации. Немцы уже вечером 25 февраля знали, что на фарватере стоит без хода транспорт в охранении тральщиков, у которых из зенитного вооружения есть только одна 45-мм полуавтоматическая пушка. И вот целый световой день «Димитров» стоит, а под конец тащится со скоростью 2–3 узла в базу, и ни один германский самолет не пытается атаковать всю честную компанию. И как после этого выглядят адмиральские байки о том, что-де армады вражеских самолетов закрывали небо над Севастополем

Первой жертвой германских торпедоносцев в новом, 1942 году стал транспорт «Фабрициус». Он был спущен на воду в 1906 г., первоначально назывался «Сайда», вместимость его 2434 брт, скорость 9 узлов.

2 марта 1942 г. транспорт «Фабрициус» (капитан М.И. Григор) вышел без охранения из Новороссийска в Камыш-Бурун, имея на борту 700 человек маршевого пополнения, шесть минометов, 1200 т фуража, 20 лошадей и 12 повозок. В 1 ч 45 мин, находясь между Новороссийском и Анапой, «Фабрициус» был атакован с дистанции 300–500 м германским торпедоносцем Хе-111. Попытка уклониться не удалась, и торпеда попала в правый борт. Погибло около 10 человек. Однако судно не затонуло, поскольку груз сена и пустых бочек держал его на плаву. Тогда капитан решил посадить судно на мель и вызвал по радиации буксиры. На помощь подошел транспорт «Василий Чапаев». Через два часа «Фабрициус» удалось посадить на мель в 150 м от мыса Малый Утриш. Красноармейцы были оперативно сняты с судна.

3 марта в 19 ч 00 мин германский торпедоносец атаковал корпус «Фабрициуса», но обе торпеды прошли мимо цели.

Впоследствии предпринимались попытки снять судно с мели, но начавшийся шторм окончательно посадил его на камни. Экипаж «Фабрициуса» оставался на нем до августа 1942 г.

В принципе «Фабрициус» можно было снять с мели и отремонтировать, но 16 мая 1943 г. командир подводной лодки М-111 М.И. Хомяков всадил в корпус транспорта две торпеды, а по прибытии в базу объявил о потоплении крупного германского корабля. Бренные останки судна до сих пор лежат на глубине от 4 до 18 и периодически посещаются водолазами-любителями.

23 марта 1942 г. транспорт «Василий Чапаев» (2690 брт) под командованием капитана П.И. Степанова следовал из Поти в Севастополь в охранении эсминца «Шаумян» и двух сторожевых катеров. На борту судна находились 233 человека маршевого пополнения, восемь 122-мм, три 107-мм и десять 47-мм орудий, шесть автомашин, 276 лошадей, 195 т чугунного литья, 25 т обмундирования.

В 19 ч 40 мин в 40 милях южнее Херсонесского маяка в точке ш. = 43°54'; д. = 33°20' транспорт был атакован торпедоносцем Хе-111. Транспорт уклонился от одной торпеды, но в 19 ч 55 мин получил попадание второй торпедой в кормовую оконечность. Пробоина оказалась настолько большой, что завести пластырь оказалось невозможно. Трюм № 4 полностью заполнился водой. Через тоннель гребного вала началось затопление машинного отделения.

Капитан отдал распоряжение спустить на воду шлюпки. Шлюпки отходили от борта переполненными, и одна из них перевернулась. Оставшимся на борту было приказано прыгать в воду и плыть к кораблям охранения.

В 20 ч 09 мин транспорт затонул. Корабли охранения спасли 173 человека. Погибли 16 членов экипажа и 86 красноармейцев. Глубина на месте гибели около 2000 м

28 марта в 12 ч 30 мин транспорт «Ворошилов» (3908 брт), имея на борту 2650 раненых, в охранении базовых тральщиков «Искатель», «Взрыв» и трех сторожевых катеров, вышел из Камыш-Буруна в Новороссийск. В 19 ч 05 мин в районе мыс Утришонок — мыс Мысхако «Ворошилов» атаковали четыре торпедоносца Хе-111. Одна торпеда попала в район второго трюма, не повредив механизмы. Транспорт выбросился на берег в районе устья реки Озерейки. Люди с него были сняты. 2 апреля 1942 г. «Ворошилов» сняли с мели и отвели в Новороссийск.

По приказу командующего Черноморским флотом для ПВО транспортных судов на переходах с конца марта 1942 г. начали привлекаться пикирующие бомбардировщики Пе-2, поскольку радиус действия наших старых истребителей И-16 и новых Як-1 и МиГ-1 был крайне мал.

30 марта 1942 г. Октябрьский указал командирам военно-морских баз, соединений и кораблей, что корабли конвоя при движении с караванами уходят от транспортов на дистанцию до 10 кабельтовых. Командующий предупредил всех командиров кораблей, что подобные действия граничат с преступлением и что задача конвоя — охранять транспорты от надводного противника и прежде всего от его авиации — невыполнима, если корабль

охранения будет находиться не в двух, а в 10 кабельтовых от транспорта.

А кто мешал Октябрьскому вооружить транспорты зенитными автоматами и 76-мм зенитными пушками?

Согласно данным «Итогов работы артодела Черноморского флота», к 22 июня 1941 г. на кораблях и складах Черноморского флота имелось 37-мм автоматов: корабельных 70К — 18, армейских колесных 61К, состоявших в ПВО Севастополя, — 18, и, наконец, одна спаренная установка 66К, предназначенная для строившихся кораблей. Кроме того, имелось 258 12,7-мм зенитных пулеметов типа ДШК. Зенитных 7,62-мм пулеметов типа «Максим» было несколько сот, но эффективность их по воздушным целям была невелика.

До конца 1941 г. Черноморский флот получил от промышленности 29 — 37-мм автоматических установок 70К; в 1942 г. — 40 установок 70К и 16 — 20-мм английских зенитных автоматов «Эрликон»; в первой половине 1943 г. — еще 69 установок 70К и 40 «Эрликонов». Что же касается 12,7-мм зенитных пулеметов, то только в 1942 г. Черноморский флот получил: наших типа ДШК—264 штуки, спаренных Браунинга — 42 и счетверенных Виккерса — 22.

Любопытно, что потери зенитных автоматов на Черноморском флоте были крайне малы для этой тяжелой войны. Так, в 1941 г. не был утерян ни один (!) 3 7-мм зенитный автомат; в 1942 г. потеряно десять 37-мм автоматов 70К и два 20-мм «Эрликона», а в первой половине 1943 г. — четыре 70К и два «Эрликона».

О чем это говорит? О том, что хотя Октябрьский «берег корабли», но зенитные автоматы он берег еще больше. А между тем ни 37-мм установки 70К, ни 20-мм «Эрликоны» — это не 305-мм и даже не 130-мм установки, монтаж и демонтаж автомата на корабле занимал менее суток. Да и весогабаритные характеристики зенитных автоматов были невелики, и их можно было ставить практически на любой корабль вне зависимости от проекта. Так, к примеру, на Северном флоте на лидер «Баку» поставили уже в ходе войны 11 автоматов 70К, хотя по проекту их установка на этот корабль вообще не предусматривалась.

К началу войны большинство наших катеров — торпедных, сторожевых, катеров-тральщиков и других — были вооружены малокалиберными (7,62-мм) пулеметами. Экипажи катеров быстро смекнули, что проку от «Максимов» очень мало, и стали требовать 12,7-мм пулеметы ДШК. Дело дошло до отказов командиров и экипажей от выхода в море. Тогда вышестоящие командиры нашли вполне нормальный выход. Катер, возвратившись с задания, сдавал свой ДШК, который немедленно

монтировали на другой катер.

И в 1941 г., и в 1942 г. на Черном море в боевых операциях одновременно участвовали лишь несколько кораблей, а остальные достраивались, ремонтировались или просто отстаивались в базах. Казалось бы, чего проще — передай на корабль, идущий в боевой поход, 37-мм зенитные автоматы и 12,7-мм ДШК вместе с боекомплектами и расчетами. Кстати, 45-мм корабельные полуавтоматы 21К (скорострельность 20–25 выстр./мин) были не столь эффективным средством ПВО, но они тоже иногда сбивали вражеские самолеты. А сорокопяток у Октябрьскою было пруд пруди: к 22 июня 1941 г. — 474 штуки, да еще до конца 1941 г. поступило 154 орудия.

Таким образом, переставляя хотя бы часть орудий калибра 37–45 мм и 12,7-мм пулеметов, можно было в несколько раз увеличить мощность ПВО кораблей. Так, на транспорте в 2–4 тыс. тонн водоизмещением можно было установить и

10 автоматов или полуавтоматов, а на транспорте 5—15 тыс тонн водоизмещением — 20 и более таких установок.

Примерно таким в 1942 г. было зенитное вооружение британских и американских транспортов, действовавших в опасных районах. А американские легкие крейсера тогда несли от 24 до 32—40-мм автоматов, и кроме того, от 12 до 16—20-мм автоматов.

Хотя по проектам на наших эсминцах (проектов 7 и 7У) не предусматривалась установка автоматов типа 70К, но все равно

11 стволов, как на «Баку», не было пределом. На всех наших лидерах, эсминцах и крейсерах стояло по два громоздких и тяжелых пятитрубных 533-мм торпедных аппарата. С самого начала войны было ясно, что использовать их на Черноморском флоте никогда не придется. Кстати, за всю войну торпедные аппараты наших надводных кораблей использовались всего один раз — на севере, да и то неудачно.

Риторический вопрос кто мешал Октябрьскому приказать снять по одному, и то и оба торпедных аппарата с крейсеров, лидеров и эсминцев, а взамен установить несколько зенитных автоматов? А приспичит — вернуть их на место было делом двух-трех дней.

Тот же Октябрьский постоянно сетовал в своих дневниках, что, мол, у эсминцев проектов 7 и 7У слишком малая дальность плавания для Черного моря. Так кто же ему мешал разместить мазут в торпедных погребах взамен бесполезных, но опасных для своего же корабля «сигар»? Кстати, до этого додумался в 1943 г. его преемник адмирал Владимирский.

Пусть критики пеняют мне, что в научно-популярном издании так

много цифр, так много фактов. Но я хочу показать читателю реальную картину событий войны, чтобы он сам мог расставить все точки над «і» и решить, кто виноват в потоплении десятков наших судов вражеской авиацией, в прекращении снабжения Севастополя в 1942 г., а также в бездействии наших крупных кораблей в 1943–1944 гг., когда их участие могло кардинально изменить ход войны.

2 апреля в 18 ч 58 мин танкер «Куйбышев» (4629 брт), шедший из Новороссийска в Камыш-Бурун, у мыса Железный Рог был атакован пятью торпедоносцами Хе-111. Танкер шел со скоростью 10 узлов в сопровождении эсминца «Незаможник» и двух сторожевых катеров. С воздуха его прикрывали два МиГ-3. Танкер вез 2500 т бензина, 1000 т керосина, 250 т лигроина и 120 т масла. Одна из торпед попала в кормовой танк судна. Возник сильный пожар, пламя достигало высоты 30 м. Танкер сдрейфовал в район банки Мария Магдалина, где переломился от взрыва и затонул на мелководье (ш. = 44°57'; д. = 36°58'). 24 человека из команды погибло, 34 спасено. Пожар на полузатопленном корабле продолжался в течение недели.

Командование Черноморского флота было настолько обеспокоено большой потерей транспортов, потопленных германской авиацией и погибших на собственных минах, что 24 марта 1942 г. Военный совет Черноморского флота обратился к наркому ВМФ с просьбой о посылке на Черное море «самолетов Пе-2» [\[129\]](#). Одновременно был поднят вопрос о закупке транспортов в Турции. 28 марта Кузнецов сообщил, что в апреле Черноморский флот получит Пе-2 и истребители, а также, «что за границей свободного тоннажа, который бы нам продали, сейчас нет» [\[130\]](#).

Итак, наши адмиралы сетуют на недостаток тоннажа на Черном море, запрашивают Ставку о возможности закупки торговых судов за границей, то есть в Турции. А куда наши адмиралы подевали лучшие транспортные суда Черноморского флота? Поскольку об этом «лампасники» предпочитают помалкивать, придется рассказать поподробнее, дабы в очередной раз избежать обвинений в «очернительстве».

Лучший пассажирский лайнер на Черном море — «Сванетию» — решили превратить в... плавбазу для шпионов. До войны «Сванетия» (водоизмещение 5050 т, 244 каютных места) обслуживала пассажирскую линию Одесса — Александрия. Война застала лайнер у входа в Дарданелльский пролив, но, как следует из наших официальных источников, его якобы задержали в Стамбуле турки и не выпускали до конца февраля 1942 г. Это дикая чушь. Задерживать пассажирский лайнер

вопреки всем международным конвенциям турки не могли, это был бы «казус белли» как для СССР, так и для Англии. В ходе войны турки пропускали через Проливы торговые суда всех стран.

Согласно воспоминаниям наших дипломатов, «Сванетия» в Стамбуле использовалась в качестве плавгостилицы для советских дипломатов, покинувших Германию, а в феврале 1942 г. лайнер привез в Потти «последнюю группу дипломатов». И эта версия выглядит неубедительно. На самом деле последняя группа сотрудников советских посольств и консульств была переправлена в СССР через Каре в начале августа 1941 г., а посол Деканозов и дипломатический бомонд еще раньше сели на железнодорожный экспресс Стамбул — Анкара, а затем самолетом перелетели в СССР.

Фактически же «Сванетия» стала в Стамбуле плавучим филиалом Лубянки. В первые же дни пребывания там с корабля списали и отправили в Советский Союз несколько десятков моряков. Само собой разумеется, им быстро нашли достойную замену. «Сванетия» была базой для шпионских и террористических операций, а штабом — советское консульство в Константинополе.

В конце лета 1941 г. вся наша шпионо-дипломатическая команда была брошена на подготовку к покушению на посла Германии в Турции. Вообще говоря, убивать послов, даже в ходе войны, было не принято, но тут был особый случай. Германский посол Франц фон Папен принадлежал к древнему аристократическому роду, истоки которого теряются в веках. Во всяком случае, в конце XV века его предок Вильгельм фон Папен был владельцем больших поместий.

Осенью 1913 г. 34-летний офицер генштаба фон Папен по личному указанию кайзера назначен военным атташе в США. В 1915 г. его высылают из Америки за шпионаж. В годы Первой мировой войны он становится близким другом капитана Канариса, будущего адмирала и руководителя абвера. В начале 1930-х годов фон Папен получает пост вице-канцлера рейха, затем едет послом в Австрию. Он играл не последнюю скрипку в приходе к власти Гитлера и в аншлюсе (мирном присоединении Австрии к Германии).

В апреле 1939 г. Гитлер назначает фон Папена послом в Турции. С началом Второй мировой войны новый посол по указанию фюрера налаживает связи с британскими и американскими дипломатами. Цель этих контактов — заключение сепаратного мира.

О стремлении Гитлера захватить весь мир нам твердили со школьной скамьи. И действительно, штурмовики горланили: «Сегодня нам

принадлежит Германия, а завтра — весь мир!» Но мало ли кто что напевал Вон «Весь мир насилья мы разрушим до основанья» начали петь во Франции, когда Володя Ульянов исправно учил латынь в гимназии. А Гитлер фактически сразу после окончания польской кампании искал пути к миру.

Британские аналитики уже в 1939–1941 гг. прекрасно понимали, что в случае полного разгрома Германии СССР будет господствовать в Европе. Единственная альтернатива этому — сепаратный мир. Но Гитлер — весьма одиозная фигура в качестве партнера по переговорам. А тут под рукой бывший вице-канцлер (второе лицо в государстве, свой среди абвера, дикорпуса и оппозиционных фюреру генералов вермахта).

В итоге Папену пришлось в Анкаре играть тройную игру — посла, тайную посланника Гитлера и представителя оппозиции. Основными партнерами в игре были американский и британский послы и нунций Ватикана Замечу, что папа Пий XII, как и фюрер, послал в Турцию не простого попа, а талантливого дипломата и «аппаратчика» Джузеппе Ронкали. После войны Ронкали сменил Пия XII и станет папой Иоанном XXIII.

Ватикан в течение всей войны играл ключевую роль в сепаративных переговорах. Как-то на встрече со Сталиным Черчилль упомянул о числе дивизий Англии и США. Сталин совершенно серьезно спросил «А сколько дивизий у Ватикана?», намекая на непомерное политическое влияние и амбиции «престола Св. Петра».

И вот в Москве решили убрать потенциального главу Третьего рейха.

Вскоре в Стамбуле появились простые советские люди — вице-консул Павлов и журналист-международник Леонид Наумов. «В миру» они были известными террористами Георгием Ивановичем Мордвиновым и Наумом Исааковичем Эйтинггоном. Последний недавно вернулся из Мексики, где организовал убийство Льва Троцкого.

Первоначально покушение на фон Папена было намечено произвести в театре. Его должна была застрелить «спортсменка, комсомолка и просто красавица» Муза Малиновская. Однако журналист Наумов влюбился в Музу и, видимо, поэтому провалил операцию. В конце концов, в качестве террориста решили использовать 26-летнего болгарина, имя которого скрывается до сих пор. Известно лишь, что он учился в Стамбульском университете под именем македонца Омера.

По советской версии, болгарин прекрасно стрелял из пистолета, что проверили сотрудники консульства, но почему-то для покушения решили использовать безоболочную бомбу, изготовленную опытным

взрывотехником НКВД Тимашковым. Сразу после взрыва бомбы к месту убийства должен был подъехать мотоциклист, взять Омера и умчаться на полной скорости.

Вечером 20 февраля 1942 г. скорый поезд Стамбул — Анкара уносит в турецкую столицу вице-консула Павлова и студента Омера. По случайному совпадению на следующий день «Сванетия» поднимает якоря в Босфоре и вместе с «советскими дипломатами» отправляется на родину. Лайнер старательно прижимается к турецкому берегу и лишь в 12 ч 10 мин 23 февраля швартуется в порту Поти, где его ожидает кавалькада черных «ЭМОК».

Через 22 часа фон Папен с женой шел пешком по бульвару Ататюрка, направляясь в германское посольство. Он был крайне пунктуален и в одно и то же время показывался на бульваре. По версии наших спецслужб, болгарин подошел к чете Папенев, достал бомбу и пистолет, привел взрыватель в действие, но так и не бросил ее.

Бомба, как уже говорилось, была безоболочной и не дала осколков, зато от болгарина остались лишь клочья мяса и башмак на дереве. Взрывная волна сбила чету Папенев с ног, но супруги отделались лишь легкой контузией. Ехавший мимо мотоциклист остановился. В этот момент Папен, лежавший на земле, поднял руку, и мотоциклист начал оказывать ему помощь.

На мой взгляд, версия наших спецслужб более чем неудачна. Если мотоциклист был советским агентом, то он мог застрелить, ударить ножом или даже ребром ладони по горлу Папена, благо, тому было 62 года, и умчаться на мотоцикле. Парень же стал оказывать первую помощь и дождался приезда полиции. Позже на следствии он был привлечен лишь как свидетель. Наконец, почему сейчас не называется его настоящая фамилия и почему он не получил советских наград.

Турецкая полиция и сам фон Папен в мемуарах дают иную версию покушения. Болгарин должен был застрелить посла из пистолета, а затем взвести взрыватель устройства, которое, как ему объяснили, было не бомбой, а дымовой шашкой, что помогло бы ему скрыться. Парень решил подстраховаться и почти одновременно нажал на спусковой крючок пистолета и взрыватель шашки. Если бы он выстрелил на полсекунды раньше, посол был бы убит. Но в любом случае террорист вознесся бы на небеса. Мотоциклист же на бульваре Ататюрка оказался случайно. Покойникам мотоциклы не нужны.

16 апреля в Севастополе на «Сванетию» погрузили 221 раненого, 358 человек из 40-й кавалерийской дивизии и 99 пассажиров. В тот же день в

21 ч 20 мин лайнер в охранении эсминца «Бдительный» вышел из гавани и двинулся в Новороссийск. На следующий день в 7 ч 24 мин наши корабли, прошедшие уже примерно полпути до Новороссийска, были обнаружены вражеским самолетом-разведчиком.

В 11 ч 00 мин 17 апреля «Сванетия» была безрезультатно атакована одиночным бомбардировщиком Ю-88. В 14 ч 00 м лайнер подвергся атаке уже восьми самолетов Хе-111 и четырех Ю-88, которые сбросили до 50 бомб и несколько торпед. От сброшенных бомб и торпед транспорт уклонился маневрированием, повреждения были невелики.

В 15 ч 55 мин в атаку на транспорт с обоих бортов вышли девять Хе-111, которые сбросили шесть торпед, две из которых попали в носовую часть судна. Возник дифферент на нос с целью уменьшения нагрузки на носовые переборки командир транспорта приказал дать полный ход назад. Через некоторое время командир БЧ-5 (механической боевой части) доложил о том, что у главных двигателей греются подшипники, из картера двигателей идет дым, потекли крышки цилиндров. Командир приказал остановить машины. Напором воды были разрушены подкрепления переборок. Судно стало погружаться с креном на левый борт и дифферентом на нос. Из 18 имевшихся на борту шлюпок успели спустить на воду лишь пять, три из которых были накрыты корпусом тонущего судна. Не уместившиеся в шлюпках люди бросались за борт в спасательных жилетах и без них.

По одной из версий, на палубу судна выскочили кавалеристы, не имевшие понятия о механизмах спуска шлюпок на воду. Они выхватили шашки и перерубили первые попавшиеся под руку блоки (лопаря), удерживающие шлюпки, и те, сорвавшись вместе с людьми, полетели за борт, переворачиваясь или разбиваясь о воду.

В 16 ч 30 мин м, продержавшись на плаву 18 минут, «Сванетия» затонула на глубине 2000 м в точке с координатами $d = 43^{\circ}00'$; $36^{\circ}48'$, увлекая за собой в образовавшуюся воронку плававших рядом людей. Оставшиеся на воде две шлюпки и спасательный плот были расстреляны самолетами из пулеметов. Погибло 753 человека, в том числе 220 раненых и 112 человек личного состава судна. В 17 ч 05 м «Бдительный», отразив атаку авиации, начал спасение людей. Было спасено 143 человека, из которых 17 умерли на палубе эсминца от переохлаждения в воде.

Но и без «Сванетии» московские адмиралы Кузнецов, Исаков и К^о решили, что торгового тоннажа на Черном море в избытке. Они крепко задумались, куда бы вывести самые новые и крупные суда. На Север? На Тихий океан? Ну а Октябрьский не спорил, а «взял под козырек». Это после

войны адмиралы будут плакаться в своих мемуарах о нехватке тоннажа для снабжения Севастополя.

Допускаю, что Октябрьский мог не знать о соглашениях с союзниками о передаче десятков больших транспортных судов СССР. А в Москве-то Кузнецову и Исакову это было прекрасно известно. Нетрудно было догадаться, что транспорты типа «Либерти» и другие водоизмещением в 10 тысяч тонн попадут на Север и Тихий океан, но никак не на Черное море.

И вот принимается решение о переводе через турецкие проливы ледокола «Микоян» и танкеров «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов».

Что же это были за корабли?

Линейный ледокол «Микоян» (до 1938 г. он назывался «О.Ю. Шмидт») был заложен в Николаеве в ноябре 1935 г. Его полное водоизмещение 11 242 т, скорость 15,5 уз., дальность плавания 6000 миль. Ледокол, естественно, строился не для Черного моря, а для Арктики. К 22 июня 1941 г. ледокол достраивался на плаву. 28 июня он был зачислен в списки Черноморского флота как вспомогательный крейсер. На нем установили пять 130-мм, четыре 76-мм пушки и четыре 7,62-мм пулемета. «Микоян» несколько раз обстреливал позиции германских войск под Одессой. (Сх. 8)

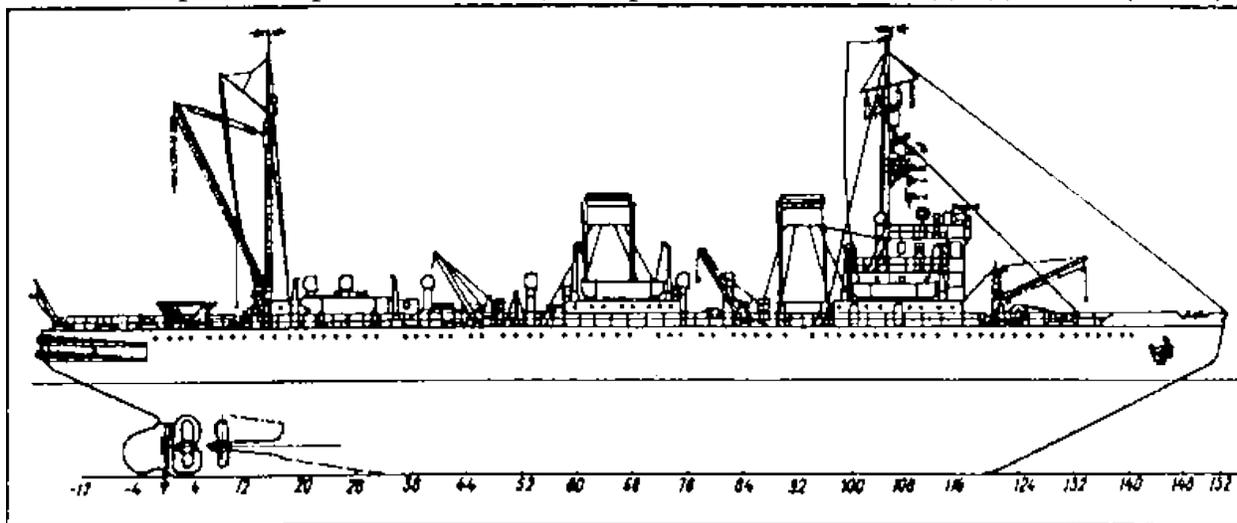

Схема 8. Ледокол «А. Микоян»

Танкеры были построены непосредственно перед войной. Водоизмещение их составляло около 10 тыс. т, а скорость хода 12–13 узлов.

«Микоян» был разоружен в Потти, а 25 ноября в 3 ч 45 мин ледокол, транспорты «Сахалин», «Аванесов» и «Туапсе» в сопровождении лидера

«Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» вышли из Туапсе в море. Конвой вышел в открытое море, взяв курс на Босфор. 30 ноября, выдержав в пути жестокий шторм, подошли к турецкому берегу. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад. В Константинополе танкеры передали нефть туркам. Видимо, это было платой за проход через Проливы. Всем четырем кораблям удалось благополучно выйти в Эгейское море.

«Микоян» спустя девять месяцев после выхода из Туапсе, 9 августа 1942 г., пройдя 25 000 миль, вошел в советские территориальные воды — Анадырский залив.

Танкер «Варлаам Аванесов» был потоплен 19 декабря 1941 г. германской подводной лодкой U-652 у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл. Танкеру «Туапсе» также не удалось достичь родных берегов — 4 июля 1942 г. в Юкатанском заливе его торпедировала подводная лодка U-129.

Итак, половина советских судов, уведенных из Черного моря, были потоплены, а два других выведены из войны почти на год.

Несколько иностранных судов 22 июня 1941 г. были застигнуты войной в портах Черного моря. Согласно сложившейся международной практики, СССР мог реквизировать их и использовать в военных целях. Так поступали Англия в 1914 г. и 1939 г. и Россия в 1914 г. (на Балтике и Черном море). Однако московские адмиралы решили иначе — слишком много транспортов оказалось на Черном море, и их тоже отправили в Средиземное море. Танкер «Ойлшипнер» прошел Босфор под панамским флагом, но за Дарданеллами был поврежден вражеским самолетом, и ему пришлось интернироваться в Турции. Малому же греческому пароходу «Агхиос Геориос» удалось дойти до Кипра

Любопытная картина получается: с 23 марта 1942 г. и до падения Севастополя немцы утопили шесть наших транспортов («Чапаев», «Сванетия», «Громов», «Абхазия», «Грузия», «Белосток») общим водоизмещением 21 773 тонн. И это наши историки-лампасники считают катастрофой и поводом для прекращения движения транспортов в Севастополь [\[131\]](#). А вот увод московскими адмиралами с Черноморского театра военных действий шести транспортных судов общим водоизмещением 42 574 т, то есть в два раза большего тоннажа, наши историки даже не заметили. Так, божья роса..

ГЛАВА 13. ПОЧЕМУ В КРЫМУ НЕ НАЧАЛАСЬ ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА?

Официально во всем мире считается, что в ходе Второй мировой войны химическое оружие не применялось. Однако советские и нынешние российские историки утверждают, что в конце мая 1942 г. немцы применили отравляющие вещества в керченских каменоломнях, где скрывались сотни бойцов Красной армии и мирных жителей, не успевших эвакуироваться на другой берег пролива.

Так, историк Всеволод Абрамов приводит цитату из дневника участника обороны каменоломен А.И. Трофименко: «Почти у каждого отверстия 10–20 человек, которые беспрерывно пускают ядовитые газы-дым. Прошло 8 часов, а он все душит и душит. Теперь уже противогазы пропускают дым, почему-то не задерживают хлор. Я не буду описывать, что делалось в госпитале на Центральной, такая же картина, как и у нас, но ужасы были по все ходам, много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую стороны»^[132].

После нескольких часов газовой атаки немцы сделали перерыв. Тогда командование подземного гарнизона приказало начать строительство газоубежищ, стены которых защитники сооружали из камня-ракушечника. Во время газовых атак эти убежища вполне надежно защищали от газа укрывшихся там людей. Так что продолжавшиеся в течение нескольких недель последующие атаки немцев были мало эффективны. Теперь потери среди личного состава стали не столь велики.

К тому же концентрация газов в разных частях каменоломен сильно варьировала. Так, в Малых каменоломнях отравляющих веществ вообще не чувствовалось, поскольку эти каменоломни находились глубже, движение воздуха там было слабым, и ядовитые газы туда почти не поступали.

Однако же гарнизон Центральных каменоломен после первой атаки понес огромные потери. В дневнике А.И. Трофименко говорится, что в подземных штольнях только на территории одного батальона подобрали и похоронили 824 человека^[133].

Офицер, командовавший защитниками каменоломен, приказал начальнику радиостанции старшему лейтенанту Ф.Ф. Кузнецову многократно передавать в эфир сообщение о применении немцами химического оружия.

Так какое же ОВ использовали немцы в Керченских каменоломнях в мае 1942 г.?

«Еще в 60-х годах керченские школьники В. Истратов и И. Демиденко нашли в каменоломнях небольшой газовый баллон с немецкой маркировкой. Экспедиции 1972–1974 гг., а также летом 1986 г. нашли много ампул с химическими веществами, полусгнившие газодымные шашки и развалившийся на осколки тонкостенный корпус гранаты немецкого производства»^[134].

В Москве была проведена официальная экспертиза находок, «на основании которой были составлены акты, которые и ныне находятся в Керченском музее. Вот один из выводов экспертизы: "Образец № 2 представляет собой дымовую шашку нейтрального (белого) дыма на основе окиси цинка и хлорированных углеводородов"»^[135].

То есть вопрос о том, считать ли используемые в каменоломнях вещества дымовыми или отравляющими, достаточно спорный. Вспомним применение газов в Москве в 2002 г. при штурме Театрального центра на Дубровке. Тогда власти заявляли, что газ не является ОВ, а погибло по официальным сведениям 129 заложников.

Во всяком случае, инцидент в Аджимушкае не рассматривался Нюрнбергским трибуналом. Правда, в ноябре 1947 г. в Севастополе состоялся процесс по делу о военных преступлениях германских военнослужащих. Среди 12 обвиняемых только один — Вильгельм Флеснер, фельдфебель 3-й роты 88-го саперного батальона 46-й пехотной дивизии 11-й армии — обвинялся в подрыве двадцати входов в Аджимушкайские каменоломни, забрасывании проломов и входов дымовыми шашками и дымовыми гранатами, пусках огнесмеси из огнеметов. Таким образом, этому фельдфебелю не предъявили обвинения в использовании ОВ. Хотя он и «получил по рогам» 20 лет лагерей.

Ну а теперь зададим прямой вопрос а готовилась ли к применению ОВ наша армия и флот?

Косвенно возможность применения химического оружия на Восточном фронте подтверждают переговоры советского правительства с западными союзниками:

У. Черчилль И.В. Сталину

Лично и секретно

21 марта 1942 года.

«— Посол Майский был у меня на завтраке на прошлой неделе и упоминал», что... немцы... могут использовать газы против Вашей

страны... я хочу заверить Вас в том, что Правительство Его Величества будет рассматривать всякое использование ядовитых газов как оружия против России точно так же, как если бы это оружие было направлено против нас самих. Я создал колоссальные запасы газовых бомб для сбрасывания с самолетов, и мы не преминем использовать эти бомбы для сбрасывания на все подходящие объекты в Западной Германии, начиная с того момента, когда Ваши армии и народ подвергнутся нападению подобными средствами». 29 марта 1942 г.

И.В. Сталин У. Черчиллю.

Лично и секретно.

«По нашим данным, не только немцы, но и финны могут начать применение ядовитых газов против СССР...

Советское правительство было бы весьма благодарно, если бы Британское правительство могло помочь получить в Англии некоторые недостающие химические средства обороны, а также средства ответного химического удара, имея в виду возможность химического нападения Германии на СССР. Если с Вашей стороны не будет возражений, я бы мог в ближайшее же время направить в Англию специальное лицо по этому делу».

Получено 10 апреля 1942 г.

У. Черчилль И.В. Сталину.

Лично и секретно.

«...2. Пожалуйста, направьте Вашего специалиста по вопросам противохимической обороны и контрнападения для точного объяснения того, какие материалы Советскому правительству необходимо получить из Англии.

3...если необходимо, то мы до получения сообщения от этого специалиста сможем предоставить Вам первым ближайшим пароходом по крайней мере тысячу тонн иприта и тысячу тонн хлора...»

22 апреля 1942 г.

И.В. Сталин У Черчиллю.

Лично и секретно.

«...Выражаю Вам признательность за готовность предоставить 1000 тонн иприта и 1000 тонн хлора. Но так как СССР ощущает более острую нужду в других химических продуктах, то Советское правительство желало бы вместо указанных выше продуктов получить 1000 тонн гипохлорита кальция и 1000 тонн хлорамина или, в случае невозможности поставки этих продуктов, 2000 тонн жидкого хлора в баллонах.

Советское правительство намерено командировать в Лондон

заместителя народного комиссара химической промышленности Андрея Георгиевича Касаткина в качестве своего эксперта по вопросам химической защиты и контрнападения»^[136].

Весной 1942 г. советские СМИ начали открыто подготавливать общественное мнение к возможным химическим «контрмерам» Красной армии. Вот два характерных примера:

Краснодар, 8 мая. (ТАСС). «Вчера на Крымском фронте немецкие войска применили несколько мин с отравляющими веществами. Проверка показала, что отравляющие вещества поражают главным образом дыхательные органы и выводят из строя бойцов».

Лондон, 10 мая. (ТАСС). «Английский премьер-министр Черчилль, выступая по радио... остановился на возможности того, что немцы... могут применить отравляющие вещества против Советского Союза Черчилль заявил, что, если Гитлером будет совершено это новое преступление, Англия использует свое большое и всё возрастающее превосходство в воздухе на Западе для ведения химической войны в самых широких масштабах против военных объектов Германии».

Германское командование насторожилось. Начальник генерального штаба вермахта генерал-полковник Франц Гальдёр записывает в дневнике:

7 марта 1942 г.: «Полковник Окснер. О возможностях ведения химической войны русскими, а также о наших возможностях в этой области ("Гелан" и другие ОВ)».

24 апреля 1942 г.: «Генерал Окснер. Текущие вопросы химической службы. Готовность противника к химической войне. Наши оборонительные средства». 11 июня в 21 час 45 мин санитарный транспорт «Грузия» в охранении базового тральщика «Щит» и пяти сторожевых катеров вышла из Новороссийска в Севастополь.

До войны «Грузия» была пассажирским лайнером, построенным на верфи Круппа в Киле в 1928 г. С началом войны его переоборудовали в санитарный транспорт, на борту нарисовали большие красные кресты — обозначение госпитального судна.

В этом рейсе на борту теплохода официально находилось 708 человек маршевого пополнения и 526 т боеприпасов. (По другим источникам эти цифры составляли 4000 человек и 1300 т боеприпасов.)

12 июня в 2 ч 30 мин ночи базовый тральщик «Гарпун» вышел из Туапсе для усиления охранения «Грузии». Замечу, что тральщики и сторожевые катера ставились в охранение теплохода в основном против подводных лодок противника. Зенитное же вооружение их было слабо, и особо защитить охраняемые суда они не могли. Не будем забывать, что

война с итальянскими подводными лодками не затихала с июня 1941 г. Вот официальные сообщения из «Хроники...»^[137] Так, только 12 июня 1942 г. были замечены две подводные лодки противника. В 12 ч 8 мин в 95 милях по пеленгу 165° от мыса Меганом был обнаружен перископ подводной лодки. Вражеская субмарина пыталась атаковать транспорт «Белосток». Но корабли охранения (базовый тральщик «Взрыв» и сторожевой катер № 0135) атаковали ее глубинными бомбами. Так дуче потерял очередную подводную лодку. Не прошло и двух часов, как уже в другой части Черного моря в 75 милях к югу от маяка Тарханкут подводная лодка М-120 обнаружила еще один перископ.

Мне могут возразить, что к этому времени сверхмалые итальянские подводные лодки уже были доставлены в Ялту. Но, увы, их тактико-технические характеристики не позволяли им патрулировать в указанных районах. Да и о существовании сверхмалых итальянских подводных лодок на Черном море советское командование узнало лишь в конце 1943 г., а до этого времени наши моряки исправно топили глубинными бомбами средние и большие итальянские подводные лодки.

Но вот все опасности преодолены, и в 4 ч 30 мин 13 июля 1942 г. в Южную бухту Севастополя входит санитарный транспорт «Грузия». Уже осталось несколько метров до Минной пристани, и вдруг на транспорт с хорошо видимыми на борту красными крестами пикируют пять немецких Ю-87. В 4 ч 48 мин две бомбы попали в машинное отделение и корму транспорта «Грузия» еще на плаву, но через 7 минут раздался страшный взрыв, и транспорт длиной 116 м был буквально разорван пополам. Далее наши историки ставили жирную точку, предварительно осудив очередное преступление фашистов, благо, военно-морское право запрещает топить санитарные суда.

Но вот в 1948–1949 гг. в ходе очистки севастопольских бухт от затонувших судов были подняты обе части «Грузии». Обычно поднятые со дна моря суда или восстанавливают, или отправляют на судоразделочные базы. Это понятно, в 1949 г. стране как воздух был необходим железный лом. Но обе части «Грузии» почему-то не отправили в Инкерман на разделку, а отбуксировали в Казачью бухту и там затопили. Причем несколько водолазов и рабочих, участвовавших в подъеме «Грузии», были госпитализированы. У них появились на коже язвы, характерные для поражения ипритом.

Самое удивительное в том, что в 1956–1959 гг. был проведен новый подъем обеих частей «Грузии», и на сей раз их отбуксировали и затопили подальше от берега и на больших глубинах.

Что же произошло на самом деле? Начну с того, что весной 1942 г. корабли Черноморского флота испытывали хронический недостаток в зенитных средствах, особенно для защиты от низколетящих самолетов. А вот санитарный транспорт «Грузия» имел зенитное вооружение лучше, чем на наших эсминцах того времени: пять 45-мм пушек, два 12,7-мм пулемета ДШК и шесть 12,7-мм американских спаренных пулеметов Кольт. А в его трюмах находилось значительное число снарядов. Но полбеда, что на санитарном транспорте имелись сотни фугасных снарядов. Хуже того — там были сотни химических снарядов калибра от 130 до 76 мм, а также бочки с ОВ, предназначенные для снаряжения авиабомб. Вот почему потребовалось дважды перезахоранивать останки «Грузии».

Возникает риторический вопрос, зачем в июле 1942 г. везти в Севастополь химические боеприпасы? Ведь защитники города испытывали острую нужду в осколочно-фугасных снарядах. Забегая вперед, скажу, что ведь именно из-за отсутствия снарядов и был сдан Севастополь. Так нужно ли было везти туда химснаряды, которые заведомо нельзя было применить?

Видимо, «Грузия» пошла в свой последний рейс именно чтобы применить химическое оружие! Замечу, что сотни тонн химбоеприпасов — артиллерийских снарядов, авиабомб, различных выливных авиационных устройств и т. д. — к началу войны хранились в многочисленных штольнях Севастополя.

Судя по всему (я не видел конкретного приказа), в Крыму наше командование готовилось к массовому применению химического оружия. Напомню, что первой применила ОВ 11-я армия генерала Манштейна в апреле — мае 1942 г. на Керченском полуострове. Генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике от 13 июня 1942 г. записал: «Генерал Окснер: Доклад об участии химических войск в боях за Керчь».

Таким образом, советская сторона вполне объективно могла заявить об ответных мерах. Массовое применение химического оружия под Севастополем могло привести к полному разгрому армии Манштейна. Немцы под Севастополем имели огромный перевес в орудиях навесного боя (гаубицах и мортирах). А у защитников города было существенное превосходство в дальнобойных пушках (даже без учета корабельной артиллерии). Но, увы, горный рельеф делал пушки с превосходной баллистикой бессильными против укрытых в складках местности германских мортир. Зато химические снаряды с дистанционными взрывателями легко выкурили бы немцев из их укрытий. Кстати, фронтовые фотографии, кинохроника и многочисленные мемуары показывают, что наши бойцы до последнего дня обороны не расставались с

противогазами. Зато противогазов не видно у полуголых немецких солдат под Севастополем. Поэтому нетрудно предположить эффект массированного применения ОВ.

Однако гибель «Грузии» и наступление немцев из-под Харькова на Сталинград вынудили советское командование отказаться от применения ОВ в Крыму.

Перед сдачей города в период 27–29 июня 1942 г. химические боеприпасы в ночное время доставлялись из хранилищ Юхариной балки в бухту Казачья, где грузились на шхуну «Папанинец», на которой затем вывозились в открытое море неподалеку от бухты, где сбрасывались за борт. Глубина сброса была не менее 50 м. При этом иприт и люизит, которыми заправлялись химические бомбы, хранились в то время в бочках типа Л-100. Периодически такие бочки обнаруживаются на побережье Крыма в наши дни. «В 80-е недалеко от Казачьей бухты водолазы нашли бочку типа Л-100 и вытащили на берег. В ней обнаружили маслянистую жидкость, пахнущую геранью. Лабораторный анализ показал, что в бочке отечественного производства находится люизит, боевое отравляющее вещество»^[138].

Каким же арсеналом химического оружия располагала Красная армия? Производство ОВ в России началось в 1915 г. и не прерывалось до 22 июня 1941 г. Возможно, были лишь кратковременные (до нескольких месяцев) перерывы. Применение отечественных ОВ в Первой мировой и Гражданской войнах я опускаю, как выходящие за рамки книги.

К апрелю 1931 г. мощности советских заводов по производству иприта достигли 15 800 т в год, и строились заводы еще на 18 000 т иприта. По фосгену к 1 октября 1931 г. плановые мощности должны были составить 10 000 т.

В 1935 г. мощности по иприту составляли уже 35 000 т (при заявке Наркомата обороны на 58 000 т), по фосгену — 13 000 т, дифосгену — 1900 т. Но вот проблему масштабного производства люизита и синильной кислоты решили лишь к концу 1930-х годов. Всего же в 1935 г. при заявке Наркомата обороны на мощности в 87 500 т ОВ их было на 56 000 т.

К 1 января 1938 г. возможности промышленности по производству ОВ должны уже были достигнуть 139 560 т, к 1 января 1939 г. эти мощности планировали довести до 213 560 т. Таковы были планы.

Судя по документам Химического управления РККА, к 1939 г. промышленность поставляла армии следующие ОВ: иприт Левинштейна, иприт Зайкова, люизит, ипритно-люизитная смесь, фосген, дифосген, синильная кислота, хлор-циан, хлорпикрин, адамсит, дифенилхлорарсин,

дифенилцианарсин и хлорацетофенон.

Согласно отчетам Химуправления РККА, на 1 декабря 1936 г. «наша авиация с ее фактическим (на 1.12.35) химическим вооружением может в течение одного года войны совершить нападение на противника с расходом свыше 40 000 т ОВ». На тот момент советские ВВС имели на своем вооружении 90 тысяч химических авиабомб, а мобилизационные мощности промышленности были рассчитаны на выпуск в течение года 796 тысяч химических бомб.

Имелись и иные средства доставки ОВ к полю боя. На 1 декабря 1935 г. в Красной армии было: колесных боевых химических машин (БХМ) — 420 (мобмощности на 1300), химических танков Т-26—530 (мобмощности — 1000), 107-мм химических минометов — 600 (мобмощности — 5900), носимых приборов заражения местности — 21 800 (мобмощности — 40 000). Основная масса химсредств и боевой техники химвойск сосредоточивалась в Белорусском, Киевском и Ленинградском военных округах, а также в Забайкалье.

Несколько слов стоит сказать об отечественных химических артиллерийских снарядах.

В Красной армии они делились на химические, снаряженные жидким ОВ, и осколочно-химические, снаряженные твердым ОВ. Последние обеспечивали дополнительное поражение противника осколками, подобно осколочно-фугасным снарядам.

Исходной данной для расчета количества химических снарядов, необходимых для обстрела площадей, принята была норма — одна 76-мм химическая граната на 40 кв. м площади и один 152-мм химический снаряд на 80 кв. м площади.

Баллистические данные 76-мм химических гранат не отличались от обычных осколочных гранат, да и обычно изготавливали их в корпусах осколочно-фугасных гранат.

Так, осенью 1927 г. в производство пошли 76-мм химические снаряды кратковременного действия. Они тогда еще не имели буквенного индекса. Снаряды содержали 740 г ОВ, из которых хлорпикрин $C(NO_2)Cl_3$ составлял 45 %, фосген $COCl_2$ — 45 %, четыреххлористое олово $SnCl_4$ — 10 %.

Старыми химснарядами, получившими в конце 1930-х гг. индексы ХН-354Ф и ХС-354Ф, следовало вести огонь по таблицам стрельбы для гранат Ф-354Ф. Обозначения ХН и ХС определялись начинкой: взрывчаткой «НОВ» или «СОВ»^[139].

Во второй половине 1930-х годов на вооружение поступила 76-мм

осколочно-химическая граната ОХ-350 весом 6,25 кг и длиной 4 клб. Она была снаряжена тротилом и ОВ типа Р-12 или Р-15^[140]. Взрыватель КТМ-1. Граната вошла в боекомплект 76-мм дивизионных пушек с длиной ствола в 30, 40 и 50 клб, а также в боекомплект полковых пушек обр. 1922 г.

Баллистические данные ОХ-350 почти совпадали с данными осколочно-фугасной гранаты ОФ-350, и расчетам было разрешено стрелять по Таблицам стрельбы ОФ-350 для соответствующих пушек.

Осенью 1937 г. НИИ-24 разработало к 76-мм пушке Ф-22 тяжелый химснаряд весом 7,0 кг с вышибным дном и взрывателем Т-6. Вес ОВ типа «СОВ» — 500 г, начальная скорость снаряда — 680 м/с.

В 1937 г. пошли в серию 122-мм химические снаряды:

— пушечный осколочно-химический снаряд ОХ-471 чертежа 2—028440 с взрывателем РГМ для пушки А-19;

— гаубичный осколочный химический снаряд ОХ-462 чертежа 3844а с взрывателем РГМ;

— гаубичный осколочный химический снаряд Х-462 чертежа 3900а с взрывателем КТМ-2.

В том же 1937 г. разрабатывался новый более совершенный гаубичный 122-мм химический снаряд чертежа 2—03217 с вышибным дном. Вес снаряда 22,827 кг. Вес ОВ типа СОВ — 1,7 кг.

В 1939 г. поступили на вооружение 152-мм гаубичные снаряды ХН-530 и ОХ-530, и для них были составлены таблицы стрельбы. Химический снаряд ХН-530 был снаряжен веществом «НОВ» и взрывателем КТМ-2, а осколочно-химический снаряд ОХ-530 весом 40 кг снаряжен твердым ВВ и взрывателем РГ-6 или КТМ-2.

Оба снаряда входили в боекомплект как старых гаубиц (обр. 1910/37 г. и 1909/30 г.), так и новой гаубицы М-10. Стрелять снарядом ОХ-530 можно было по Таблицам стрельбы снаряда ОФ-530. Прошу извинения за тавтологию, но так написано в документах.

Существовал еще 122-мм гаубичный химснаряд Х-530 весом 38,8 кг.

Специально для 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 был создан осколочно-химический дальнобойный снаряд ОХ-540 (чертежа 1—09268). Стрелять им можно было по Таблицам стрельбы снаряда ХС-530, но в 1938 г. вышел приказ «не закомплектовывать» пушечные выстрелы снаряда ХС-530.

Всего к 1 декабря 1935 г. наши сухопутные войска располагали 826 тысячами химических снарядов (да еще моб-мощностей на 3 299 000 снарядов с ОВ). Помимо этого, на складах РККА находилось 160 тыс. химических мин к 107-мм минометам, 13 тыс. химических фугасов и 400 тыс. «шашек ядовитого дыма» (мобмощности: мины — 1 млн 675 тыс.

штук, химфугасы — 395 тысяч штук и шашки с ОВ — 3,5 млн).

Химбоеприпасами располагал и флот. Еще в конце 1916 г. на вооружение кораблей Черноморского флота поступили тысячи химснарядов калибра 102–305 мм. Они предназначались для проведения операции по захвату Босфора. Однако события 1917 г. сорвали оную операцию. Как и с сухопутными химбоеприпасами, автору пришлось собирать информацию по ВМФ буквально по крохам в различных архивах, не имеющих прямого отношения к созданию ОВ. Так, мне удалось установить, что крейсера проекта 68, заложенные в 1939 г., должны были иметь боекомплект из 2130—152-мм снарядов, из которых 330, то есть 15 %, — химические.

Согласно отчету Артуправления ВМФ за 1941–1945 гг., по старому штату, то есть заложенному еще до революции, крейсеру «Червона Украина» положено было по 80 осколочных химических снарядов на одну 130-мм пушку.

Соответственно, на находившиеся в строю эсминцы проектов 7 и 7У положено было по 30—130-мм химических выстрелов на ствол. То же самое — на строившихся лидерах проекта 48 и эсминцах проекта 30.

Для строившихся мониторов проекта 1190 «Хасан» для Амура и проекта СБ-57 «Шилка» для Днепра, соответственно 70 и 100—130-мм химснарядов.

Старые амурские мониторы типа «Ленин» имели по 70 химических 120-мм снарядов на корабль.

Монитор «Ударный» на реке Дунай — 60 химических 130-мм снарядов.

Монитор «Активный» на реке Амур — 90 химических 102-мм снарядов.

Канонерская лодка «Верный» Пинской флотилии — 115 химических 102-мм снарядов^[141].

На центральных складах ВМФ к началу войны хранилось 554 вагона с химическими боеприпасами^[142].

Тут следует заметить, что химбоеприпасами оснащались не только Красная армия и флот, но и соседи на востоке и западе. Так, среди затопленных судов польской Пинской флотилии было найдено два плавучих склада химических снарядов. А узнал я об этом из документации по подъему оных барж. Понятно, что о дальнейшей судьбе польских химснарядов в документах ЭПРОНа не говорилось.

Любопытный момент: советская пропаганда в конце 1930-х годов

вовсю обличала, и, замечу, не без оснований, агрессивность польской военщины. И вот, казалось, прекрасный аргумент — огромные запасы польского химического оружия. Пригласи иностранных корреспондентов, и пускай пальчиком потрогают, а можно и на сувениры по снаряду раздать. Мод готовили паны химическую атаку на первую в мире страну социализма, хоть ихний фюрер Пилсудский подписал соглашение о запрете использования химического оружия. Но увы, увы... Трофейное польское химическое оружие исчезло куда-то без следа

Но вернемся к советским химическим снарядам Перед войной шла доработка нового поколения корабельных химснарядов — ОХС и снарядов с жидким ОВ ударного действия. В 1941–1942 гг. были отработаны и испытаны 102-мм, 130-мм и 180-мм химснаряды ударного действия и изготовлено: 180/57-мм — 500 штук, 130/50-мм — 1000 штук, 102/60-мм — 100 штук Для перехода на валовое производство была подготовлена вся техническая документация.

Приказом наркома ВМФ за № 001100 от 18 апреля 1942 г. были приняты на вооружение осколочные химические снаряды, точнее, скомплектованные выстрелы, к пушкам калибра 102/60 мм (старые эсминцы и сторожевые корабли), 130/50 мм (новые эсминцы и лидеры) и 180/57 мм (новые крейсера проектов 26 и 26 бис).

Таблица 7

Распределение ОХС по флотам на 1 января 1943 г.

Снаряд	Завод-снаряжатель	Балтийский флот	Черноморский флот	Тихоокеанский флот	Северный флот	Центральные склады	Беломорская флотилия	Амурская флотилия
180/57 мм	№ 114	710	500	186	200	1000	100	—
130/50 мм	№ 56	4000	2446	—	940	2688	1260	500
102/60 мм	№ 56	501	—	501	—	3823	—	—

В принципе снаряженных химснарядов по сравнению с обычными во флоте имелось немного, но промышленность была готова произвести заполнение ОВ десятков тысяч снарядов буквально в течение нескольких дней.

Использование корабельных химснарядов планировалось в основном по береговым целям.

До сих пор в РФ официальные военные историки скрывают от населения то, что развитие отечественных минометов и неуправляемых снарядов, которые в просторечье именуют «катюшами», было обусловлено исключительно желанием вести массированную стрельбу химическими боеприпасами.

Впервые о прототипе «катюши» (БМ-13) было упомянуто 3 января 1939 г. в письме наркома оборонной промышленности Михаила Кагановича своему брату — заместителю председателя Совнаркома Лазарю Кагановичу: «В октябре 1938 г. автомобильная механизированная ракетная установка для организации внезапного химического нападения на противника в основном прошла заводские испытания отстрелом на Софринском контрольно-испытательном артиллерийском полигоне и в настоящее время проходит полигонные испытания на Центральном военно-химическом полигоне в Причернавской».

Обратим внимание, заказчики будущей «катюши» — военные химики. Финансирование работ тоже велось по линии Химуправлений, и, наконец, боевые части ракет исключительно химические.

132-мм химические снаряды РХС-132 были испытаны стрельбой на Павлоградском артиллерийском полигоне 1 августа 1938 г. Огонь велся одиночными снарядами и сериями по 6 и по 12 снарядов. Продолжительность стрельбы серией полным боезапасом не превышала четырех секунд. За это время района цели достигло 156 литров ОВ, что в пересчете на артиллерийский калибр 152 мм было равноценно 63 артиллерийским снарядам при стрельбе залпом 21 трехорудийной батареи или 1,3 артполка при условии, что огонь велся нестойкими ОВ. Испытания акцентировали внимание на то, что расход металла на 156 литров ОВ при стрельбе реактивными снарядами составлял 550 кг, в то время как при стрельбе химическими 152-мм снарядами вес металла составлял 2370 кг, то есть в 4,3 раза больше.

В отчете об испытаниях говорилось: «Автомобильная механизированная ракетная установка для химического нападения при испытании показала значительные преимущества перед артиллерийскими системами. На трехтонной машине установлена система, способная вести

как одиночный огонь, так и серией в 24 выстрела в течение 3 секунд. Скорость передвижения — обычная для грузового автомобиля. Перевод из походного в боевое положение занимает 3–4 минуты. Ведение огня — из кабины водителя или из укрытия.

БЧ одного РХС вмещает 8 л отравляющего вещества, а в артиллерийских снарядах аналогичного калибра — всего 2 л. Для создания мертвой зоны на площади 12 га достаточно одного залпа с трех грузовиков, что заменяет 150 гаубиц или 3 артполка. На дистанции 6 км площадь заражения ОВ одним залпом составляет 6–8 га».

Так родилась знаменитая «катюша». А наши славные историки свыше полувека вешали лапшу на уши читателям, доказывая, что с самого начала ее проектировали исключительно для стрельбы осколочно-фугасными снарядами.

Итак, есть вполне достаточно оснований предполагать, что в мае — июне 1942 г. в Крыму должна была начаться химическая война. Однако стремительное наступление германских войск сделало применение ОВ невозможным для обеих сторон.

ГЛАВА 14. ИТАЛЬЯНЦЫ В ФОРОСЕ, И НА СЕЙ РАЗ НЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ

Как уже говорилось, Гитлер был категорически против итальянского присутствия на берегах Черного моря. Однако неудачи немцев в Крыму заставили их обратиться к итальянцам 14 января 1942 г. итальянский адмирал Рикарди подписал с ними соглашение, в соответствии с которым «легкие итальянские силы» будут привлечены к содействию немецким ВМС на Ладого и Черном море. И действительно, на Ладого были переброшены итальянские катера MAS-526 ÷ 529.

На Черное море было решено послать 6 торпедных катеров MAS, 5 торпедных катеров типа MTSM, 5 взрывающихся катеров МТМ и 6 сверхмалых подводных лодок типа СВ. Командующим этими силами на Черном море был назначен капитан 1-го ранга Милебелли.

Как уже говорилось, супермарине в конце 1941 г. не справлялся со своими задачами на Средиземном море и физически не мог выделить хоть сколько-нибудь полноценных боевых кораблей на другие театры военных действий.

Совсем другое дело — штурмовые средства В предвоенное время им в Италии уделялось гораздо больше внимания, чем в любой другой стране. Что же представляла из себя итальянская экзотика?

В Италии, как и в СССР, в 1930-х годах увлеклись созданием малых скоростных катеров реданного типа И, как и у нас, «сапоги начал тачать пирожник». Только в роли Туполева выступил генерал авиации Амедео д'Аосга По его мнению, сразу же после начала военных действий следовало на летающих лодках доставить к базам противника маленькие быстроходные катера, несущие заряд взрывчатого вещества Эти катера после спуска их на воду должны были проникать в порт и производить атаку кораблей противника Атаку следовало прикрывать ударом авиации, отвлекающей внимание средств обороны.

По проекту герцога в 1936 г. на верфи «Baglietto» были построены два экспериментальных реданных глиссера МАТ водоизмещением около 1 тонны, миной 5 м, имевших скорость 32 узла По результатам их испытаний проект был доработан и получил название МТМ. В 1938–1941 гг. итальянцы построили 28 взрывающихся катеров этого типа (Сх. 9)

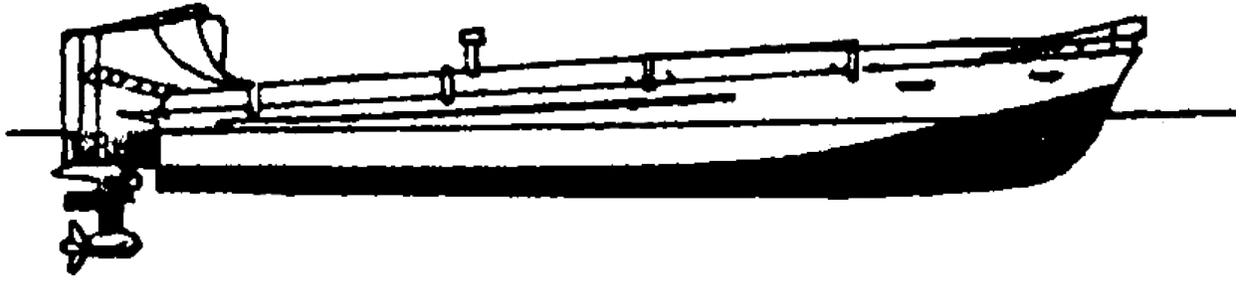

Схема 9. Итальянский взрывающийся катер МТМ

Катер МТМ имел водоизмещение 1 т, размер 5,6 х 1,9 м. Корпус катера представлял собой деревянный набор, обтянутый плотным брезентом. Катер снабжался бензиновым мотором мощностью 95 л с, который позволял развивать скорость до 33 узлов. Топлива хватало на 5 часов полного хода. Комбинированный винт-руль составлял внешний блок, как у подвесного мотора. При преодолении заграждений, чтобы не задеть их, он легко поднимался. В передней части катера находился заряд взрывчатого вещества весом в 300 кг с ударным и гидростатическим взрывателями.

Катером управлял один человек. Осторожно преодолев препятствия и противоторпедные сети, он определял курс к объекту атаки и наводил на него катер. Затем давал полный ход, закреплял руль и тотчас выбрасывался в море. Чтобы не быть в воде в момент взрыва, он быстро взбирался на спасательный деревянный плотик, служивший на катере заспинной доской.

Плотик этот водитель катера выбрасывал в море поворотом рычага, перед тем как покинуть катер.

Катер, продолжая свой путь, ударялся о цель, в результате чего взрывались пороховые заряды, расположенные кольцом вокруг корпуса катера, разрезая катер надвое. Кормовая часть отделялась от носовой и быстро тонула. В то же время носовая часть с основным зарядом, достигнув установленной глубины, равной осадке корабля, взрывалась под действием гидростатического давления. От взрыва в подводной части корабля образовывалась большая пробоина.

В ночь на 26 марта 1941 г. 6 катеров МТМ атаковали британские корабли в бухте Суда на острове Крит. Все катера успешно преодолели 3 ряда боновых заграждений и взорвали английский тяжелый крейсер «Йорк» и 3 торговых судна (водоизмещением 32 тыс т). Любопытно, что английские адмиралы, как позже и советские, попытались скрыть от собственного населения причины гибели крейсера, заявив, что его де-

потопила 22 мая 1941 г. германская авиация. На самом деле германские бомбардировщики лишь разворотили корпус «Йорка», лежавшего на грунте на небольшой глубине. Интересно и то, что все 6 водителей взрывающихся катеров сумели вовремя выброситься за борт и взобраться на плотики. Затем все они попали в плен к англичанам

На базе взрывающихся катеров МТМ фирмы «Baglietto» итальянцы в 1941–1942 гг. приступили к строительству сверхмалых торпедных катеров МТSM. Водоизмещение катера возросло с 1 т до 3 т, а длина достигла 7 м, ширина 2,3 м, осадка 0,6 м. Два бензиновых мотора общей мощностью 190 л.с. позволяли развивать скорость до 32 узлов. Дальность хода достигала 200 миль. Экипаж 2 человека. В кормовой части катера находился желобковый 45-см торпедный аппарат, из которого торпеда выбрасывалась назад, как в английских торпедных катерах Первой мировой войны и советских катерах Ш-4 и Г-5. При необходимости вместо торпеды в желобе можно было разместить две глубинные бомбы.

Итальянские торпедные катера типа MAS и подводные лодки типа СВ, посланные на Черное море, некоторые морские историки также относят к штурмовым средствам. Но на самом деле они занимали какое-то промежуточное положение между штурмовыми средствами и нормальными (например, германскими) торпедными катерами и подводными лодками.

Торпедные катера MAS-555—576 были построены той же фирмой «Baglietto» в 1941 г. Их стандартное водоизмещение составляло 27,8 т. Корпуса катеров были деревянные. Габариты, длина 18,7 м, ширина 4,6 м, осадка 1,4 м. Двухвальный бензиновый мотор «Изотто-Фраскини» мощностью 2300 л.с. позволял развивать скорость до 43 узлов. Запас бензина 1,25 т. При 42-узловом ходе дальность составляла 350 миль. Но на катерах были размещены и два бензиновых мотора «Альфа-Ромео» экономического хода мощностью по 80 л.с. Благодаря им при 6-узловом ходе дальность возрастала до 1100 миль, что было особенно важно в условиях Черного моря.

Вооружение состояло из двух 450-мм торпед, размещенных на торпедных аппаратах бугельного типа, как на наших катерах Д-3 и СМ-3. На корме имелся один 20/65-мм итальянский зенитный автомат. Вместо торпед катер MAS мог взять 10 глубинных бомб. Экипаж катера 13 человек. (Сх. 10)

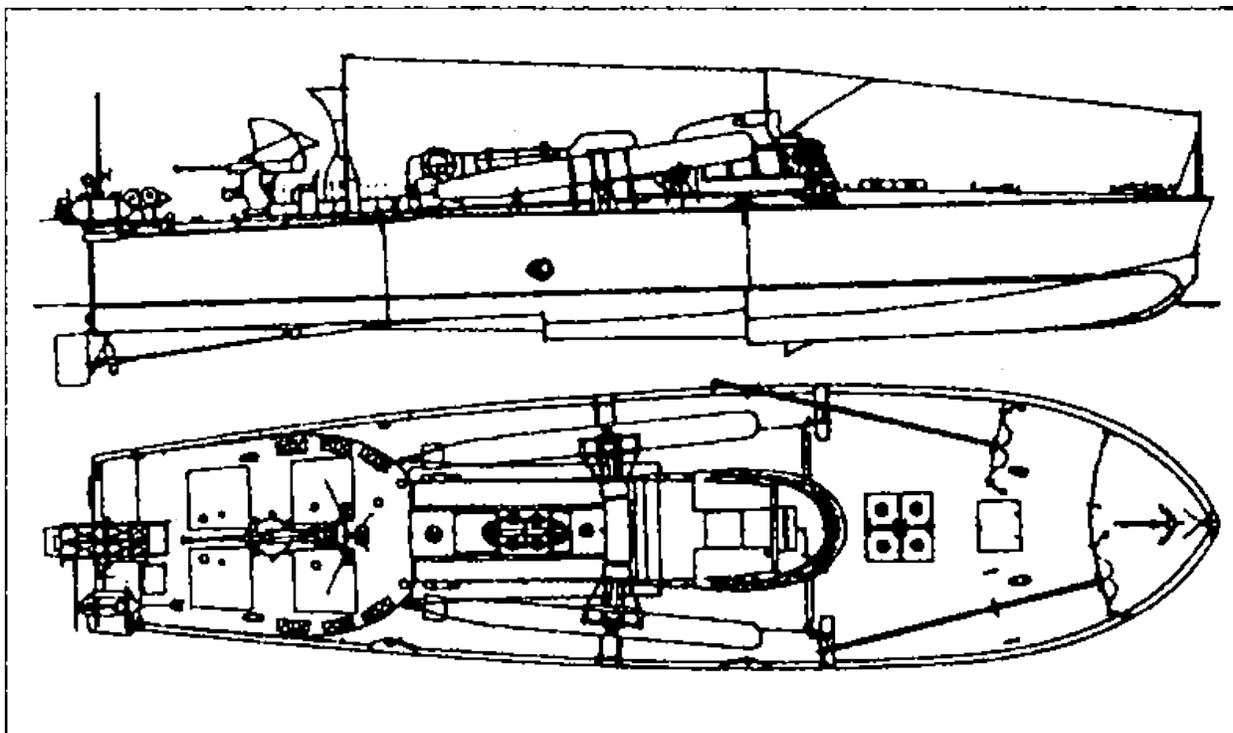

Схема 10. Итальянский торпедный катер MAS 235

Сверхмалые подводные лодки СВ-1 ÷ 6 были построены в 1941 г, фирмой «Капрони Талиедо» в Милане. Их надводное водоизмещение составляло 36 т, а подводное 45 т. Длина 15 м, ширина 3 м, а осадка 2,05 м. Надводный ход в 7,5 уз. обеспечивал дизель «Изотто-Фраскини» мощностью в 80 л с, а подводный ход в 6,5 уз. — электромотор «Браун Бовери» мощностью 50 л с. Дальность надводным 5-узловым ходом составляла 1200 миль, а подводным при 3-узловом ходе — 50 миль. Автономность 10 суток. Глубина погружения до 55 м. Экипаж 3–4 человека. (Сх. 11)

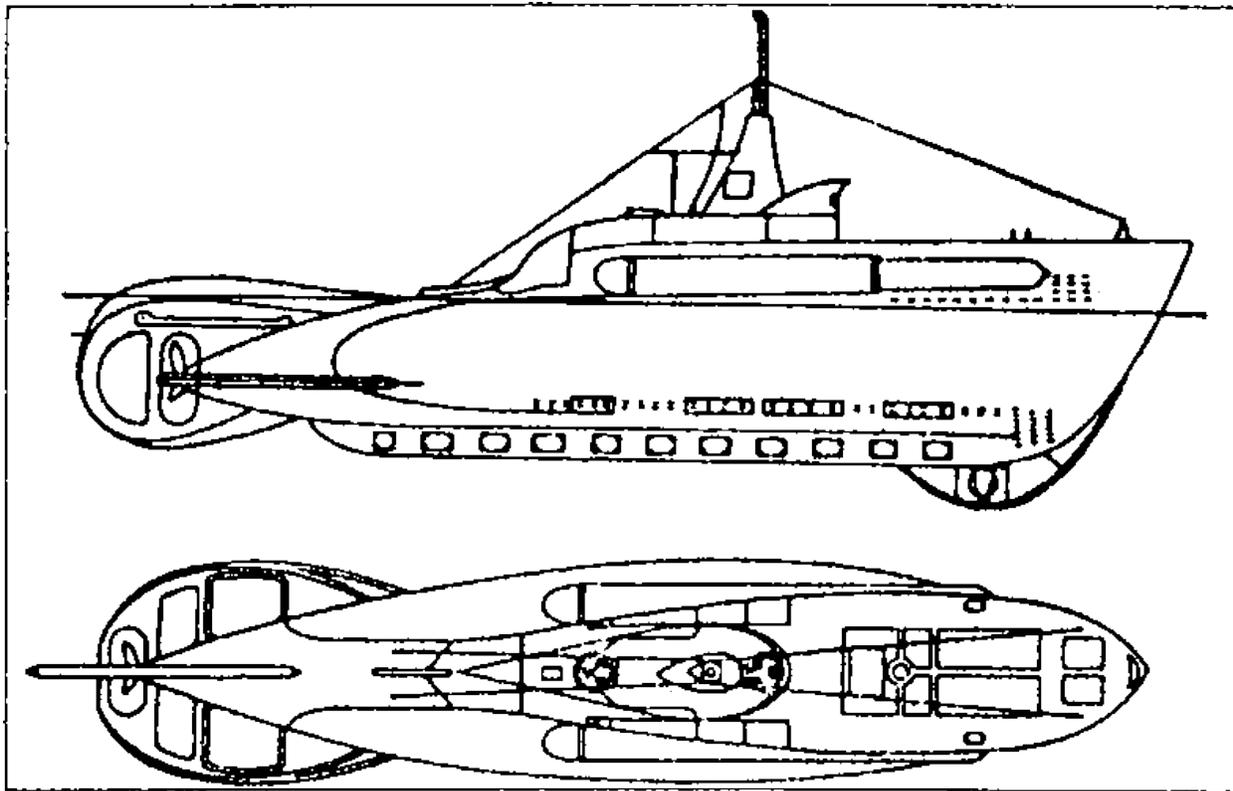

Схема 11. Итальянская сверхмалая подводная лодка типа СВ

Понятно, что всему этому «минифлоту» не нужен был проход через Проливы. Наоборот, морем они из Италии до Крыма вряд ли бы вообще дошли.

Все 6 подводных лодок типа СВ были погружены на железнодорожные платформы и с 25 апреля по 2 мая 1942 г. переправлены из Специи в Румынию в порт Констанца Там их спустили на воду и в течение месяца ввели в боевой состав. А уже из Констанцы они своим ходом перешли в Ялту.

5 июня 1942 г. в ялтинский порт прибыли подводные лодки СВ-1 (командир — капитан-лейтенант Лезен д'Астен), СВ-2 (лейтенант Руссо) и СВ-3 (лейтенант Соррентино). И июня в Ялту пришла вторая группа лодок СВ-4 (капитан-лейтенант Суриано), СВ-5 (капитан-лейтенант Фаророли) и СВ-6 (лейтенант Галлиано). Вся эскадра итальянских сверхмалых подводных лодок была размещена во внутреннем ковше порта и тщательно замаскирована

Шесть торпедных катеров типа MAS были перевезены из Италии по шоссе в Вену на специальных трейлерах. Из Вены их отбуксировали по

Дунаю до Черного моря, а там катера своим ходом пошли к берегам Крыма

А вот для транспортировки пяти торпедных катеров MTSM и пяти взрывающихся катеров MTM была организована специальная колонна Моккагатта 10-й флотилии. 6 мая 1942 г. адмирал-инспектор герцог Аймоне д'Аосга (родной брат Амедео — изобретателя взрывающихся катеров) лично проводил автоколонну Моккагатта. Катера MTSM разместили на специальных автоприцепах, буксируемых тягачами «666». Всего в колонне было 20 автомашин и тягачей, включая кран для подъема катеров. ПВО колонны осуществляли два 20-мм автомата, буксируемых автомобилем.

В штаты колонны вошли: капитан 3-го ранга Ленци, командир колонны и водитель штурмовых средств; капитан-лейтенанты Романс и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити — водители штурмовых средств; 14 унтер-офицеров, из которых 8 водителей штурмовых средств (Паскело, Дзана, Грилло, Монтанари, Феррарини, Лаваратори, Барбьери и Берти) и 29 младших специалистов и рядовых — всего 48 человек

Поначалу переброска колонн шла по железной дороге по маршруту Специя — Верона — Вена — Краков — Тернополь — Днепропетровск — Симферополь. 19 мая 1942 г. колонна выгрузилась из вагонов и своим ходом двинулась в Ялту, а оттуда — в Форос.

Итальянцы разместились на диком побережье, где через 50 лет будет построен дворец.

В помощь итальянцам немцы прислали роту саперов, и через несколько дней была оборудована оперативная база, а катера MTSM и MTM спущены на воду.

31 мая генерал-полковник Манштейн решил осмотреть итальянскую флотилию, дислоцированную в Ялте и Форосе. Начал он с Фороса Манштейна сопровождал Мимбелли и адмирал, командовавший германскими силами на Черном море. Главнокомандующему понравилась прекрасная погода и красивейшие дворцы южного берега Крыма. Проинспектировав базу в Ялте, Манштейн 4 июня^[143] решил проехать оттуда на катере MAS до Балаклавы и с моря осмотреть красоты Крыма

Эта приятная прогулка чуть не стоила генерал-полковнику жизни. Предоставлю слово самому Манштейну «На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас с солнечной стороны, а солнце было слепящим, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил гул их моторов. За несколько секунд из шестнадцати человек, находившихся на борту, семь было убито и ранено. Катер загорелся, это было крайне опасно,

так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам Командир катера, молодой лейтенант итальянского флота, держался прекрасно. Не теряя присутствия духа, он принимал меры к спасению катера и людей. Мой адъютант Пепо прыгнул в воду, доплыл, несмотря на мины, до берега, задержал там — совершенно голый — грузовик, помчался на нем до Ялты, вызвал оттуда хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала нас в порт. Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранено три матроса Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1-го ранга фон Бредов»^[144].

Кто же атаковал катер с Манштейном? В оперативных сводках авиации СОРа нет никаких упоминаний об атаках вражеских катеров с воздуха Но вот в 1968 г. в мемуарах Героя Советского Союза М.В. Авдеева оказалась глава под названием «Наш "личный друг" Эрих фон Манштейн».

По этому поводу историк Мирослав Морозов писал «Изложенное в ней вкратце сводилось к следующему, однажды утром Авдеев в паре с Данилко получили задачу разведать движение противника по ялтинскому шоссе. Разведав шоссе, летчики заметили идущий вдоль берега катер. "Он шел с большой скоростью. — писал Авдеев. — Насколько я знал, таких судов немцы здесь не имели. Значит — штабной". Затем летчики проштурмовали катер, а при возвращении на аэродром договорились никому об этом не говорить — якобы потому, что выполнение разведывательного задания категорически воспрещало им самим вступать в бой с кем-либо. Дальше еще интересней: Данилко рассказал о случившемся Катрову, а тот всем остальным В это же время якобы из радиоперехватов стало известно, что на атакованном катере находился сам Манштейн.

Все в этой истории ложь от начала до конца Во-первых, советским самолетам-разведчикам не запрещалось, а, наоборот, рекомендовалось атакывать цели, что, как мы писали ранее, регулярно делали пилоты разведывательных Пе-2. Во-вторых, ни до, ни после самолеты 3-й ОАГ не атакывали катеров у берегов Крыма Нельзя забывать, что немецко-итальянский флот в составе нескольких катеров и сверхмалых подводных лодок на Черном море появился только к концу мая 1942 г., в то время как ЧФ обладал десятками кораблей и катеров различного назначения. Увидев катер, летчики скорей всего подумали бы, что он советский — ведь в конвоях в Севастополь регулярно ходили сторожевые катера, торпедные катера использовались для несения дозорной службы и спасения экипажей сбитых самолетов. В-третьих, советская сторона в тот период не могла расшифровать радиосообщений немцев, кроме того, в документах 3-й ОАГ нет никаких упоминаний о подобном перехвате и атаке на катер с

Манштейном на борту.

В-четвертых, ни Манштейн, ни Авдеев не упоминают, в какой именно день произошло это событие. В "Боевой летописи ВМФ 1941–1942 гг." атака отнесена к 4 июня, в мемуарах К.Д. Денисова — к 5-му. Ответ на все эти вопросы проливает 11-й том официальной истории итальянского флота, вышедший в 1972 г. Там достаточно подробно освещаются действия итальянских сил на Черном море в 1942 г., но об этом инциденте нет ни слова. Только на 42-й странице, где дается таблица со всеми выходами катеров, можно узнать, что атакованным торпедным катером был "MAS 571", и это событие произошло 3 июня. Самое интересное написано в последнем столбце. Оказывается, что атаковавшие истребители... были немецкими... Манштейн решил не выносить сор из избы. Вместо этого 10 июня Рихтгофен отдал приказ, запрещающий самолетам VIII авиакорпуса атаки любых подводных лодок и катеров в пределах всей акватории Черного моря. На этот раз возмутился командующий немецкими военноморскими силами на Черном море вице-адмирал Вюрмбах. Он заявил, что ВМС союзников по "оси" не плавают по всему морю, а только в прилегающих к Крыму водах, и что он, наоборот, рассчитывает, что VIII авиакорпус примет самое активное участие в борьбе с кораблями, катерами и подводными лодками русских. После этого протеста 12 июня Рихтгофен изменил свое запрещение, конкретно указав, в каких именно водах плавают немецкие и итальянские катера. Тем не менее этот приказ привел к тому, что советские катера могли плавать к мысу Херсонес до последних дней обороны главной базы, подвергаясь опасности атак с воздуха только непосредственно у причалов мыса и у кавказских берегов»^[145].

С начала июня «почти каждую ночь в море для патрулирования на подступах к вражеским портам выходили 2–3 катера, а целыми днями приходилось заниматься ремонтом материальной части, исправляя повреждения, полученные в плавании и в частых столкновениях с противником. Люди занимались скромной и неприметной, но плодотворной деятельностью, достойной восхищения за ту самоотверженность, которая составляла отличительную черту всех членов этого боевого коллектива. Я ограничусь тем, что припомню наиболее примечательные эпизоды, в которых проявились твердая воля и боевой дух наших водителей штурмовых средств.

6 июня 5 наших торпедных катеров вышли в море на поддержку немецких штурмовых катеров, действующих против русского конвоя...»^[146]

Тут явно ошибка переводчиков. Никаких «штурмовых катеров» у немцев тогда в Крыму не было, видимо, имелись в виду германские самолеты. Советские же источники за 5–7 июля не содержат даже упоминаний об итальянских катерах. Видимо, они выходили в море, но не были обнаружены советскими кораблями или самолетами.

Опять даю слово князю Боргезе: «10 июня Массарини выпустил торпеду по русскому легкому крейсеру "Ташкент" в 3 милях к югу от Херсонесского мыса»^[147]. А в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» за 9—11 июня отмечены интенсивные атаки германской авиации, но ни слова не говорится ни об итальянских, ни о каких-либо других вражеских катерах. Что же касается лидера «Ташкент», то он 7 июня в 12 ч 00 мин прибыл в Батуми из Новороссийска, а убыл из Батуми лишь 18 июня в 9 ч 33 мин.

Вновь цитирую Боргезе: «11 июня Тодаро атаковал русский миноносец; 13 июня торпедный катер, управляемый Массарини и Грилло, дерзко атаковал с короткой дистанции большой теплоход водоизмещением 13 000 т, шедший под охраной миноносца и двух сторожевых катеров; выпущенная торпеда попала в цель, и поврежденный корабль выбросился на берег, где с ним покончили самолеты. Теплоход был гружен боеприпасами, предназначавшимися для Севастополя. Это была последняя попытка противника доставить осажденным то, в чем они так нуждались»^[148].

Сравним с «Хроникой...» за 13 июня: «В 3 ч 40 м транспорт "Белосток", в охранении базовых тральщиков "Трал" и "Взрыв" и трех сторожевых катеров, возвратился из Севастополя в Новороссийск.

На переходе в Севастополь эти корабли были неоднократно безрезультатно атакованы бомбардировщиками, торпедоносцами и торпедными катерами неприятеля. Между 19 ч 25 м и 20 ч 50 м 10 июня в 35 милях к зюйду от мыса Кикенеиз эти корабли были атакованы восемью Ю-88. Базовый тральщик "Трал" получил несколько осколочных пробоин. Между 23 ч 49 м 10 июня и 0 ч 30 м 11 июня на военном фарватере № 3 главной базы транспорт "Белосток" был атакован торпедными катерами противника, которые одновременно вели огонь по мостику базового тральщика "Взрыв".

При стоянке в Севастополе на этот транспорт было сброшено безрезультатно более 200 бомб.

На переходе из Севастополя в Новороссийск при выходе из военного фарватера № 3 главной базы транспорт "Белосток" был снова безуспешно

атакован вражескими торпедными катерами. В 10 ч 45 м 12 июня, в 90 милях к зюйду от мыса Меганом, он был атакован шестью торпедоносцами, сбросившими на него безрезультатно 12 торпед В 12 ч 08 м в 95 милях по пеленгу 165° от маяка Меганом был обнаружен перископ подводной лодки противника Базовый тральщик "Взрыв" и сторожевой катер № 0135 атаковали ее глубинными бомбами; на поверхности появились масляные пятна и воздушные пузыри»^[149].

Добавлю: тральщик № 413 16 июня находился в районе мыса Фиолент для встречи и проводки по фарватеру № 3 подходящих к Севастополю кораблей и судов. В 11 ч 15 мин тральщик был атакован двумя группами самолетов Ю-8 7 (по 15 самолетов в каждой группе). В корабль попали 3 бомбы. Тральщик перевернулся и затонул

Как видим, наши адмиралы, наставив мин у Севастополя, создали почти идеальные условия для действий германской авиации и итальянских катеров. Странно, почему они не получили соответствующих наград и пенсий от правительств ФРГ и Италии?

Но, несмотря на идеальные условия, итальянские катера 13 июня не попали ни в «Белосток», и в другой советский корабль. Чью же лодку забросал глубинными бомбами «Взрыв», выяснить не удалось. То ли это была итальянская СВ, то ли плод воображения командира тральщика.

По версии Боргезе: «18 июня катер под командованием Рома-но во время патрулирования у Балаклавы подвергся нападению двух русских сторожевых катеров, погнавших за ним Чтобы уйти от противника, он был вынужден все дальше и дальше уходить от берега. Так продолжалось до тех пор, пока не показались турецкие берега. Только когда русские по непонятным причинам отказались от преследования, катер смог вернуться в базу. В ту же ночь "были замечены две русские военно-морские шлюпки к югу от мыса Кикинеиз, с которыми экипажи двух катеров, т. е. Ленци-Монтанари и Тодаро-Пасколо завязали бой, обстреляв их из ручных пулеметов. Русские на шлюпках были вооружены пулеметами и автоматами. Бой на дистанции 200 м длился около 20 мин. Наши катера получили небольшие повреждения, а сержант Пасколо потерял при этом левую руку. В 5 ч 45 мин торпедные катера вернулись в базу"»^[150].

Об этих инцидентах в советских источниках упоминаний нет.

«29 июля 5 торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во взаимодействии с 6 немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Фиолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта,

который должен был высадиться в другом месте...

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец, один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху»^[151].

На самом деле в 3 часа ночи 29 июня посты наблюдения береговой обороны засекли 12 моторных шхун с десантом и 5 итальянских торпедных катеров, шедших из Ялты мимо мыса Айя к Георгиевскому монастырю и Мраморной балке. Батарея № 18 (четыре 152-мм пушки Кане) открыла по ним огонь с дистанции 35–40 кабельтовых (6,4–7,3 км). В течение 15–20 минут 9 шхун было потоплено, а трем шхунам вместе с торпедными катерами удалось уйти.

Князь Боргезе, видимо, «слышал звон, да не знал, откуда он». Действительно, в 2 ч 35 мин 19 июня немцы предприняли десант на шлюпках и катерах в Северной бухте Севастополя. Но зачем отвлекать советские батареи и корабли в 15 милях по прямой и примерно в 30–40 км по морю от места десанта? На самом же деле утром 19 июня немецкие сухопутные части обошли укрепления Балаклавы, прорвали оборону 9-й бригады морской пехоты и двинулись к мысу Фиолент. И немецкий морской десант на шхунах должен был нанести синхронный удар по защитникам мыса Фиолент (456-й пограничный полк), а не имитировать десант, как утверждает князь.

Далее Боргезе пишет: «1 июля во время штурма Балаклавы румынами, в результате которого город пал, 5 наших торпедных катеров вошли в порт, предотвратив отход противника морем

"В Балаклаве мы были встречены румынским полковником Димитреску и двумя ротами в полном вооружении. Нас угостили шампанским и луком"»^[152].

На самом деле наши войска сами отступили из района Балаклавы, и никаких кораблей или даже катеров в Балаклавской бухте не было.

30 июня в Форосе состоялась церемония награждения итальянских водителей катеров. Ленци, Романо, Куджа, Барбьери и Монтанари были награждены орденами (германскими Железными крестами 2-й степени) за проведенные боевые действия в море.

13 августа части колонны Моккагатта покинули Форос и направились в порт Феодосия для борьбы с советскими надводными кораблями и подводными лодками. И уже в ночь на 15 августа три итальянских катера

вышли на патрулирование в Феодосийский залив.

Утром 1 сентября оставшаяся часть колонны отправилась из Фороса в Ялту, где отдыхала в ожидании нового назначения.

Днем 21 сентября лейтенанты Массарини и Куджа загорали на ялтинском пляже недалеко от порта. Бархатный сезон был не хуже, чем на Аппенинском полуострове. В 13 ч 02 мин страшный взрыв разворотил пляж. Оба итальянца были засыпаны землей, а загоравшие рядом пять немецких офицеров разорваны в клочья. В Ялте заревела «воздушная тревога», но в безоблачном небе не было ни одного самолета.

Оказывается, командир подводной лодки «С-31» старший лейтенант Н.П. Белокуров подошел к ялтинскому порту и из подводного положения с дистанции 10 кабельтов (1830 м) пустил две торпеды по транспорту водоизмещением 1500 т, стоявшему у пирса. Но, увы, то ли перископ был кривой, то ли глаз, но торпеды пошли в другую сторону, и одна из них ударила по пляжу с «курортниками»^[153].

23 сентября колонна Моккагатта была отправлена в город Мариуполь на Азовское море, а далее предполагалось «итальянских путешественников» доставить на Каспийское море. Как писал Боргезе: «С 24 по 27 сентября^[154] колонна двигалась по следующему маршруту Ялта — Симферополь — Мелитополь — Мариуполь. "Часто во время марша наши машины по каким-то непонятным причинам переезжают гусей и кур, которых мои люди подбирают и затем варят вечером на отдыхе. Приглядевшись внимательно, я замечаю, к своему удивлению, что такая судьба уготована бедным птицам заранее, так как все они попадали под машины, уже будучи предварительно застреленными".

В Мариуполе начались обычные трения с союзниками, которые не хотели отвести приличного помещения для наших людей. Безрезультатные переговоры с немецким контрадмиралом Конт — "человеком в летах, не отличавшимся особыми качествами в интеллектуальном отношении, и, кроме того, тугим на ухо".

В конце концов последовал ультиматум Ленци, который угрожал немедленным возвращением всей колонны в Италию. Вскоре итальянским морякам было отведено одно из лучших зданий города, откуда выселили командование противотанковой артиллерией.

Группа, ослабленная наличием многих больных и гибелью рулевого Берти, умершего в госпитале от тифа, была пополнена прибывшими из Италии новыми водителями штурмовых средств — Волонтери и Чиравенья. Несколько месяцев она находилась в Мариуполе, ожидая того

момента, когда немецкие войска займут Кавказ. Время передышки было использовано на приведение в порядок материальной части, на которой сказались результаты предшествовавших напряженных действий, и на другие дела.

"25 октября. Организовав несколько налетов на окрестные кукурузные поля к величайшему неудовольствию сторожей, нам удалось обеспечить полентой [\[155\]](#) нашу колонну на всю зиму. Немного странно видеть, как наши моряки-водители штурмовых средств сидят в комнате и луцат кукурузу, как молодые крестьянские парни. Но ничего не поделаешь. Раз надо — так надо. Ходили мы и на ночную охоту за зайцами. За один раз мы добывали их от 13 до 17 штук. Полента и зайчатина стали официальной пищей колонны. Эти "операции" позволяют нам пополнять запасы продовольствия и не дают притупить способности... хорошо ориентироваться ночью".

С наступлением зимы военное счастье перешло на сторону русских. Немцы начали отступление по всему фронту. Это было то самое отступление, во время которого была уничтожена итальянская армия в России.

"Колонна Маккагатта" теперь уже под командованием Роллано (Ленци в декабре вернулся на родину в связи с новым назначением) оставила Мариуполь и морем отправилась в Констанцу. Исколесив всю Восточную Европу, преодолев трудности, которые легко себе представить, она в марте 1943 года снова вернулась в Специю, не потеряв ни одной машины и ни одного катера» [\[156\]](#).

Понятно, что речь здесь идет о катерах МТSM и МТМ. Как видим, итальянцам ни разу не удалось применить взрывающиеся катера МТМ по назначению.

Что же касается катеров MAS, то они непрерывно несли службу на Черном море. Всего в боевых действиях участвовало 10 катеров MAS № 566 № 575. Только с мая по июль 1942 г. катера MAS сделали 65 боевых выходов.

В ночь на 3 августа крейсер «Молотов» и лидер «Харьков» произвели набег на крымское побережье в районе Феодосии. При отходе советские корабли подверглись атаке итальянских катеров MAS-568, 569 и 573 и десяти германских торпедоносцев Хе-111 из авиагруппы 6/KG26. Всего немцами было сброшено 20 торпед. В 1 час 26 мин 3 августа крейсер «Молотов» получил попадание торпедой в корму. В результате взрыва кормовая часть крейсера отвалилась по 262-й шпангоут. Тем не менее

«Молотов» сумел дойти своим ходом до порта Поти. Другие советские корабли повреждений не имели.

По итальянской версии в крейсер попала торпеда, выпущенная капитаном Легиани с MAS-568. Германские же авторы Ровер, Хюммельхен и другие приписывают повреждение «Молотова» торпедой, сброшенной с Хе-111.

В советское время в официальных изданиях говорилось о торпедой, попавшей в крейсер, без упоминания о ее «национальности». Но в настоящее время ряд авторов, в том числе А.В. Платонов, однозначно считают злополучную торпеду германской.

Днем 9 сентября 1942 г. 8 советских бомбардировщиков ДБ-3 бомбили порт Ялта, который продолжал оставаться главной базой катеров MAS. Жертвой фугасок ФАБ-250 стали катера MAS-571 и MAS-573, а MAS-502, 504 и 572 получили повреждения.

12 мая 1943 г. к югу от банки Марии Магдалины торпедный катер MAS-572, уклоняясь от атак советских самолетов, столкнулся с MAS-566 и затонул.

20 мая 1943 г. действовавшая на Черном море итальянская 4-я флотилия была расформирована, и ее личный состав отправлен в Италию. Катера MAS-566, 567, 568, 569, 570, 574 и 575 были переданы немцам и получили названия S-501, 502, 503, 504, 505, 506 и 507 соответственно. Из них сформировали германскую 11-ю флотилию торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта Меера. Флотилия занималась в основном охраной конвоев между Анапой и Крымом и базировалась в Анапе.

Летом 1943 г. катер S-505 был потоплен. 27 мая 1943 г. затонул в Феодосийском порту в результате столкновения торпедный катер S-507, позже он был поднят и 10 октября 1943 г. исключен из списков флота. 20 августа 1943 г. катера S-502, S-503 и S-504 переданы Румынии. 10 октября 1943 г. в порту Феодосия немцы передали румынам оставшиеся катера S-501 и S-507. Бывшие итальянские катера 25 августа 1944 г. были затоплены в Констанце.

Итальянские сверхмалые подводные лодки базировались первоначально на Ялту и использовались как обычные подводные лодки против советских кораблей, пытавшихся прорваться в Севастополь. Так, 26 июня 1942 г. подводная лодка «С-32» в ходе очередного рейса Новороссийск — Севастополь в районе мыса Айтодор была потоплена подводной лодкой «СВ-3». Всего с мая по июль 1942 г. подводные лодки СВ сделали 24 боевых выхода.

В ночь на 13 июня 1942 г. торпедный катер Д-3 (командир старший лейтенант ОМ Чепик) подошел к молу ялтинского порта и выпустил одну торпеду по барже водоизмещением 600 т, которая была принята за брандвахтенное судно. Затем катер поставил дымовую завесу и лег на циркуляцию для повторной атаки. Однако из-за сильного огня немцев вторая торпеда выпущена не была, и Д-3 ушел полным ходом

Вместе с баржей была потоплена и подводная лодка «СВ-5». На лодке погиб ее командир капитан-лейтенант Фаророли. О гибели лодки советские моряки и историки узнали лишь после 1959 г.

С конца 1942 г. итальянские подводные лодки СВ базировались на Севастополь.

Между июнем и августом 1943 г. итальянские подводные лодки из Севастополя сделали 21 выход в море.

В ночь на 26 августа 1943 г. итальянская подводная лодка «СВ-4» под командованием капитан-лейтенанта Армандо Сибилле южнее мыса Тарханкут в Каламитском заливе потопила советскую подводную лодку «Щ-203». История сия довольно запутанная. «Щ-203» последний раз вышла на связь с базой 24 августа По итальянской версии «СВ-4» находилась в надводном положении, когда в 400 м была обнаружена всплывшая советская подводная лодка, которая, запустив дизеля, начала движение в сторону «СВ-4». Сибилле застопорил ход, и советская лодка прошла от итальянской буквально в 50–60 м На мостике ясно был виден человек, вглядывавшийся в даль. Оставшись за кормой у советской подводной лодки, «СВ-4» описала циркуляцию и, заняв выгодную позицию, с 800 м выпустила торпеду, но торпеда прошла левее. Немедленно была выпущена вторая торпеда, и она через 40 секунд попала перед рубкой советской подводной лодки. Поднялся высокий столб воды, раздался взрыв, и подводная лодка исчезла.

Однако в «Справочнике потерь..» приводится иная версия: «По румынским данным, в 20 ч 45 мин 29 августа западнее мыса Лукулл катерами-охотниками "Ксантен" и "UG-2303" была обнаружена находившаяся в надводном положении подводная лодка Катера атаковали и, по всем признакам, потопили ее. Возможно, это была Щ-203, которая вследствие ошибки в счислении могла оказаться вне района своей позиции»^[157]. Там же приведены координаты гибели «Щ-203»: ш. = 45°18',7; д = 32°48',6.

На мой взгляд, наиболее вероятна итальянская версия, но нашим адмиралам показалось более пристойным потерять «Щ-203» в результате атаки кораблей ПЛО, пусть хоть и румынских, чем от маленькой итальянки.

В конце 1949 г. подводная лодка «Щ-203» была обнаружена на грунте. Корпус ее был почти перебит. В 1950 г. ее подняли и отвели в Севастополь.

В сентябре — октябре 1943 г. итальянские лодки СВ были переданы Румынии и перебазировались в Констанцу. Румыны освоить их так: и не смогли, но довели материальную часть «до ручки».

30 августа 1944 г. советские моряки обнаружили в Констанце вытасченные на стенку у причала подводные лодки СВ-1, 2, 3 и 4. Лодка «СВ-6» к тому времени погибла 20 октября 1944 г. эти четыре лодки были зачислены в состав Черноморского флота и получили названия ТМ-4, 5, 6 и 7 (ТМ — трофейная малая). Однако 16 февраля 1945 г. «ввиду непригодности к дальнейшему техническому использованию» эти лодки были исключены из боевого состава Черноморского флота. При этом «ТМ-4» сразу же пустили на лом, «ТМ-6» и «ТМ-7» передали в отдельный учебный дивизион Черноморского флота, а «ТМ-3» по железной дороге отправили в Ленинград для изучения в КБ судостроительных заводов.

Возможно, теперь у кого-то из читателей возникнет вопрос, а где был в это время германский флот? К июню 1942 г. немцы уже имели на Черном море десятки малых транспортных и сторожевых судов. Они интенсивно участвовали в перевозках грузов на коммуникациях Констанца — устье Дуная — Варна — Стамбул и Констанца — устье Дуная — Одесса, но непосредственно в боях за Севастополь не участвовали.

В конце марта 1942 г. началась переброска шести малых подводных лодок II серии из Киля по Эльбе и Дунаю. Однако первая германская подводная лодка вышла в боевой поход лишь в ноябре 1942 г. А последняя лодка (U-20) пришла в Констанцу в июле 1943 г.

Первые два торпедных катера (S-26 и S-28) были доставлены по шоссе и по Дунаю в Констанцу к 1 июня 1942 г.

Самое забавное, что первыми судами, участвовавшими в боях с советским флотом, стали не итальянские или германские, а... хорватские. Первые 130 моряков из Хорватского морского легиона прибыли в болгарский порт Варну 19 июня 1941 г., то есть еще до начала войны. Еще 138 человек прибыли в Варну в августе 1941 г. 22 сентября первые легионеры, закончив обучение, выехали из Варны через Бухарест в Николаев, куда прибыли 30 сентября. Вскоре они выехали на побережье Азовского моря в Геничesk Там хорватские моряки получили свои первые плавсредства: шесть бывших советских рыболовецких судов водоизмещением 10–20 т, захваченных немцами.

К весне 1942 г. Хорватский морской легион имел в своем составе 45 плавсредств из захваченных советских рыболовецких судов, буксирных и

вспомогательных катеров и нескольких немецких мотоботов. В марте 1942 г. шесть хорватских судов участвовали в сражениях в Керченском проливе.

Серьезного значения Хорватская флотилия, естественно, не имела, но уже самим фактом своего существования портила нервы нашим флотоводцам.

ГЛАВА 15. МОРТИРА — ОТ СЛОВА «СМЕРТЬ»

Итак, танки в борьбе за Севастополь в 1941–1942 гг. сыграли совсем незначительную роль. Исход же этого великого сражения решил Бог войны — артиллерия.

В ходе Великой Отечественной войны произошли два самых крупных в истории человечества артиллерийских сражения — под Ленинградом и под Севастополем. Причем оба сражения не получили достаточного отражения в целом океане трудов наших военных историков, мемуаров генералов и адмиралов, художественной литературы и тд. Писано и переписано о героях-политруках и в целом о роли партии, о гениальных военачальниках Жукове, Кузнецове, Октябрьском и др., наконец, о танках, самолетах... А об артиллерии — так, вскользь.

До 1991 г. везде утверждалось, что Ленинград спасли коммунисты. Теперь кое-кто утверждает, что Питер спасла... интеллигенция. Причем подразумевается антисоветски настроенная ее часть.

Увы, в обоих случаях дело решили «большие пушки». И под Ленинградом, и под Севастополем у нас был огромный перевес над противником в корабельной и береговой артиллерии. Так почему же мы отсталяли Ленинград и сдали Севастополь?

Причин тут несколько.

Во-первых, не нашлось умников, предложивших вывозить из Кронштадта и Ленинграда боезапас, зенитную артиллерию, средства связи и тд.

Во-вторых, корабли с мощным артиллерийским вооружением так и остались в Ленинграде и Кронштадте, а не ушли, как в Севастополе. При том, что германских бомбардировщиков под Ленинградом было существенно больше, чем в Крыму, и что Ленинград и Кронштадт полностью простреливались дальнобойной артиллерией противника, потери и повреждения кораблей Балтийского флота в ходе 900-дневной блокады были сравнительно невелики. Из крупных кораблей «смертельные» повреждения получили только линкор «Марат» и крейсер «Петропавловск». Да и то они продолжали использоваться в качестве плавбатарей, точнее, фортов, стоявших в воде, и успешно вели огонь по немцам из орудий главного калибра.

Причиной столь малых потерь было умелое применение маскировки, грамотное использование зенитного огня и истребителей. Риторический вопрос, кто мешал Октябрьскому держать побольше истребителей в Севастополе, благо, до его падения люфтваффе абсолютно не интересовали ни Потти, ни Батуми, где дислоцировались десятой истребителей Черноморского флота и еще больше истребителей ПВО страны. В Севастополе хватало недостроенных и поврежденных кораблей. Так кто мешал из них сделать макеты боевых кораблей в качестве приманки для вражеской авиации? А для пущего сходства там можно было установить и 45-мм установки 21 К, которые периодически обстреливали бы самолеты. Даже румыны, и те из буксиров делали макеты мониторов на Дунае.

Отвлечемся на секунду к событиям двадцатилетней давности. В ноябре 1920 г. Врангель увел в Бизерту все боееспособные корабли Черноморского флота. В Севастополе остались лишь броненосцы «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Потемкин» и «Три Святителя»^[158]. В 1919 г. наши заклятые союзники англичане, дабы эти броненосцы не достались ни белым, ни красным, взорвали их машины.

В 1921 г. наши военморы во главе с командующим Черноморского флота Э.С. Панцержанским осмотрели эти четыре мощных броненосца и сделали резонный вывод — восстановить их дороже, чем строить новые суда. Зато артиллерия броненосцев была в полном порядке, а на складах Морского ведомства и на Обуховском сталелитейном заводе хранились десятки новых тел 305/40-мм пушек и тысячи снарядов к ним. Соответственно, был сделан вывод эти четыре броненосца следует превратить в стационарные батареи береговой обороны. В первом случае их следовало, частично притопив, посадить на мель, насыпать у бортов большой слой грунта, затем забетонировать борта и палубы, а также установить дополнительную броню на крыше башен. В таком случае артиллерия броненосцев по живучести не уступали бы 305-мм батареям № 30 и № 35 в Севастополе и такой же башенной батарее на форту «Красная Горка» («Краснофлотский») в Кронштадтской крепости. Немцам было крайне трудно справиться с батареями № 30 и № 35, а батарея на «Красной Горке» вела огонь в течение всей обороны Ленинграда и так и не была повреждена противником, несмотря на его отчаянные усилия.

Надо ли говорить, что четыре броненосца, обращенные в форты с их шестнадцатью 305-мм и десятками 203-мм и 152-мм пушек, могли сыграть огромную роль при обороне Севастополя или Днепро-Бугского лимана. Средства на их переоборудование требовались ничтожные. Но тогдашний председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий выступил против инициативы

моряков-черноморцев. В результате все броненосцы пошли на лом в 1922–1923 гг.

Соответственно, и в 1941 г., если бы на Черноморском флоте и в Москве понимали, что Севастополь — ключ к Черному морю, можно было бы в крайнем случае, превратить линкор «Парижская Коммуна» в непотопляемый форт в Севастополе. Благо, после сдачи города сей линкор не сделал ни одного выстрела по противнику и всю войну отстаивался в Поти и Батуми.

Теперь перейдем к третьему решающему фактору — рельефу местности. Под Ленинградом местность равнинная, благоприятствующая действию современных дальнобойных пушек (корабельных, береговых, железнодорожных и даже полигона Ржевка). А под Севастополем гористая местность, резко снижающая эффективность настильного огня дальнобойных пушек, а решающее действие имели орудия навесного боя — мортиры. Кстати, немцы под Севастополем не использовали буксируемые и стационарные пушки калибром свыше 190 мм Манштейн сделал ставку на мортиры и победил

Итак, Широкоград опровергает всех советских историков? На каком основании? Придется перейти к конкретным фактам

Вспомним военную историю. В 1854–1855 гг. в Севастополе русская артиллерия по числу пушек существенно превосходила союзную артиллерию, но те имели перевес в мортирах, то есть орудиях навесного огня. К моменту падения Севастополя против укреплений его Южной стороны союзниками было сосредоточено 638 орудий, из них 205 мортир. У нас на укреплениях Южной стороны имелось 1259 орудий, из которых мортир было только 61! Исход хорошо известен.

В 1904 г. в Порт-Артуре крепостная артиллерия в несколько раз превосходила японскую в тяжелых пушках. Кроме того, в обороне участвовали броненосцы и крейсера русской эскадры. Японская же корабельная артиллерия в боях за Порт-Артур практически не участвовала. Но дело решили 280-мм мортиры японцев. Они разрушили главные форты русских и потопили броненосцы (кроме «Севастополя») в гавани Порт-Артура.

Через 10 лет, в 1914 г., японские мортиры сыграли решающую роль в падении хорошо укрепленной германской морской крепости Циндао.

А нашим адмиралам все уроки не впрок — ни с мортирами, ни с сухопутными укреплениями Севастополя, который в 1855 г. и в 1918–1920 гг. брали с суши 5 раз (!) и ни разу с моря. Тем не менее к 22 июня 1941 г. Севастополь не был укреплен с суши, а самыми большими

орудиями навесного огня в нем были 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20 и 155-мм французские гаубицы. Это 155/15-мм/клб гаубицы обр. 1917/38 г, созданные в 1917 г. фирмой Шнейдер и позже модернизированные поляками. Гаубицы стреляли снарядами весом 40 кг и 43,5 кг, максимальная дальность составляла 11,2 км. К 1 ноября 1939 г. в польской артиллерии имелась 341 такая гаубица. Часть из них была захвачена Красной армией. И вот 13 гаубиц продолжили войну под Севастополем.

Советская реактивная артиллерия под Севастополем почти не применялась. Единственное исключение представлял 3-й гвардейский дивизион 8-го гвардейского полка РВГК, доставленный в Севастополь 31 декабря 1941 г. на транспорте «Чапаев». В составе дивизиона было 12 пусковых установок 82-мм снарядов М-8. Сразу по прибытии дивизион был направлен в район деревни Дергачи.

Попробую оценить артиллерийское вооружение СОРа к 15 ноября 1941 г. чисто формально. Как уже говорилось, всего имелось шестнадцать 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 и семнадцать гаубиц калибра 152–155 мм, 36 — 122-мм гаубиц и 24 — 107-мм пушки.

Для сравнения, корпусный артиллерийский полк (3-го типа) перед войной имел по штату 24 гаубицы-пушки МЛ-20 и 24 — 122-мм и 107-мм пушки. По штату к 1941 г. в составе обычной стрелковой дивизии было положено иметь 12 — 152-мм гаубиц, а также 40 — 122-мм гаубиц.

Таким образом, вся артиллерия Севастополя (без стационарных береговых батарей) по своей мощи в полтора-два раза уступала мощи одной стрелковой дивизии, усиленной одним корпусным артиллерийским полком.

В ходе обороны Севастополя морем было доставлено некоторое количество 45-мм и 76-мм орудий, но орудия среднего калибра почему-то в Севастополь не поступали.

Особенно был слаб навесной огонь севастопольских орудий. Многочисленные мортиры и гаубицы немцев были упрятаны в лощинах и оврагах, а наши мощные береговые пушки были способны поразить любую цель на море на расстоянии в 30 и более километров, но ничего не могли сделать с мортирой на дистанции в 5–6 км.

Рельеф местности спас Ленинград, позволив морской (корабельной, железнодорожной и береговой) артиллерии расстреливать на дистанции до 40 км любую цель. А под Севастополем рельеф местности существенно уменьшал роль береговой и корабельной артиллерии.

Возникает вопрос, а что, у нас к 22 июня 1941 г. не было тяжелых гаубиц и мортир? Были и немало! Новых 203-мм гаубиц Б-4 было 849 штук,

280-мм мортир обр. 1914/15 г. было 25, а новых обр. 1939 г. — 47.

В первые недели войны нужды у Красной армии в тяжелых гаубицах и мортирах не было, и их срочно отправили в тыл. До зимы 1941 г. было потеряно лишь 75 гаубиц Б-4, да и то не столько от огневого воздействия противника, сколько из-за халатности личного состава и отсутствия тягачей (их попросту бросали). Но за тот же период от промышленности было получено 105 гаубиц Б-4, и их общее число в Красной армии возросло до 879.

С 203-мм гаубичными снарядами ситуация была просто превосходная. К 22 июня 1941 г. имелось 395 тысяч таких снарядов. В 1941 г. было утрачено 66 тыс снарядов, а получено от промышленности 166 тыс снарядов.

Весной 1942 г. нужды в гаубицах и мортирах большой и особой мощности не было ни на одном фронте, кроме Севастополя и Ленинграда

В Закавказском военном округе к началу войны имелось 56 гаубиц Б-4 и 95 гаубиц находилось на Дальнем Востоке. Неужели хоть оттуда их нельзя было взять под Севастополь? Но, увы, не только 203-мм гаубицы, но и даже 152-мм гаубицы в Севастополь так и не были отправлены.

В конце концов, если армейское командование берегло свои орудия большой мощности для будущих боев, то почему нельзя было отправить под Севастополь старые системы, изготовленные до 1917 г. Благо, в позиционной войне все сойдет. В частности, на складах к началу войны имелось: 92—152-мм гаубицы Виккерса, 50 — 203-мм английских гаубиц марки VI, 25 — 280-мм мортир обр. 1914/15 г. фирмы Шнейдер и тд.

О том, как из Севастополя вывозились боеприпасы, я уже писал и думаю, к этому не стоит возвращаться.

А теперь попробую сравнить нашу артиллерию с германской. В ноябре 1941 г. Манштейн попытался взять Севастополь с наскока, но вскоре убедился, что только с артиллерией большой и особой мощности можно взять город.

Весной 1942 г. немцы доставили под Севастополь два минометных полка — 1-й тяжелый минометный и 70-й минометный, а также 1-й и 4-й минометные дивизионы. На вооружении 70-го минометного полка были шестиствольные установки 15-см Nr.W.41. Полк имел трехдивизионный состав, в каждом дивизионе по 3 батареи, в каждой батарее по 6 пусковых установок. Таким образом, полк одновременно мог выпустить 324—38-кг осколочно-фугасные мины.

Тут стоит заметить, что наши военные историки, не говоря уж о литературной братии, всячески шатаются принизить боевые возможности

германских 15-см шестиствольных минометов — «иванов», как их называли наши солдаты, перед 132-мм реактивными снарядами М-13 («катюша»). На самом деле это было очень эффективное орудие, а кучность германских снарядов была намного лучше, чем у М-8 и М-13. Другой вопрос, что немцы не могли позволить себе роскошь сосредотачивать десятки, а то и сотни пусковых установок 15-см Nr.W.41 на 1 километр фронта, как это делало советское командование в 1943–1945 гг.

Любопытно, что в 1950–1953 гг. 15 см Nb.W 41 применялся корейскими и китайскими войскам в ходе Корейской войны, и по оценке советских специалистов^[159] шестиствольные минометы хорошо показали себя, в то время как 132-мм реактивные снаряды М-13 и их пусковые установки БМ-13Н действовали неудовлетворительно.

У немцев в Крыму 1-й тяжелый минометный полк был оснащен пусковыми установками рамочного типа, стрелявшими 28-см фугасными снарядами весом 82 кг и 32-см зажигательными снарядами весом 127 кг. При попадании 28-см фугасного снаряда в каменный дом последний полностью разрушался.

При стрельбе 32-см миной по лугам с сухой травой, лесу и тд. единичное попадание вызывало горение на площади до 200 кв. м с пламенем до 2–3 м по высоте, прямые попадания мин валили 30—40-см деревья и могли их поджечь. Для одновременного поджигания площади в один гектар было необходимо попадание 50 мин.

При одиночном попадании 32-см зажигательной мины в дом она пробивала стену и крышу дома и воспламеняла домашнюю утварь или другие горючие материалы (сено, доски, дрова и др.). Горящая нефть (50 л) разбрызгивалась по фронту 20–25 м, в глубину на 10–15 м и по высоте на 2–3 м, оказывала соответствующее моральное действие и обжигала незащищенные части тела, матерчатая одежда пропитывалась горящими каплями нефти и воспламенялась.

Тяжелых пушечных батарей у Манштейна было немного. Наиболее мощными пушками были трофейные французские 19,4-см К.485(f) весом 29,6 т, вес снаряда 78 кг, дальность стрельбы 20,8 км. Пушки же германского производства имели калибр 15 см и 10,5 см.

Куда лучше была представлена артиллерия навесного боя — гаубицы и мортиры. Немцы стянули к Севастополю 10 батарей тяжелых 15-см гаубиц четырехорудийного состава и 6 батарей трехорудийного состава 21-см мортир обр. 18 (вес снаряда 113 кг, дальность стрельбы 16,7 км).

Более мощные установки были представлены под Севастополем в нескольких, а то и в одном экземпляре. Среди них:

28-см гаубица HL/12, изготовленная Круппом еще до Первой мировой войны. Вес ее снаряда 350 кг, начальная скорость снаряда 376 м/с, дальность стрельбы 11 км.

Несколько чешских 30,5-см мортир Mrs(t), созданных фирмой «Шкода» еще в годы Первой мировой войны. Вес снаряда 384 кг, дальность стрельбы 11 км.

Несколько 35,5-см гаубиц-мортир М-1, изготовленных в конце 1930-х годов фирмой «Рейнметалл». Вес снаряда 575 кг, начальная скорость снаряда 570 м/с, дальность стрельбы 20 км.

Одна 42-см мортира «Гамма», изготовленная фирмой Круппа в 1906 г. Вес бетонобойного снаряда 1020 кг, начальная скорость 452 м/с, дальность 14,2 км (В отдельных случаях изготавливались и более тяжелые бетонобойные снаряды весом 2200 кг.) «Гамма» выпустила по Севастополю 188 снарядов.

Одна 42-см гаубица Н (t), изготовленная в 1917 г. на заводе «Шкода». Вес ее снаряда 1020 кг, начальная скорость 435 м/с, дальность 14,6 км.

Наряду со старым, но грозным оружием немцы послали под Севастополь и сверхсекретные новинки. В их числе были две 60-см самоходные мортиры фирмы «Рейнметалл», названные «Карлом» в честь генерала Карла Беккера Каждая установка имела имя собственное. (Сх. 12); (Сх. 13)

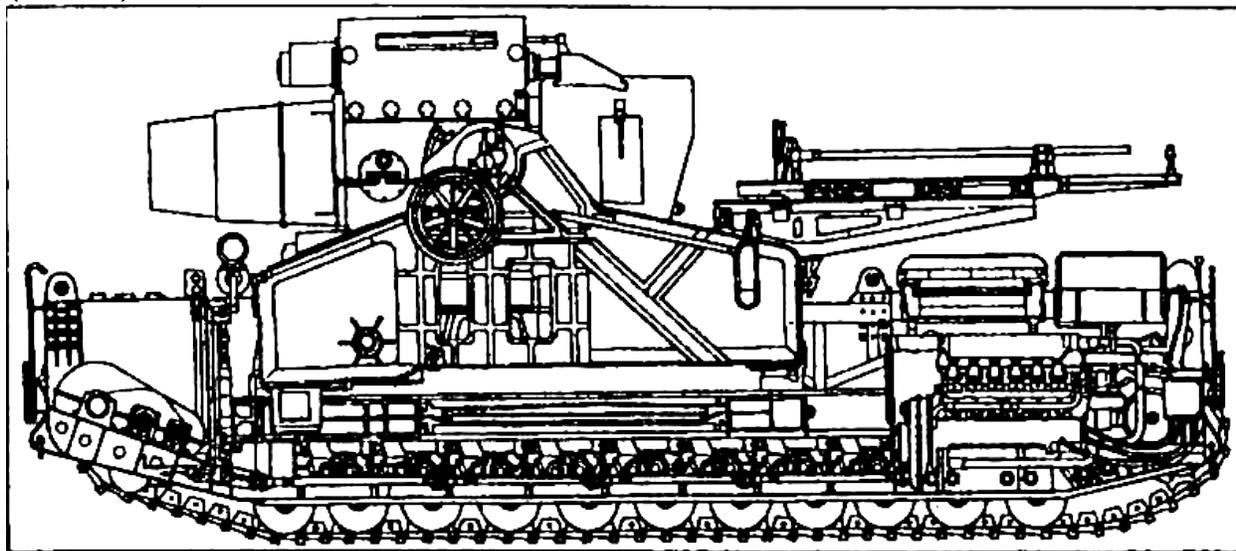

Схема 12. 60-см самоходная мортира

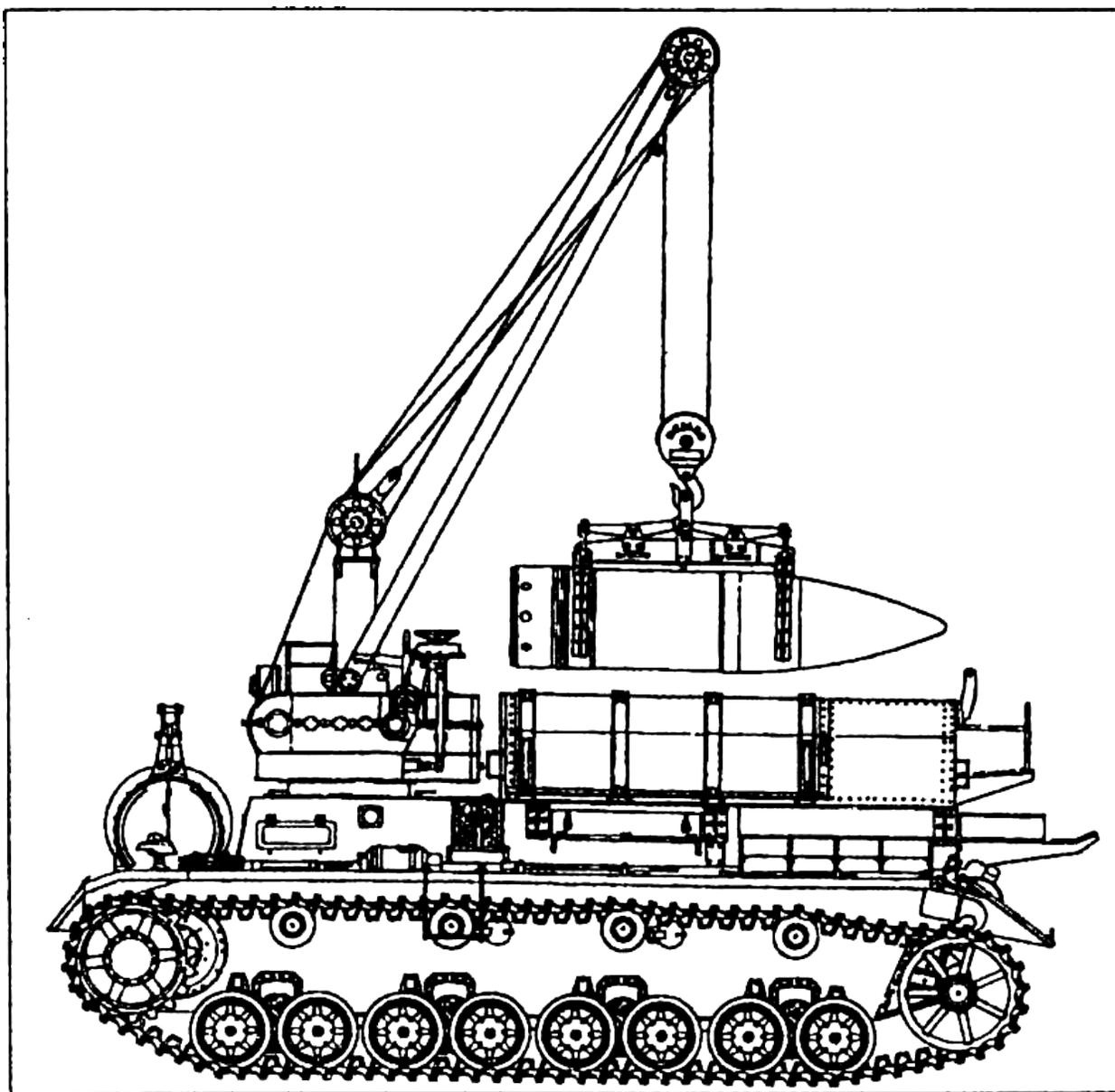

Схема 13. Гусеничный транспортер снарядов на базе танка Т-Р/для 60-см мортиры

Максимальный угол возвышения установки «Карл» составлял 70° , что позволяло вести огонь с закрытых позиций, недосягаемых для артиллерийского огня противника. Вес установки вместе с шасси 120 т. Установка имела легкое бронирование толщиной 13 мм. Скорострельность составляла 1 выстрел за 5–6 минут. Максимальная скорость передвижения 10 км/ч. В боекомплект 60-см мортиры входили тяжелый и легкий бетонобойные снаряды весом 2170 кг и 1700 кг соответственно. Тяжелый

снаряд содержал 348 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы им составляла 4500 м, а легкий снаряд—280 кг и 6640 м соответственно.

Весной 1942 г. 60-см мортиры «Один» и «Тор» были доставлены под Севастополь. Они выпустили по Севастополю 172 тяжелых бетонобойных и 25 легких бетонобойных снарядов. Снаряды были велики, а их скорость — мала (220 м/с и 283 м/с), так что защитники города хорошо видели их в полете и поначалу принимали за тяжелые реактивные мины.

4 июня 1942 г. Октябрьский записал в дневнике: «Неприятную весть передали: 16-дюймовым снарядом выведена из строя одна башня ББ-30 [береговая батарея № 30]. Башня получила прямое попадание, снаряд пробил крышу брони.

Сообщили, что обнаружен невзорвавшийся снаряд у ББ-30, длина его 2 метра, диаметр более 600 мм Что-то фантастическое, проверяют».

Филипп Сергеевич доложил о снаряде в Москву. Из Москвы ответили, что таких орудий у немцев нет и быть не может, а севастопольское начальство обвинили в паникерстве. Лишь фрагменты снарядов, доставленные в Москву самолетом, убедили тыловых скептиков.

Вообще говоря, наши артиллеристы и после войны имели весьма смутное представление о германской тяжелой артиллерии. Так, в секретном труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны», среди авторов которого аж 5 маршалов артиллерии и 8 генерал-полковников, утверждается, что под Севастополем у немцев было: «30 артиллерийских полков, две батареи осадной артиллерии, дивизион реактивных минометов и батарея 615-мм мортир, установленных на железнодорожных транспортерах»^[160]. Оставляю сей пассаж без комментариев.

Немцы доставили под Севастополь три 280-мм железнодорожные установки типа «Бруно». Вообще говоря, у немцев имелось 4 типа железнодорожных установок «Бруно»: «Короткий Бруно» (28 cm Kz.Vr.K. (E)), «Длинный Бруно» (28 cm lg.Vr.K(E)), «Тяжелый Бруно» (28 cm schw.Vr.K(E)) и «Новый Бруно» (28 cm Vr.KN(E)). К какому типу относились три установки, доставленные под Севастополь, к сожалению, выяснить не удалось. (Сх. 14); (Сх. 15)

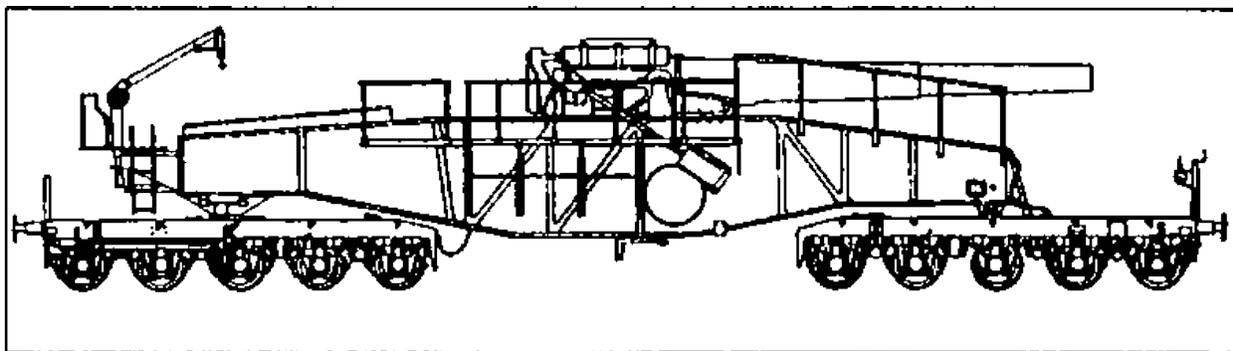

Схема 14. 28-см железнодорожная установка «Тяжелый Бруно»

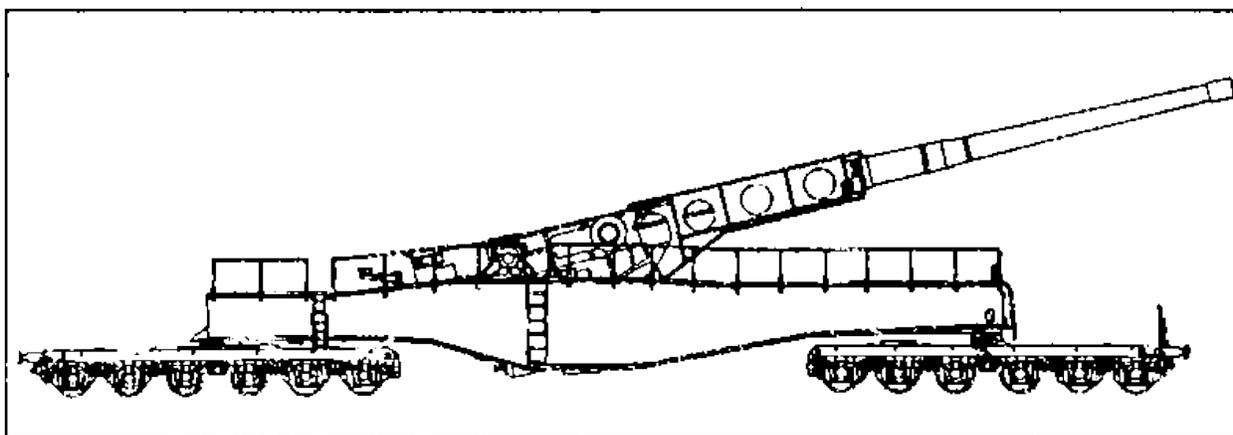

Схема 15. 28-см железнодорожная установка «Новый Бруно»

«Короткий Бруно» стрелял фугасными снарядами весом 240 кг на дальность 29,5 км, а «Длинный Бруно» и «Тяжелый Бруно» стреляли 284-кг фугасными снарядами на дальность 36,1 км и 37,8 км соответственно. «Новый Бруно» стрелял 255-кг осколочно-фугасным снарядом на дальность 46,6 км. Объединяло все 4 установки то, что с пути они имели угол горизонтального обстрела всего в 1° , но с помощью специально поворотного круга «Vögele» могли поворачиваться на 360° .

Все три установки «Бруно» базировались на полустанке Шакул (ныне Самохвалово) в 7 км к северу от станции Бахчисарай.

Железнодорожные пути, с которых установки вели огонь, располагались в односторонней выемке холма с западным крутым откосом высотой 5–7 м. С восточной стороны пути были закрыты вертикальными и горизонтальными маскировочными масками, что надежно укрывало

транспортеры от визуальной наземной и воздушной разведки.

Послевоенные сказочники рассказывали байки о повреждении и даже уничтожении железнодорожных установок «Бруно» советской артиллерией и авиацией. Но на самом деле эти установки никаких повреждений не имели. Мало того, командование СОРа до последнего дня обороны Севастополя даже не знало о железнодорожных установках противника.

Любопытно, что разведгруппа партизан^[161] под командованием политрука АД. Махнева обнаружила железнодорожные установки «Бруно», и в Севастополь была отправлена радиограмма: «18 июня — в 14.20 к северу от железнодорожного моста через р. Кача был обнаружен бронепоезд, идущий в направлении Бахчисарая. В 19.25 он проследовал на ст. Сюрень. 20 июня — в 19.45 бронепоезд был отмечен на ст. Сюрень, при этом он произвел несколько выстрелов из орудия в сторону фронта...»

Обвинить разведчиков за «утку» трудно, установки «Бруно» на ходу действительно имели вид бронепоезда — впереди и позади состава находились платформы с зенитными автоматами, рельсами и разобранными кругами «Vogele», а в середине — тепловоз, артустановка и вагон — снарядный погреб.

Другой вопрос, что к 20 июня линия фронта проходила уже в 30 км от станции Сюрень, то есть до советских позиций не мог достать ни один германский бронепоезд.

Наконец под Севастополь немцы отправили самую мощную пушку в истории человечества — 80-см «Дору».

Еще в 1936 г. при посещении завода Круппа Гитлер потребовал у руководства фирмы создать сверхмощную артсистему для борьбы с долговременными сооружениями линии Мажино и бельгийскими фортами. Система должна была обладать углом вертикального наведения +65° и максимальной дальностью 35–45 км. Проникающая способность снаряда предполагалась такой: броня — 1 м; бетон — 7 м; твердый грунт — 30 м.

Конструкторскую группу фирмы Круппа, занявшуюся разработкой нового орудия по предложенному тактико-техническому заданию, возглавил профессор Эрих Мюллер, обладавший солидным опытом в данной области. В 1937 г. проект был закончен, и в том же году фирме Круппа выдали заказ на изготовление артсистемы. Немедленно началось ее производство.

Первое орудие было закончено в начале 1941 г. и обошлось в 10 миллионов рейхсмарок. Его назвали «Дора» в честь жены главного конструктора.

Затвор пушки клиновой, зарядание отдельно-гильзовое. Полная длина ствола составляла 32,5 м, а вес 400 т (!). В боевом положении длина установки была 43 м, ширина 7 м, а высота 11,6 м. Полный вес системы 1350 т.

Установка была железнодорожной, но стрелять она могла только со специального сдвоенного железнодорожного пути. С каждой стороны сдвоенного пути заводили по половине транспортера, то есть по четыре соединенные попарно пятиосные поворотные тумбы. На каждую пару тумб с помощью кранов укладывались две главные пролетные балки. Половины шасси соединялись поперечными связями. Таким образом, получался транспортер на 40 осях и 80 колесах по 40 колес на колее сдвоенного пути. Время подготовки орудия к стрельбе складывалось из времени оборудования огневой позиции (от трех до шести недель) и времени сборки установки (трое суток). Для оборудования огневой позиции требовался участок длиной 4120–4370 м и 250 человек.

«Дора» стреляла 7,1-тонными бетонобойными и 4,8-тонными фугасными снарядами, содержащими, соответственно, 250 кг и 700 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы фугасным снарядом составляла 48 км. Бетонобойный снаряд пробивал броню толщиной до 1 м, бетон — до 8 м, твердый грунт до — 32 м.

В феврале 1942 г. начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер приказал отправить «Дору» в Крым и передать в распоряжение командующего 11-й армией для усиления осадной артиллерии.

К этому времени «Дора» находилась на полигоне Рюгенвальд на побережье Балтийского моря. В апреле 1942 г. пушка и дивизион 672, обслуживавший ее (всего пять эшелонов), были перебазированы в Крым по маршруту. Рюгенвальд — Бремберг — Краков — Лемберг (Львов) — Запорожье — Днепропетровск — Мелитополь — Крым.

25 апреля 1942 г. эшелоны с разобранной артустановкой скрытно прибыли на полустанок Ташлых-Даир (ныне село Янтарное Красногвардейского района) в 30 км южнее железнодорожного узла Джанкой, где были тщательно замаскированы штатными средствами.

Позиция для «Доры» была выбрана в 25 км от расположения предполагавшихся к обстрелу целей в границах СОРа (в основном на Северной стороне) и в 2 км к югу от железнодорожной станции Бахчисарай. (Сх. 16).

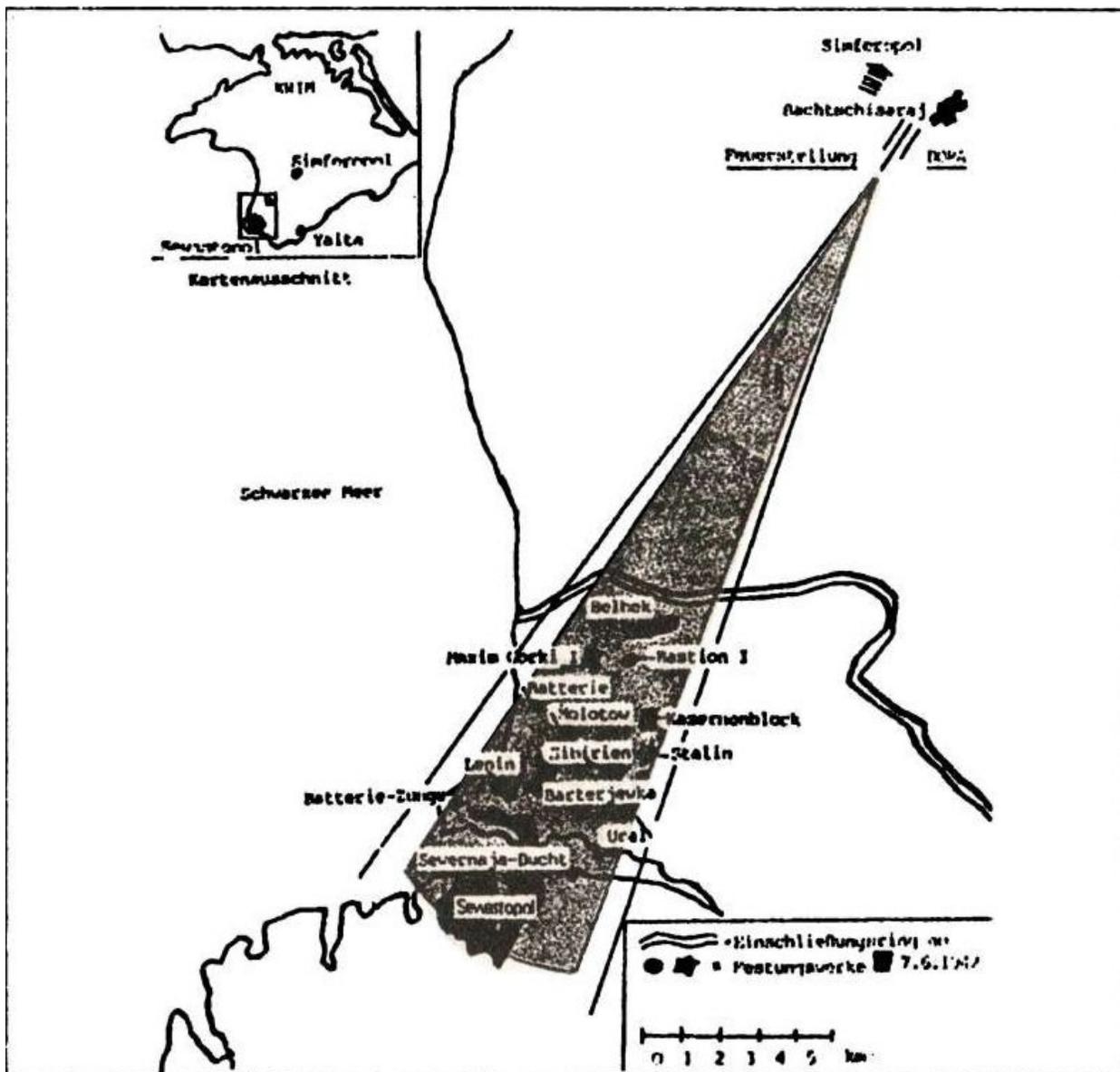

Схема 16. Сектор стрельбы и район расположения целей относительно позиции орудия «Дора»

Особенностью позиции было строительство ее в чистом поле, на участке, где не имелось ни сложного рельефа, ни скальных укрытий, ни хотя бы небольшого леса. Совершенно голый мергелевый холм между речкой Чурук-Су и железной дорогой Бахчисарай — Севастополь был вскрыт продольной выемкой глубиной 10 м и шириной около 200 м в направлении северо-восток — юго-запад. Восточнее холма до станции Бахчисарай была проложена километровая ветка, западнее холма уложили «усы», которые обеспечивали угол горизонтального обстрела в 45°.

На участке подвоза артиллерийской системы к выемке и непосредственно в ней пути строились двух- и трехколейными для перемещения монтажных кранов, а во время стрельбы — для параллельного размещения двух транспортно-заряжающих вагонов со снарядами и зарядами.

Работы по строительству огневой позиции велись в течение четырех недель. Было привлечено 600 военных строителей-железнодорожников, 1000 рабочих «Трудфронта» организации «Тодт», 1500 человек местных жителей и некоторое количество военнопленных, захваченных немцами при прорыве Перекопских позиций и взятии Керчи в октябре — ноябре 1941 г. Работы велись круглосуточно. Безопасность обеспечивалась надежной маскировкой и постоянным патрулированием над районом истребителей из состава 8-го авиакорпуса генерала Рихтгофена. Рядом с позицией построили батарею 88-мм зенитных орудий и батарею 20-мм зенитных автоматов.

Кроме того, «Дору» обслуживали дивизион дымомаскировки, две румынские пехотные роты охраны, взвод служебных собак и специальная моторизованная команда полевой жандармерии. Вычислительные группы в составе батареи производили все необходимые расчеты для стрельбы, а взвод артиллерийских наблюдателей использовал наряду с традиционными средствами инфракрасную технику. Итого, боевую деятельность орудия обеспечивало более четырех тысяч человек.

Оккупационной администрацией и гестапо весь район был объявлен запретной зоной со всеми вытекавшими из этого для военного времени последствиями.

В результате ни подпольщикам, ни партизанам, ни флотской и армейской разведке, ни хваленым органам НКВД до конца обороны Севастополя ничего толком не удалось узнать о «Доре». Правда, среди населения ходили слухи о немецкой «Царь-пушке» с самыми нелепыми подробностями.

5 июня, на рассвете, 1350-тонный транспортер с орудием и двумя тепловозами вышел из выемки на «усы». В определенной точке путей специальными домкратами и моторами приводов наведения орудие вместе с транспортером было окончательно наведено на цель. Бронепойный снаряд и гильзы из вагонов-погребов поданы на зарядный стол, а с него — в ствол, которому после заряжания придан угол возвышения 53° (стрельба велась уменьшенными зарядами, чтобы получить более крутую траекторию). После чего тепловозы и зарядные вагоны ушли в укрытие выемки.

В 5 ч 35 мин прозвучал первый громopodobный выстрел, от которого в вагоне-столовой батарее в 3 км от огневой позиции посыпалась с полок посуда, а на станции Бахчисарай и прилегающих к ней постройках звуковой волной были выбиты все стекла. Наблюдательные и измерительные посты отметили падение и взрыв снаряда в районе цели № 1 — полевого склада боеприпасов 95-й стрелковой дивизии (севернее станции Мекензиевы Горы). Следующие 7 выстрелов были произведены по старой береговой батарее № 16 южнее поселка Любимовка. Еще 6 выстрелов 5 июня были сделаны по открытой зенитной батарее ПВО Черноморского флота № 365 в километре юго-западнее станции Мекензиевы Горы. Последний выстрел прозвучал в 19 ч 58 мин.

На следующий день, 6 июня, с 8 ч 28 мин до 19 ч 45 мин было сделано 16 выстрелов. Из них 7 по защищенному командному пункту зенитного дивизиона 61-го артиллерийского полка ПВО Черноморского флота в 700 м к северу от поселка Бартеневка, а 9 выстрелов — по штольням арсенала в Сухарной балке.

7 июня с 5 ч 17 мин до 9 ч 48 мин проведено 7 выстрелов по штольням арсенала в Сухарной балке.

11 июня с 3 ч 38 мин до 5 ч 21 мин сделано 5 выстрелов по редуту времен Крымской войны, который использовался как опорный пункт 95-й стрелковой дивизии.

17 июня с 4 ч 48 мин до 6 ч 44 мин сделано 5 выстрелов по башенной батарее № 30.

Последние 5 выстрелов были сделаны 26 июня опытной гранатой, время и цель их не установлены.

Увы, «гора родила мышь». Начну с того, что артиллерийские наблюдатели из дивизиона 672, имея отличные цейсовские приборы, так и не сумели увидеть падения семи своих снарядов. И только пять снарядов поразили цель. Наблюдательными постами дивизиона 672 отмечены попадания по батарее № 365, опорному пункту стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии и по командному пункту зенитного дивизиона 61-го полка ПВО. Замечу, что батарея № 365, вызывавшая ужас у немцев, которые именовали ее форт Сталин, была всего-навсего зенитной батареей с четырьмя старыми 76-мм пушками обр, 1915/28 г.

Манштейн в своей книге «Утерянные победы» писал: «Орудие одним выстрелом уничтожило большой склад боеприпасов на берегу бухты Северная, укрытый в скалах на глубине 30 м». Однако ни одна из штолен Сухарной балки не была взорвана огнем немецкой артиллерии до последних дней обороны Северной стороны Севастополя, то есть до 25–26

июня. А взрыв, о котором пишет Манштейн, произошел от детонации боезапаса, открыто выложенного на берегу бухты и подготовленного для эвакуации на Южную сторону.

При стрельбе по остальным объектам снаряды легли на расстоянии от 100 до 740 м от цели.

Результаты применения установки «Дора» оказались ничтожны, по поводу чего Манштейн писал «В целом эти расходы, несомненно, не соответствовали достигаемому эффекту». А начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковник Гальдер оценил «Дору» так: «Настоящее произведение искусства, однако бесполезное».

Тут стоит заметить, что штаб 11-й армии выбирал цели довольно неудачно. В первую очередь целями для семитонных бронебойных снарядов «Доры» должны были стать береговые башенные батареи № 30 и № 35, защищенные командные пункты флота, Приморской армии и береговой обороны, узлы связи флота, штольни подземных арсеналов, спецкомбинаты № 1 и № 2 и склады горючего, укрытые в толще Инкерманских известняков.

Что же касается восьми снарядов, выпущенных по береговой батарее № 16, то это просто конфуз. 254-мм пушки там были сняты еще в конце 1920-х годов, и с тех пор там, кроме несчастного привидения, заснятого мной в 2002 г. [\[162\]](#), никого не было. Кстати, я облазил и отснял всю батарею № 16 вдоль и поперек, но никаких серьезных повреждений не обнаружил.

Как уже говорилось, командование СОРа так и не смогло понять, кто обстреливал Севастополь. В разведсводках имелись сведения о 240-мм и 24-дюймовых (610-мм) железнодорожных установках и тд.

После окончания боев в Крыму в мае 1944 г. специальная комиссия занималась поиском огневой позиции сверхтяжелого орудия в районах сел Дуванкой (ныне Верхнесадовое) и Заланкой (Фронтное), но безуспешно. Документов об использовании «Доры» также не оказалось среди трофеев Красной армии, захваченных в Германии. Поэтому ряд официальных историков сделали заключение, что «Доры» под Севастополем вообще не было, а все слухи о ней — «деза» абвера.

Зато писатели патриотического жанра и мемуаристы-лампасники «оттянулись со вкусом» по «Доре» по полной программе. В десятках детективных историй героические разведчики, партизаны, летчики и моряки находили и уничтожали «Дору». Нашлись люди, которые «за уничтожение "Доры"» были награждены правительственными наградами, а одному из них якобы даже присвоили звание Героя Советского Союза.

Подводя итоги, можно сказать, что большие пушки, а точнее, мортиры

решили исход битвы за Севастополь. Какие же выводы в артиллерийском отношении сделали наши славные маршалы и генералы? Я опять обращаюсь к секретному четырехтомному труду «Артиллерия в Великой Отечественной войне». Там в книге I «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны» 82 страницы заняты главой «Артиллерия в обороне Одессы и Севастополя». Само по себе объединение этих двух сражений — полнейшая глупость. Там — равнина, здесь — горы; там — опереточное румынское воинство, здесь — 11-я армия Манштейна; там — успех, здесь — катастрофа. Семь страниц занимают выводы. Вот что говорится о Севастополе: «Централизованное управление артиллерией было достаточно гибким и оперативным... Широко используя маневр артиллерийским огнем, а в некоторых случаях и самой артиллерией, командование Приморской армии создавало на направлениях главного удара противника плотность артиллерии от 35–40 до 60–70 орудий и минометов (не считая 50-мм минометов) на 1 км фронта В таких случаях (при достаточном количестве боеприпасов) артиллерийским огнем удавалось не только задержать продвижение противника на тех или иных рубежах, но и срывать его атаки.

Взаимодействие всех видов артиллерии в бою хорошо обеспечивалось заблаговременным планированием ее огня и маневра (поскольку такое планирование было возможно) и поддерживалось непрерывным и гибким ее управлением в ходе боя...

Успешные действия артиллерии всех видов и калибров в обороне Одессы и Севастополя объяснялись не только высоким моральным духом, порождаемым патриотизмом и ненавистью к врагу, а также боевым мастерством артиллеристов, но и хорошим инженерным оборудованием и маскировкой боевых порядков частей и подразделений...»^[163] и тд.

Итак, «все хорошо, прекрасная маркиза! — » Я так и не смог понять, зачем на такой аллилуйшине ставить гриф «секретно»? Она достойна доперестроечной «Правды» и учебников допризывника.

ГЛАВА 16. АГОНИЯ

28 мая командование СОРа получило директиву командующего Северо-Кавказским фронтом Буденного^[164]. Там говорилось:

«1. Противник к наличному составу сил, блокирующих Севастопольский оборонительный район, с 20 мая начал интенсивную переброску своих войск к Севастополю с целью начать в ближайшем будущем активные действия. По данным всех видов разведки, перебрасывается около четырех пехотных дивизий, одной танковой дивизии и одной легкой пехотной дивизии.

2. Севастопольский оборонительный район имеет прочную систему обороны, могущую противостоять любому наступлению противника

Приказываю:

1. Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на Кавказский берег не будет.

2. Создать армейский резерв; кроме того, иметь резерв в секторах обороны для нанесения мощных контрударов.

3. В борьбе против паникеров и трусов не останавливаться перед самыми решительными мерами»^[165].

Между тем корабли Черноморского флота и транспорты продолжали доставлять в Севастополь боеприпасы и пополнения. Так, 27 мая в 2 часа ночи крейсер «Ворошилов» в охранении эсминцев «Сообразительный» и «Свободный» вышел из Батуми и в тот же день в 21 ч 31 мин прибыл в Севастополь с личным составом и вооружением 9-й бригады морской пехоты.

При входе в Северную бухту корабли были атакованы германскими самолетами — бомбардировщиками и торпедоносцами. Выпущенная по крейсеру при прохождении им первой линии бонов торпеда выскочила на берег в районе Херсонесского музея, но не взорвалась. Повреждений и жертв не было. Корабли уклонялись от атак маневрированием. Эсминцы отражали налет торпедоносцев огнем главного калибра

На крейсере и эсминцах в Севастополь была доставлена 9-я бригада морской пехоты в составе 3017 человек, 8 — 122-мм, 8 — 76-мм и 17 — 45-мм орудий, 27 станковых пулеметов, 16 минометов, 1213 винтовок и 60 т боезапаса

Помимо надводных кораблей к грузовым перевозкам с Кавказа в

Севастополь были привлечены и подводные лодки. Так, в 3 ч 40 мин 29 мая подводная лодка Л-4 прибыла из Новороссийска в Севастополь, доставив 50 т боезапаса и 11 т продовольствия. В 21 ч 20 мин лодка ушла в Новороссийск.

Наши официальные историки считают временем начала третьего штурма Севастополя 2 июня 1942 г. Действительно, в этот день немцы начали интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма 2 июня немцы выпустили по позициям защитников СОРа и кораблям около 6 тысяч снарядов.

2 июня в 40 милях южнее Ялты торпедоносцы Хе-111, базировавшиеся на аэродроме в Саки, потопили торпедой танкер «Громов» (836 брт). Танкер шел с грузом бензина из Туапсе в Севастополь. После гибели «Громова» перевозка топлива в Севастополь танкерами была прекращена, далее использовались только подводные лодки.

Со 2 по 7 июня немцы сделали 9 тысяч самолетовылетов и сбросили на СОР 46 тысяч бомб крупного калибра. Вражеские самолеты непрерывными волнами по 30–40 машин совершали налеты на боевые порядки войск. Артиллерия противника выпустила 126 тысяч тяжелых снарядов. В среднем на каждый квадратный метр полосы нашей обороны на направлениях предстоящих ударов приходилось по 1,5 тонны снарядов.

В ночь на 6 июня в Севастополь пришли лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный» и подводная лодка Л-5. Они доставили 510 человек маршевого пополнения, 12 человек летного состава, 71 т артиллерийских боеприпасов, 15 т авиационного бензина и 12 т продовольствия.

Манштейн спланировал на первом этапе наступления на Севастополь главный удар нанести 54-м армейским корпусом с севера и северо-востока. При этом задачей 132-й пехотной дивизии ставилось нанесение фронтального удара через долину реки Бельбек на высоты южнее ее, оставляя в стороне наш плацдарм в районе Любимовки. А действовавшая левее 22-я пехотная дивизия должна была фланговым ударом с востока южнее реки Бельбек через Камышловский овраг обеспечить 132-й дивизии успешное преодоление рубежа реки Бельбек. 50-я пехотная дивизия, наступавшая еще левее, должна была, продвигаясь через Камышлы, наносить удар в юго-западном направлении. На левом фланге корпуса 24-я пехотная дивизия получила задачу наступать в направлении Инкерманских высот с целью выхода на северное побережье Северной бухты и в район Инкерманского монастыря. На южном участке вспомогательный удар должен был наносить 30-й армейский корпус. В его задачу входил захват исходных позиций для последующего наступления на Сапун-гору и

Балаклаву. Для этого 72-я пехотная дивизия должна была наступать по обе стороны Ялтинского шоссе, а 28-я легкая пехотная дивизия — захватить северную гряду скалистых высот восточнее Балаклавской бухты. 170-я пехотная дивизия оставалась в резерве. По мнению Манштейна, все эти действия германских войск, учитывая сильнопересеченную местность, могли быть решены только в ходе тщательно подготовленных наступательных боев с ограниченными целями.

Румынскому горному корпусу, действовавшему между двумя ударными немецкими группировками, ставилась задача сковать советские войска. Для этого 18-я румынская пехотная дивизия должна была атаками местного значения обеспечить наступление левого фланга 54-го корпуса, а 1-я румынская горнострелковая дивизия — поддерживать наступление правого фланга 30-го корпуса, захватив высоту Сахарная головка

Между тем Октябрьский и после года войны не забывал о «критских страшилках». Вот его запись от 13 июня 1942 г; «Дал задание своему штабу разработать план отражения комбинированного удара противника. Не исключено, что Манштейн осуществит в весеннем наступлении на Севастополь метод Крита и взятия Бельгийских крепостей (т. е. одновременно с решительным наступлением на фронте, как немцы делали в ноябре — декабре в первом и втором штурмах), произведет выброску парашютных десантов прямо в город и его окрестности. Это очень опасное для нас дело, если учесть, что у нас почти нет резервов».

Через 6 дней, 19 мая, он пишет: «Еще раз продумал систему обороны. Все неплохо, но очень слабый участок — аэродромы. Участок Сапун-горы, все, что между городом и до Инкермана по Сапун-горе — побережье, бухты — на всю эту площадь противник может бросить парашютистов. Учтем!»

Накануне штурма, в 2 ч 55 мин 7 июня, советская артиллерия произвела огневой налет на вражеские позиции. Однако из-за недостатка боеприпасов он длился всего 20 минут.

Через 2 часа началась артподготовка немцев. В воздухе одновременно действовало до 250 германских самолетов. Через полчаса в атаку пошли пехота и танки. Главный удар немцы наносили в направлении от Камышлы на пост Мекензиевы Горы, а вспомогательный — в направлении деревень Камары и Кадыковка

В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, на направлении главного удара враг вклинился в передний край нашей обороны в стыке между 79-й особой стрелковой бригадой и 172-й стрелковой дивизией и, потеснив левофланговые части 172-й дивизии и части 79-й бригады, к исходу 7 июня вышел на рубеж высот 64,4; 57,8 и

59,7. На остальном фронте севастопольской обороны многочисленные атаки вражеских частей были отбиты, и наши части удержали свои рубежи.

За день боев немцы и румыны потеряли до 300 человек убитыми. Наши потери составили убитыми и ранеными 1500 человек, было разбито 5 дотов, 6 оголовков, две 45-мм пушки и три 82-мм миномета.

За 7 июня немецкая авиация произвела до 2000 самолетовылетов, сбросив до 9000 бомб.

На следующий день, 8 июня, германская авиация совершила свой первый налет в 5 часов утра, а пехота двинулась вперед лишь спустя 5 часов. Под натиском 50-й и 22-й германских пехотных дивизий, наступавших при поддержке авиации, артиллерии и танков, 79-я особая стрелковая бригада (третий сектор обороны) и 172-я стрелковая дивизия (четвертый сектор) к исходу дня отошли на рубеж южные скаты высоты 192,0, 1 км северо-восточнее станции Мекензиевы Горы и юго-западные скаты высоты 104,5. При этом основные силы 747-го стрелкового полка 172-й дивизии попали в окружение противника.

К ночи 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии (третий сектор) под натиском противника и в результате отхода 79-й бригады был вынужден развернуться фронтом на север южнее высоты 192,0.

Правофланговые части 95-й стрелковой дивизии (четвертый сектор) из-за отхода 172-й дивизии развернулись фронтом на восток. Остальные части четвертого сектора удерживали свои рубежи обороны.

На участке вспомогательного удара противника войска первого и второго сектора в этот день отразили все атаки и удержали свои рубежи.

9 июня немцы начали прорывать нашу оборону в стыке третьего и четвертого секторов, чтобы выйти к Северной бухте.

В течение дня, подводя новые резервы пехоты и танков, противник вел ожесточенные атаки на участке между высотой 90,0 и постом Мекензиевы Горы. Особенно сильным атакам подверглись части 345-й стрелковой дивизии, вступившей в бой у поста Мекензиевы Горы. В результате упорных боев 287-й стрелковый полк 25-й дивизии, 79-я особая бригада, 345-я стрелковая дивизия и правый фланг четвертого сектора к исходу дня отошли на 400–800 м и заняли рубежи: поляна в 2 км северо-западнее хутора Мекензия, в 300 м севернее кордона Мекензия № 1, пост Мекензиевы Горы и высота 49,0. 172-я стрелковая дивизия была отведена в район станции Инкерман, где остатки ее подразделений приводились в порядок.

На остальных участках фронта севастопольской обороны 9 июня все атаки противника были отбиты.

На следующий день, 10 июня, наши войска после ожесточенных боев были вынуждены оставить железнодорожную станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензия № 1.

С 8 по 10 июня в Севастополь на эсминцах «Свободный» и «Бдительный», двух тральщиках, а также на подводных лодках С-31, С-32 и Л-5 были доставлены 67 человек летно-технического состава ВВС флота, 265 т боезапаса, 15 7,62-мм пулеметов, 75 автоматов ППШ, 30 т авиационного бензина и 3 т продовольствия. На транспорте «Абхазия» были доставлены 250 человек маршевого пополнения, 37 бойцов Приморской армии, 261 т боезапаса, 100 т авиабоезапаса, 13 авиационных моторов, 168 т продовольствия и 90 т цемента.

10 июня в 2 ч 05 мин эсминец «Бдительный» вышел из Севастополя. На переходе в 5 ч 50 мин в 60 милях к юго-востоку от мыса Айя «Бдительный» был безрезультатно атакован бомбардировщиками противника. В 11 ч 30 мин эсминец прибыл в Новороссийск.

Оставшиеся в Севастополе на день транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный» были неоднократно атакованы немецкой авиацией. В 9 ч 55 мин 10 июня от прямого попадания бомбы в кормовую часть транспорт «Абхазия» затонул у пирса № 1 Сухарной балки. На транспорте погибло 168 т боезапаса, 95 т авиабоезапаса и 96 т продовольствия.

В 13 часов 10 июня эсминец «Свободный», стоявший у артиллерийской стенки Корабельной бухты, получил 9 прямых попаданий бомб. На эсминце начались пожары и взрывы боезапаса. В 14 ч 20 мин эсминец затонул, погибло 56 человек.

11 июня наши войска контратаками отбили у неприятеля железнодорожную станцию Мекензиевы Горы, но на следующий день немцы вернули себе станцию и оттуда перешли в наступление к Трензиной и Графской балкам. 12 июня немцам удалось захватить стационарную морскую батарею № 705 у Сливной станции. Уйти смогли лишь 12 краснофлотцев из команды батареи.

Только за 12 июня части СОРа потеряли 735 человек убитыми и 1234 ранеными, уничтожено 12 орудий.

Вечером 12 июня в главную базу прибыли крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный». На крейсере было доставлено 2998 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 16 — 76-мм и 12 м — 45-мм орудий, 8 — 120-мм минометов, 150 т боезапаса, 9 кухонь, 162 противотанковых ружья, 1005 автоматов ППШ, а также продовольствие и медикаменты. На эсминце прибыло 343 человека маршевого пополнения и 40 т боезапаса.

13 июня немцы изменили приемы наступательных боев и стали применять тактику «прогрызания» нашего переднего края. Она заключалась в том, что первоначально на узком участке фронта производились массированные налеты авиации, вслед за ней на тот же участок бросались танки, прикрываемые, в свою очередь, массированным огнем минометов и артиллерии. Одновременно авиация противника бомбила огневые позиции нашей полевой артиллерии и стационарные батареи береговой обороны главной базы.

Потери частей СОРа за 13 июня составили 735 человек убитыми и 1234 ранеными. Было разбито 7 орудий, прожектор, 23 пулемета и 50 минометов. Три орудия были повреждены.

13 июня с 1 ч 00 мин до 3 ч 40 мин крейсер «Молотов» и эсминец «Бдительный», стоя на якоре в Севастопольской бухте и по выходе из главной базы, из района Херсонесского маяка, вели огонь по скоплениям войск противника в районах населенных пунктов: дача Торопова, Бахчисарай и Сюрень. Крейсер выпустил 90 снарядов, а эсминец — 350. В 3 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» вышли из главной базы в Туапсе. На корабли было принято 910 раненых и личный состав погибших кораблей: со «Свободного» 101 человек, с «Абхазии» 30 человек. В 19 ч 45 мин «Молотов» и «Бдительный» прибыли в Туапсе.

13 июня адмирал Октябрьский получил донесение, что в Севастополе положение с боеприпасами «на грани катастрофы». Так, в зенитной артиллерии осталось по пятнадцать 76-мм снарядов на пушку. Из Москвы для снабжения Севастополя на Кавказ прибыли 20 транспортных самолетов «Дуглас».

15 июня в 2 ч 20 мин крейсер «Молотов» в охранении эсминца «Безупречный» с частями 138-й стрелковой бригады вышел из Новороссийска и в 23 ч 59 мин прибыл в Севастополь. В 20 ч 40 мин в Севастополь из Туапсе прибыла подводная лодка С-32. Из Новороссийска прибыли подводные лодки: М-33 — в 23 ч 20 мин и М-111 — в 23 ч 59 мин. В 23 ч 25 мин прибыли базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие из Новороссийска в 4 ч 40 мин. На этих судах в Севастополь было доставлено 2325 человек личного состава 138-й стрелковой бригады, 1075 человек маршевого пополнения, 442 т боезапаса, 42 — 72-мм миномета, 1486 автоматов ППШ, 50 противотанковых ружей, 30 т бензина и 12 т продовольствия.

Ключевым пунктом обороны Северной стороны Севастополя была 30-я башенная 305-мм батарея.

«За время с 1 февраля 1941 г. по 17 июня 1942 г. батарея уничтожила 8

артиллерийских и 3 минометных батарей, 17 танков, 52 бронемашины, более 300 автомашин и около 1770 вражеских солдат. Была проведена 191 стрельба 1243 снарядами. 5 и 14 июня 1942 г. в результате прямых попаданий 600-мм снарядом башни были разрушены и выведены из строя»^[166].

По германским данным, только с 6 по 17 июня 1942 г. германская артиллерия сделала по батарее № 30 свыше 750 выстрелов из орудий среднего и крупного калибра. Кстати, немцы называли батарею № 30 «Максим Горький I», а батарею № 35 — «Максим Горький II». 17 июня пикирующие бомбардировщики Ю-87 сбросили на батарею № 30 двадцать бомб. Но кроме двух попаданий 60-см снарядов из самоходных мортир все остальные снаряды и бомбы не причинили батарее даже небольших повреждений.

Согласно немецкому изданию «Борьба за Севастополь 1941–1942 гг.», к 17 июня «сосредоточенным артиллерийским обстрелом проволочные заграждения были прорваны, а минные поля засыпаны. Воронки, образовавшиеся в результате разрывов бомб и мин, облегчали наступление атакующих войск.

Гарнизоны внешнего оборонительного пояса были большей частью уничтожены, а входившие в его состав легкие оборонительные сооружения разбиты...

На штурм батареи были назначены 213-й полк, 1-й и 2-й батальоны 132-го саперного и 1-й батальон 173-го саперного полков. Ранним утром 17 июня 1942 г. был предпринят штурм, продолжавшийся до полудня в направлении противотанкового рва, открытого к востоку от батареи поперек водораздела. Противник оказал упорное сопротивление. Огневые точки, стрелявшие по фронту и флангам, были приведены к молчанию с помощью пехотного и артиллерийского огня. Первый и второй батальоны 132-го саперного полка атаковали фортификационные сооружения, расположенные перед батареей, а 122-й держал удар против сооружений, расположенных на южном и западном склонах возвышенности. Продвижению атакующих частей препятствовали сильный артиллерийский и минометный огонь противника из долины реки Бельбек и с расположенных к югу склонов, а также огонь снайперов и контратаки. Около 14 ч 30 мин в результате повторного нападения западный склон возвышенности был занят. Удалось занять и подход к командному пункту на восточной оконечности подземного хода.

В 14 ч 45 мин второй батальон 213-го полка начал атаку восточного склона и в 15 ч 15 мин достиг разрушенного фортификационного

укрепления на отметке 400 м к востоку от первой бронированной башенной установки. Первый батальон 173-го саперного полка под защитой пехотного огня атаковал башенную установку. В 15 ч 45 мин шестеро саперов со связками ручных гранат проникли в установку и уничтожили ее гарнизон. Гарнизон второй установки яростно отстреливался сквозь отверстия, пробитые артиллерийскими снарядами в броневых листах башни. Атака саперов увенчалась успехом лишь благодаря фланговому обстрелу установки, который вели пехотные части. Противник был уничтожен ручными гранатами. В это же время наступавшая по северному склону пехота могла контролировать западный склон. В 16 ч 30 мин саперы после нескольких повторных попыток достигли сильно обороняемых главных входов, заграждаемых пулеметами. В результате всех этих действий гарнизон был заперт в блоках.

В следующие дни противник сражался внутри батареи, пуская в ход подрывные заряды, бензин и горючие масла (в башенные установки им предварительно было подвезено около 1000 кг взрывчатки и 1000 л горючих материалов). Перебежчики выдали расположение устройства батареи. В западной башенной установке 20 июня произошел взрыв, стоивший жизни трех саперов. Из-за сильных пожаров и дыма ворваться внутрь установки не представлялось возможным. Первый батальон 173-го саперного полка 22 июня был заменен третьим батальоном 22-го саперного полка. Для обороны гарнизон взорвал резервный выход; в тех же целях постоянно сжигались дымообразующие смеси и масла. Командир батареи, выползший 25 июня через водосток, на следующий день был захвачен в плен. Ударная группа 26 июня ворвалась внутрь блока и захватила еще 40 пленных. Большая часть гарнизона погибла от взрывов или задохнулась в дыму. Скопление легковоспламеняемых материалов в ходах сообщения способствовало распространению пожаров. Бронированные двери в местах взрывов были продавлены, а в других местах так деформировались от взрывной волны, что дым мог проникнуть во внутренние помещения. Железобетонные конструкции пострадали от взрывов незначительно»^[167].

К полуночи 17 июня войска СОР занимали следующие рубежи:

Первый сектор (109-я и 388-я стрелковые дивизии): Генуэзская башня — западные склоны высоты 99,4—западнее совхоза «Благодать» — высота 33,1 (исключительно) — 400 м западнее высоты 56,0 — хутор в 100 м восточнее отметки 36,0.

Второй сектор (386-я стрелковая дивизия, 7-я и 8-я бригады морской пехоты): южные и юго-восточные скаты Федюхиных высот — памятник сражению на Черной речке — высоты 72,5—126,1-67,1-119,9.

Третий сектор (25-я стрелковая дивизия и 79-я морская стрелковая бригада): высота 119,9 — юго-западные скаты высоты 115,7 — южный отрог Камышловского оврага (исключительно) — безымянная высота в 1 км южнее высоты 90,0 — высота 66,1.

Четвертый сектор (345-я и 95-я стрелковые дивизии): высота 66,1 исключительно — отроги Графской балки — 1 км южнее высоты 43,5—500 м северо-восточнее Бартерьевки — западные скаты высоты 36,1 и далее на запад до уреза воды.

К концу дня 18 июня остатки 95-й стрелковой дивизии оборонялись на рубеже: верхняя балка Голландия — Братское кладбище — деревни Буденновка и Учкуевка. На правом фланге 95-й дивизии противнику мелкими подразделениями удалось просочиться на побережье Северной бухты в районе балки Голландия.

К этому времени 345-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже балок Трензина и Графская. 138-я стрелковая бригада, заняв верховья балок Графская и Сухарная, вела бой и создавала опорные пункты для прикрытия устья Сухарной балки и бухты Голландия.

Торпедные катера Д-3 и СМ-3, выйдя в ночь на 18 июня из Анапы, произвели набеговую операцию на порт Ялта с целью уничтожения торпедных катеров противника. В 4 ч 05 мин наши катера выпустили по порту 4 торпеды. Одна торпеда взорвалась в районе боновых ворот, а три — в порту. Кроме того, порт был обстрелян четырьмя 82-мм снарядами М-8 и пулеметным огнем. На отходе катера были обстреляны с берега артиллерийским и пулеметным огнем и получили повреждения, два краснофлотца были убиты и два ранены. В 18 часов торпедные катера пришли в Новороссийск.

В 1 час ночи 18 июня транспорт «Белосток» в охранении базового тральщика «Якорь» и пяти сторожевых катеров прибыл из Новороссийска в Севастополь. На подводных лодках, прибывших в Севастополь 17 июня и на транспорте «Белосток», было доставлено 360 человек маршевого пополнения, 80 человек разных воинских команд, 341 т боезапаса и 238 т продовольствия.

19 июня Октябрьский доложил Сталину, что войска СОРа потеряли до 23 тысяч человек.

Согласно «Хронике...», «в этот день на северном участке фронта противник подошел к Северным укреплениям, занял Бартеневку и Братское кладбище. Тем самым немцы получили возможность вести прицельный артиллерийский огонь по всему городу и лишили защитников СОРа возможности пользоваться Северной и Южной бухтами.

Из создавшейся обстановки было видно, что остатки частей четвертого сектора, прижатые к северному побережью Северной бухты, долго не продержатся и будут истреблены немецкой авиацией».

В результате яростных атак на левом фланге северного участка фронта общий фронт 95-й стрелковой дивизии был нарушен, и дивизия вела бой на отдельных пунктах сопротивления. К исходу 19 июня наиболее ожесточенный бой продолжался в районе северных укреплений. В район расположения местного стрелкового полка к западу от северного дока прорвались тяжелые танки противника Группы вражеской пехоты вышли на побережье Северной бухты в районе бухты Голландия и установили на берегу 2 пушки, простреливавшие всю Северную бухту»^[168].

Спору нет, положение было тяжелым, но совсем не столь драматичное, как представлял его адмирал Октябрьский в донесении в Ставку и что нашло отражение в «Хронике...» С тяжелыми немецкими танками все ясно, разве что это были наши КВ. Ну, установили немцы пару 37-мм противотанковых пушек или 75-мм пехотных орудий. И что из этого? Неужели их нельзя было уничтожить огнем береговых и полевых орудий? В конце концов, во время пребывания транспортов и боевых судов ставить на несколько часов дымовые завесы. Ведь иной раз во время налетов вражеской авиации дымом закрывали все севастопольские бухты чуть ли не на целый день. Другой вопрос, что командование Черноморского флота, заранее зная о приближении немцев к Северной бухте, не удосужилось вывезти оттуда соединения катеров-тральщиков. В результате при обстреле порта были потоплены или повреждены (и брошены) катера-тральщики № 565 («Фрунзе»), № 566 («Киров»), № 553, № 554, № 555, № 557, № 560 («Вега»), которые можно было перевести в бухты Камышовая, Стрелецкая, Карантинная и замаскировать там. Эти катера-тральщики могли пригодиться при эвакуации СОРа.

«Войска СОРа будут вынуждены, — докладывал далее Октябрьский Сталину, — если не будет оказана срочная помощь, немедленно сделать переход на новый рубеж обороны, проходивший по южному побережью Северной бухты, через гору Суздальская, Сапун-гору и высоты Карагач.

Севастопольскому оборонительному району необходимо:

- 1) 10 000 человек маршевого пополнения, половина которого должна быть вооружена;
- 2) вывезти раненых, число которых достигло 12 000 и для которых не хватает места, медсостава и медикаментов;
- 3) усилить оборону зенитной артиллерией;
- 4) дать хотя бы 25 Як-1 и 10 Ил-2;

5) немедленно поставить на линию Кавказ — Севастополь обещанные 20 самолетов "Дуглас" с ночными экипажами, так как подавать в Севастополь маршевое пополнение и все снабжение, а также вывозить раненых можно только ночью самолетами-ночниками и подводными лодками»^[169].

В связи с выходом немцев к Северной бухте в районе башенной батареи № 35 у мыса Херсонес интенсивно шло строительство новой пристани.

20 июня Октябрьский записал в дневнике: «Крейсер "Коминтерн" шел в Севастополь. Приказал вернуться: нельзя, утопят». Что же стоит за этой краткой записью? Действительно, 19 июня в 18 ч 51 мин крейсер «Коминтерн» в охранении базовых тральщиков «Защитник» и «Мина» и трех сторожевых катеров вышел из Новороссийска в Севастополь с маршевым пополнением, боезапасом и продовольствием В 20 ч 45 мин базовый тральщик «Взрыв» вышел из Новороссийска для усиления конвоя крейсера «Коминтерн». Однако 20 июня в 15 ч 20 мин «Коминтерн» вместе с судами конвоя вернулся в Новороссийск.

Риторический вопрос а что, нельзя было разгрузиться в Карантинной, Стрелецкой, Камышовой бухте или даже в Балаклаве? Вспомним, что в годы Крымской войны в Камышовой бухте базировался французский флот, а в Балаклаве — английский.

Как уже говорилось, перестановка с одного корабля на другой зенитного автомата 70К занимала сутки, двое. Использование в боевых действиях большинства кораблей Черноморского флота в ближайшие неделю-две не предвиделось. Таким образом, на «Коминтерне» без проблем можно было установить 30–40 таких автоматов, причем с учетом времени перехода из Новороссийска в Севастополь (не более суток), расчеты установок 70К могли оставаться на палубах, не занимая кубрики. Аналогично, до 10 автоматов 70К можно было установить на каждом базовом тральщике. Нетрудно подсчитать, каким шквалом огня встретил бы наш конвой германские самолеты.

Предположим самый худший вариант. При подходе к Севастополю «Коминтерн» получил бы тяжелые повреждения от мин или авиабомб. Тральщики охранения или буксиры, находившиеся в Севастополе, без проблем могли завести поврежденный корабль в Северную бухту или в многочисленные бухты на юге — Карантинную, Стрелецкую, Камышовую. В случае, если бы крейсер не удалось ввести в строй, то его экипаж влился бы в число защитников СОРа, а орудия главного калибра и зенитные автоматы сыграли бы важную роль в защите Севастополя. Сам же крейсер,

построенный еще в 1905 г., не представлял абсолютно никакой боевой ценности и в дальнейшем пару раз использовался как транспорт, а потом был затоплен для создания искусственной бухты в Поти.

К исходу 20 июня немцы заняли всю Северную сторону за исключением трех опорных пунктов: района Константиновской батареи, которую защищал личный состав ОХРа, и береговых батарей № 2 и № 12; района Михайловской батареи, защищаемой личным составом 110-го зенитного полка, береговой батареи № 702; и района Инженерной пристани.

В ночь на 21 июня вдоль всего южного берега Северной бухты строилась система укреплений.

23 июня немцам удалось овладеть Константиновской батареей, а уцелевшие ее защитники с наступлением темноты отправились вплавь к южному берегу. Доплыло 40 человек.

23 июня из Новороссийска в Севастополь прибыли лидер «Ташкент» и эсминец «Безупречный», а из Туапсе — подводная лодка С-32. Эти суда доставили 529 человек маршевого пополнения, 102,4 т боезапаса, 35 т бензина, 106,3 т продовольствия, а также вооружение для перебрасываемой в Севастополь 142-й стрелковой бригады.

24 июня в связи с изменениями на сухопутном фронте севастопольской обороны была произведена новая нарезка секторов.

Части первого сектора обороняли рубеж от Балаклавы до высоты 113,2 (исключительно). Состав сил сектора был усилен двумя батальонами 9-й бригады морской пехоты и одним батальоном дотов береговой обороны главной базы.

Части второго сектора обороняли рубеж от высоты 113,2 до высоты 75,0 (исключительно). Из состава сил сектора была исключена 8-я бригада морской пехоты и включены в его состав два батальона дотов береговой обороны главной базы.

Части третьего сектора обороняли рубеж от высоты 75,0 до станции Инкерман. Из состава сил сектора исключены 79-я особая стрелковая бригада и 2-й полк морской пехоты, а включены в его состав 8-я бригада морской пехоты и один батальон дотов береговой обороны главной базы.

Части четвертого сектора получили для обороны район вдоль южного берега Северной бухты от станции Инкерман до Павловского мыска. В состав четвертого сектора вошли 79-я особая стрелковая бригада, 2-й полк морской пехоты, сводный батальон Черноморского флотского экипажа, рота местного стрелкового полка, сводная рота 177-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны и стационарные огневые

точки по южному побережью Северной бухты. Бронепоезд «Железняков» был переброшен на Килен-площадку и придан 79-й особой бригаде.

К утру 24 июня все эти части заняли оборону побережья от Инкерманской электростанции до Павловского мыска. 345-я стрелковая дивизия заняла рубеж от станции Инкерман до Инкерманской электростанции. Остатки 138-й стрелковой бригады и остатки 95-й стрелковой дивизии (сводный полк 95-й стрелковой дивизии) были отведены в глубину.

В задачу частей четвертого сектора входило не допускать высадки вражеского десанта с Северной стороны и прорыва вдоль Симферопольского шоссе.

В ночь на 24 июня командованием береговой обороны главной базы из частей обороны города и частей береговой обороны главной базы, прибывших с Северной стороны, был сформирован полк трехбатальонного состава численностью до 1500 человек. Ему была поставлена задача обороны побережья от станции Севастополь до Карантинной бухты. Полк к утру 24 июня занял указанный рубеж.

Днем 24 июня противник главный удар наносил на Инкерманском направлении. После ожесточенных боев к исходу дня немецкие части вышли на рубеж* высота 110,3 — маяк Восточный Инкерманский — балка Цыганская. На остальных участках фронта все атаки немцев были отражены, и наши войска оборонялись на прежних позициях.

Потери частей СОРа за 24 июня составили 261 человек убитых и 801 раненый.

Немецкая авиация произвела более 500 самолето-вылетов, сбросив свыше 2500 бомб.

Авиация главной базы в течение ночи на 24 июня произвела 16 самолето-вылетов на бомбардировку войск противника перед передним краем обороны. Днем восемь Ил-2, два И-15, четыре И-153 в сопровождении шести Як-1, двух И-153 и одного И-16 штурмовали ею войска и технику.

Прибывший в Севастополь к полуночи на 24 июня эсминец «Бдительный» доставил две роты 142-й стрелковой бригады (364 человека), 3 пулемета ДШК, 12 станковых пулеметов, 60 автоматов ППШ, четыре 75-мм пушки и 1600 зарядов к ним, а также 20 т боезапаса для Приморской армии. В 1 час ночи «Бдительный» вышел из Севастополя и в 12 ч 40 мин прибыл в Новороссийск.

В 12 ч 40 мин 24 июня эсминец «Безупречный» и в 14 ч 05 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска и в 23 часа прибыли в Севастополь.

На «Ташкенте» было доставлено 1142 бойца, вооружение и боезапас 142-й стрелковой бригады и 10 т концентратов, а на «Безупречном» — 365 бойцов, вооружение и боезапас для 142-й стрелковой бригады и 5 т концентратов.

25 июня в 3 ч 32 мин базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник», в 4 ч 13 мин сторожевой корабль «Шквал» и базовый тральщик № 412 и в 14 ч 45 мин эсминец «Бдительный» вышли из Новороссийска в Севастополь. «Бдительный», «Взрыв» и «Защитник» прибыли в Севастополь в 23 часа, а через полчаса прибыли «Шквал» и тральщик № 412. На кораблях было доставлено 1100 бойцов 142-й стрелковой бригады и ее вооружение, 64 т боезапаса для Приморской армии, 13,5 т продовольствия, 55 т медицинского имущества и 24 ящика консервов.

С утра 26 июня части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты отражали ожесточенные атаки противника, стремившегося прорваться в Инкерманскую долину. Весь день шли кровопролитные бои, доходившие до штыковых ударов и рукопашных схваток. Под воздействием превосходящих сил противника наши части отошли к югу. К вечеру части 25-й стрелковой дивизии, 8-й бригады и 3-го полка морской пехоты заняли рубеж изгиб реки Черная — Каменный столб — Инкерманский монастырь — южный берег Инкерманской долины у устья реки Черная.

26 июня в 12 ч 33 мин эсминец «Безупречный» и в 13 ч 55 мин лидер «Ташкент» вышли из Новороссийска в Севастополь. На лидере находилось 944 бойца 142-й стрелковой бригады, 760 винтовок, 8 противотанковых ружей, 125 автоматов ППШ, 4 — 76-мм пушки с передками и 1360 выстрелов к ним, 26 т продовольствия, 20 т стрелкового боезапаса, 1,5 т груза ВВС флота, 3 т груза для Военного совета флота и боезапас для Приморской армии. На «Безупречном» находилось 320 бойцов 142-й бригады, 20 т стрелкового боезапаса, 15 т продовольствия, 2 т грузов для авиации и боезапас для Приморской армии.

В 18 ч 57 мин в 40 милях к югу от мыса Аю-Даг «Безупречный» был потоплен пикирующими бомбардировщиками Ю-87. Вскоре к месту гибели эсминца подошел лидер «Ташкент». Но в воздухе, согласно донесению командира лидера, появились германские самолеты. Поэтому «Ташкент», сбросив на воду спасательные круги и жилеты, полным ходом ушел в Севастополь. Через два дня подводные лодки М-112 и М-118 подняли из воды трех человек из команды эсминца. Остальные члены экипажа и 320 бойцов погибли.

Видимо, действия командира лидера были правильными. Но почему

адмирал Октябрьский не мог выслать ночью в район гибели «Безупречного» катера с Кавказа и из Севастополя? Море было спокойным, там могли сесть и МРБ-2, наконец. Что касается подводных лодок М-112 и М-118, то они оказались там не по приказу комфлота, а случайно, и спасали людей в инициативном порядке.

Лидер «Ташкент» прибыл в Севастополь в 23 ч 15 мин без потерь и повреждений.

27 июня в 1 ч 50 мин «Ташкент», приняв на борт 2100 раненых, вышел из Севастополя в Новороссийск В 4 ч 30 мин лидер, находясь в 28 милях по пеленгу 120° от мыса Айтодор, был обнаружен вражеской воздушной разведкой. И с 4 ч 45 мин в течение четырех часов «Ташкент» подвергся 86 атакам бомбардировщиков Ю-88 и Ю-87, сбросивших 336 бомб. Артиллерийским огнем лидера было сбито два самолета.

Прямых попаданий в «Ташкент» не было, но от близких разрывов бомб лидер получил три пробоины: в районе полубака, первого котельного отделения и румпельного отделения. Рулевое устройство и левая машина вышли из строя. Лидер принял около 1000 т воды. Из команды корабля было убито 3 и ранено 10 человек, из числа принятых на борт раненых убито 6 и вторично ранено 5, а в затопленных кубриках погибло еще 50 человек.

В 6 ч 45 мин эсминец «Сообразительный», прибывший в 4 утра из Потти, и 4 сторожевых катера, в 7 ч 20 мин 4 других сторожевых катера, в 8 ч 20 мин 8 торпедных катеров и в 8 ч 40 мин эсминец «Бдительный» и еще 7 торпедных катеров вышли из Новороссийска для оказания помощи «Ташкенту». Кроме того, из Анапы на помощь лидеру в 8 ч 45 мин вышли 5 сторожевых катеров, от мыса Утриш — спасательное судно «Юпитер», из Геленджика в 10 ч 35 мин — морской буксир «Черномор».

В итоге в 20 ч 15 мин лидер «Ташкент» на буксире у «Бдительного» и «Юпитера» в охранении сторожевых и торпедных катеров прибыл в Новороссийск.

На фронте третьего сектора обороны бои не прекращались всю ночь на 28 июня. Особо ожесточенные бои завязались на рубежах 25-й стрелковой дивизии и 3-го полка морской пехоты, прикрывавших противнику выход в Инкерманскую долину.

Противник: ввел в дело 21 — см мортиры и 15-см шестиствольные реактивные минометы. Впервые за все время обороны германская авиация ночью поддерживала свои войска. Наши части отошли к станции Инкерман. 28 июня защитники СОРа потеряли 518 человек убитыми и 1108 ранеными.

В 3 ч 35 мин 28 июня базовые тральщики «Взрыв» и «Защитник» вышли из Новороссийска с 330 человеками маршевого пополнения, боезапасом и продовольствием для севастопольской обороны и в 23 ч 25 мин прибыли в Севастополь, но не в Северную бухту, а в Камышовую.

В тот же день, в 23 ч 25 мин в Камышовую бухту прибыли подводные лодки Д-5 и А-4, а также подводная лодка М-118, которые доставили: снарядов 152-мм — 203 шт., 122-мм — 706 шт., 85-мм — 223 шт., 76-мм — 1000 шт., консервов 14 т, автобензина 35 т, всего боезапаса 180 т.

После выгрузки в Камышовой бухте подводная лодка Д-5 приняла на борт 65 раненых и 41 человек эвакуированных членов семей ГК ВКП(б) и в 5 ч 20 мин 29 июня вышла в Новороссийск. После выгрузки, приняв на борт раненых, в это же время ушли на Кавказ подводные лодки М-118 и А-4.

29 июня в Севастополь прибыли подводные лодки: в 1 ч 10 мин Щ-209 с грузом снарядов и 32 т бензина; в 22 ч 00 мин Л-23 с грузом снарядов, 49 т бензина и 30 т продовольствия; в 22 ч 45 мин Л-4 с грузом снарядов и М-31 с грузом снарядов (70 — 152-мм) и консервов. Всего было доставлено 160 т боеприпасов.

Октябрьский и другие адмиралы и генералы слишком много времени посвящали фантазиям на тему о воздушных десантах, но проглядели морской десант, по сути дела решивший судьбу Севастополя. Какой мог быть морской десант? Ведь у немцев в июне 1942 г. еще не было флота на Черном море, а румынский Королевский флот тихо сидел в Констанце, лишь изредка конвоируя суда, идущие в румынский порт Одесса, Все верно. Но, поскольку на Черном море еще не было кригсмарине, за морские десанты взялся вермахт. Причем не какие-то специальные части, а обычные пехотные подразделения.

Еще 8 мая 1942 г. по приказу Манштейна вермахт высадил тактический морской десант в тылу советских войск у горы Ас-Чалуле на Керченском полуострове. Пехотный батальон был посажен в Феодосии на штурмовые моторные лодки^[170]. Немцы без потерь высадились на никем не охраняемое побережье, поскольку от них такой подлости никто не ожидал. В результате наша 404-я стрелковая дивизия, «не проявив должной стойкости, начала самовольный отход с занимаемых позиций, открыв противнику путь на восток»^[171].

Наши военачальники обязаны были сделать надлежащие выводы о возможностях пехотных подразделений вермахта, но увы, увы...

А теперь предоставим слово Манштейну: «Сразу же после того как 22-

я дивизия вышла на северный берег бухты Северная, я направился в полки этой дивизии. С одного наблюдательного пункта на северном берегу бухты я хотел осмотреть окружающую местность. Передо мной лежала бухта шириной 800—1000 м, в которой в свое время стояли на якоре целые флоты, на противоположной стороне справа — город Севастополь, прямо передо мною — обрывистые прибрежные высоты, усеянные укреплениями. Мне пришла в голову мысль, что отсюда, то есть с фланга, следовало бы уничтожить позицию на Сапун-горе, так как именно в этом месте, через бухту Северная, противник менее всего ожидает нашего наступления.

Правда, когда я обсудил этот план вначале в штабе 54-го армейского корпуса и затем с некоторыми подчиненными командирами соединений, к нему отнеслись с сомнением. Как можно было преодолеть широкую морскую бухту на штурмовых лодках на виду хорошо оборудованных и оснащенных высот южного берега? Как можно было вообще доставить на берег штурмовые лодки через обрывистые скалы, погрузить в них войска, когда имелось всего несколько глубоких ущелий, через которые был возможен доступ к берегу? Ведь противник с южного берега мог, разумеется, просматривать и держать эти выходы под огнем! Все же именно потому, что атака через бухту Северная казалась почти невозможной, она будет для противника неожиданной, а это могло быть залогом удачи. Поэтому, несмотря на все сомнения, которые были мне высказаны, я настоял на своем плане, как ни тяжело возглавлять такое смелое предприятие, когда в силу своего положения сам не можешь принять в нем участие.

После того как это решение было принято, все штабы с величайшим рвением взялись за его осуществление»^[172].

29 июня в 1 ч 00 мин штурмовые лодки с первым эшелоном 24-й и 22-й пехотных дивизий отчалили от Северной стороны и взяли курс к южному берегу Северной бухты. Наши войска не заметили ни подвоза лодок к берегу, ни их спуск. На Южной стороне бухты не было организовано надлежащей береговой обороны. У советского командования оставалось еще несколько плавсредств, которыми можно было организовать ночное патрулирование бухты, но этого тоже сделано не было.

Лишь когда немецкие десантники достигли берега, а это случилось в 2 часа ночи, германская артиллерия открыла ураганный огонь по всему Южному берегу, стараясь по возможности не задеть десантников. Еще через 15 минут по всей Северной бухте противник поставил дымзавесу, которая под действием слабого северного ветра медленно двигалась к южному берегу Северной бухты. Отражение десанта для оборонявшихся

частей затруднялось сплошной пеленой пыли и дыма, вставшей от разрывов снарядов, мин, бомб и подошедшей дымзавесы.

Наши части, оборонявшие этот участок южного побережья Северной бухты, а также артиллерия 117-го и 2-го артдивизионов береговой обороны потопили часть шлюпок и катеров противника до подхода их к берегу. Но все же большей части плавсредств удалось подойти к берегу и высадить десант, который основательно закрепился на Южной стороне.

В тот же день в 5 ч 30 мин до пехотной дивизии немцев двумя группами, с танками, перешли в наступление из района Федюхиных высот и Новые Шули в направлении на высоту 75,0 и хутор Дергачи, а также на Сапун-гору и истоки Хомутовой балки. Несмотря на упорное сопротивление частей 386-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты, фронт обороны был прорван.

После прорыва фронта в районе Сапун-горы мелкие части немцев повели наступление через станцию Инкерман на английский редут Виктория. Одновременно силами до батальона противник ворвался по Воловьевой балке на гору Суздальскую. Под воздействием этих сил и десантных частей из Георгиевской и Сушильной балок части четвертого сектора обороны к полудню 29 июня отошли на западные скаты Киленбалки, на редут Камчатку и английский редут Виктория^[173].

В течение дня 29 июня немецкая авиация произвела более 1500 самолето-вылетов, сбросив около 10 тысяч бомб.

В дневнике Октябрьского обстановка описана без излишнего драматизма: «29 июня

1. 04.40. Прибыли два больших тральщика, 4 подводные лодки, 14 "дугласов", все разгрузились, ушли, взяв раненых.

2. Сегодня какая-то ночь особенная. Всю ночь противник вел огонь, идет сплошная канонада. Видимо, боезапас подвезли или готовят вновь наступление.

3. Донесли, что в районе мыса Фиолент появилось до 10 каких-то катеров. Наша БС-18 осветила прожектором, открыла огонь, 5 катеров потопила, 5 рассеяла, один человек выплыл на берег. Уточняют, что за пленный.

4. Три дня назад вышла к нам из Новороссийска подводная лодка С-32 и до сих пор не прибыла. Тревожусь.

5. Резервов нет, боезапаса мало. Видимо, дело идет к концу, к тому, что противник ворвется в город».

Совсем по-иному оценил обстановку Манштейн: «С успешной переправой через бухту, падением Инкерманских высот и прорывом 30-м

армейским корпусом Сапунской позиции судьба Севастопольской крепости была решена»[\[174\]](#).

ГЛАВА 17. КАТАСТРОФА

К исходу 29 июня немцы захватили плато Сапун-горы, хутор Дергачи и Максимову дачу, почти всю Корабельную сторону, за исключением Малахова кургана, казарм Учебного отряда и Зеленой горки у железнодорожного вокзала.

Отходя, наши войска взорвали хлебозавод, отделение автоматической телефонной станции и железнодорожный тоннель. Были подорваны 11 штолен филиала артиллерийского арсенала базы в Инкермане.

В тот же день адмирал Октябрьский вместе с Военным советом Черноморского флота перебрался на запасной флагманский командный пункт, устроенный в подземном помещении 35-й башенной батареи. Туда еще 28 июня перевели командный пункт охраны водного района. Через несколько часов на 35-ю батарею прибыл и Военный совет Приморской армии.

Как позже рассказывал С.В. Галковский, адъютант Октябрьского: «Мы прибыли на 35-ю батарею ночью, после того, как фашисты прорвались на БФКП. Все мы были одеты в синие кители и черные фуражки. У Филиппа Сергеевича при себе оставался только маленький чемодан. КП 35-й батареи переоборудовали, по-видимому, из матросского кубрика. В небольшом помещении с двухъярусными койками, столом и несколькими стульями под потолком горела лампочка — работало аварийное освещение. Пока собирались, прибывали остальные, Филипп Сергеевич, вынув тетрадь, что-то писал, склонившись над столом. Последний Военный совет был короткий. Давались команды, назначали коменданта»^[175].

Вслед за командованием СОРа в район 35-й батареи — 16-й ложной батареи^[176] переходили все тыловые службы армии и флота — санотдел, инженерный отдел и др. В 2 ч 00 мин 30 июня начальник штаба СОРа капитан 1-го ранга А.Г. Васильев приказал все радиовахты, пост скрытой связи на командном пункте СОРа в Южной бухте закрыть, а всему личному составу убыть на 35-ю батарею.

Одновременно с закрытием радиовахт на командном пункте Южной бухты, в 2 ч 00 мин 30 июня радиоцентр на 35-й береговой батарее вступил в строй, открыв 7 радиовахт. Узел связи был оборудован в потерне (подземном коридоре) левого командно-дальномерного поста на глубине 26 м, а антенны были выведены через вентиляционные отверстия.

30 июня был свернут командный пункт ПВО Черноморского флота. По

приказу командования были сброшены в море у мыса Фиолент две радиолокационные станции воздушного обнаружения РУС-2. Оперативная служба ПВО была прекращена. Средства связи не работали. ПВО перестала существовать, а сигналы оповещения о воздушном противнике более не передавались.

В течение ночи на 30 июня немцы подтягивали силы и сосредотачивали их в трех районах: в районе хуторов Золотая Балка, Дергачи и Килен-балки. Всю ночь производилась переброска немецких войск с Северной стороны на южный берег Северной бухты.

Хутор Бермана, Юхарина балка, хутор Николаевка, Хомутовая балка, Лабораторная балка, слобода Корабельная, город, бухты к западу от юрода и район башенной батареи № 35 подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Десятки германских самолетов бомбили город, аэродром Херсонесский маяк и 35-ю батарею.

На аэродроме Херсонесский маяк доукомплектовался отдельный стрелковый батальон военно-воздушных сил, и из химических частей береговой обороны главной базы был сформирован второй батальон. Оба эти батальона составляли резерв командования СОРа.

С рассветом 30 июня немцы после мощной артподготовки и авианалета возобновили атаки по всему фронту, нанося главные удары по Балаклавскому шоссе, в направлении на Куликово поле и по Лабораторному шоссе, в направлении к вокзалу станции Севастополь.

Между 8 и 12 часами немецкая пехота, действовавшая вдоль Балаклавского шоссе на участке 9-й бригады морской пехоты, прорвала нашу оборону в районе хутора Максимовича и вышла к хутору Николаевка и на юго-западные скаты Хомутовой балки. Во вторую половину дня, развивая наступление под прикрытием артиллерии и авиации, немцы заняли хутор Максимовича и хутор Николаевку.

Одновременно части противника, наступавшие вдоль Лабораторной балки из района хутора Дергачи, прорвали нашу оборону и к исходу дня вышли к железнодорожной станции Севастополь.

Наши разрозненные части отходили к хутору Пятницкого, Рудольфовой слободе и к городу Севастополь.

Личный состав стационарных батарей № 19 (у хутора Максимовича), № 706 (у отметки 77,8) и № 703 (у отметки 73,0), израсходовав весь боезапас, подорвал материальную часть и вел бои в окружении. Бои продолжались до позднего вечера. Весь личный состав этих батарей погиб.

29 июня впервые за всю войну береговая артиллерия Севастополя открыла огонь по морским целям.

Несколько слов стоит сказать о судьбе батареи БС-18 «Кентавр-2». 30 июня прямой наводкой из 152-мм пушек Кане было подбито два немецких танка. Так сказано в донесении, на самом деле это были самоходки противника. К утру 1 июня на батарее осталось тридцать 152-мм шрапнельных снарядов и несколько практических. Спасибо Октябрьскому, вывезшему снаряды! Пришлось стрелять шрапнелью и болванками. Тем не менее в этот день атака румынского батальона на батарею была отбита с большими потерями. После этого противник пустил в ход авиацию, которая начала бомбить батарею. Было произведено несколько авианалетов и в результате повреждено одно орудие, а личный состав понес значительные потери ранеными и убитыми. Оставшиеся батарейцы по приказу командира батареи старшего лейтенанта Н.И. Дмитриева подорвали орудия и около 8 часов вечера 1 июля сумели пробиться на 35-ю батарею, где принимали участие в боях, в которых погиб Дмитриев.

К ночи 30 июня фронт войск севастопольской обороны проходил по рубежу: хутор Фирсова, хутор Иванова, хутор Пятницкого, слобода Рудольфова, Панорама и станция Севастополь.

Еще утром 30 июня, в 9 ч 50 мин, Октябрьский послал телеграмму Буденному и Кузнецову «Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Боевые действия протекали в характере уличных боев. Оставшиеся войска сильно устали... хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум 2–3 дня.

Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30.06. на 1.07. вывезти самолетами 200–250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова»^[177].

Нарком Кузнецов получил телеграмму Октябрьского в тот же день в 14 часов. Переговорив со Сталиным, он в 16 часов послал Военному совету Черноморского флота телеграмму: «Эвакуация ответственных работников и ваш выезд разрешены».

В 19 ч 30 июня на заседании Военного совета Черноморского флота Октябрьский объявил решение Ставки и приказал эвакуировать 1 июля Военный совет Черноморского флота, Военный совет Приморской армии и ряд командиров и военкомов дивизий.

Для организации обороны на 1 и 2 июля, а также для обеспечения отхода командующим СОРа был назначен генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником капитан 3-го ранга Ильичев. Новикову было приказано

организовать оборону по линии старых укреплений, проходившей от хутора Фирсова через высоты 36,3 и 30,6 до Стрелецкой бухты и в ночь на 2 июля или на следующую ночь эвакуироваться на подводных лодках.

Таким образом, было принято решение об эвакуации для избранных. Формально всю ответственность за это можно свалить на Ставку, а точнее, на Сталина. Однако трудно ожидать, чтобы в Ставке могли доподлинно знать о ситуации в СОРе и о реальном состоянии кораблей Черноморского флота. На самом же деле части СОРа могли еще держаться, а сколько — зависело от поддержки флота. Эвакуация же начальства привела к полному развалу обороны.

Позднее попавший в плен к немцам генерал-майор П.Г. Новиков заявил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шел за нами до самой 35-й батареи»^[178].

Отъезд начальства обеспечивала парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани. «После заседания Военного совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и сопровождению командиров и ответственных работников с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, а также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилетов транспортных самолетов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооруженной массы военных и гражданских лиц»^[179].

Утром 30 июня германская авиация разбомбила здание эвакогоспиталя № 1428 в Камышовой бухте, погибло много раненых. К исходу дня берег Камышовой бухты в районе пристани, представлявшей собой две баржи со сходнями, был забит ранеными, ожидавшими эвакуации. Там же было множество неорганизованных военных, отбившихся от своих частей или просто дезертиров, женщины с детьми и старики. Люди метались по берегу, но никто ничего толком не знал об эвакуации. Из города подходили все новые и новые военные и гражданские лица.

Бывший командир крейсера «Червона Украина» капитан 2-го ранга ИЛ. Заруба описывает ситуацию так: «...вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я увидел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это

было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к ее главному входу, увидел еще худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Все это было похоже на панику в полном смысле слова...» [\[180\]](#)

В ночь на 1 июля на аэродром в Херсонесе один за другим стали приземляться транспортные самолеты «Дуглас» (ПС-84). Всего из Краснодара вылетело 16 таких машин, но три из них, потеряв ориентировку, вернулись. Самолеты доставили 23 650 кг боеприпасов и 1721 кг продовольствия.

Первым же обратным рейсом на Кавказ улетели Ф.С. Октябрьский, член Военного совета Черноморского флота НМ Кулаков, бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, генерал А.П. Ермилов (Сх. 17)

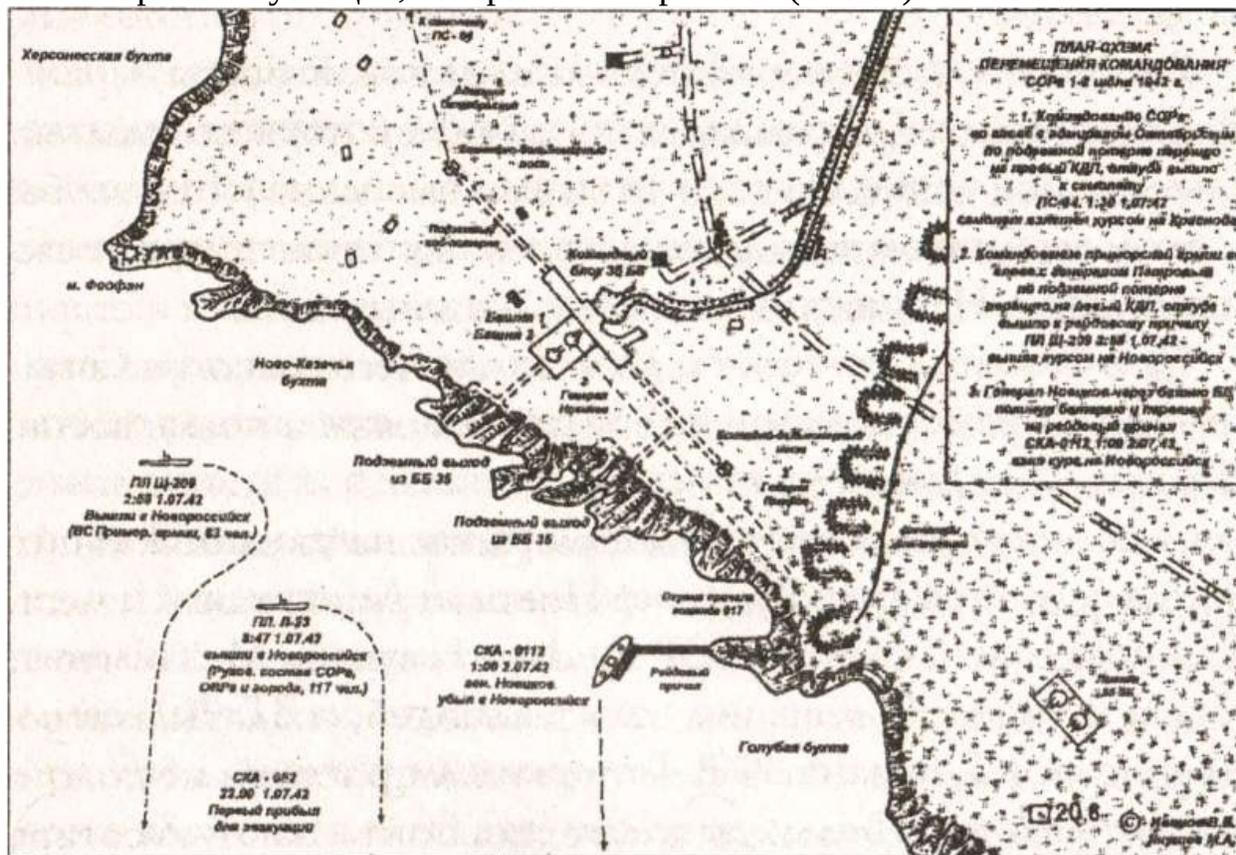

Схема 17. Как драпало начальство из Севастополя (Из книги Иванова В.Б. «Тайны Севастополя»)

Как писал участник боев лейтенант В.И. Воронов: «Один самолет Ли-2, прилетевший в числе первых, был задержан. Командиру экипажа старшему лейтенанту М. Скрыльникову было приказано подрулить к одному из капониров, а экипажу в укрытии ждать указаний. Летняя ночь коротка. Все самолеты загрузились и улетели. Скрыльников несколько раз ходил к дежурному по аэродрому (ответственным за прием и выпуск самолетов был назначен подполковник Наумов) с просьбой загрузиться и улететь, но неизменно звучал ответ: "Ждать!"

Тем временем в районе стоянки транспортных самолетов скопились красноармейцы и матросы из отступавших частей в надежде попасть в число счастливых и улететь на "Большую землю". У самолетов во время посадки неслись крики и ругань, сыпались угрозы в адрес начальников. С помощью вооруженной охраны с большим трудом удавалось сдерживать напор толпы.

Вице-адмирал Октябрьский подъехал к самолету глубокой ночью, переодетый в гражданскую одежду в потертом пиджаке и неказистой кепке. На тех, кто видел командующего флотом в таком необычном виде, переодевание произвело неприятное впечатление. Непонятно, чего опасался адмирал?»^[181]

Сам Филипп Сергеевич о деталях своего отъезда из Севастополя впервые упомянул в 1966 г. в письме редактору газеты «Красная Звезда»: «Я не описывал, считал это ненужным, как меня самого вывезли из этого кошмара, как начальник Особого отдела флота товарищ Ермолаев Николай Дмитриевич и член Военного совета флота и СОР Кулаков Николай Михайлович вошли ко мне в помещение, где я с адмиралом В.Г. Фадеевым и капитаном 2-го ранга Ф.В. Тетюркиным уточнял... кого первым отправить на Большую землю (это было после ноля часов 1 июля 1942 года), как они вошли ко мне и заявили: "Кончайте, Филипп Сергеевич, все дела и пошли с нами", надели на меня какой-то плащ, вывели наружу, посадили и увезли».

Римма Филипповна Октябрьская писала в книге «Штормовые годы»: «На Херсонесском аэродроме, выйдя из машины, они оказались в тесной толпе. У трапа самолета, уже загруженного ранеными, произошла заминка. В темноте, в озарении вспышек, отец чувствовал тяжелое дыхание людей, слышал гул их голосов, крики попеременно со звуками взрывов и автоматными очередями. Секунда. Другая. Он понимал: промедление опасно, его ждут. Но привычную в нем решительность подавила жалость к остающимся людям, которым он бессилён был сейчас чем-либо помочь, к

беспомощным раненым и к этим рослым и сильным матросам, двойной цепью окружившим самолет, готовым драться до последнего вздоха, было бы чем, чтобы заслонить собой от пуль его, командующего, члена Военного совета и других руководителей обороны.

При всполохах взрывов становились видны проворачивающиеся винты готового к взлету самолета. Еще мгновение, и он побежит по полю, оторвется от земли. Других самолетов на летном поле нет: стало быть, за исключением тех, кто внутри самолета, все остальные — раненые, солдаты, матросы — останутся здесь, на этом клочке земли.

Но вот в проеме двери самолета возникла мощная фигура полковника Г.Г. Дзюбы [командир 3-й Особой авиагруппы]. И тут же над ухом прозвучал голос Ермолаева:

— Надо взлетать, товарищ командующий. Я отвечаю за вашу безопасность.

Н.М. Кулаков, поднимавшийся по трапу, снова оказался внизу. Филипп Сергеевич почувствовал, как сильные руки друга обхватили его, посадили в самолет. Взревели моторы. Короткая пробежка, взлет. Сквозь гул моторов из темноты по взлетающему самолету ударили автоматные очереди».

Извините за длинные цитаты, но я не был в этот драматический момент на Херсонесском аэродроме и не имею ни малейшего желания ни прославлять, ни обвинять Октябрьского — это читатель должен сделать сам.

В первый самолет залез и комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолеты. Попов впоследствии был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам^[182].

Самолеты брали штурмом. В такой обстановке, имея посадочные талоны, не смогли попасть в самолет комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они были вынуждены вернуться в 35-ю батарею и по приказанию начальника штаба армии Крылова были эвакуированы на подводной лодке «Щ-209». Также не удалось влезть в самолет и прокурору Черноморского флота бригадному военюристу А.Г. Кошелеву. Позже, 2 июля, находясь под скалами 35-й батареи, после неудачной попытки попасть на катера, он рассказывал «Меня оттеснили».

«Организовать нормальную эвакуацию было невозможно, — вспоминает А.И. Зинченко. — Кто посильнее, тот и попадал в самолет. На 3-й самолет дошла и моя очередь, но когда я попытался влезть в самолет, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я

потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная»^[183].

По улетающим самолетам из толпы красноармейцев и матросов, сдерживаемых автоматчиками, периодически открывался огонь из винтовок. Всего 13 самолетов ПС-84 вывезли на Кавказ 222 начальника, 49 раненых и 3490 кг грузов.

Около 1 ч 30 мин 1 июля Военный совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений, комиссаров и других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя ее, вышли на поверхность через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу. Было относительно тихо. Немцы продолжали вести беспокоящий огонь из орудий с Северной стороны по аэродрому и всему Херсонесскому полуострову. Причал охраняли автоматчики из состава отдельного батальона охраны 35-й батареи. К тому времени на прибрежных скалах и около причала уже собралось множество неорганизованных военных и гражданских.

Начальник отдела укомплектования Приморской армии подполковник Семечкин рассказывал «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шел впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: "Вы такие-раздакие, нас бросаете, а сами бежите". И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»^[184].

Людей с причала переправляли на небольшом буксире «Папанин» на подводные лодки, находившиеся мористее. На лодки попадали только счастливицы, имевшие пропуска за подписью Октябрьского и Кулакова. В соответствии с решением Военного совета СОРа эвакуации в первую очередь на двух подводных лодках и самолетах подлежал только высший и старший комсостав от командира полка и выше. В списке этом всего значилось 139 человек, из них 77 человек от Черноморского флота.

Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный совет Приморской армии со штабом армии, всего 63 человека, и в 2 ч 59 мин 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около 8 часов утра. Подводная лодка Л-23 приняла на борт 117 человек руководящего состава СОРа,

Взятые в резерв штаба СОРа сторожевые катера СКА-021 и СКА-0101 30 июня стояли замаскированные в камышах бухты Казачьей в ожидании

распоряжения командования на выход.

Из своих укрытий катера вышли уже в сумерки 30 июня и подошли к причалу 35-й батареи. СКА-021 взял на борт 70 человек, причем из-за неорганизованной посадки к причалу он подходил несколько раз. Потом на катере возникли неполадки с мотором. Наконец в 3 часа ночи 1 июля СКА-021 вышел в море, взяв курс на Синоп. СКА-0101, взяв людей, вышел раньше, в 1 час ночи.

На переходе СКА-021 был атакован немецкими самолетами и от полученных повреждений стал тонуть. Командир катера Гладышев был убит. В живых осталось лишь 16 человек. Их позднее сняли вышедшие из Севастополя сторожевые катера СКА-023 и СКА-053 и доставили в Туапсе. По другим же данным, людей с СКА-021 снял СКА-0101, который вернулся к нему и прибыл в Сочи 3 июля.

В ту же ночь, 1 июля, катера-тральщики «Ильич» и «Ревсовет», приняв людей, вышли из Севастополя на Кавказ, но в Батуми прибыли лишь на десятые сутки. Тогда же из Камышовой бухты на Кавказ, держась берегов Турции, ушли три катера-тральщика КАТЩ-85, 86 и 87 охраны района Камышовой бухты с командиром ОХРа старшим политруком А.И. Песковым и военкомом политруком И.И. Христенко. Всего на этих катерах вместе с командирами из 7-й бригады морской пехоты эвакуировалось 45 человек. Из-за плохой мореходности и поломки двигателей два катера пришлось бросить. До Батуми 4 июля дошел только один катер.

В 22 часа 30 июля из Севастополя вышло гидрографическое судно «Грунт» с 12 человеками команды и 16 эвакуируемыми. По пути судно было атаковано немецкими самолетами, зашло в Синоп и, получив там уголь, отправилось в Батуми, куда прибыло 7 июля.

Интересная история рейдового буксира СП-2, вышедшего в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. из Севастополя с 77 бойцами СОРа. Буксир пошел 7-узловым ходом к Турции. Топливо кончилось, когда на горизонте появились горы. Тогда моряки поставили самодельные паруса и шли со скоростью 1–2 узла. Подошедшие на катере турки с изумлением смотрели на «парусник». Но потом все же взяли его на буксир и доставили в Синоп. Под нажимом советского военного атташе в Турции местные власти согласились снабдить СП-2 топливом, водой и продовольствием. В ночь на 4 июля СП-2 покинул Синоп и взял курс на Батуми. Буксир шел в пределах территориальных вод Турции и через 4 дня прибыл в Батуми.

Для эвакуации раненых и летно-технического состава Херсонесского аэродрома 1 июля прилетела группа гидросамолетов авиации Черноморского флота; один МТБ-2 «Чайка», один ГСТ-9 и десять МБР.

«Чайка» села в бухте Казачьей, туда же, отбомбившись по позициям противника в Севастополе, приземлился и ГСТ-9. На борт «Чайки» было принято 29 человек, на ГСТ-9 — 26 раненых и медработников во главе с военврачом 2-го ранга Корнеевым и командиром 12-й авиабазы капитаном Пустыльником «Чайка» долетела нормально, а ГСТ-9 из-за поломки двигателя сел на воду примерно в 30 милях от Феодосии. Утром 2 июля самолет был обнаружен шедшим из Севастополя базовым тральщиком «Щит», на борт которого и были приняты 33 человека с аварийного самолета, а сам самолет отбуксировали в Геленджик.

В ночь на 1 июля бомбардировщики ВВС Красной армии в составе восьми ДБ-3 и девяти СБ бомбили войска и батареи противника на Севастопольском фронте. А авиация Черноморского флота в эту ночь совершила 32 самолето-вылета, нанося бомбовые удары по позициям противника в Севастополе.

Вечером 30 июня самолеты: шесть Як-1, семь Ил-2, один И-16, один И-15бис, два И-153 и один ЛаГГ-3 перелетали из Севастополя в Анапу.

1 июля авиация СОРа боевых вылетов не производила. Вечером три Як-1, три И-16, один И-153 и один У-2 перелетели из Севастополя в Анапу. Четвертый Як-1, вылетевший из Севастополя, произвел вынужденную посадку на воду вблизи Туапсе. Самолет и пилот были подобраны. Три У-2, вылетевшие из Севастополя, пропали без вести.

Базовые тральщики «Защитник» и «Взрыв», вышедшие 1 июля из Новороссийска, около полудня пришли к пристани 35-й батареи, где при помощи катеров и шлюпок приняли на борт 377 человек личного состава СОРа. В 3 часа ночи 2 июля тральщики вышли из района главной базы и в 20 ч 20 мин прибыли в Новороссийск.

Базовые тральщики «Щит» и № 412 на подходах к Севастополю были атакованы 12 германскими бомбардировщиками и в результате близких разрывов бомб получили небольшие повреждения. Из-за повреждений, а также из-за того, что огни на фарватере № 3 главной базы не горели, эти тральщики, боясь своих мин, без захода в район пристаней повернули обратно и в 23 ч 05 мин вернулись в Новороссийск.

1 июля немцы подошли к 35-й башенной батарее почти на 1 км. Батарея сделала 6 выстрелов шрапнелью, поставленной на картечь.

К ночи на 2 июля, по оценкам очевидцев, на берегу у причала 35-й батареи скопилось более 10 тыс человек. Единственным путем вывода начсостава к причалу был подземный переход батареи с выходом наверх через левый командно-дальномерный пост. Однако особая трудность заключалась в том, чтобы провести несколько сотен старших командиров

сквозь многочисленные массы людей, но иного выхода не было.

В 22 часа 1 июля к причалу 35-й батареи подошел первый сторожевой катер СКА-052. Как только катер подошел к причалу, на него тут же, без всякой очереди, прыгнула масса людей. Катер накренился и дал задний ход, чтобы не лечь на борт. Потом с катера спустили шлюпку и подобрали еще несколько плавающих человек. В целях экономии топлива СКА-052 сначала пошел курсом на мыс Сарыч, а потом повернул круто на юг. Там СКА-052 пытался атаковать торпедный катер противника, но артиллерийско-пулеметным огнем катера был отогнан. В 40 милях от Крымского берега СКА-052 повернул к берегам Кавказа и, отбившись от двух налетов Ю-88, прибыл в Новороссийск.

В течение ночи на 2 июля с пристани 35-й батареи с эвакуированными на борту отошли сторожевые катера СКА-028, 029, 071, 088 и 046. На подходах к Севастополю сторожевые катера СКА-0105 и 014 встретили стоявший без хода подбитый СКА-029. На нем находились тяжелораненые, всего 51 человек СКА-0105 снял на борт раненых, а СКА-014 взял на буксир подбитый катер. СКА-052 на подходах к Севастополю был атакован немецкими самолетами, получил повреждения и, не подходя к пристаням, повернул обратно на Новороссийск. Все эти сторожевые катера благополучно дошли до Новороссийска.

29 июня из Новороссийска в Севастополь с грузом боезапаса вышла подводная лодка А-2. В 1 ч 32 мин 2 июля, находясь в районе подходной точки военного фарватера № 3, она получила приказ выгрузить боезапас в море и идти за людьми в Херсонесскую бухту. В 21 ч 18 мин А-2 подошла к Херсонесской бухте, где легла на грунт с целью подготовки к уничтожению всех важных и секретных документов на случай, если попадет в безвыходное положение. В 21 ч 59 мин лодка всплыла на расстоянии 1 кабельтова (185 м) от берега. А с берега доносилась ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба, взмывали в небо осветительные ракеты. А-2 подошла к берегу на полукабельтов, но, не обнаружив у пристани плавсредств, командир приказал дать световые сигналы на берег. К берегу никто не подходил. Тогда с лодки дали сигнал на берег голосом. И только в 22 ч 30 мин к лодке на автомобильных камерах подплыли 4 бойца, а до 23 часов подплыли еще 5 человек.

Командир лодки приказал ждать до полуночи, но больше никто не подплыл, а к этому времени немцы усилили пуски белых ракет в сторону лодки, и они стали ее освещать. К тому же ночь была лунная, и командир решил переменить место.

Подводная лодка М-112, вышедшая 29 июня с грузом боезапаса из

Новороссийска, в 14 ч 18 мин 2 июля находилась в перископном положении на военном фарватере № 3 главной базы. В 19 ч 40 мин в районе Херсонесской мерной мили между 2-м и 3-м створами с лодки обнаружили барказ, по которому велся огонь из береговых орудий. В 19 ч 56 мин барказ был потоплен.

В 21 час М-112 пришла в район Херсонесской бухты. На берегу шла перестрелка. Командир лодки принял решение всплыть для выяснения обстановки и маневрировать параллельно берегу. В 23 ч 03 мин к борту лодки подошла шлюпка с восемью бойцами СОРа. От них командир М-112 узнал, что Севастополь сдан и все бухты в районе 35-й батареи заняты противником. В 23 ч 59 мин командир М-112 принял решение возвращаться в Новороссийск.

1 июля «примерно между 22.00 и 23.00 генерал Новиков и сопровождающие его командиры начали выходить из 35-й береговой батареи через амбразуру башни. Но, как писал полковник Пискунов со слов майора Какурина, начальника штаба 95-й стрелковой дивизии, вышедшего вместе с генералом, перед ними на их пути из батареи встала стихия в лице находившихся на батарее людей, которые внимательно следили за деятельностью Новикова. В результате оказались задержанными начальник штаба 109-й стрелковой дивизии подполковник С. Камарницкий, майор А. Какурин и начальник разведки 95-й дивизии майор И.Я. Чистяков»^[185].

Там же указано, что Новиков был без гимнастерки, то есть без знаков отличия.

Когда катер подошел к причалу, чтобы забрать генерал-майора, то «заслон из моряков-автоматчиков охраны не выдержал.

Несмотря на предупредительную стрельбу автоматчиков охраны, толпа, прорвав заслон, стремительно бросилась по всему причалу. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось "месиво" из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции некоторое время падали в воду. Подходивший к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер

отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру»^[186].

Об этом свидетельствует старшина 1-й статьи И.И. Карякин: «После контратаки вечером 1 июля я и старшина 2-й статьи Н. Рыбцов пробрались по подвесному мостику вплотную к скале. На пристани и мостике была сплошная масса людей. На скале находился капитан 3-го ранга Ильичев, оставленный Октябрьским старшим по эвакуации. Его попытки освободить мостик для прохода людей, подлежащих эвакуации, успеха не имели. Он сам и его автоматчики стреляли в передних, не давали вплавь добираться до скалы, и били короткими очередями. Нам удалось выбраться на берег и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, мы прыгнули на катер. Было один или два часа ночи. После принятия людей и как только на катер зашел Новиков, катер отвалил и ушел в море»^[187].

На рассвете 2 июля сторожевой катер СКА-0112 был обнаружен и атакован четырьмя немецкими торпедными катерами. В течение почти часа шел бой. В левый торпедный аппарат катера S-40 попал 45-мм снаряд, взорвался бак со сжатым воздухом. На счастье немцев, торпеда не сдетонировала, но возник пожар, трое матросов было убито, а 10 человек, включая командира капитан-лейтенанта Шнейдер-Панкса, получили ранения. Был тяжело поврежден и катер S-28. Немцам с трудом удалось отбуксировать его в Ак-Мечеть. После предварительного ремонта S-28 отправили в Констанцу, где он простоял почти год, не участвуя в боевых действиях.

Но и 20-мм автоматы немцев ввели из строя моторы СКА-0112 и перебили прислугу. Катер стал тонуть. Оставшиеся в живых уже не сопротивлялись. Но в 6 часов утра появился Ю-88 и начал обстреливать катер. В это время несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт. Позже подошел немецкий катер S-72, на который были сняты все оставшиеся в живых. Из 20 человек команды и 74 эвакуируемых в живых осталось 16 человек. Все, за исключением одного красноармейца, были ранены. Немцы подорвали СКА-0112, и он затонул. На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило в видимости Ялты. Вскоре катер подошел к ялтинскому причалу, и все раненые были высажены на берег. Туда же высадили и оставшихся в живых 15 человек с СКА-0124, который был потоплен немцами в районе мыса Сарыч. Всего на ялтинском песчаном берегу оказался 31 человек, и в их числе генерал Новиков, капитан 2-го ранга

Заруба, политрук Звездкин, старшина 1-й статьи Карякин, а также командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

По сведениям Зарубы, «Новикова возили в Севастополь к Манштейну. На мой вопрос зачем? Он мне рассказал, что с ним разговаривал фельдмаршал Манштейн. Интересовался, как себя чувствую, не обижают ли, почему не в форме. Приказал одеть в форму, расхваливал доблесть и героизм наших солдат. Предлагал работать на них. Я сказал "Я солдат и останусь верным присяге и Родине до конца. А за похвалу спасибо"»^[188].

Генерал Новиков погиб в 1944 г. в немецком концлагере Флессенбург.

2 июля между 1 ч 15 мин и 2 часами ночи командой 35-й батареи тремя взрывами были подорваны башни и часть помещений. Как и кто производил взрывы — до сих пор неизвестно.

Официальные историки утверждают, что батарея полностью израсходовала свой боезапас. Но это касается только 2-й башни. А в погребе 1-й башни после войны были найдены несколько десятков снарядов. Почему их не перегрузили во 2-ю башню, можно только гадать. Интересно, что когда в 1952 г. срезали автогенном замок орудия в 1-й башне, в пороховой камере оказался заряд, и произошел взрыв.

О взрыве батареи № 35 2 июля 1942 г. не были предупреждены множество людей, нашедших убежище в десятках ее подземных помещений. Тележурналист Евгений Ручкан писал, что в 1999 г. в помещении насосной станции было найдено много трупов, включая труп девушки-санитарки с большой косой.

После войны руины 35-й береговой батареи не раз снимали кинематографисты, поскольку и разрушенный этот последний бастион защитников Севастополя выглядит довольно грозно.

В 2008 г. частными фирмами началось оборудование мемориального музея в развалинах 35-й батареи. А рядом, метрах в пятидесяти, идет бойкое строительство особняков «новых украинцев».

В советские времена никто не интересовался последними днями агонии Севастополя, разумеется, официальные благонамеренные издания в счет не едут. Поэтому тайны СОРа еще ждут своих первооткрывателей.

Вот, к примеру, И.С. Маношин пишет: «В течение 29–30 июня при отходе наших войск на Корабельной стороне были взорваны Северная электростанция, спецкомбинат № 1 и другие объекты, а также запасной арсенал флота взрывчатых веществ и негодного боезапаса в Инкермане, которых было около 400 вагонов»^[189]. Что это за такая масса «негодных

боеприпасов»? А почему их нельзя было использовать для обороны города? Были ли среди них химические снаряды?

Малоизвестно и о втором последнем оплоте защитников СОРа — районе побережья между ветряком ЦАГИ и бывшим Георгиевским монастырем, где геройски сражался 456-й погранполк 109-й стрелковой дивизии. Этот полк в ночь на 1 июля по приказу командира полка подполковника Г.А. Рубцова незаметно для противника, во избежание назревающего окружения, в связи с прорывом противника на Сапун-горе и отходом слева 9-й бригады морской пехоты, оставил свои позиции в Балаклаве и перешел на рубеж обороны: ветряк ЦАГИ — Георгиевский монастырь — мыс Фиолент. Там их поддержала огнем четырехорудийная 152-мм береговая батарея № 18 на мысе Фиолент. Но на батарее к утру 1 июля оставалось всего около 30 шрапнельных снарядов и несколько практических, и ни одного бронебойного. Батарея № 18 погибла около 20 часов 1 июля. В ночь на 2 июля погиб весь состав 456-го погранполка,

При захвате немцами Севастополя были уничтожены противником или своими экипажами следующие суда: подводная лодка Д-6 (находилась в капремонте на Севморзаводе еще с 22 июня 1941 г., ввести ее в строй так и не удалось), катера-тральщики № 153, 158, 565, 566, 553, 554, 555, 557, 510, бронекатер № 037,3 сторожевых катера, 4 морских буксира, около 60 рейдовых катеров, 20 барж, 3 плавучих крана, киллектор, гидрографическое судно «Горизонт» и корпуса недостроенных двух тральщиков и сетевого заградителя.

К утру 2 июля в районе бухт Камышовой и Казачьей, 35-й батареи и Херсонесского полуострова собралось 50–60 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Большинство из них сохранило личное оружие, и были даже две боеспособные пушки — 45-мм и 76-мм. Немцы интенсивно атаковали плацдарм последних защитников Севастополя, однако в течение дня им удалось продвинуться лишь на несколько сот метров. Отдельные группы бойцов пытались прорваться в направлении Балаклавы и уйти к партизанам, но удалось это лишь нескольким десяткам человек. Остальные же надеялись на помощь с моря.

Согласно сводке о поступлении личного состава частей РККА и РККФ, из Севастополя за 2–7 июля 1942 г. по состоянию на 12 часов 7 июля: 4 июля прибыло из Севастополя на СКА-082 — 108 человек, на СКА-0108 — 90 человек, на СКА-019 — 79 человек, на СКА-038 — 55 человек, в том числе 39 человек начсостава, на подводной лодке «М-112» — 8 человек.

На переходе из Новороссийска в Севастополь 2 июля при невыясненных обстоятельствах погиб сторожевой катер СКА-0112.

А бои у мыса Херсонес продолжались. Бойцы и командиры все еще надеялись на приход наших кораблей. Предоставлю слово противнику — князю Боргезе: «9 июля. Бой за форт Горки. ^[190] Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время Первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене.

Форт Горки у мыса Фиолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских... Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т. е. заблокировать выходы из форта. В море вышли 4 наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая группа из 8 отважных моряков проникла с моря в галерею. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника,

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных».

Бои у мыса Херсонес продолжались до 12 июля включительно.

А теперь вновь процитирую «Хронику...»: «Два МБР-2, вылетавшие в район Севастополя в ночь на 3 июля с целью эвакуации личного состава СОРа, задания не выполнили из-за того, что ночной старт не был выложен, и Казачья бухта обстреливалась пулеметным огнем противника. По сообщению экипажей этих самолетов, южнее Херсонесского маяка в районе новой пристани, у берега наблюдалось большое скопление людей. С берега сигнализировали фонарями, давали красные и белые ракеты. У береговой черты стояли один сторожевой катер МО и несколько шлюпок. В районе башенной батареи № 35 наблюдались взрывы артиллерийских снарядов. Дневная воздушная разведка, проведенная в районе Севастополя, оказалась безрезультатной из-за неблагоприятных метеорологических условий»^[191].

Обратим внимание на последнюю фразу официального источника. Разведчики Пе-2 не могли видеть даже наземные объекты. Сложные метеорологические условия были в последующие дни.

Вот опять цитата из «Хроники...» за 5 июля: «Ночью на 5 июля три СБ и семь МБР-2 бомбардировали торпедные катера противника в порту Ялта».

Из-за метеорологических условий один СБ ушел к Керчи и бомбил ее, а два МБР бомбили Феодосию. Два МБР вообще вернулись, не найдя целей.

Самолеты ДБ-3 поставили в районе Северной бухты в Севастополе шесть английских мин типа А-IV и сбросили бомбы. Участвовало 8 самолетов, но 2 из них из-за неблагоприятных метеоусловий вернулись на аэродром, не сбросив бомбы^[192].

Последние 6 сторожевых катеров вышли из Новороссийска в Севастополь 5 июля в 2 ч 30 мин. В 23 ч 30 мин СКА-088 и СКА-0108, согласно донесению командира звена Скляра, прибыли в район Херсонесского полуострова. В полночь они прошли 10-узловым ходом в 100 метрах от берега, который непрерывно освещался ракетами. Стрельбы не было слышно. В 00 ч 11 мин 6 июля катера подошли к берегу на 50 м, тут же с берега по ним открылся пулеметный огонь. Катера ответили пушечно-пулеметным огнем и поставили дымзавесу, сбросив в воду морскую дымовую шашку, одновременно прекратив огонь по берегу. По сброшенной шашке был открыт шрапнельный огонь с берега. Людей на берегу не было видно, и в 1 час ночи катера развернулись и пошли в Новороссийск В 4 ч 55 мин с катеров была обнаружена шлюпка с 12 красноармейцами. В 13 ч 42 мин катера прибили в Новороссийск

Звено сторожевых катеров старшего лейтенанта Шербины в точке с координатами ш. = 44°23,1', д = 33°21,6' взяли на борт 7 человек, пльвших в кузове автомашины на автомобильных камерах. В 00 ч 09 мин 6 июля катера прошли траверз мыса Фиолент в 2–2,5 милях от него. В 00 ч 53 мин катера подошли на четверть кабельтова к пристани 35-й батареи. С берега начался ружейный обстрел В 00 ч 57 мин с катера заметили на берегу белые проблески и легли курсом на них. Подошли к Херсонесскому маяку на 1,5 кабельтова и были обстреляны артиллерийским и ружейным огнем На катерах остановили моторы для прослушивания. Пройдя правее маяка на 25–50 м, людей на берегу не заметили. В 1 ч 05 мин катера под непрерывным обстрелом пошли вдоль берега до 35-й батареи в 40–50 м от берега- В1 час 10 мин на катерах снова заглушили моторы и стали звать голосом людей с берега и дали белую ракету. В 1 час 35 мин снова осмотрели берег. Обстрел катеров продолжался. Людей ни на берегу, ни на воде видно не было, В точке с координатами ш. = 44°32,4', д. = 33°25,2' катера подобрли трех человек с плота, которые сообщили, что на берегу осталось около двух тысяч человек, попрятавшихся в камнях и по пещерам Противник обстреливал людей под берегом

Хотя катера и подверглись атаке самолетов противника, все они благополучно прибыли в Новороссийск в 21 час 30 мин 6 июля.

Тут сразу возникает множество вопросов. Почему неблагоприятные метеоусловия не позволили нашим бомбардировщикам бомбить даже

площадные береговые объекты, а немцам якобы метеоусловия не мешали бомбить быстроходные маневренные корабли? Почему группы сторожевых катеров с ходом до 26 узлов, вооруженные двумя 45-мм пушками 21 К, успешно вели эвакуацию из Севастополя, а лидеры и эсминцы проектов 7 и 7У с ходом 35–40 узлов и с куда лучшим зенитным вооружением не могли участвовать в спасении людей и заодно поддержать защитников Херсонеса огнем своих 130-мм орудий?

К 1 июля 1942 г. в строю Черноморского флота находились: линкор «Парижская Коммуна»; крейсера «Молотов», «Ворошилов», «Красный Крым» и старый крейсер «Коминтерн», три эсминца и сторожевые корабли «Шторм» и «Шквал», которые также можно считать миноносцами.

«Красный Кавказ» и пять эсминцев находились в ремонте — их здорово загонял Октябрьский в 1941 г. в ходе войны с виртуальным Regia Marine^[193]. Но и они могли помочь в эвакуации войск СОР и передать другим кораблям и катерам свои 37-мм и 12,7-мм зенитные установки и их расчеты.

В составе флота находилась 21 большая и средняя подводная лодка и 20 малых подводных лодок, а также 4 большие плавбазы — «Волга», «Эльбрус», «Нева» и «Котовский». Они представляли собой обычные грузопассажирские суда, которые вполне можно было использовать для перевозки грузов в Севастополь и эвакуации гарнизона.

Четыре больших торпедных катера (Д-3, СМ-3, Г-6 и Г-8) без торпед вполне могли дойти до Севастополя и участвовать в эвакуации гарнизона

В эвакуации могли принять участие два дивизиона быстроходных тральщиков — всего 10 единиц, минный заградитель «Сызрань», а также свыше 200 буксиров, сторожевых катеров типа МО-4, различных мобилизованных судов, обращенных в тральщики, сторожевые корабли и тд.

У немцев вообще не было боевых кораблей у Севастополя, а несколько итальянских катеров, вооруженных легкими пулеметами, не представляли особой опасности даже для катерных тральщиков и МО-4, вооруженных 45-мм пушками.

Ах, бдительный Филипп Сергеевич берег корабли от «стервятников»^[194] Геринга! Извините, но мы уже знаем, что 3–5 июля небо в Крыму и над морем было затянуто облаками. И если «сталинские соколы» не могли бомбить наземные площадные объекты, то как ихние «стервятники» сумели бы попасть в маневрирующие корабли и катера?

Итак, в конце июня — начале июля 1942 г. стояла облачная, но тихая

погода, и побережья Крыма без проблем могли достичь даже моторные баркасы, речные колесные пароходы, рыболовные сейнеры и тд., то есть все «а ля Дюнкерк». Замечу, что в штормовом марте 1944 г. наши адмиралы рискнули отправить вокруг Крыма речные бронекатера, причем из-за сильного шторма погиб лишь один катер.

Наконец, где были расположены аэродромы, где гнездились сии «стервятники» (Хе-111, Ю-88, Ю-87 и тд.)? На крымских аэродромах Сарабуз, Саки, Евпатория, Багерово, Керчь. Таким образом, подавляющее большинство «стервятников» базировалось в нескольких километрах от побережья в радиусе действия корабельной артиллерии. Причем не только линкора и крейсеров, но и эсминцев.

Кто мешал 3–4 июля «Парижской Коммуне», трем крейсерам и трем эсминцам обрушить тысячи снарядов калибра 305–102 мм на оные аэродромы?! Германские самолеты стояли на них открыто (без капониров). Да и необязательно поражать самолеты. Достаточно перепахать снарядами взлетные полосы, и на сутки-двое аэродром выйдет из строя, а этого времени хватило бы для эвакуации десятков тысяч бойцов.

Помимо кораблей удар по аэродромам могли нанести и 28 бомбардировщиков Черноморского флота. Наконец, можно было привлечь и бомбардировщики ВВС. Правда, у группировки люфтваффе, действовавшей против Севастополя, помимо крымских было еще два аэродрома — в Запорожье и в Николаеве, но действовать оттуда по корабля, находившимся юго-западнее Севастополя, было довольно сложно.

Удар по аэродромам немцев — не моя идея. Послевоенные германские военные историки, например, Майстер, удивляются, почему русский флот не громил их аэродромы.

Увы, за всю оборону Севастополя командование Черноморского флота предприняло всего лишь одну робкую попытку атаковать аэродром противника

19 февраля 1942 г. эсминец «Шаумян» обстрелял сорока 102-мм снарядами аэродром в Саки. И всё!

В мае 1961 г. в Севастополе проходила военно-историческая конференция, посвященная 20-летию начала героической обороны Севастополя. Там выступал Ф.С. Октябрьский, получивший в 1958 г. (!) звание Героя Советского Союза. Он сказал «Товарищи, обстановка тогда сложилась трудная... В этих условиях встал вопрос, как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот»^[195].

Разумеется, тогда никто не возмутился речам адмирала, явно пародировавшим слова Кутузова, сказанные в 1812 г. Но тогда врагу была оставлена горящая, а главное, пустая Москва! В 1812 г. была сохранена армия, которую в тогдашних условиях можно было воссоздать не менее чем за 5 лет. А тут на убой немцам было оставлено свыше 100 тысяч закаленных в боях бойцов, которые могли не пустить немцев на Кавказ.

Что же касается флота, то линкор, крейсера, эсминцы и даже канонерские лодки не сыграли, по воле тех же адмиралов, никакой роли в последующих боях. В то же время наша промышленность в 1942–1943 гг. сдала флоту сотни бронекатеров, торпедных и сторожевых катеров и тд. Сотни катеров тех же типов нам поставили союзники. Причем они были лучше на порядок их советских довоенных аналогов — более мореходными и имели скорострельные зенитные автоматы (наши и импортные), РАС и тд. Причем при необходимости не только новые катера, но и старые катера, и подводные лодки типа «М» XII и XV серий легко перебрасывались по железной дороге на Черное море с Тихоокеанского и других флотов.

Летом 1942 г. судьбу Черного моря решали сухопутные силы и базы. И если бы тогда удалось отстоять Севастополь, немцы не проникли бы на Кавказ, и ход войны мог кардинально измениться. При этом были оправданы любые потери кораблей. Даже если бы погибло 90 % кораблей и катеров Черноморского флота, эти потери были легко восполнимы в течение последующих 3–4 месяцев. (Понятно, речь идет об общей мощи флота, включая авиацию, торпедные катера, подводные лодки, десантные корабли и тд. Естественно, линкор на Черное море перевести было нельзя, да и особой нужды в этом не было.)

После падения Севастополя Черноморский флот был загнан немцами в юго-восточный угол Черного моря. На остальной части Черного моря и на Азовском море немцы установили безраздельное господство. Многие десятки германских транспортов практически без потерь курсировали от устья Дуная и Констанцы как к Босфору, так и к Одессе, Севастополю и Анапе.

Немцами с января по март 1943 г. на позицию «Готенкопф» на Кавказе из Крыма были доставлены 105 тыс человек, 45 тыс лошадей, 7 тыс автомашин и 12 тыс гужевых повозок. «С конца марта до конца августа из Крыма на позицию "Готенкопф" было доставлено 337 353 т грузов, 6365 человек, 2566 лошадей и 197 орудий, а также 534 гужевые повозки. Портами погрузки были Керчь, Геническ и Феодосия, портами разгрузки — Тамань, Сенная, Рыбозавод, Анапа и Темрюк»^[196].

Немцы подошли к Сухуми на расстояние около 30 км. Немцам не

хватало для последнего рывка «всего нескольких десятков истребителей, полдюжины батальонов и нескольких сотен мулов. Теперь, когда до цели оставались считанные километры, все это отсутствовало»^[197].

Любопытно, что немцев подвела зависть генералов Ставки к лаврам Манштейна. Новоиспеченный генерал-фельдмаршал решил бросить всю свою 11-ю армию на форсирование Керченского перешейка и далее идти на юг до турецкой границы. Но генералы Ставки убедили Гитлера дать иное назначение 11-й армии.

Прочитую Эриха Манштейна: «Когда я 12 августа возвратился в Крым ^[198] то нашел здесь, к моему сожалению, новые указания Главного командования. План форсирования армией Керченского пролива отпадал. Выполнение этой операции возлагалось лишь на штаб 42-го корпуса и 42-ю дивизию совместно с румынами, 11-я же армия предназначалась для захвата Ленинграда, куда уже была отправлена действовавшая под Севастополем артиллерия. Но, к сожалению, в дальнейшем от нашей армии откололись еще три дивизии. 50-я дивизия должна была оставаться в Крыму, 22-я дивизия, опять преобразованная в авиадесантную, была отправлена на остров Крит, где она оставалась по существу в бездействии до конца войны, а это была одна из наших лучших дивизий. Уже во время переброски у нас была изъята в группу армий "Центр" 72-я дивизия, чтобы ликвидировать на одном участке кризисное положение»^[199].

На взгляд автора, использование 11-й армии на Кавказе, да еще под командованием столь опытного полководца, не изменило бы общего хода войны на Восточном фронте. Но вероятность того, что немцы овладели бы портами Сухуми, Поти и Батуми, и с Черноморским флотом было бы покончено, весьма велика.

Другой вопрос, что после разгрома под Сталинградом немцам все равно пришлось бы эвакуироваться с Кавказа.

Все это в общих чертах в мае — июне 1942 г. и в деталях в 1961 г. должен был знать Филипп Октябрьский. Но, увы, до конца жизни он не пожелал признать своих ошибок. Замечу, что в своих статьях и воспоминаниях его дочь Римма Филипповна намекает на неприязненные отношения с Н.Г. Кузнецовым, но никогда не пытается свалить на него вину за сдачу Севастополя.

По данным Г.И. Ванеева, всего за период с 1 по 10 июля в порты Кавказского побережья было доставлено 1726 бойцов СОРа, а убито или взято в плен было 130 125 человек^[200]. Различные немецкие источники указывают число пленных 90—100 тыс человек. Судя по всему, правы

немцы, а не Ванеев. В сводках, предоставляемых военными, наверняка не указывались тыловые подразделения, местные подразделения и тд.

Сообщение же Совинформбюро об оставлении Севастополя от 3 июля 1942 г. было верхом лжи и цинизма: «Сколь успешно выполнил севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно на следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма севастопольской обороны полностью разгромлены 22,24,28, 50,132 и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных полка, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1,4,18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений...

Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 чел убитыми, 21099 — ранеными, 8300 — пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»^[201].

То есть все штурмовавшие Севастополь германские части уничтожены, а наши части благополучно эвакуированы на Кавказ.

1 июля Гитлер за взятие Севастополя присвоил генерал-полковнику Манштейну чин генерал-фельдмаршала. Манштейна завалили подарками, в том числе и от представителей династии Гогенцоллернов. Среди них был и оригинальный подарок. Манштейн писал: «Один русский священник, бежавший от большевиков во Францию и живший теперь в Виши, прислал мне толстую трость. Она была изготовлена из узловатой виноградной лозы, в набалдашник был вделан топаз, а на узком металлическом кольце стояла надпись на русском языке. В письме священник писал, что его дед во время Крымской войны, будучи командиром полка, участвовал в обороне Севастополя. Он был тяжело ранен в ногу, и солдаты его полка сделали ему эту трость. Обрадованный тем, что я занял Севастополь и освободил Крым от большевиков, он, священник, захотел послать мне эту трость в знак благодарности»^[202].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Филипп Сергеевич Октябрьский в 1948–1953 гг. был первым заместителем главнокомандующего ВМС, затем — начальником управления в центральном аппарате ВМС, начальником Черноморского высшего военно-морского училища. С 1960 г. Октябрьский в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Член УРК ВКП(б) в 1941–1952 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1940–1950 гг.

Николаю Герасимовичу Кузнецову в 1945 г. присвоили звание Героя Советского Союза. До 1946 г. — нарком ВМФ. С февраля 1950 г. — командующий Тихоокеанским флотом, в 1951–1953 г. — военно-морской министр, в 1953–1956 гг. — первый заместитель министра обороны СССР — главнокомандующий ВМС. В 1955–1956 гг. — Адмирал Флота Советского Союза. Награжден четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Ушакова I степени, орденом Красной Звезды.

Все вышесказанное взято из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» (М.: Советская энциклопедия, 1985). Риторический вопрос, можно ли было говорить о причинах падения Севастополя при жизни столь высоких особ?

Любопытно, что в 1948 г., когда Кузнецов вместе с группой других адмиралов был предан суду, его обвиняли в самых разных грехах (в основном вымышленных), но никто из обвинителей даже не заикнулся о трагедии Севастополя. Кузнецов отделался только понижением в звании с полного адмирала до контр-адмирала. А 11 мая 1953 г. судимость была вообще снята.

После 1991 г. в России наметились две основные группы военных историков XX века — обличительная и охранительная. Обличители — это известные институтские профессора или просто «рафинированные интеллигенты». Их кредо выразила профессор Чудакова: «Нельзя быть объективным, когда речь идет о Сталине». Их задача — опорочить Сталина, да и весь советский строй. Факты и детали их, естественно, интересуют постольку-поскольку они вписываются в «ужасы советского режима». Я боюсь, что какой-либо квасной патриот запишет и меня, грешного, в «обличители». На все попреки я отвечаю одним я писал по тем документам, которыми я располагал И если мне покажут письмо Октябрьского Сталину, датированное 1938–1940 гг., с просьбой прислать на Черноморский флот

дальние истребители или нормальные торпедные катера, я немедленно его опубликую и посыплю голову пеплом почему я не нашел сего документа ранее! Но, увы, ничего подобного нигде нет.

Другая категория — это штатные военно-морские историки. Они или на действительной службе (таких десятки), или преподают в военно-морских академиях и т. п. «Охранители» пишут монографии о тех или иных операциях, но только о том, «что можно писать». Как-то я спросил профессора Военно-морской академии, а где найти данные о перевозках грузов и людей из устья Дуная через Проливы? Ведь именно так немцы снабжали свои гарнизоны в Греции, Югославии. Их транспорты далее шли в Италию, Африку и на юг Франции. Ответ: «Нигде! Кому и для чего это нужно?» Как видим, «подобные мелочи» интересует только меня.

«Охранители» периодически поругивают Сталина, хотя с меньшей на порядок интенсивностью, чем «обличители». Зато Кузнецов и Октябрьский для них «священные коровы». Попробуй упомянуть об их минных заграждениях, вывозе боеприпасов и артиллерии из Севастополя — получишь целый набор контраргументов: «Они действовали по уставу. Ты сам во флоте не служил, уставов не зубрил, вот и помалкивай»; «Это не входило в его компетенцию»; «Ему не доложили» и тд., и т. п.

Между тем еще 200 лет назад вся Европа смеялась над десятками генералов, фельдмаршалов и эрцгерцогов, которые действовали по уставу и всегда были в пределах своей компетенции: «Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует», — читал Вейротер^[203].

Ну а потом их всех зверски побил «враг рода человеческого».

«Буонапартия» сослала на остров Св. Елены. Генерал-фельдмаршал Манштейн после войны получил 18 лет «по рогам». Ну а Кузнецов с Октябрьским стали нашими лучшими флотоводцами, на их примерах уже полвека учатся молодые офицеры. Их именами названы боевые корабли. Глядишь, вслед за Федором Федоровичем Ушаковым их... того... причислят к лику...

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Снабжение Севастополя

Таблица I

Доставлено транспортом и боевыми кораблями флота в Севастополь
(январь — май 1942 г.)^[204]

Наименование	Единица измерения	Месяц					Всего
		январь	февраль	март	апрель	май	
Военнослужащих	чел.	26 323	16059	4524	8327	14 973	70 206
Боеприпасов	т	5969	3773	2388	1344	3607	17 081
Минометов	шт.	—	90	270	—	19	379
Продфуража	т	9428	9149	2387	6009	5936	32 909
Топлива жидкого	т	10 470	8980	5268	4950	4976	34 644
Грузов разных	т	1920	5830	2440	5807	930	16 927

2. Авиация Черноморского флота

Таблица II

Боевой состав севастопольской авиагруппы (январь — июнь 1942 г.)^[205]

Наименование самолетов	6 января	22 февраля	22 марта	22 апреля	1 мая	10 июня	25 июня
Як-1	15	14	9	9	15	10	8
МиГ-3	8	9	9	7	1	—	—
ЛаГГ-3	—	—	—	—	—	2	2
И-16	9	7	7	7	6	8	4
И-153	12	12	10	8	14	3	2
И-15	8	8	8	8	6	1	1
Ил-2	9	12	9	9	13	2	8
У-2	—	—	—	—	7	8	6
УТ-16	—	—	—	—	6	6	1
ЛБ-3	2	6	6	6	7	1	—
СБ	—	—	3	4	3	2	—
Пе-2	8	10	9	10	7	—	—
ГСТ	3	3	3	3	—	—	—
МБР	21	22	19	13	6	—	—
Всего	95	103	92	84	91	43	32

Таблица III

Боевой состав и дислокация ВВС Черноморского флота на 22 июля

Наименование частей	Тип самолета	Количество самолетов	
		в строю	в ремонте
62-я авиабригада (3, 7, 32 и 62-й авиаполки)	Як-1	16	4
	МиГ-3	4	7
	ЛаГГ-3	27	16
	И-16	6	5
	И-15	11	4
	И-153	2	1
	Ути-4	2	1
	Ут-2	3	—
	Ут-1	3	1
	У-2	3	1
	Всего	77	40

Наименование частей	Тип самолета	Количество самолетов	
		в строю	в ремонте
63-я авиабригада (5-й гвардейский и 40-й авиаполки)	ДБ-3	11	1
	Пе-2	6	3
	СБ	7	2
	УСБ	1	—
	Ут-1	1	1
	У-2	2	3
	Всего	28	10
27-я разведывательная авиаэскадрилья	Пе-2	1	2
	Пе-3	1	1
	ДБ-3	2	1
	Всего	4	4
87-я авиаэскадрилья	И-16	8	—
	И-15	10	—
	Ут-2	1	—
	Ут-1	1	—
	У-2	1	—
	Всего	21	—

46-й авиаполк	Ут-16	2	14
18-й авиаполк	Ил-2	15	7
14-я авиаэскадрилья	Ил-2	5	4
119-й авиаполк	МБР-2	24	4
	У-2	1	—
	Всего	25	4
82-я авиаэскадрилья	МБР-2	7	—
80-я авиаэскадрилья	ГСТ	—	1
	МБР-2	1	—
60-я авиаэскадрилья	МБР-2	4	5
Отдельное корректировочное авиазвено	МБР-2	4	—
	КОР	—	2
Звено связи Управления ВВС Черноморского флота	Ут-2	2	1
	Ут-1	3	1
	У-2	1	3
	Всего	6	5
8-я учебная авиаэскадрилья	Разные	15	9

Наименование частей	Тип самолета	Количество самолетов	
		в строю	в ремонте
Особый Черноморский отряд	ПС-84	1	—
	ПР-5	3	1
	П-5	1	2
	С-2	3	—
	СП	6	2
	У-2	1	1
	Всего	15	6
18-й транспортный отряд	ТБ-3	1	1
Итого по ВВС Черноморского флота		230	112

3. Группировка люфтваффе в Крыму в конце мая — начале июля 1942 г. [207]

Таблица IV

Соединение	Подразделение	Аэродром	Период нахождения	Количество самолетов в подразделениях на 1.06.1942
VIII авиакорпус	I/KG51	Запорожье, Сарабуз	29.05— 30.06.1942	35— Ю-88А
	II/KG51	Запорожье, Сарабуз	29.05— 10.06.1942	38 — Ю-88А4, С-6
	I/KG76	Сарабуз	31.05— 3.06.1942	28 — Ю-88А4
	III/KG76	Сарабуз	31.05— 28.06.1942; часть до 3.07.1942	41 — Ю-88А4, С-6
	I/KG100	Саки	весь период	33 — Хе-111Н6
	III/LG1	Евпатория	весь период	27 — Ю-88А4

Соединение	Подразделение	Аэродром	Период нахождения	Количество самолетов в подразделениях на 1.06.1942
VIII авиакорпус	I/StG77	Сарабуз	31.05— 9.07.1942	37 — Ю-87В/ R/D
	II/StG77	Сарабуз	31.05— 26.06.1942	29 — Ю-87В/R
	III/StG77	Сарабуз	31.05— 9.07.1942	27 — Ю-87В/R
	III/JG3	Сарабуз	31.05— 24.06.1942	27 — Me-109F4
	II/JG77	Багерово Сарабуз	19—24.05.1942 24.05— 2.07.1942	36 — Me-109F4
	III/JG77	Сарабуз Багерово	31.05— 27.06.1942 27.06— 19.07.1942	37 — Me-109F4
	3(H)/11	Симферополь	весь период	10 — Me-110C5, Д-4, Е-3
	3(H)/13	Симферополь	весь период	14 — Хс-126В1
	Westa76	Николаев	весь период	11 — Ю-88А4, Д-1, Д-5; 2 — Хе-111Н6
FlIFu Sud	II/KG26	Саки	весь период	45 — Хе-111Н6
	I/JG77	Константиновка Сарабуз Багерово	15—26.05.1942 26.05— 11.06.1942 11—28.06.1942	27 — Me-109F4

Соединение	Подразделение	Аэродром	Период нахождения	Количество самолетов в подразделениях на 1.06.1942
FluFu Sud	4(F) /122	Саки	весь период	13 — Ю-88D1, Д-5; 1 — Хе-111Н6
	4(H) /31	Керчь	весь период	11 — Фв-189А1, А3
Итого				528 боевых самолетов

4. Данные линкора и крейсеров Черноморского флота

Линейный корабль

«Парижская коммуна» (до 31.03.1921 г. «Севастополь»), с 31.05.1943 г. «Севастополь»

Заложен 3.06.1909 г. на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. 16.05.1911 г. зачислен в списки судов БФ. Спущен 16.06.1911 г., вступил в строй 4.11.1914 г. Прошел капитальный ремонт в 1922–1923 гг, 1924–1925 гг. и модернизацию в 1928–1929 гг. 22.11.1929 г. убыл из Кронштадта на Черное море 18.01.1930 г. прибыл в Севастополь и вошел в состав ЧФ. Прошел капитальный ремонт в 1933–1938 гг. 24.07.1954 г. переклассифицирован в учебный ЛК 17.02.1956 г. исключен из списков судов ВМФ и сдан в Отдел фондового имущества (ОФИ) для демонтажа и реализации В 1956–1957 гг. разделан на базе «Главвторчермета» в Севастополе на металл

Данные на 1943 г.: Водоизмещение стандартное 25 500 т, полное 30 395 т. Длина 184,8 м; ширина 32,5 м; осадка 9,65 м 4 паротурбинные установки общей мощностью 61 000 л с 4 винта Топливо: 1950 т мазута Скорость хода максимальная 21,5 узла, полного хода 20 узлов, экономического хода 14 узлов. Дальность плавания экономическим ходом 2160 миль. Экипаж 1546 чел

Бронирование:

В районе жизненных частей корабля: Борт: верхний пояс 125+37,5 мм, нижний пояс 225+50 мм; палубы: верхняя 37,5 мм, средняя 75 мм, нижняя 25 мм; траверзы: при 29 и 125 шпангоутах нижний пояс от 2-го дна до нижней палубы 50 мм, от нижней до средней палубы 100 мм; верхний пояс при 29 шпангоуте 50 мм, при 125 шпангоуте 125 мм

Оконечности: борт в носовой части: верхний пояс от 27 шпангоута до форштевня 75 мм, нижний пояс 125 мм; палубы: носовая верхняя 37,5 мм, средняя 25 мм, кормовая 37,5 мм.

Рубка: крыша верх 120 мм, пол 70 мм, боковые стенки 250 мм

Башня: крыша 152 мм, лобовая стенка 203 мм, боковые стенки 203 мм, задняя стенка 305 мм.

Бронирование противоминной артиллерии: вертикальное (казематный

пояс) 125 мм, горизонтальное (верхняя палуба) 37,5 мм

Вооружение к началу 1944 г.: 12—305/52-мм, 16— 120/50-мм, 6-76/55 34К, 16—37-мм 70К; 2 4—12,7-мм пулеметов Виккерса и 12—12,7-мм пулеметов ДШК. Торпедное вооружение сняли в 1933–1938 гг.

Крейсера

«Коминтерн» (до 31.12.1922 г. «Память Меркурия», до 25.03.1907 г. «Кагул»)

Заложен 23.08.1901 г. в Николаеве, спущен 20.05.1902 г., вступил в строй в 1905 г. 24.04.1919 г. англичане в Севастополе взорвали машины крейсера. В 1921–1923 гг. крейсер восстановлен, взорванные части машины взяты с однотипного крейсера «Богатырь», крейсер прошел капитальный ремонт в 1930–1931 гг. В годы Великой Отечественной войны «Коминтерн» именовали крейсером, учебным крейсером и минным заградителем, а иногда в различных комбинациях: крейсер — минный заградитель. 2.07.1942 г. в порту Новороссийск КР получил прямое попадание авиабомбы. В июле 1942 г. был разоружен. 7.09.1942 г. Военный совет Черноморского флота решил для защиты канала в устье реки Хопи затопить КР «Коминтерн» и три транспорта, 10.10.1942 г. крейсер затоплен в устье реки Хопи.

Водоизмещение полное 7838 т. Длина 133,0 м; ширина 16,6 м; осадка 7,2 м. Машины общей мощностью 19 500 л с. Скорость хода максимальная 20 узлов, экономическая 12 узлов. Дальность плавания экономическим ходом 2200 миль. Экипаж 490 чел

Вооружение на 1941 г.: 8—130/55-мм, 3—76/30-мм Лендера, 3—45-мм 21К, 195 мин. В ходе ремонта с 23.04.1942 г. по 1.09.1942 г. Три пушки Лендера заменили на 76/55-мм 34К.

«Красный Кавказ» (до 14.12.1926 г. «Адмирал Лазарев»)

Заложен 18.10.1913 г. на заводе «Руссуд» в Николаеве, спущен 15.05.1916 г., вступил в строй 25.01.1932 г. С 12.05.1947 г. — учебный крейсер. С весны 1952 г. — корабль-мишень. Потоплен в июне 1953 г. в ходе испытаний самолета-снаряда «Комета».

Водоизмещение стандартное 7560 т, нормальное 8000 т, полное 9030 т. Длина 169,5 м; ширина 15,71 м; осадка 6,6 м 4 паротурбинные установки Броун Бовери-Парсонс общей мощностью 55 000 л с 4 винта Топливо: 1050 т мазута Скорость максимальная 29 узлов, полным ходом 26 узлов, экономическим ходом 14 узлов. Дальность плавания экономическим ходом

1490 миль. Экипаж 878 чел

Бронирование: В районе жизненных частей корабля: борт между верхней и нижней палубами 25 мм, палубы: верхняя 25 мм, нижняя 20 мм, траверз кормовой 25 мм

Оконечности: борт между верхней и нижней палубами 20 мм, палубы: верхняя 25 мм, нижняя 20 мм Рубки: крыша 75 мм, боковые стенки 125 мм. Башни: крыша 25 мм, боковые стенки 25 мм, задняя стенка 25 мм, передняя стенка 25 мм.

Артиллерийское вооружение к началу 1944 г: 4—180/60-мм Б-1-К; 6 * 2—100/47-мм Минизини, 2—76/55-мм 34К, 4—45-мм 21К; 10—37-мм 70К; 2 * 4—12,7-мм Виккерс, 4—12,7-мм ДШК.

Минно-торпедное вооружение: 4 — трехтрубных 45-см ТА обр. 1912 г. (боекомплект 12 торпед). Мог принять на палубу 100 мин КБ-3.

«Красный Крым» (до 31.10.1939 г. «Профинтерн», до 5.02.1925 г. «Светлана»)

Заложен 11.11.1913 г. на Русско-Балтийском заводе в Ревеле, спущен 28.11.1915 г. В ноябре 1917 г. в недостроенном виде отбуксирован в Петроград. Вступил в строй 1.07.1928 г. 22.11.1929 г. ушел из Кронштадта и 18.01.1930 г. прибыл в Севастополь и вошел в состав Черноморского флота. С 31.05.1949 г. — учебный крейсер. 8.04.1953 г. выведен из боевого состава, разоружен и переклассифицирован в плавказарму, а 17.02.1956 г. сдан в ОФИ для разборки на металл.

Водоизмещение стандартное 6830 т, нормальное 7190 т, полное 8000 т. Длина 158,4 м; ширина 15,35 м; осадка 9,65 м. 4 паротурбинные установки ЛЕГ завода «Вулкан» общей мощностью 46 300 л с 4 винта. Топливо: 950 т мазута. Скорость максимальная 29,5 узла (по проекту). На 1944 г. скорость полным ходом 22 узлов, экономическим ходом 14 узлов. Дальность плавания экономическим ходом 1230 миль. Экипаж 852 чел

Бронирование: В районе жизненных частей корабля: борт 75 мм, палуба 20 мм. Оконечности: борт 75 мм, палуба 20 мм, траверз 50 мм. Рубка: крыша 75 мм, боковые стенки 125 мм Бронирование постов палубной артиллерии: вертикальное 25 мм, горизонтальное 25 мм.

Артиллерийское вооружение на 1944 г: 15—130/55-мм, 3 x 2—100/47-мм Минизини, 4—45-мм 21К; 10—37-мм 70К; 2 x 4—12,7-мм Виккерс, 4—12,7-мм ДШК.

Минно-торпедное вооружение: 2 — трехтрубных 53-см торпедных аппарата типа 39-Ю (боекомплект 6 торпед). Мог принять на палубу 90 мин КБ-3 или 100 мин обр. 1926 г.

«Червона Украина» (до 26.12.1922 г. «Адмирал Нахимов»),

6.02.1950 г. СТЖ-4, с 30.10.1950 г. ЦЛ-53

Заложен 18.10.1913 г. на заводе «Руссуд» в Николаеве, спущен 25.10.1915 г., вступил в строй 21.03.1927 г. Прошел капитальный ремонт в 1932 г. 12.11.1941 г. в Севастополе подвергся авианалету германской авиации. Крейсер получил 2 прямых попадания в районе шкафута, и три бомбы взорвались в непосредственной близости от борта. Подводным взрывом разрушено днище носовой части. Через 16 часов крейсер затонул. Артиллерия снята и установлена на береговых батареях Севастополя. Работы по подъему крейсера велись с января 1946 г. 13.11.1947 г. крейсер поднят и 8.02.1948 г. поставлен в док. 11.04.1949 г. крейсер передан в учебный отряд Черноморского флота в качестве учебно-тренировочного судна (УТС). 6.02.1950 г. назван СТЖ-4. 30.10.1950 г. обращен в корабль-цель и назван ЦЛ-53.

Водоизмещение стандартное 6600 т, нормальное 6937 т, полное 8400 т. Длина 166,9 м; ширина 15,7 м; осадка 6,5 м. 4 паротурбинные установки общей мощностью 55 000 лс. 4 винта. Топливо: 690 т мазута и 540 т угля. Скорость максимальная 29,5 узла, максимальная на 1941 г. 25,0 узлов, экономическая 14 узлов. Дальность плавания экономическим ходом 1370 миль.

Бронирование: В районе жизненных частей корабля: борт 75 мм, палуба 20 мм. Оконечности: борт 75 мм, палуба 20 мм, траверз 50 мм. Рубки: крыша 75 мм, боковые стенки 125 мм. Бронирование постов палубной артиллерии: вертикальное 25 мм, горизонтальное 25 мм.

Артиллерийское вооружение: 15—130/55-мм, 32—100/47-мм Минизини, 6—45-мм 21К; 12—37-мм 70К; 7—12,7-мм ДШК.

Минно-торпедное вооружение: 2 — трехтрубных 53-см торпедных аппарата типа 39-Ю (боекомплект 6 торпед). Мог принять на палубу 90 мин КБ-3 или 100 мин обр. 1926 г.

«Ворошилов»

Заводской № 297. Заложен 15.10.1935 г. на заводе 198 в Николаеве по проекту 26. Спущен 28.06.1937 г., вступил в строй в июне 1940 г. Прошел аварийно-боевой ремонт с ноября 1941 г. по март 1942 г. 25.03.1955 г. стал на ремонт, а затем было принято решение о перестройке крейсера по проекту 33 в опытовое судно ОС-24. В 1972 г. обращен в плавказарму ПКЗ-19. Разобран в Севастополе в 1975–1976 гг.

Данные на 1943 г.: Водоизмещение стандартное 7970 т, нормальное 8675 т, полное 9550 т. Длина 191,16 м; ширина 17,66 м; осадка 7,22 м. 2 паротурбинные установки системы Аксальдо общей мощностью 122 500 лс с 2 винта. Топливо: 1430 т мазута. Скорость максимальная 34 узла,

скорость полным ходом 32 узла, экономическим ходом 18 узлов. Дальность плавания экономическим ходом 2140 миль. Экипаж 881 чел

Бронирование: В районе жизненных частей корабля: борт 50 мм, палуба 50 мм, траверз 50 мм. Оконечности: борт, палуба, траверз 0—61 шпангоут и от 219 до 291 шпангоута не бронированы. Рубка: крыша 100 мм, боковые стенки 150 мм Башня: крыша 50 мм, боковые стенки 50 мм, задняя стенка 50 мм, передняя стенка 50 мм Бронирования постов палубной артиллерии нет.

Артиллерийское вооружение: 9—180/57-мм (в трех башнях МК-3—180), 6—100/58-мм Б-34, 3—45-мм 21К; 16—37-мм 70К; 2 4—12,7-мм Виккерс, 6—12,7-мм ДШК.

Минно-торпедное вооружение: 2 — трехтрубных 53-см торпедных аппарата типа 39-Ю (боекомплект 6 торпед). Мог принять на палубу 164 мины обр. 1912 г. или 100 мин обр. 1926 г. (или КБ-3). 2 бомбомета БМБ-1, одна катапульта К-12 фирмы Хенкель.

«Молотов», с 3.08.1957 г. «Слава»

Заводской № 329. Заложен 14.01.1937 г. на заводе № 198 в Николаеве по проекту 26бис. Спущен 19.03.1939 г., ступил встрой 14.06.1941 г. 3.08.1942 г. в районе Феодосии к югу от мыса Чауда был атакован германскими самолетами и итальянскими торпедными катерами. Одна торпеда попала в кормовую часть. 15 м кормы по 262-й шпангоут было оторвано взрывом. Однако крейсер 14-узловым ходом сумел дойти до Поти. В Поти в доке крейсеру приделали кормовую часть от недостроенного крейсера «Фрунзе» (проекта 68). 28.07.1943 г. «Молотов» вновь вошел в строй При ремонте в 1948–1950 гг. крейсеру возвращена вновь изготовленная «родная» корма проекта 26. С 3.08.1961 г. — учебный крейсер, тем не менее неоднократно входил в состав оперативной эскадры на Средиземном море

Водоизмещение стандартное 8200 т, нормальное 8881 т, полное 9780 т. Длина 191,2 м; ширина 17,54 м; осадка 7,2 м. 2 паротурбинные установки Харьковского завода общей мощностью 137 000 л с 2 винта Топливо: 1760 т мазута Скорость максимальная 36 узлов, скорость полным ходом 32 узла, экономическим ходом 16,8 узла Дальность плавания экономическим ходом 3860 миль. Экипаж 862 чел

Бронирование: В районе жизненных частей корабля: борт 70 мм, палуба 50 мм, траверзы 70 мм. Оконечности* борт 30 мм, палуба 30 мм (бронированы только рулевое и румпельное отделения), траверз 30 мм. Рубка крыша 100 мм, боковые стенки 150 мм. Башня: крыша 50 мм, боковые стенки 50 мм, задняя стенка 50 мм, передняя стенка 70 мм.

Бронирование боевых постов палубной артиллерии: вертикальное и горизонтальное 100 мм, орудия имели противопульные и противоосколочные щиты толщиной 7 мм.

Артиллерийское вооружение: 9—180/57-мм в трех башнях МК-3—180,6—100/56-мм Б-34, 10—45-мм 21К; 13—37-мм 70К; 8—12,7-мм ДШК.

Минно-торпедное вооружение: 2 — трехтрубных 53-см торпедных аппарата типа 39-Ю (боекомплект 6 торпед). Мог принять на палубу 96 мин обр. 1926 г. или 150 мин обр. 1908 г. 2 бомбомета БМБ-1.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М.: Яуза; Эксмо, 2006.
- Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат, 1962.
- Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. М.: Воениздат, 1958.
- Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987.
- Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974.
- Бирюк В.С. Всегда впереди. Малые охотники в войне на Черном море. 1941–1944. СПб.: Наука, 2005.
- Боевая летопись Военно-морского флота 1941–1942. М: Воениздат, 1983.
- Боевой путь советского Военно-морского флота М: Воениздат, 1974.
- Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
- Борьба за Севастополь 1941–1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943.
- Брагадин Марк-Антонио. Итальянский флот во Второй мировой войне. Екатеринбург: Зеркало, 1997.
- Ванеев Г.И. Севастополь. 1941–1942. Хроника героической обороны. Киев: Украина, 1995.
- Ванеев Г.И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1978.
- Ванеев Г.И., Ермаш С/Л., Малаховский Н.Д., Стахно С/Т., Хренов А.Ф. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942. М: Воениздат, 1969.
- Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. М: Советская энциклопедия, 1985.
- Воронин К.И. На черноморских фарватерах. М: Воениздат, 1989.
- Воронов В. И. Последняя ночь Херсонеса М: ООО «Научно-издательский центр "Отечественная военная история"», 2004.
- Гальдер Ф. Военный дневник Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—

24.09.1942). Мл Воениздат, 1971.

Гражданская война Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II. Ч. 1. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-Издательский Отдел Морских Сил РККФ, 1926.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева Мл Воениздат, 1993.

Емельянов А.Л. Советские подводные лодки в Великой Отечественной войне. МЛ: Воениздат, 1981.

Золотарев В.А., Козлов ИЛ. Три столетия Российского флота 1914–1941. Мл АСТ; СПб.: Полигон, 2004.

Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 в официальных документах. Севастополь, 2004.

Иванов В.Б. Тайны Севастополя. Кн. I. Тайны земные. Севастополь: КИЦ «Севастополь», 2005.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота Потти, 1943.

Карель П. Восточный фронт Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус; Эксмо, 2003.

Климов А.Д. Деятельность командования и политорганов Черноморского флота по укреплению береговой обороны в первые месяцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ленинград, 1967.

Колье Р. Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини. М.: Центрполиграф, 2001.

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.Л. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973.

Мабир Ж. Война в белом аду. Немецкие парашютисты на Восточном фронте 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2005.

Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. М: Эксмо, 2005.

Маношин И.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001.

Манштейн Э. Утерянные победы. МЛ: АСТ, 1999.

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007.

Моцарский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002.

Ничик Ю.М., Захар В.Р. Подводные силы Черноморского флота.

Симферополь: Таврида, 2004.

Октябрьская Р.Ф. Штурмовые годы: Рассказ об адмирале Ф.С. Октябрьском / Лит. обработка А.С. Мареты. Киев: Политиздат Украины, 1989.

Октябрьская Р.Ф. Живые голоса. Севастополь: МИР, 2001.

Октябрьская Р.Ф. Люди из прошлого, или Семейный портрет в интерьере прошедшего времени. Севастополь, 1999.

Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М, 1974.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958.

Переннев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. М.: Наука, 1976.

Платонов А.В. Господство на Черном море 1941–1944 гг. Рукопись.

Платонов А.В. Советские боевые корабли 1941–1945 гг. Часть III. Подводные лодки. СПб.: Альманах «Цитадель», 1996.

Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей 1941–1945. СПб.: Полигон, 2002.

Платонов А.В., Апальков Ю.В. Боевые корабли Германии 1939–1945, СПб., 1995.

Россия. XX век. Документы. 1941 год. /Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

Сажан П.А. Севастопольская хроника. Мj Советский писатель, 1977.

Спахов С.Ф., Степанов М.Е. Крейсер «Коминтерн». Киев: Издательство политической литературы Украины, 1990.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Германии и ее союзников, нанесенных от ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Издание Генштаба, 1957.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Издание Генштаба, 1959.

Стогний Д.Ю. Германские укрепления в Крыму. 1941–1944. Севастополь, 1996.

Три века Российского флота / Под ред. И.В. Касатонова СПб; LOGOS, 1996.

Флотоводец Материалы о жизни и деятельности Николая Герасимович Кузнецова / Автор-составитель Р.В. Кузнецова Мл Садовое кольцо, 2004.

Хорьков Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1981.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на

Черноморском театре. Выпуск 1. М. — Л: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. М.: Военмориздат, 1946.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. М.: Воениздат, 1948.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 43. М.: Воениздат, 1948.

Широкоград А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005.

Широкоград А.Б. Битва за Крым М.: Астрель; АСТ; Транзит-книга, 2005.

Широкоград А.Б. Время больших пушек: Битвы за Ленинград и Севастополь. МЛ: АСТ, 2009.

Широкоград А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. Минск: Харвест, 2002.

Широкоград А.Б. Танковая война на Восточном фронте. М.: Вече, 2009.

Широкоград А.Б. Торпедоносцы в бою. Их звали «смертниками». Мл Яуза; Эксмо, 2006.

Широкоград А.Б. Черноморский флот в трех войнах и трех революциях. М.: АСТ; 2007.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦІЙ

Командующий Черноморским флотом Филипп Сергеевич Октябрьский

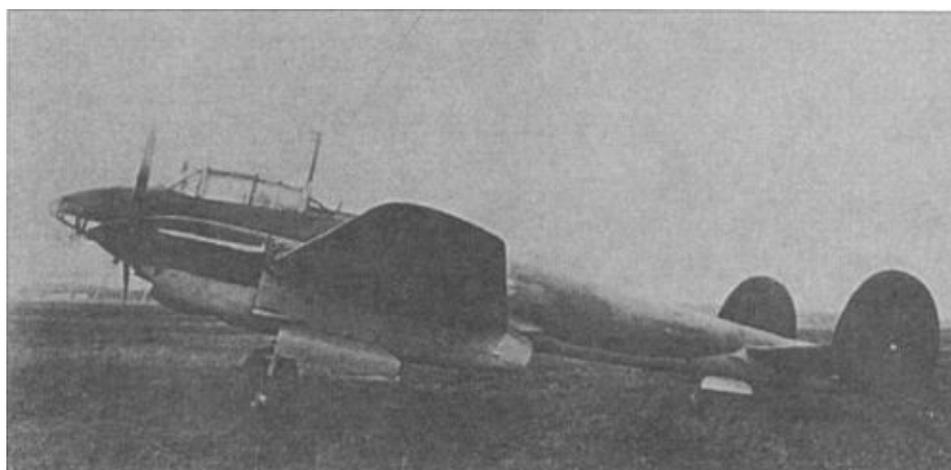
Бенито Муссолини

Нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов

Руководители обороны Севастополя 1941–1942 гг. Фото 1942 года. Сидят (слева направо): член ВС ЧФ дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, командующий ПА генерал-майор Е.И. Петров, командующий СОР и ЧФ вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, председатель ГКО Б.А. Борисов

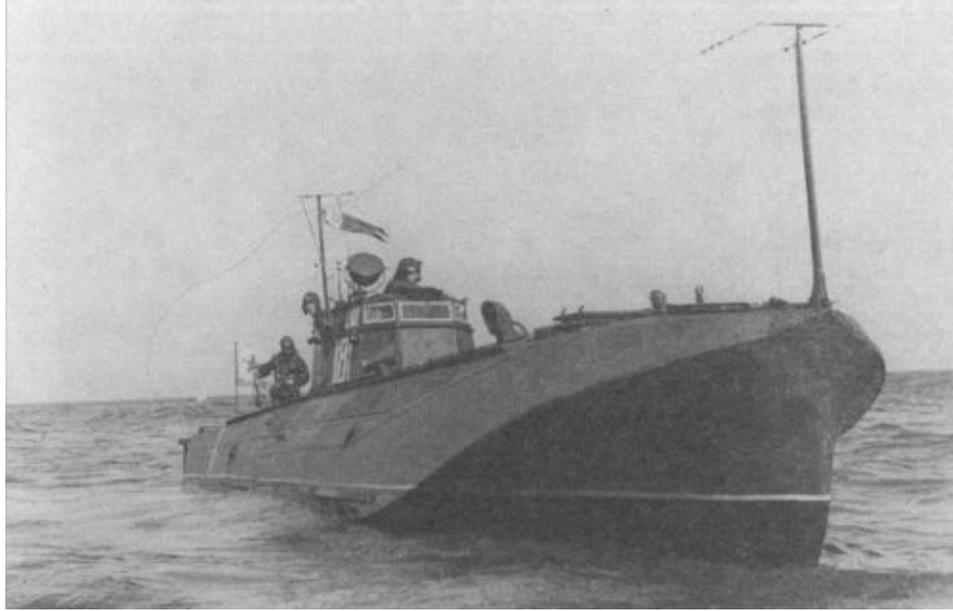
Дальний истребитель Пе-3

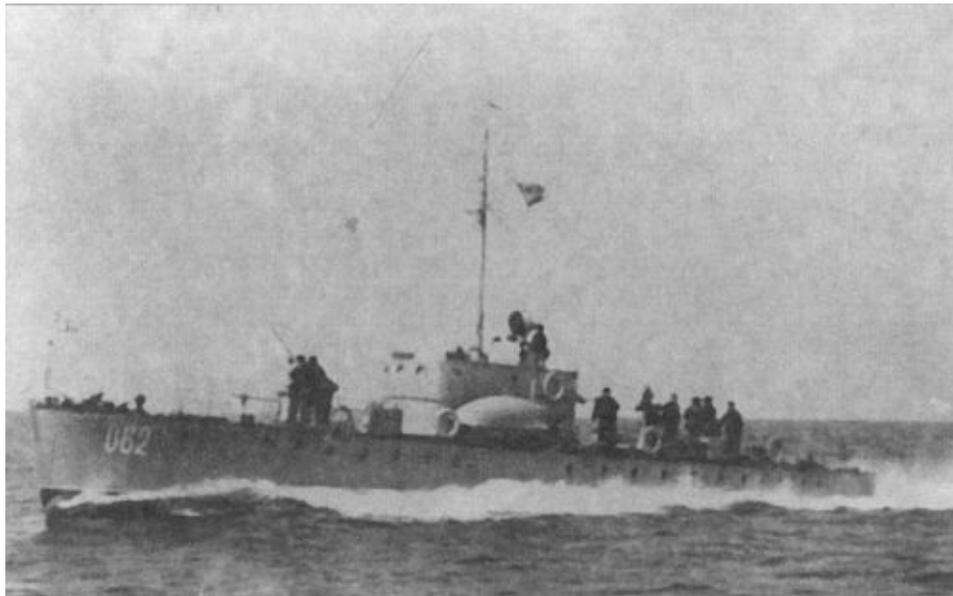
«Кривая нога» в воздухе. Германский пикирующий бомбардировщик Ю-87

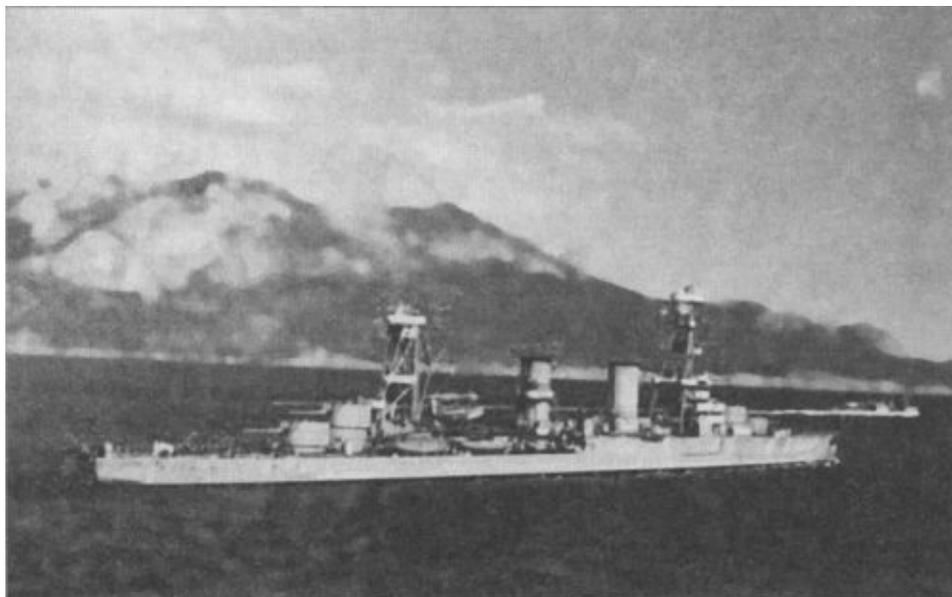
Подвеска торпеды под самолет Хе-111

Торпедный катер типа Г-5

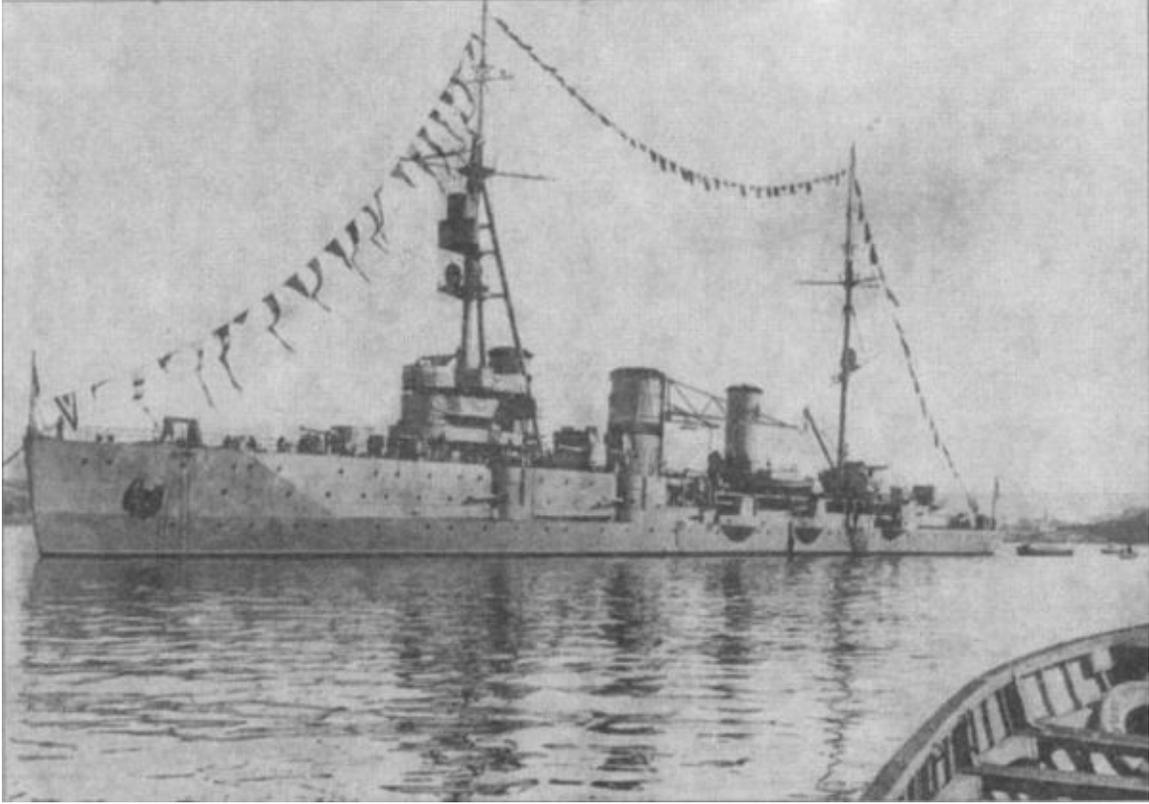
Сторожевой катер МО-4 — труженик войны

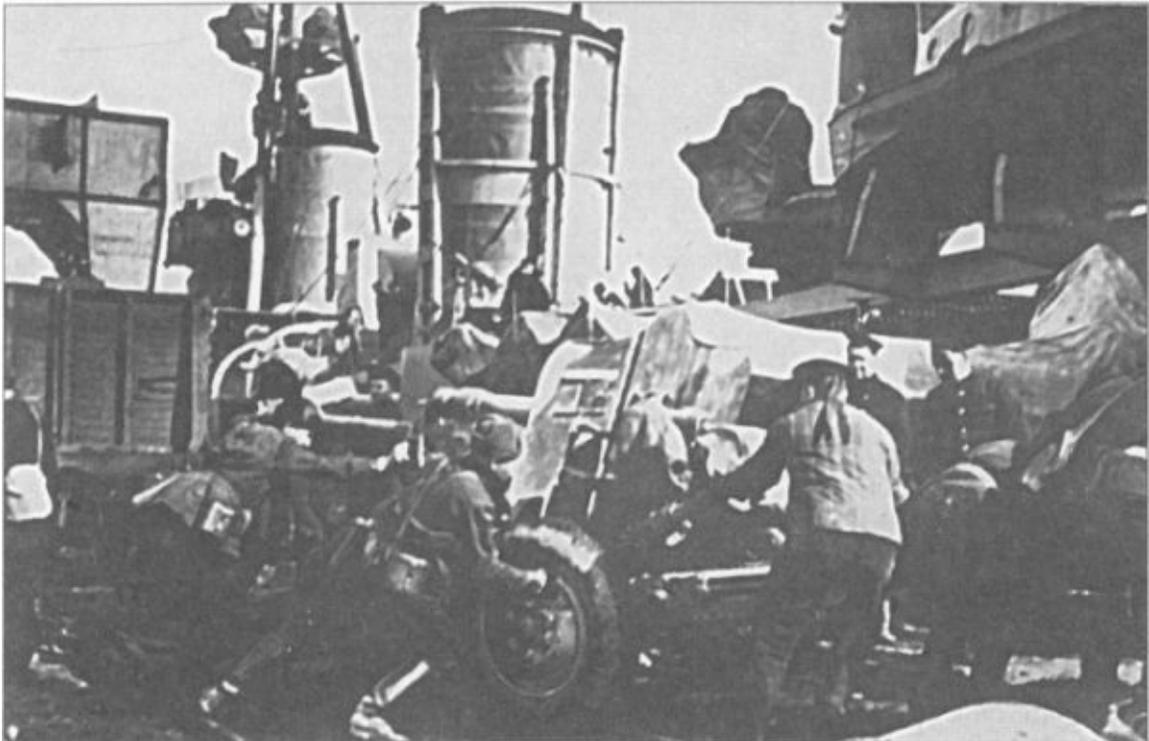
Крейсер «Красный Кавказ» у берегов Крыма

Крейсер «Молотов»

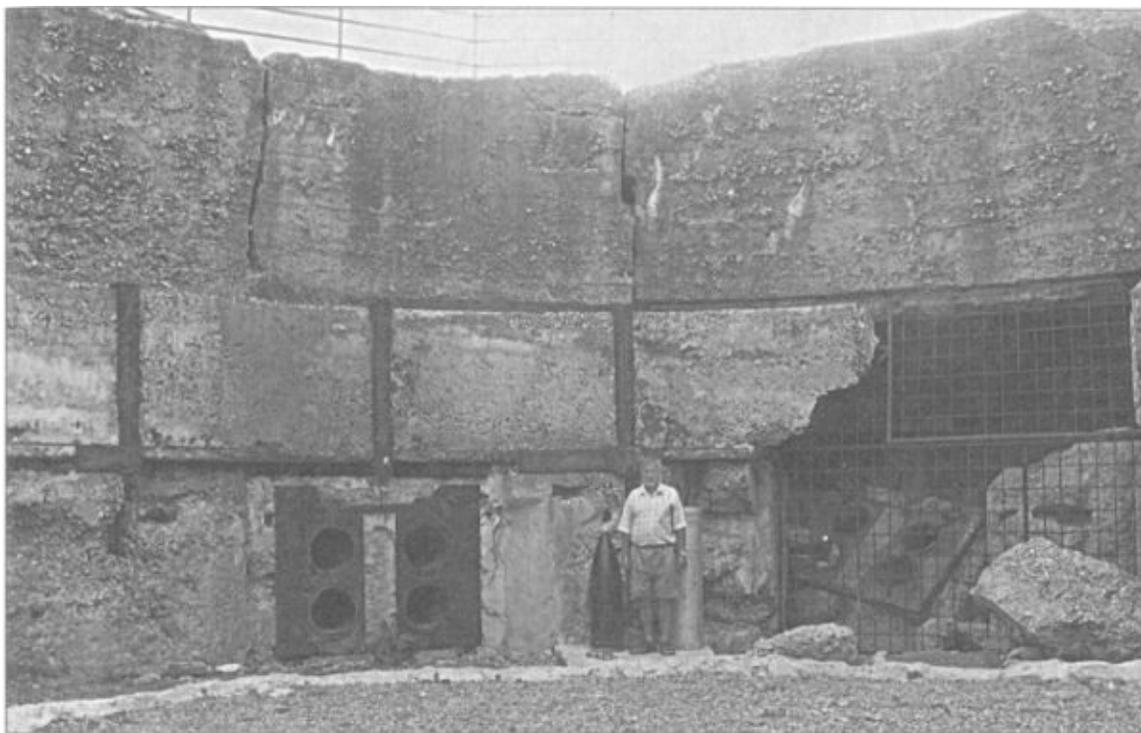
Крейсер «Красный Крым»

Новороссийск. 76-мм пушку УСВ втаскивают на палубу крейсера «Красный Крым» для отправки в Севастополь

Вход на 35-ю батарею

*Бетонный колодец 305-мм башенной батареи № 35. А.Б. Широкоград рядом с 305-мм снарядом
обр. 1911 г.*

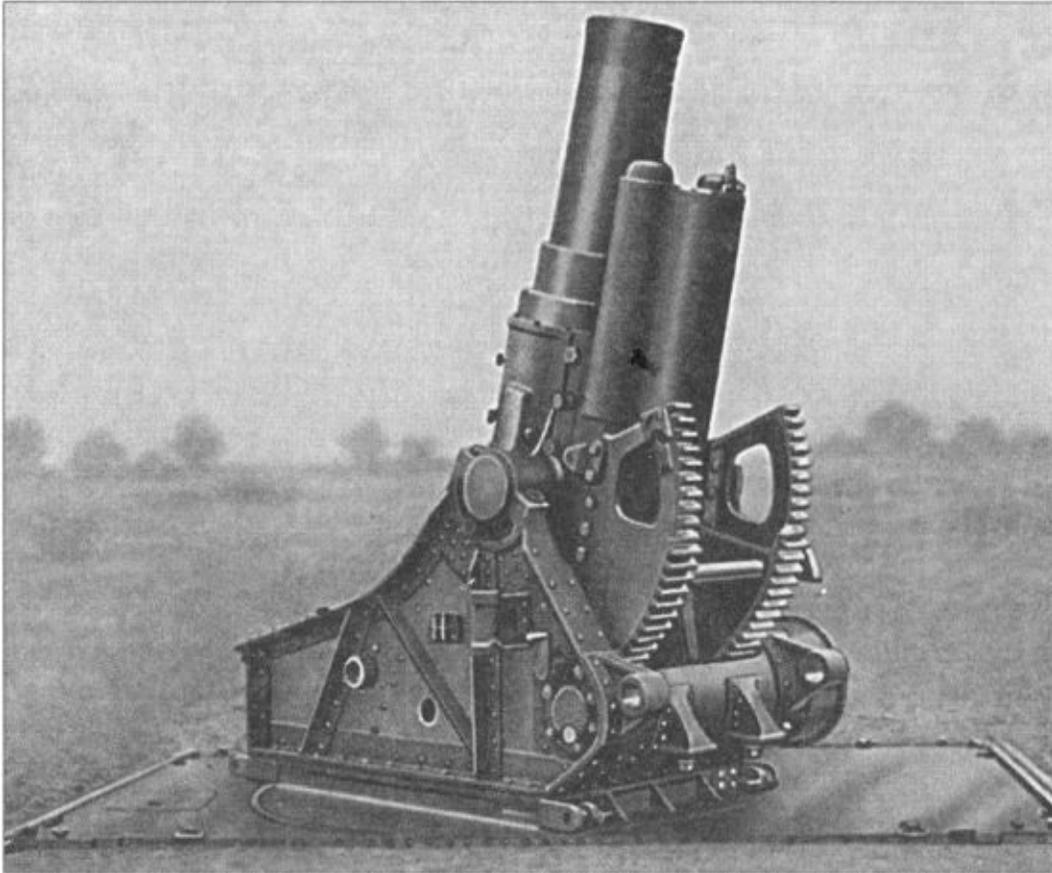
*Капитан А.Я. Лещенко, командир 35-й батареи на центральном посту батареи. Апрель 1942 г.
(Фото В. Микоши)*

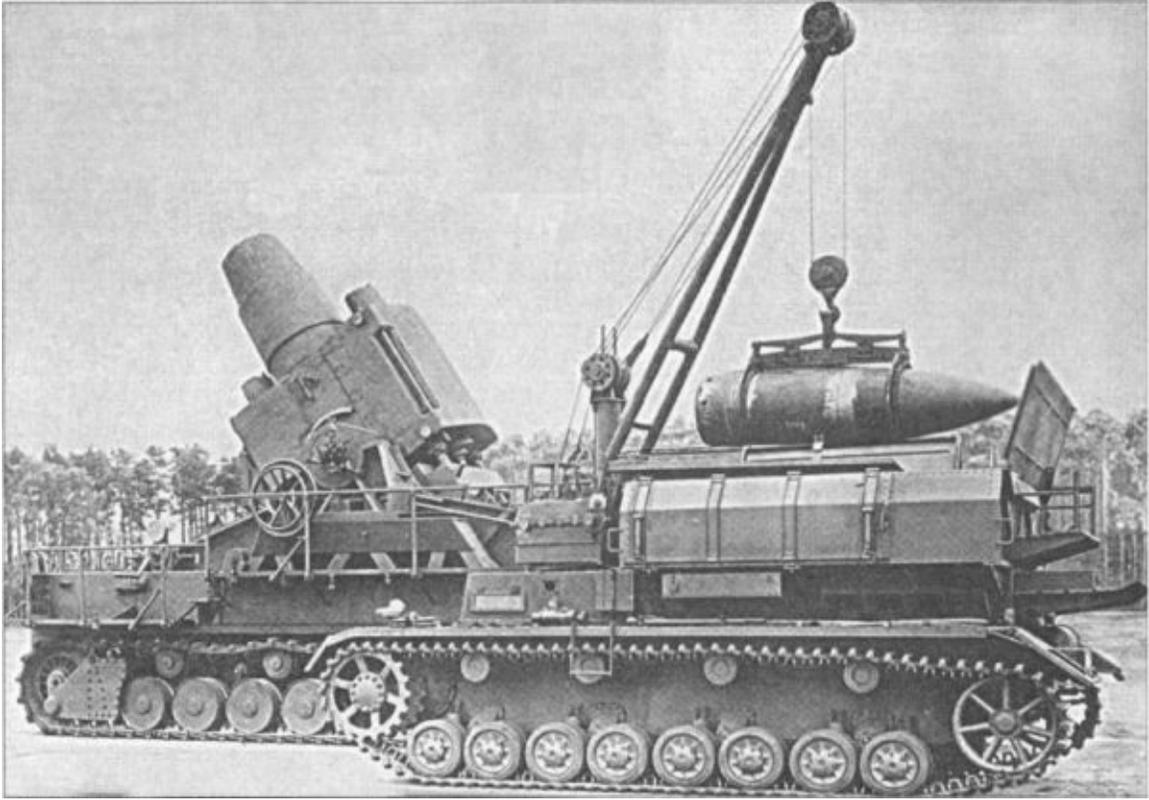
Фрагмент современной схемы СОРа в Музее 35-й батареи. Поскольку германского флота на Черном море не было, под «флотом противника», видимо, подразумевается итальянский флот

Немцы готовят к пуску 30-см реактивные снаряды. Они нанесли большой ущерб полевым укреплениям Севастополя

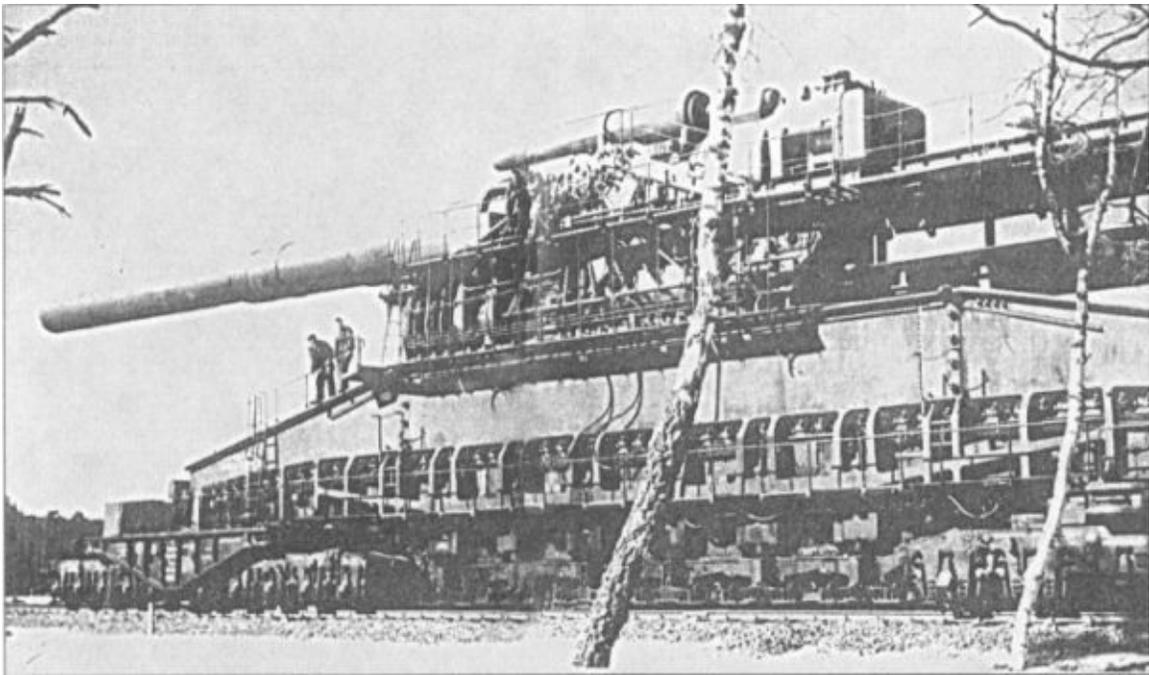
305-мм мортира фирмы «Шкода» 30,5 см Morser (t). Такие монстры стреляли по Севастополю

60-см самоходная мортира «Карл»

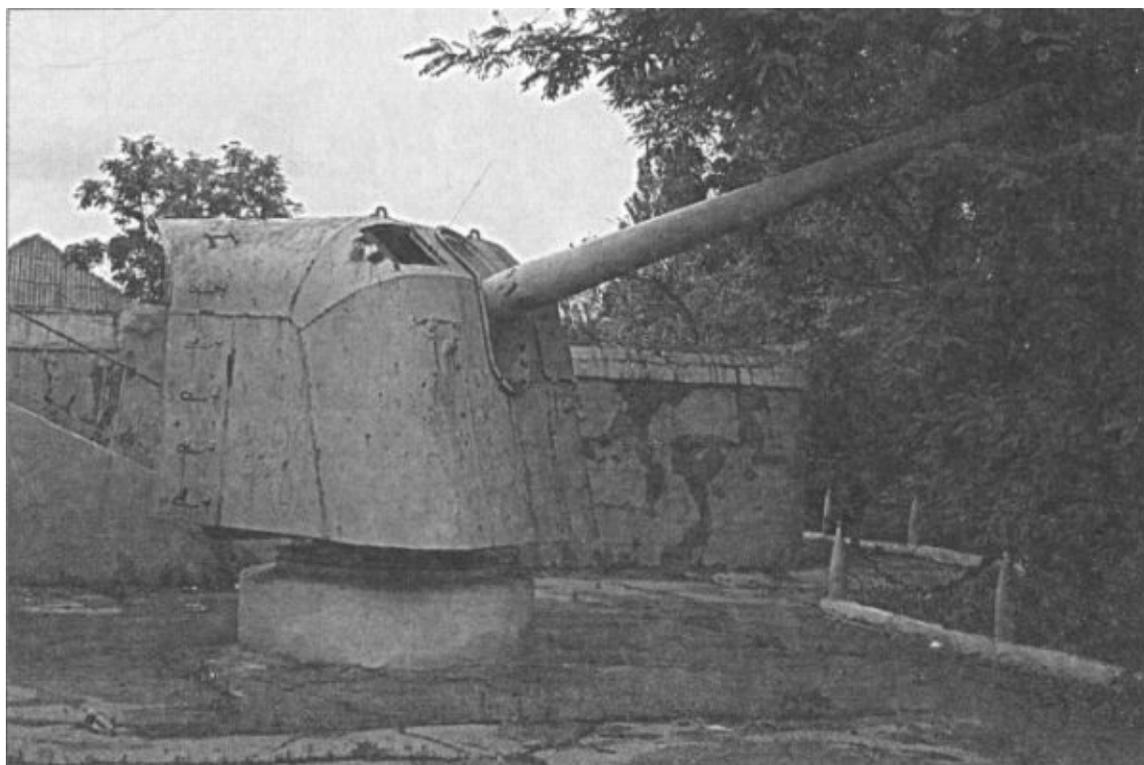
Осколок 60-см германского снаряда

80-см пушка «Дора» под Севастополем. 1942 г. Фото из книги В.Б. Иванова «Тайны Севастополя». Кн. 1. «Тайны земные»

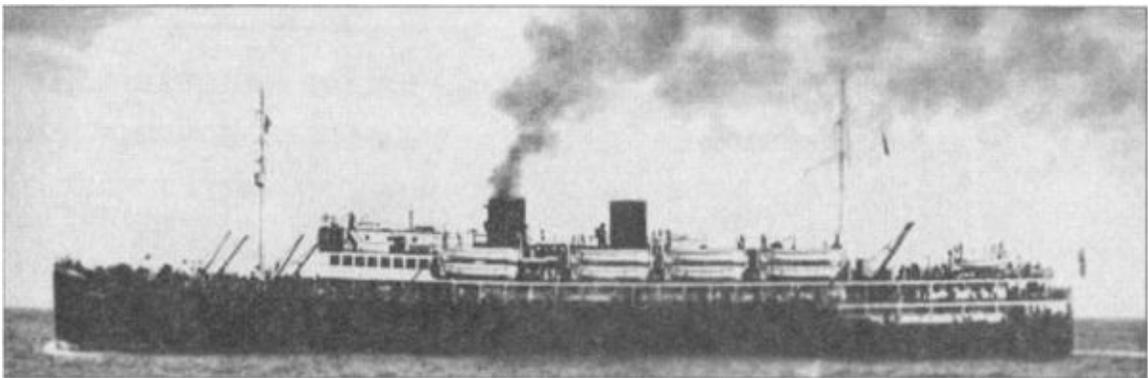
Бронепоезд «Железняков», построенный работникам Севморзавода в октябре 1941 г. В течение 8 месяцев осады города «Железняков» сделал 140 боевых рейсов

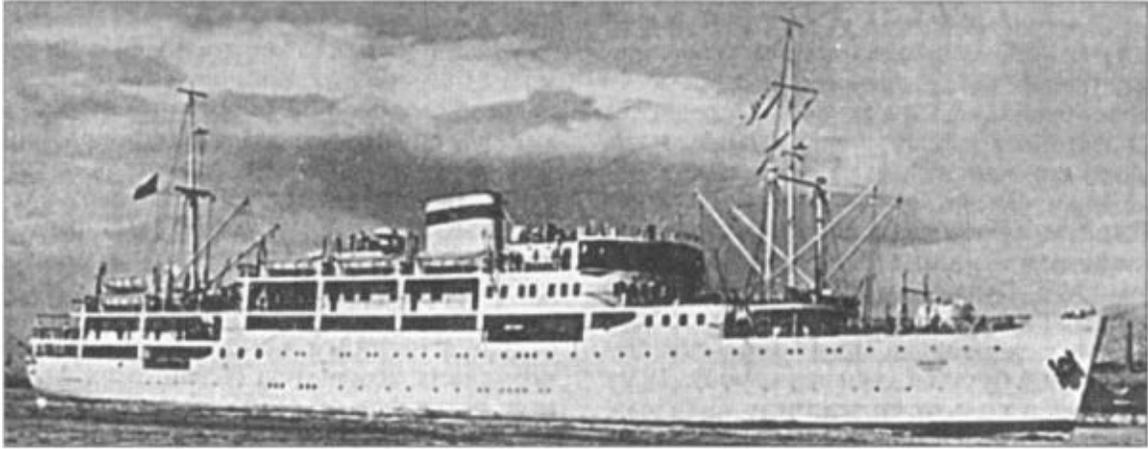
Установка Б-13, снятая с эсминца и установленная в Севастополе в конце 1941 г. (Фото В. Костриченко)

Итальянцы в Форосе спускают на воду катер

Грузопассажирский теплоход «Армения», потопленный германским торпедоносцем He-111 7 ноября 1941 г.

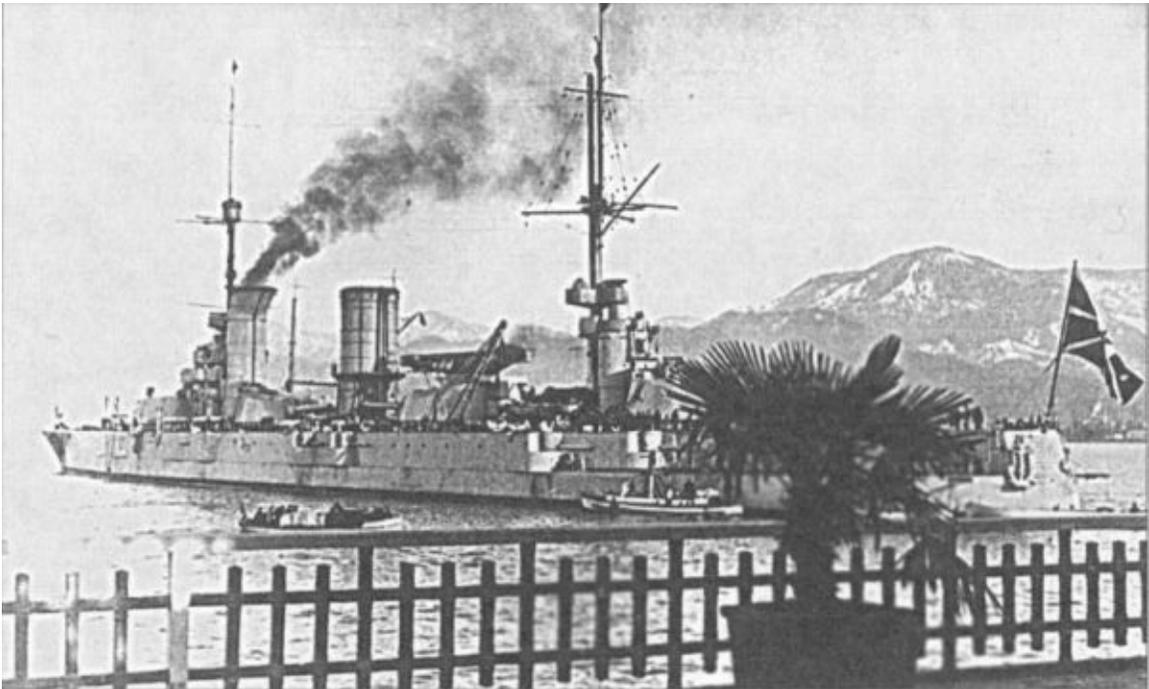
Теплоход «Сванетия», потоплен германской авиацией 14 апреля 1942 г.

Крым. Август 1941 г. Советские танки Т-37 готовятся к встрече итальянского десанта

Трофейный KV-1 — «севастопольский танк». 1942 г.

Линкор «Парижская Коммуна» («Севастополь»), спрятанный Октябрьским в Батуми

notes

Примечания

Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. II. Ч. 1. Балтийский флот 1918–1919 гг. / Под ред. И.В. Егорова и Е.Е. Шведе. Ленинград: Редакционно-издательский отдел Морских Сил РККФ, 1926. С 172.

Платонов А.В. Господство на Черном море 1941–1944 гг. Рукопись, предоставленная автором

Платонов А.В. Указ. соч.

4

Стандартное / полное.

Подробнее см: Широкопад А. Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000.

6

Его качающаяся часть практически не отличалось от 61 К.

Регистровая вместимость судна — объем внутренних помещений торгового судна, исчисляемый в регистровых тоннах (1 рт. = 100 куб. футов = 2,83 куб. м). Различают полную (валовую), или брутто-регистровую вместимость (брт), и чистую, или нетто-регистровую вместимость (нрг). В полную вместимость входят объемы всех судовых помещений, в т. ч. и помещения палубных надстроек, за исключением междудонного пространства и помещений, занятых вспомогательными механизмами, воздушными и световыми шахтами. Брутто-регистровая вместимость служит одним из показателей размеров судна.

Пароход назван в честь лидера японских коммунистов.

Платонов А.В. Господство на Черном море 1941–1944 гг.

Котельников В. Тяжелые истребители Петлякова — «100» / Пе-3 / Пе-Збис // Авиация и космонавтика вчера, сегодня, завтра. № 5–6/1998. С 17.

Котельников В. Указ. соч. С. 18.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 4. М: Воениздат, 1948. С 7.

Название «лимитрофы» произошло от латинского слова «лимитро-фуо (пограничный, питающий). В Западной Европе самостийные государства, созданные на территории бывшей Российской империи, окрестили лимитрофами, по аналогии с государственными образованиями по краям Римской империи.

Колье Р. Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини. М: Центрполиграф, 2001. С 223.

Россия. XX век Документы. 1941 год /Сост. Л.Е. Решин и др. М.:
Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. С. 190.

По другим сведениям, их было 28 тысяч. Кроме собственно англичан там находились элитные части из Австралии и Новой Зеландии, только что прибывшие на театр боевых действий.

Это по британским данным (Ричарде Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939–1945). М.: Воениздат, 1963. с. 212). На самом деле англичане, видимо, сшельмовали и записали в число эвакуированных греков и гражданских лиц.

РГА ВМФ.Ф. р-1678. Оп.1. Д3О. Л.18.

Гидрографические суда «Охотск» и «Океан» построены на заводе им. Марти (№ 194) в Ленинграде. Водоизмещение 3200 т. Размерения: 80,8 — 13,0–5,6 м Паровая машина мощностью 2400 л с Скорость хода максимальная 13,7 уз, экономическая 10 уз. «Охотск» заложен 27.06.1934 г., спущен 1.11.1935 г., вступил в строй 10.04.1937 г. 17.12.1939 г. поставлен на переоборудование в минный заградитель и 31.07.1941 г. вошел в состав Тихоокеанского флота. 27.09.1945 г. разоружен и возвращен в класс гидрографических судов.

РГА ВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1. Л 30. Л. 2—18.

Россия. XX век. Документы, 1941 год Кн. 2. С. 300.

Посты СНИС — посты системы наблюдения и связи. Посты ВНОС — посты воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Сейчас эта бухта называется Севастопольской, а Северной называется маленькая бухта на северной стороне Севастопольской бухты. Я же, вслед за Октябрьским и Манштейном, Северной бухтой буду называть Севастопольскую бухту.

Азаров И. И. Осажденная Одесса. Воениздат, 1962. С. 21.

Россия. XX век. Документы. 1941 год Книга вторая. С. 436.

Там же. С 443.

Обратите внимание: через Дарданеллы, а не Босфор. Ведь основные силы агентурной разведки объективно работали именно на берегах Босфора, а они еще ничего не видели.

Первая итальянская пехотная дивизия прибыла в резерв группы армии Юг 26 июня, а еще две дивизии — 20 и 30 июля. Вместе со второй дивизией прибыло управление «подвижного корпуса».

Платонов А.В. Господство на Черном море, 1941–1944.

Платонов А.В. Господство на Черном море. 1941–1944.

ЦВМА. Ф.216. Д.124867. Ф.2. Д.10453.

Дневниковые записи и переписка Ф.С. Октябрьского приводятся по книге Р.Ф. Октябрьской «Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф.С. Октябрьском».

Единственная румынская подводная лодка находилась в то время в базе. — Прим. авт.

Ничик Ю.М., Захар В.Р. Подводные силы Черноморского флота. Симферополь: Таврида, 2004.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 13.

Цит. по: Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах. Севастополь, 2004. С. 18–19.

Цит. по: Мабир Ж. Война в белом аду. Немецкие парашютисты на Восточном фронте 1941–1945 гг. Мј Изд-во «Эксмо», 2005. С. 6.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.), М. — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С 17–18.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.), М. — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 21–22.

Там же. С. 23.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С. 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М. — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 27.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М. — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 72.

крейсера типа "Червона Украина". — А.Ш.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М. — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 118.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск I. (С 21 июня по 31 декабря 1941 г.). М — Л-д: Управление Военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 149.

Ниних Ю.М., Захар В. Р. Подводные силы Черноморского флота. С 43.

В книге «Подводные силы Черноморского флота» на с 43 атака транспорта «Восток» приписывается подводной лодке М-36.

Три века Российского флота. В трех томах / Под ред. И.В. Касатонова.
СПб; LOGOS, 1996. Т. 3. С. 47–48.

Воронин К.М. На черноморских фарватерах. М: Воениздат, 1989.
С. 10, 11.

Воронин К.И. На черноморских фарватерах. М.: Воениздат, 1989. С. 12.

Ничик Ю.М., Захар В.Р. Подводные силы Черноморского флота. С. 44.

Платонов А.В. Господство на Черном море. 1941–1944.

ЦВМФ. Ф.2. Оп.1. Л.808.

Воронин К. И. На черноморских фарватерах. С 18.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 35.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. (С 1 января по 3 июля 1942 г.). М.: Военмориздат, 1946. С 95.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 256.

Спахов С. Ф., Степанов М. Е. Крейсер «Коминтерн». Киев: Издательство политической литературы Украины, 1990. С. 100–101.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 27.

Там же. Выпуск 1. С. 263.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. С. 276.

Октябрьская Р.Ф. Штормовые голы: Рассказ об адмирале Ф.С. Октябрьском / Лит. обработка А.С. Мареты. Киев: Политиздат Украины, 1989. С. 65.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942), М: Воениздат, 1971 Т. 3. С 296.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 72.

Платонов А. В. Господство на Черном море. 1941–1944.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 74.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 172.

Севастопольский оборонительный район. — А.Ш.

Там же. С. 173.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. С. 53.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 130.

Ванеев ГМ. Севастополь 1941–1942. Киев: Украина, 1995. Кн. 1. С. 22.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 147.

Мощарский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 10–11.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 151.

Первушин А. И. Дороги, которые мы не выбирали. М., 1974. С. 85.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 65–66.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С 205–206.

Басов А.В. Указ. соч. С. 213.

383-й стрелковый полк имел трехбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из личного состава школы НКВД, второй батальон — из состава запасного артиллерийского полка береговой обороны и третий батальон — из состава Объединенной школы младшего комсостава береговой обороны, роты МП ВО и химроты.

172-я стрелковая дивизия состояла из 3-х полков. 514-й полк имел в своем составе два батальона; 1-й батальон был сформирован из остатков 172-й стрелковой дивизии; 2-й батальон укомплектован за счет 3-х рот истребительного отряда и роты 51-го стрелкового полка. Кроме того, в состав этого полка был включен весь гарнизон долговременных оборонительных сооружений, расположенных на его участке. 2-й полк морской пехоты остался в прежнем составе. 3-й полк был вновь сформирован, в составе 3-х батальонов, и получил наименование «1-й Севастопольский стрелковый полк». Первый его батальон был укомплектован за счет первого Перекопского батальона, второй — за счет батальона Дунайской флотилии и третий — за счет батальона Школы оружия Учебного отряда Черноморского флота. Кроме того, на доукомплектование этого полка был обращен батальон Объединенной школы Учебного отряда. 31-й полк имел двухбатальонный состав. Первый батальон был сформирован из остатков этого полка, второй батальон — за счет батальона Азовской военной флотилии.

Так указано в труде «Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны». Книга 1. С. 159. Скорее всего, это 155-мм французские пушки обр. 1877 г., прибывшие из какого-то укрепрайона.

287-й стрелковый полк трехбатальонного состава. Первый батальон был укомплектован за счет батальона запасного артиллерийского полка, второй — за счет 16-го батальона морской пехоты и третий — за счет 15-го батальона морской пехоты. 3-й полк морской пехоты был трехбатальонного состава. На его доукомплектование были обращены батальоны ВВС Черноморского флота, 17-й и 19-й батальоны морской пехоты, батальон Электромеханической школы Учебного отряда и пулеметно-минометный батальон. В составе 7-й бригады морской пехоты было 3 батальона. В качестве 3-го батальона в бригаду был влит 2-й Перекопский отряд

Так в документе, видимо, все-таки 102/60-мм корабельная пушка обр. 1912 г.

161-й стрелковый полк был сформирован из остатков 9 5-й стрелковой дивизии. В качестве 3-го батальона в этот полк был включен 18-й батальон морской пехоты. 241-й стрелковый полк состоял из двух батальонов. Первый батальон был сформирован за счет батальона Электромеханической школы, второй — за счет батальона школы запаса.

Балакин С.А. «Гремящий» и другие. Эскадренные миноносцы проекта 7 // Морская коллекция № 2/1996. С. 23.

Боевая летопись Военно-морского флота. 1941–1942. М.: Воениздат, 1983. с. 249.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 209.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. С. 215.

Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 246–247.

Там же, С. 248–249.

Крейсер «Червона Украина» первым из кораблей эскадры 8 ноября открыл огонь по германским войскам, наступавшим на Севастополь.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре Выпуск 1. С. 230.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 232–233.

«Оборона Одессы» (ВИО ГШ КА 1943) и ее переделанный вариант в «Сборнике военно-исторических материалов ВОВ», выпуск 14.

Батов П. И. В походах и боях. С. 117.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 203.

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М.: Изографус; Эксмо, 2003. С. 253–254.

Савилов В. Бронетехника в боях за Крым (1941–1942 гг.): Сражение за Крым 1941 // «Military Крым» № 8/2008.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 93.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 266.

22-я танковая дивизия сформирована в сентябре 1941 г. в составе 204-го танкового полка и двух пехотных полков. До 7 октября 1942 г. ею командовал генерал-лейтенант В. Фон Апель. К началу 1942 г. дивизия находилась в резерве группы армий «Юг».

Манштейн Э. Утерянные победы. С 268.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 141–142.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 203.

Манштейн Э. Утерянные победы. С 274.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М: Воениздат, 1993. С 256.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 274.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны.
Кн. 2. С. 158.

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. С, 86.

Почему авторы назвали 22-ю танковую дивизию «отдельной», можно только гадать. То ли чтобы блеснуть терминологией, смысла которой не понимают, то ли с умыслом, чтобы объяснить ее отсутствие в составе 11-й армии Манштейна.

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым Сентябрь 1941 — июль 1942 г. С 79.

Будённый С.М. Отчет в ГШ РККА. Отд ЦВМА. Ф. 83. Д. 488.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. Поти, 1943. С. 26.

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. Поти, 1943. С. 27–29.

Полковник Лобанов в «Военно-историческом журнале» № 10/2007 назвал сведения о наличии в 1950-х годах 76-мм снарядов, выпущенных до 1918 г., «откровенной дезинформацией». Предложить бы ему посмотреть в секретное издание Министерства вооруженных сил СССР 1949 г. «Боеприпасы к 76-мм орудиям». На странице 34: «76-мм фугасная старая граната русского образца (Ф-354) представляет собой снаряд, относящийся к старым запасам. Эта граната в настоящее время применяется для стрельбы из 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. и предназначается для поражения живых целей осколками и силой газов разрывного заряда». На странице 51: «Пулевая шрапнель (Ш-354) предназначается для стрельбы по открытым и живым целям как на небольшие (в случае самообороны батареи), так и на средние (до 4 км) дальности стрельбы». Тут речь идет о шрапнели дореволюционного типа с 22-секундной трубкой. Кроме того, я видел несколько Таблиц стрельбы издания 1948–1952 гг., и опять же по старым снарядам. Незабвенный кот Бегемот говаривал в таких случаях: «Поздравляю вас соврамши, господин Лобанов».

Итоги работы артотдела за два года Отечественной войны. Служебный отчет штаба Черноморского флота. С. 29.

Там же.

Октябрьская Р. С. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф.С. Октябрьском. С. 100.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 266.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С. 222.

Ванеев Г.И. Севастополь. 1941–1942. Хроника героической обороны.
Кн. 1. С. 67.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 238.

Материалы сайта <http://www.fleetaebastopol.ua>

Тральщик Т-408 «Якорь» имел бортовой номер 23, поэтому в ряде источников он фигурирует как ТЩ-23.

126

1 кабельтов = 185,2 м.

Бережной С. С. Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945. Справочник.
М.: Воениздат, 1988.

В документах упоминается как «Совнефть».

не ясно, о чем идет речь: о бомбардировщиках или истребителях Пе-3, поскольку на Черном море периодически бомбардировщики Пе-2 использовались в качестве истребителей и, видимо, командование Черноморского флота не видело особой разницы между Пе-2 и Пе-3. — А.Ш.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 134.

Речь идет о транспортах, снабжавших Севастополь и потопленных в открытом море или в севастопольских бухтах.

Абрамов Б. Керченская катастрофа 1942. М: Яуза; Эксмо, 2006. С 144.

Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 146–147.

Там же. С. 149.

Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М; Яуза; Эксмо, 2006. С. 149.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 280, 283.

Колычев В., Восипчук И. Слухи о подводных свалках химического оружия в Черном море подтвердились // «Факты», март 2000 г.

НОВ — нестойкие ОВ; СОВ — стойкие ОВ.

Рецептура ОВ, проходивших под наименованиями Р-12, Р-15, СОВ, НОВ и т. п., секретна до сих пор.

Деятельность Артуправления ВМФ в 1941–1945 гг. (Отчет). В/ч 42888.

Золотарев В.А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота 1914–1941. М: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. С 516.

По другим данным 3 июня.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 282–283.

Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942. М.: Яуза; ЭКСМО, 2007. С 329–331.

Боргезе В. Десятая флотилия. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. с 197.

Там же.

Там же.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 283.

Боргезе В. Десятая флотилия. С 197–198. Фраза, взятая в кавычки, заимствована Боргезе из дневника командира колонны Ленци.

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 198.

Там же. В кавычках — из дневника Ленци.

Всего с 21 сентября 1942 г. по 13 апреля 1944 г. подводная лодка «С-31» выпустила 22 торпеды, но достоверно потопила лишь десантную баржу «F-58 °С» (9 декабря 1943 г. с дистанции 2,5 каб., т. е. 457 м).

1942 г. — А.Ш.

Каша из кукурузной муки (мамалыга). — А.Ш.

Боргезе В. Десятая флотилия. С. 202–203. В кавычках — из дневника Ленци.

Справочник потерь военно-морского и торгового флотов Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959. С. 101.

Я даю первоначальные названия кораблей, дабы не путать читателя революционными названиями «Борец за свободу» и т. д.

Война в Корее 1950–1953 гг. СПб., 2000.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1958. Кн. I. С. 169.

Партизанами они считались формально, на самом деле ядро их составляли сотрудники НКВД

Батарея № 16 расположена недалеко от современного шоссе Севастополь — Кача, в 100 м от АЗС, тем не менее она абсолютно пустынна, там практически нет мусора и других следов жизнедеятельности человека, которыми так изобилуют остальные батареи Севастополя. Я сфотографировал жену у выхода из подземного хода батареи. Проявив пленку в Москве, к великому своему удивлению мы обнаружили на фото в темноте подземного хода розовое полупрозрачное изображение, напоминающее человеческое лицо. Объяснить это дефектом пленки или оптическим эффектом не смогли даже профессионалы. Фото «привидения» опубликовано в журнале «Чудеса и приключения» (№ 4/2004).

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. Кн. I. С 203,205.

Северо-Кавказский фронт образован 20 мая 1942 г. после упразднения Северо-Кавказского направления и расформирования Крымского фронта. В состав Северо-Кавказского фронта вошли 44-я, 47-я и 51-я армии, в оперативное подчинение — СОР, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская ВМБ.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 248.

Историческая справка в/ч № 51353.

Борьба за Севастополь 1941–1942 гг. Дополнение к докладным запискам об иностранных укреплениях Инспектора инженерных и крепостных войск вермахта от 1 апреля 1943 г. Берлин, 1943. С. 52–54.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 298.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре, Выпуск 2. С. 298.

С помощью таких лодок, принадлежащих саперным частям, германская пехота форсировала Днепр и ряд других рек.

Невзоров Б.И. Май 1942-го: Ак-Моной, Еникале. «Военно-исторический журнал» № 8/1992. С. 32–42.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 291.

Старые редуты Крымской войны 1854–1855 гг.

Там же. С. 293.

Цит. по: Октябрьская Р. Ф. Штормовые годы: Рассказ об адмирале Ф. С. Октябрьском.

16-я ложная батарея находилась на берегу моря в 3,5 км от 3 5-й батареи в сторону м Фиолент. При ее создании были использованы бетонные укрепления дореволюционной береговой батареи.

Цит. по: Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945.
С 180.

Цит. по: Маношин К.С. Героическая трагедия. Симферополь: Таврида, 2001. С 58.

Там же. С 59.

Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282.

Воронов В.И. Последняя ночь Херсонеса. М.: ООО «Научно-издательский центр «Отечественная военная история», 2004. С. 169–170.

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 78. (П. Иноземцев. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 363).

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 80 (Зинченко А.И. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 169.)

Маношин И. С. Героическая трагедия. С. 83. (Лощенко А. И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282).

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 120–121. (Пискунов А-И. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 40.).

Маношин И.С. Героическая трагедия. С 122.

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 123. (Карякин ИМ. Воспоминания. Фонд музея Краснознаменного Черноморского флота. Д. НВМ. Л. 252–255.)

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 132. (Заруба И.А. Воспоминания. Госархив Крыма. Ф. 849. Оп. 3. Д. 282. Л. 162.)

Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 73.

Как уже говорилось, немцы и итальянцы называли башенные батареи № 30 и № 35 фортами Максим Горький I и Максим Горький II. — А. Ш.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 334.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. С 12.

Итальянский королевский флот.

Если бы наши борзописцы посмотрели в Энциклопедию и просветились бы насчет того, что стервятники нападают только на падаль, то, думаю, они придумали бы иное ругательство для германских самолетов.

Цит. по: Маношин И.С. Героическая трагедия. С. 51.

Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 365.

Керель П. Восточный фронт. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. Кн. I. С.461.

С отдыха в Румынии. — А.Ш.

Манштейн Э. Утерянные победы. С. 318.

Ванеев Г.И. Севастополь. 1941–1942. Кн. 2. С. 249.

Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Сост. И.П. Кондранов, А.А. Степанова. Симферополь: Таврия, 1973. С 169.

Манштейн Э. Утерянные победы. С 297.

РГА ВМФ. Ф. 10. Д. 1951. Ф. 3. Д. 21317.

205

РГА ВМФ. Ф. 1080. Оп. 1. Л 1.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 3. С 4 июля по 31 декабря 1942 г. М.: Воениздат, 1948. с 399–400.

По данным: Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942.
М: Яуза; ЭКСМО, 2007. С. 294–295.